

ваетъ все это своими разсужденіями и оцѣнками и, такимъ образомъ, получается историческое изслѣдованіе. Сочинивъ пять, десять, двадцать такихъ изслѣдованій, родовитый историкъ ставитъ свою кандидатуру въ Академію, гдѣ большинство принадлежитъ такимъ же ученымъ, какъ и онъ, и тамъ успокаивается на лонѣ «безсмертныхъ».

Но не слѣдуетъ думать, что труды такихъ историковъ не имѣютъ абсолютно никакого научнаго значенія и не представляютъ большого интереса. Конечно, очень рѣдко изъ научныхъ лабораторій Сень-Жерменскаго предмѣстья выходятъ труды, дѣлающіе эпоху въ наукѣ, открывающіе новые горизонты или озаряющіе яркимъ свѣтомъ какую-нибудь давно прошедшую эпоху. Но зато эти работы имѣютъ часто другое достоинство: онѣ популяризируютъ уже достигнутые исторической наукой результаты въ массахъ и сообщаютъ множество интересныхъ фактовъ, изложенныхъ при этомъ въ живой, легкой и подчасъ пикантной, чисто-французской формѣ.

Вышеуказаннымъ происхожденіемъ и социальнымъ положеніемъ автора объясняется его манера писанія. Читателя поражаетъ обнаруживаемый авторомъ полнѣйшій индифферентизмъ къ описываемымъ событіямъ, его «жманфишизмъ», свойственный пресыщеннымъ, «блазированнымъ» французамъ эпохи декаданса и граничащій подчасъ съ прямымъ издѣвательствомъ надъ людьми и фактами, которые совершенно не заслуживаютъ такого отношенія. Съ другой стороны.

мы замѣчаемъ въ немъ прямую, нескрываемую вражду къ историческимъ дѣятелямъ крайнихъ взглядовъ и радикальнаго направленія, какъ, на примѣръ, къ революціонныхъ женщинамъ эпохи Великой Революціи, къ Бланки, къ женщинамъ Коммуны и т. п. Само собой разумѣется, что, вслѣдствіе этого, историкъ, привсемъ желаніи быть строго объективнымъ, невольно впадаетъ въ нѣкоторое искаженіе исторической истины, даетъ изображаемымъ событіямъ неправильное освѣщеніе, подчеркиваетъ факты мало значительные и въ то же время умалчиваетъ о другихъ фактахъ, болѣе важныхъ. И не только потому, чтобы онъ желалъ скрыть ихъ отъ читателя; нѣтъ, благодаря своей точкѣ зрѣнія, своему міросозерцанію, онъ просто не замѣчаетъ этихъ фактовъ, они оказываются внѣ поля его зрѣнія: такъ, на примѣръ, Вилье почти ничего не говоритъ о взглядахъ на женскій вопросъ утопическихъ социалистовъ, фурьеристовъ, икарійцевъ, сень-симонистовъ и пр. Особенно поражаетъ умолчаніе о дѣятельности сень-симонистовъ, которые, какъ извѣстно, особенно рѣзко поставили вопросъ о женской эмансипаціи и несомнѣнно дали ему колоссальный толчекъ. Вилье упоминаетъ разъ о Консидеранѣ, разъ о Кабе и этимъ ограничивается. А между тѣмъ онъ съ нѣсколькими утомительной подробностью останавливается на деталяхъ движенія въ провинціи во время Великой Революціи. Получается нѣкоторая непропорціональность матеріала, оправдываемая, впрочемъ, тѣмъ, что авторъ поставилъ себѣ специальную цѣль изученія не

феминизма вообще, а женских клубовъ и движенія амазонокъ.

Другимъ недостаткомъ разсматриваемаго сочиненія является отсутствіе у автора классової точки зрѣнія на историческія событія. Правда, авторъ иногда подходитъ къ этому методологическому приему, но быстро оставляетъ его, въ результатѣ чего у него сплошь и рядомъ получается нѣкоторая путаница и неясность. Говоря о женскомъ движеніи, онъ имѣетъ въ виду это движеніе вообще и не старается выдѣлить изъ общаго потока его аристократической, буржуазной и пролетарской струи въ отдѣльности. Читателю самому приходится рѣшать, почему въ одной и той же мѣстности въ разное время, а иногда даже и въ одно и то же время женщины высказывались и дѣйствовали далеко неодинаково; ему приходится самому прослѣдить или догадаться, что въ данномъ случаѣ онъ имѣетъ дѣло съ выраженіемъ идей и стремленій совершенно различныхъ классовъ съ разными или даже противоположными интересами.

За всѣмъ тѣмъ предлагаемая книга представляетъ значительный интересъ для русской читающей публики. Во-первыхъ, потому, что авторъ разрабатываетъ въ ней тему почти совершенно новую для русскихъ читателей да и вообще сравнительно мало разработанную въ исторической наукѣ. Существуетъ, конечно, множество монографій объ отдѣльныхъ эпизодахъ женскаго движенія въ революціонныя эпохи, есть нѣсколько, довольно устарѣлыхъ, впрочемъ, сводокъ. Но тѣмъ не менѣе, всякую новую попытку

въ этомъ направленіи можно только привѣтствовать, тѣмъ болѣе, что за послѣднія 30—40 лѣтъ собрана колоссальная масса сырого матеріала относительно Великой Революціи, особенно относительно ея проявленій въ провинціи, исторіи 1848 г. въ деталяхъ только теперь разрабатывается, а къ основательной разработкѣ исторіи Коммуны почти еще не приступлено. Поэтому всякая сводная работа въ этой области можетъ быть только полезна, конечно, при надлежащей объективности и достаточно широкомъ использованіи накопившагося матеріала.

Во-вторыхъ, предлагаемая работа Вилье интересна въ томъ отношеніи, что она сообщаетъ читателю массу фактовъ, которые и сами по себѣ, въ отдѣльности взятые, чрезвычайно любопытны и характерны, а взятые въ цѣломъ, даютъ довольно яркую и красочную картину политическаго движенія женщинъ, особенно въ эпоху Великой Французской Революціи, чаиболѣе полно разработанную авторомъ. Вилье самъ называетъ въ одномъ мѣстѣ свою книгу анекдотической исторіей женскаго движенія: какъ къ таковой мы и должны къ ней относиться, не предъявляя къ ней неумѣстныхъ требованій оригинальнаго научнаго изслѣдованія. Характерной чертой и, по нашему, достоинствомъ этой работы являются многочисленныя выдержки изъ подлинниковъ и документовъ эпохи, дающія возможность читателю ознакомиться съ мышленіемъ, манерой выражаться и обстановкой изображаемаго періода и, вообще, придающія изложенію своеобразный *couleur locale*. Освѣщеніе со-

бытій, оцѣнка историческихъ дѣятелей, отношеніе автора къ событіямъ для русскаго читателя совершенно не обязательны; онъ преспокойно отброситъ ихъ въ сторону, какъ отбрасываютъ шелуху, и извлечетъ изъ всего лишь драгоценное зерно фактовъ, которые переработаетъ и оцѣнитъ по своему.

Книга Вилье состоитъ изъ трехъ частей. Первыя 7 главъ, занимающія почти $\frac{3}{4}$ всей книги, трактуютъ о женскомъ движеніи въ эпоху Великой Революціи, 3 главы посвящены Революціи 1848 г. и лишь одна глава Коммунѣ. Такое непропорціональное отношеніе отчасти объясняется самимъ характеромъ имѣвшагося въ распоряженіи автора матеріала, а отчасти и самимъ существомъ дѣла. Въ то время, какъ въ движеніи Коммуны, носившемъ по преимуществу социальный характеръ, специфически женскій, феминистскій элементъ игралъ ничтожную роль, въ эпоху Великой Революціи, впервые пробудившей всю французскую націю къ сознательной политической жизни, всколыхнувшей всѣ слои народа и впервые толкнувшей также и женщину на арену общественной дѣятельности, женскій вопросъ занималъ болѣе видное мѣсто, тѣмъ болѣе, что тогда рѣчь шла о первомъ провозглашеніи правъ женщины, о первомъ утвержденіи ея права на самостоятельность. Въ эпоху Коммуны о такихъ вещахъ уже не приходилось спорить: онѣ въ значительной мѣрѣ вошли въ общественное сознание.

Великая Революція впервые поставила вопросъ о женскомъ равноправіи. Въмѣстѣ съ

тѣмъ теперь впервые женщины принимаютъ участіе въ политической борьбѣ не въ качествѣ отдѣльныхъ единицъ, героинь вродѣ Жанны д'Аркъ и Жанны Гашеть, а въ массѣ, какъ опредѣленная социальная категорія. Читатель найдетъ въ книгѣ Вилье относительно этого участія довольно много поучительныхъ фактовъ, которые, не смотря на нѣсколько ироническое и насмѣшливое отношеніе автора, говорятъ довольно краснорѣчиво о серьезной роли, сыгранной тогда женщинами. Особенно велико было значеніе общества «Революціонныхъ Гражданокъ», которымъ даже принадлежала, если и не инициатива, то важная роль въ цѣломъ рядѣ крупныхъ революціонныхъ выступленій. Все это было тогда слишкомъ большимъ новшествомъ, вызывавшимъ отрицательное отношеніе не только среди консервативныхъ и умѣренныхъ слоевъ общества, но и среди крайнихъ революціонеровъ, какъ якобинцы и даже гебертисты. Используя женское движеніе, мужчины, придравшись къ нѣкоторымъ его крайностямъ, поспѣшили осудить его. А реакція, какъ водится, примирила ихъ всѣхъ, сдѣлавъ невозможнымъ существованіе какъ мужскихъ, такъ и женскихъ клубовъ.

Выдвинутыя тогдашнимъ женскимъ движеніемъ требованія отличались неопредѣленностью: они провозглашали лишь право женщины на участіе въ политической и общественной жизни страны. Но уже тогда начало намѣчаться раздѣленіе, которое впоследствии, въ 1848 и въ 1871 г., приняло болѣе опредѣленную форму и дало начало двумъ типамъ женскаго движе-

нія — буржуазному феминизму и соціалістическому женскому движенію. Внимательный читатель найдетъ относительно этого достаточное число указаній въ книгѣ Вилье.

Во время Великой Революціи выдвинулся по преимуществу вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ безъ различія классовъ, женщинъ какъ таковыхъ, вопросъ о политическомъ равноправіи женщинъ, о правѣ ихъ участвовать въ политической и общественной жизни страны независимо отъ ихъ соціального положенія. Революція 1848 г. выдвинула на первый планъ соціальный вопросъ, вопросъ объ организаціи труда, о правѣ на трудъ, т. е. вопросы по преимуществу пролетарскіе. Соотвѣтственно этому, на сценѣ появляется также и женскій соціальный вопросъ: женщины работницы, вслѣдъ за своими братьями, выдвигаютъ также вопросъ объ организаціи женскаго труда, о женскихъ артеляхъ и женскихъ національныхъ мастерскихъ. Теперь уже рядомъ съ буржуазнымъ феминизмомъ, представительницею котораго была г-жа Нибуайе (см. главу IX, а также XI), возникаетъ соціалистическое женское движеніе, однимъ изъ первыхъ апостоловъ котораго была интересная личность, Жанна Деруэнъ. Слѣдуя примѣру мужчинъ, женщины выдвигаютъ теперь опредѣленное политическое требованіе всеобщаго избирательнаго права. И весьма характерно, что умѣренныя буржуазныя феминистки, какъ Нибуайе, осудили это требованіе, какъ «неумѣстное и преждевременное». Уже тогда, при вполнѣ намѣтившемся расколѣ между буржуазіей и проле-

таріатомъ, умѣренныя феминистки стали на сторону буржуазіи, хотя это и связано было съ отказомъ отъ ихъ специфическихъ женскихъ требованій.

Революціонныя эпохи отличаются замѣчательнымъ свойствомъ: онѣ быстро дѣлаютъ логическіе выводы изъ поставленныхъ тезисовъ. Одновременно съ выставленіемъ требованія всеобщаго избирательнаго права возникаетъ первая идея женской кандидатуры. Любопытно, что эта идея была пущена именно умѣренной феминисткой, г-жой Нибуайе: извѣстно, что въ революціонные періоды самые умѣренные люди становятся крайними (надолго ли, это другой вопросъ). Жоржъ-Зандъ отказалась отъ выставленія своей кандидатуры, высказавъ при этомъ несовѣмъ передовыя мысли; знаменитая революціонерка, благородная Полина Роланъ, также отказалась выступить кандидаткой въ парламентъ по другимъ соображеніямъ, носящимъ скорѣе анархической или бойкотистской характеръ. Но въ слѣдующемъ, 1849 г., Жанна Деруэнъ рѣшилась на этотъ смѣлый шагъ и выставила свою кандидатуру, что дало поводъ неисправимому реакціонеру Прудону высказать лишнюю глупость. Своимъ заявленіемъ, что для него женщина-законодатель представляетъ такую же дикость, какъ и мужчина-мамка, онъ только показалъ, что не возвышается надъ самымъ вульгарнымъ мѣщанскимъ міросозерцаніемъ, которое придаетъ соціальнымъ установленіямъ, временнымъ, преходящимъ человѣческимъ отношеніямъ неизмѣнный характеръ явленій природы.

XII

Женскія мастерскія, о которыхъ Вилье повѣствуетъ съ нѣкоторой неумѣстной игривостью, оказались такимъ же обманомъ, какъ и національныя мастерскія для мужчинъ. Отвѣчая отъ имени Временнаго Правительства женской делегации, явившейся въ Ратушу требовать предоставления женщинамъ избирательнаго права, Арманъ Марра такъ же дурачилъ женщинъ, какъ онъ и его коллеги дурачили рабочихъ, ложными посулами. Уже тогда стало выясняться, что дѣйствительное полное и окончательное рѣшеніе такъ называемаго женскаго вопроса тѣснѣйшимъ образомъ связано съ освобожденіемъ трудящихся вообще. Тогда же лишній разъ выяснилось, что въ нашу эпоху классовою борьбою между пролетариатомъ и буржуазіей подавленіе рабочаго движенія и торжество буржуазной реакціи не благоприятствуютъ постановкѣ даже чисто-буржуазныхъ требованій узкаго феминизма.

Движеніе Коммуны вызываетъ еще болѣе враждебное отношеніе нашего автора, чѣмъ даже движеніе революціонныхъ женщинъ въ 1793 г. и въ 1848 г. И это вполне понятно: во время Коммуны пролетариатъ впервые, хотя и на очень короткое время, захватилъ въ свои руки политическую власть и этимъ напомнилъ старому обществу о близости неминуемой его гибели. Когда Вилье рассказываетъ о разстрѣлахъ женщинъ версальскими солдатами, то читатель видитъ, что симпатія автора отнюдь не на сторонѣ жертвъ озвѣрѣлой солдатчины. Мало того, въ этомъ отношеніи онъ доходитъ до Геркулесовыхъ столбовъ, повторяя злодѣйскую

фразу Александра Дюма-сына, что «самка коммунара похожа на женщину только тогда, когда она зарѣзана». И это говорится про тѣхъ чистыхъ, благородныхъ и героическихъ парижскихъ женщинъ, которыя безъ ропота вынесли осаду и бомбардировку Парижа, ужасную голодную и холодную зиму 1870—71 г. и своимъ примѣромъ, своей кротостью и самопожертвованіемъ поддерживали духъ своихъ мужей, отцовъ и братьевъ. Но онѣ совершили ужасное преступленіе: эксплуатируемыя вдвойнѣ, и какъ работницы, и какъ женщины, онѣ посмѣли поддержать протестъ своихъ мужей и братьевъ противъ колоссальной соціальной несправедливости, которою характеризуется современное капиталистическое общество. И за это нѣтъ имъ прощенія ни передъ судомъ кровожадныхъ усмирителей, ни передъ болѣе позднимъ судомъ буржуазнаго и реакціонернаго историка.

Насколько отсутствіе объективизма пагубно отражается на историческомъ изслѣдованіи, видно между прочимъ изъ того, что глава о Коммунѣ самая слабая во всей интересной книгѣ Вилье.

Повторяемъ, несмотря на всѣ указанные недостатки, предлагаемая книга заслуживаетъ вниманія русской читающей публики. Она интересна не только, какъ оригинальная глава изъ исторіи феминизма и женскаго движенія, но и какъ важный матеріалъ для исторіи и въ частности, для исторіи революціоннаго движенія вообще.

Ю. М. Стекловъ.

Глава I.

Первыя политическія требованія французскихъ гражданокъ.

ФЕМИНИЗМЪ КОНДОРСЕ.

Петиціи женщинъ въ представительныя собранія. —
Олимпія де Гужъ.

„Творецъ взялъ отъ тѣла Адамова ребро, а не клочекъ языка или какую-нибудь другую одушевленную или чувствительную часть. Я думаю, что этимъ онъ хотѣлъ дать понять женщинамъ, что она должна подражать свойству костей, которыя не говорятъ и даже не чувствуютъ“.

Отецъ Динэ,
исповѣдникъ Людовика XIII.

Съ исторической, равно какъ съ соціальной точки зрѣнія, клубъ представляетъ англійскій институтъ; и въ ту эпоху, когда во Франціи едва ли даже подозрѣвали о существованіи клубовъ, въ Великобританіи ихъ уже насчитывалось огромное множество въ теченіе полутора вѣковъ.

Первымъ парижскимъ клубомъ, дѣйствительно заслуживающимъ этого имени, былъ, повидимому, *Французскій Клубъ*, открытый въ апрѣлѣ 1782 г. нѣкимъ Боие на улицѣ Сентъ-Никезъ. Три года спустя, герцогъ Орлеанскій, большой поклонникъ всѣмъ англійскимъ модъ, въ свою очередь основалъ *Бостонскій Клубъ* или *Клубъ Американцевъ*; съ

тѣхъ поръ, отчасти благодаря вліянію моды, въ Парижѣ организовалось нѣсколько клубовъ. А затѣмъ, благодаря Революціи, которая видѣла въ нихъ въ извѣстномъ смыслѣ воплощеніе свободы мнѣній, они размножились настолько, что въ началѣ 1792 г. ихъ насчитывалось въ Парижѣ около пятисотъ!

Въ 1784 году мы впервые встрѣчаемъ на французскомъ языкѣ сочетаніе этихъ двухъ звучныхъ словъ: *Дамскій Клубъ*; правда, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ заглавіемъ комедіи, но это достаточно ясно показываетъ, что идея носилась уже въ надушенной атмосферѣ будуаровъ, за девять лѣтъ до основанія общества *Революціонныхъ Гражданокъ*.

Точное заглавіе этой пьесы таково: *Дамскій Клубъ или возвращеніе Декарта*. Экземпляръ, имѣющійся въ Національной Библіотекѣ, приписываетъ это сочиненіе госпожѣ де Жанлисъ: напротивъ, г. Дино утверждаетъ, что авторомъ его является Константъ д'Орвилъ. Второе изданіе этой комедіи, передѣланной въ двухактную пьесу, появилось въ 1787 г. въ Авиньонѣ подъ заглавіемъ: *Дамскій Клубъ или девъ партіи*¹⁾.

¹⁾ Этотъ сюжетъ неоднократно затрагивался въ театральныя пьесы; укажемъ: le Cercle des Femmes (1656) и l'Académie des Femmes (1661) Шалюзю; les Femmes politiques гражданина Госса (годъ VII), le Club des Maris et le Club des Femmes (1848) Клервиля и Кордье, и le Vrai Club des Femmes (1848) Мери, откуда мы для образца приводимъ нѣсколько стиховъ:

Женщина свобода здѣсь даже до вдовства...

Клубы отдѣлили женъ отъ мужей...

Но, когда женщина говоритъ, мужчина долженъ слушать!

Изъ этого неудобочитаемаго произведенія, которое французскіе артисты, несмотря на настоянія актера Моле, въ послѣдній моментъ благоразумно отказались играть, можно извлечь только одно опредѣленіе: «Женскій Клубъ это святилище, которое преступленія мужчинъ воздвигли противъ нихъ», а также слѣдующее довольно забавное описаніе одного изъ тѣхъ мужскихъ клубовъ, о которыхъ графъ де Сегюръ замѣтилъ въ эпоху ихъ появленія: «Они выгодны для политики, но вредны для общества. Эти господа въ складчину нанимаютъ большія, красивыя и хорошо обставленныя квартиры и устраиваютъ тамъ клубы, гдѣ они собираются, и откуда мы исключены, гдѣ они обѣдаютъ, занимаются политикой и сплетничаютъ; гдѣ они играютъ, ругаются, надѣляются другъ друга знаками уваженія, предназначенными ими для насъ, издѣваются надъ нашими слабостями, восторгаются своимъ коварствомъ и взаимно поддерживаютъ другъ друга въ великомъ искусствѣ обманывать своихъ женъ, и откуда выходятъ только для того, чтобы отдать намъ время, оставляемое имъ скукой, и принести къ нашимъ ногамъ невинность своихъ принцессъ».

Та же антипатія къ мужскимъ клубамъ видна въ *Протестъ французскихъ женщинъ противъ засѣданія мнимо-Генеральныхъ Штатовъ*: «Мужчины зарываются въ эти несчастные клубы, гдѣ безпокойное состояніе людей, обдѣленныхъ природою, ропотъ обманутыхъ честолюбцевъ, желчный характеръ меланхоликовъ разгорячаютъ воображеніе, легко поддающееся воспламенѣнію... Они

возвращаются изъ этихъ тайныхъ собраній съ мрачнымъ взоромъ и озабоченнымъ видомъ...»

Болѣе галантные, чѣмъ парижане, обитатели Ажана допускали прекрасный полъ въ настоящій клубъ, основанный ими въ 1775 году, подъ названіемъ *Увеселительнаго Общества*. Статья XI ихъ устава гласила: «Когда въ Общество явятся дамы, господу директору и каждый изъ членовъ постараются проявить по отношенію къ нимъ подобающую любезность»¹⁾.

Несмотря на этотъ примѣръ, смѣшанные клубы начали развиваться только съ конца 1790 года. Приведемъ для памяти выработанный въ 1788 году проектъ *Академіи Модъ*, которая должна была состоять изъ 25 мужчинъ и 25 женщинъ, и напомнимъ о существованіи различныхъ академическихъ обществъ, вродѣ *Бретонскаго патриотическаго общества*, основаннаго въ 1781 году въ замкѣ Кералье, въ Сарзо (Морбиганъ), Жоржеленомъ и графомъ Сераномъ. Этотъ «храмъ отечества», который можно скорѣе назвать академіей, чѣмъ клубомъ, допускалъ женщинъ въ число своихъ членовъ, и графиня Нантуа, принадлежавшая къ его составу, была провозглашена бретонской музой.

Вскорѣ политическіе споры убили послѣдніе литературные салоны, и женщины потеряли даже то незначительное вліяніе, которое онѣ сумѣли еще сохранить. Поэтому онѣ играли довольно незамѣтную роль въ великомъ движеніи, приведемъ къ Революціи, если не считать нѣсколькихъ вспы-

¹⁾ Habasque, Un cercle à Agen.

шекъ, какъ на примѣръ въ Греноблѣ. Мужчины не преминули воспользоваться этимъ индифференцизмомъ и, предоставляя себѣ всѣ права, эгоистически забыли предоставить пользованіе ими своимъ злосчастнымъ подругамъ.

Впрочемъ, социологи конца XIX вѣка провозгласили неприкосновенный догматъ мужского превосходства и въ большинствѣ случаевъ, подобно Руссо, полагали, что женщины пригодны только къ ухаживанію за нами, и способны лишь насъ мучить.

Среди видныхъ дѣятелей Революціи одинъ только Кондорсе подъ вліяніемъ своей жены рѣшился во имя справедливости высказаться за предоставленіе женщинамъ нѣкоторыхъ политическихъ правъ. Въ 1788 году въ своихъ *Письмахъ буржуа изъ Нью-Гавена* благородный философъ высказалъ ту мысль, что женщины «должны пользоваться активнымъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ», и старался опровергнуть всѣ возраженія, основанныя на мнимой пустотѣ женщинъ и на отсутствіи у нихъ логики.

«Если, — говорилъ онъ, — сравнить число женщинъ, получившихъ тщательное и систематическое воспитаніе, съ числомъ мужчинъ, получившихъ такое же воспитаніе, то мы увидимъ, что постоянное повтореніе этого мнѣнія (будто женщины неспособны дѣлать изобрѣтенія) не можетъ быть признано доказательствомъ», и онъ лукаво прибавлялъ: «Я боюсь поссориться съ ними, если онѣ прочтутъ когда-нибудь эту статью, ибо я говорю объ ихъ правахъ на равенство, а не объ ихъ господствѣ».

«Съ какой стати, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — лишать ихъ права, которымъ мужчины пользуются не вслѣдствіе своей принадлежности къ извѣстному полу, а въ качествѣ разумныхъ и одаренныхъ чувствомъ существъ — качествъ, которое обще имъ съ женщинами?»

3 іюля 1790 года Кондорсе снова писалъ въ Journal de la société «Одно изъ двухъ: или ни одна особь человеческого рода не имѣетъ настоящихъ правъ, или всѣ имѣютъ одинаковыя права... Правда, женщины не руководятся мужскимъ умомъ, но зато они руководятся своимъ собственнымъ... И для женщины такъ же разумно заниматься своей внѣшностью, какъ для Демосфена отдѣлывать свою дикцію и свои жесты».

Но ячъ ялага ястались ялазъмъ яяшкѣго въ пустынь, и за исключеніемъ, быть можетъ, нѣсколькихъ членовъ Конвента, какъ Сіейесъ, Роммъ и Гюмаръ, ни одинъ изъ политическихъ дѣятелей Революціи серьезно не помышлялъ о предоставленіи женщинамъ какихъ-либо политическихъ правъ. Сенъ-Жюстъ скоро позабылъ, что нѣкогда онъ писалъ: «Человѣкъ, ударившій женщину, заслуживаетъ ссылки на поселеніе».

Вдобавокъ этотъ остракизмъ прекраснаго пола былъ ошибкой, такъ какъ онъ возстановилъ женщинъ, ничего не выигравшихъ отъ отмены привилегій, и удержалъ ихъ отъ усвоенія новыхъ идей. «Революція, — говорилъ Легуве, — потерпѣла поражение потому, что она была несправедлива по отношенію къ женщинамъ».

Правда, отдѣльныя женщины требовали предоставленія имъ гражданскихъ правъ, но дѣла-

ли онѣ это безъ всякой системы, и заговоръ молчанія заглушилъ ихъ домогательства, нѣкоторые образчики коихъ мы сейчасъ приведемъ:

«Вы отмѣнили всѣ привилегіи, — гласила одна изъ этихъ петицій, — отмѣните же привилегіи мужского пола... Вы говорите, что французы являются свободнымъ народомъ, а между тѣмъ вы ежедневно миритесь съ тѣмъ, что тринадцать милліоновъ рабынь постыдно влачатъ цѣпи, въ которыя ихъ заковали тринадцать милліоновъ деспотовъ!.. Вы провозгласили справедливое равенство правъ и несправедливо лишаете этихъ правъ самую нѣжную и самую интересную половину человеческого рода»... Наряду съ другими требованіями, эта петиція требовала «права входа въ алтарь для женскаго пола, такъ давно и такъ справедливо именуемаго набожнымъ поломъ: «но такъ какъ благочестіе вѣрныхъ значительно ослабѣло, то вышеупомянутый полъ общается и обязуется, всходя на кафедру истины, умѣрять свое усердіе и не задерживать слишкомъ долго вниманіе слушателей»... ¹⁾.

«... Ваше Величество, мы просимъ, чтобы мужчины ни подъ какимъ предлогомъ не могли отпавлять ремесль, составляющихъ удѣлъ женщинъ... Пусть намъ оставятъ, по крайней мѣрѣ, иглу и веретено... Пусть намъ отведутъ извѣстное количество должностей, которыя могутъ занимать только нами, дабы мы могли, по меньшей мѣрѣ, снискивать себѣ пропитаніе»... ²⁾.

¹⁾ Requête des Dames à l'Assemblée Nationale.

²⁾ Pétition des Femmes du Tiers-État, au Roi, 1789.

«Должно ли — вопила другая — навсегда остаться нашимъ девизомъ: трудиться, повиноваться и молчать!»¹⁾

«Почему отъ скипетра и до посоха женщины рожденныя для того, чтобы посыпать цвѣтами житейскій путь мужчинъ, получаютъ отъ него въ награду только цѣпи, мученія и наглый обманъ?.. Мы требуемъ также, чтобы изданъ былъ декретъ обязующій мужчинъ брать женъ безъ приданого»²⁾.

«Мужчина рождается эгоистомъ; это, къ сожалѣнью, признанный принципъ... Напрасно природа одарила насъ духомъ интриги и обольстительностью, необходимой для преуспѣянiя, онъ стремится низвести насъ до завѣдыванiя его хозяйствомъ, изрѣдка удостоивая насъ, когда ему это хочется, своихъ ласкъ»³⁾.

«Почему дѣти, рождаемыя женщинами, принадлежать мужчинамъ? Супружескiй деспотизмъ продолжаетъ стоять непоколебимо, подобно камню преткновенiя... Вся природа моя возмущается, когда я вспоминаю монастыри, въ которыхъ я сама была заперта до 20-лѣтняго возраста. Вѣчно въ борьбѣ съ природою, монашенки все время стараются ее побороть, но не могутъ ее подавить...»⁴⁾.

1) Cahier des doléances et réclamations des femmes, par M-me B. B., 1789.

2) Motion adressée à l'Assemblée en faveur du Sexe (Moniteur, 29 ноября 1789 года).

3) Requête des Femmes pour leur admission aux États Généraux.

4) Reflexions d'une femme (Moniteur, 10 августа 1791 г.).

Одна женщина требуетъ для своихъ сестеръ права доступа въ Генеральныя Штаты, «такъ какъ ихъ прелести окажутся небезполезными для того, что склонить духовенство къ продажѣ своихъ имуществъ, а дворянъ къ отказу отъ своихъ привиллегiй»; другая ограничивается требованiемъ, чтобы мужескiй родъ не имѣлъ предпочтенiя *даже въ грамматикѣ*».

— «Не слѣдуетъ забывать, что соблазнъ долженъ всегда приходиться на помощь политикѣ... Нашъ полъ отнюдь не является помѣхою, такъ какъ мы или совсѣмъ не имѣемъ дѣтей, или, если имѣемъ ихъ, то устраиваемся такъ, чтобы они намъ не мѣшали».¹⁾

Къ несчастью, наиболѣе извѣстныя женщины не одобряли этихъ притязанiй. Г-жа Роберъ-Керальо говорила: «Домашнiя обязанности женщинъ препятствуютъ имъ исполнять какiя бы то ни было административныя функцiи»; г-жа Роланъ писала: «Вы обладаете силою... мужествомъ, настойчивостью, широкимъ кругозоромъ и большими талантами; вамъ принадлежитъ активная роль въ политикѣ: управляйте миромъ... Но безъ насъ вы не были бы ни добродѣтельными, ни любящими, ни любезными, ни счастливыми. Сохраните поэтому за собою господство во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности, мы хотимъ лишь владычествовать черезъ сердца и добиваемся троновъ только въ вашихъ сердцахъ», а Терезiя Кабаррюсъ заявляла: «Подруги мужчины не должны быть его соперницами».²⁾

1) Très humbles remontrances des Femmes françaises, 1788.

2) См. стр. 25, 36 и 75.

Журналисты, уже тогда пользовавшиеся всемогуществомъ, ограничивались тѣмъ, что соціальнымъ требованіямъ гражданокъ противопоставляли слѣдующее изреченіе Сентъ-Эвремона: «Въ Парижѣ есть женщины, составляющія книги, но наиболѣе разумныя рожаютъ дѣтей», или повторяли, что «остроуміе большинства женщинъ служить скорѣе для усиленія ихъ безумія, чѣмъ ихъ разума».

Однако, «Набатъ» требовалъ предоставленія женщинамъ, достигшимъ 20 лѣтняго возраста, политическихъ правъ и лишенія этихъ правъ 40-лѣтнихъ холостяковъ. На это предложеніе Пюсси въ *Etrennes nationales des Dames* (3 ноября 1789 г.) отвѣтилъ: «Для женщинъ это на 10 лѣтъ слишкомъ рано, а для холостяковъ на 10 слишкомъ поздно».

Лабенетъ въ «Правахъ Человѣка» иногда въ шутку поддерживалъ женскія требованія, а «Мѣсячная Хроника», равно какъ «Народный Ораторъ», выражали извѣстное сочувствіе прекрасному полу.

Авторъ «Вліянія Женщинъ въ политической области» (Элевтерополь, 1789 г.) давалъ гражданкамъ нѣсколько столь практическихъ совѣтовъ, что онѣ, конечно, напрасно ихъ не послушались.

«Чуткія любовницы, одинъ вашъ взглядъ способенъ превратить въ гражданина человѣка, котораго любовь покорила вамъ... Пусть любезный и умный отказъ въ вашихъ ласкахъ будетъ карой для вѣроломныхъ... Пусть наши потомки получить возможность сказать: этотъ полъ, дающій

намъ счастье, послужилъ нѣкогда ко спасенію Франціи».

Ни одна изъ этихъ многочисленныхъ феминистскихъ брошюрокъ, въ большинствѣ случаевъ анонимныхъ, изъ коихъ нѣкоторыя были или могли быть приняты за произведенія глупыхъ шутниковъ, не вызвали ни малѣйшаго отклика въ общественномъ мнѣніи; та же участь постигла писанія бѣдной Олимпіи де Гужъ¹⁾, напрасно испачкавшей массу бумаги. Актеръ Флери причислялъ ее «къ тѣмъ женщинамъ, которымъ съ помощью невѣроятныхъ усилій удалось сдѣлать себя меньше всего похожими на женщину».

Изъ огромной кучи ея твореній потомство сохранило въ своей памяти лишь слѣдующія двѣ строчки, удачно резюмирующія всю жизнь несчастной психопатки: «Женщина имѣетъ право всходить на эшафотъ; она должна имѣть также право всходить на трибуну».

(*Les Droits de la Femme. A la Reine, 1791*).

¹⁾ Олимпія Гужъ, родившаяся 7 мая 1748 г. въ Монтобанѣ, была по метрикѣ дочерью мясника, но всегда утверждала, что настоящимъ ея отцомъ былъ поэтъ Лефранъ де Помпильякъ. Выйдя въ 1765 г. за нѣкоего Обри, мундцоха у г. де Гуржа, она вскорѣ бросила своего мужа и переѣхала въ Парижъ, гдѣ съ помощью своихъ прелестей быстро сколотила капиталецъ въ добрую сотню тысячъ ливровъ. Страсть къ писанію или, точнѣе, къ диктовкѣ, такъ какъ писаніе навсегда осталось для нея въ значительной степени книгой за семью печатями, овладѣла ею только около 1784 г., но она быстро наверстала потерянное время, и мы можемъ ей почти повѣрить, когда она утверждаетъ, что составила свыше ста сочиненій. Во время Революціи она послѣдовательно нападала на всѣ партіи. Ея „Письмо къ народу“ (сентябрь 1788 г.) было ея первымъ политическимъ произведеніемъ.

Прекрасная Олимпія мало пользовалась правомъ слова, но злоупотребляла правомъ писанія вплоть до того дня, когда революціонный трибуналъ, дабы помѣшать ей впредь третировать Марата, какъ «выродка челоѣчества», отправилъ ее 3 ноября 1793 г. подъ *національную бритву*. Рассказываютъ, что она, всходя на эшафотъ, воскликнула: «Сыны отчизны, вы отмстите за мою смерть».

20 мая 1792 года Олимпія де Гужъ получила отъ Національнаго Собранія разрѣшеніе организовать женскій кортежъ на празднествѣ Закона, устроенномъ въ память мэра Этампа, Симоно. Молодые дѣвушки съ корзинами цвѣтовъ и съ вазами, наполненными благовоніями, въ рукахъ должны были явиться въ одеждѣ изъ бѣлаго полотна и съ вѣнками изъ розъ на головахъ, замужнія женщины въ бѣлыхъ платьяхъ, покрытыхъ крепомъ и въ трехцвѣтныхъ поясахъ, а вдовы въ траурныхъ одеждахъ съ вѣтками плачучей ивы въ волосахъ. Къ сожалѣнію, показаться въ такомъ видѣ согласились только 12 гражданокъ, да и то уличные зѣваки имѣли безтактность найти ихъ наряды жалкими! «Вокругъ стая домохозяекъ, — говорилъ «Курьеръ» отъ 4 іюня, — находилось 9 или 10 женщинъ. Публика, видѣвшая ихъ, могла по ихъ внѣшности судить о томъ, что онѣ изъ себя представляютъ!»

«Амазонка пера», какъ называетъ ее Лакуръ она рѣдко посѣщала клубы и лишь дважды являлась съ петиціями въ Національное Собраніе, но она одна изъ первыхъ высказала мысль объ организаціи женской національной гвардіи для охраны... или надзора надъ королевой. Спѣшимъ

прибавить, что впоследствии она имѣла мужество обратиться къ Конвенту съ письмомъ, въ которомъ просила разрѣшенія присоединиться къ Мальзербу для защиты Людовика XVI передъ судомъ. Въ этомъ-то письмѣ и находится знаменитая фраза: «Недостаточно отрубить королю голову, чтобы убить его».

Ея подчасъ великодушный голосъ неоднократно требовалъ открытія въ зимній сезонъ «домовъ, предназначенныхъ для безработныхъ рабочихъ и для дряхлыхъ стариковъ».

«Полю не имѣеть никакого значенія, душа значить все», такъ гласило одно изъ ея излюбленныхъ положеній; въ виду этого она съ 1789 года требовала для своего пола права на получение знаковъ отличія.

Если бы всѣ награжденные орденами французскія женщины пожертвовали каждая хотя бы по 20 су на статую бѣдной Олимпіи де Гужъ, какимъ пышнымъ монументомъ украсился бы Монтобанъ!

Г-жа Брижанъ-Бодуанъ, жена городского служащаго въ Ланніонѣ, была не столь честолюбива: 29 марта 1790 года она обратилась къ Собранію съ письмомъ, въ которомъ отъ имени женщинъ требовала, чтобъ имъ разрѣшено было приносить присягу на вѣрность Націи. «Въ конституціи ни слова не говорится о женщинахъ, и я признаю, что имъ не слѣдъ мѣшаться въ общественныя дѣла; однако, матери могутъ и должны быть гражданками... Я льщу себя надеждою, что Собраніе соблаговолитъ издать указъ о разрѣшеніи матерямъ торжественно присягать на вѣрность Націи и Королю... Я прошу разрѣшенія дать моему послѣдне-

му ребенку и ребенку моей дочери, еще не имѣющимъ имени, въ качествѣ перваго имени, имя *Гражданинъ*. Я согласна, — прибавляетъ она, — съ тѣмъ, что оно прекрасно подходитъ груднымъ младенцамъ»¹⁾).

Депутаты удовлетворили ея скромную просьбу.

Глава II.

ЭТТА ПАЛЬМЪ Д'АЛЬДЕРСЪ.

Клубъ палерояльскаго цирка.— Общество Подругъ Истинны.— Антифеминизмъ газеты *Révolutions de Paris*.

„Пусть гражданскіе вѣнки замѣнять на головахъ гражданокъ презрѣнныя финтифлюшки, этотъ постыдный символъ суетности!“

Пальмъ д'Альдерсъ.

Въ январѣ 1790 года Николай де Бонвиль и аббатъ Фоше открыли *Соціальный Кружокъ* при содѣйствіи бывшихъ членовъ масонской ложи, носившей названіе *Философскаго Клуба*. Кружокъ привлекъ такъ мало новыхъ сторонниковъ, что ему начало грозить финансовое банкротство. Тогда его инициаторы задумали основать *Федеральную Ассоціацію Друзей Истины* путемъ присоединенія абонентовъ газеты *Voishe de fer* ко всѣмъ «братьямъ-масонамъ» изъ ложъ, нѣкогда примыкавшихъ къ *Философскому Клубу*.

Фоше и Бонвиль избрали мѣстомъ своихъ собраній циркъ Пале-Рояля¹⁾.

¹⁾ Этотъ циркъ, расположенный отчасти ниже уровня земли—благодаря чему новому обществу иногда давали кличку Подвального Клуба—былъ выстроенъ въ 1788 году герцогомъ Шартрескимъ въ садахъ Пале-Рояля. Черезъ 10 лѣтъ онъ былъ уничтоженъ пожаромъ.

¹⁾ Archives parlementaires (XII, 402).

Залъ длиною въ 120 футовъ и шириною въ 70. вокругъ котораго шли уступами скамейки. могъ вмѣщать 3000 человѣкъ. Чтобы приспособить его къ новому назначенію, организаторы ограничились тѣмъ, что сдѣлали надъ трибуной слѣдующую надпись: «Пусть каждый изъ васъ приносить сюда съ собою лучъ свѣта». Абонементъ на право входа стоилъ 8 ливровъ въ мѣсяцъ; выборъ этого помѣщенія, пользовавшагося нѣсколько игривой репутаціей, возбудилъ много шуточекъ. и *Révolutions de Paris*, оповѣщая о томъ, что *Истина* установила свой престолъ въ циркѣ, прибавляла: «Это помѣщеніе служитъ для различнаго употребленія: по вторникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ тамъ распѣваются пѣсенки, по средамъ и субботамъ тамъ пляшутъ окрестныя нимфы, наконецъ, по понедѣльникамъ и пятницамъ тамъ изрекается Истина».

Газета могла бы присовокупить, что столъ для игры въ гальбикъ позволялъ слушателямъ, располагавшимъ лишними деньгами, съ большей пріятностью слушать скучныхъ ораторовъ. Въ пристройкахъ цирка расположены были библіотека, бильярдъ, кафе, рестораны и баня.

«*Соціальный Кружокъ*, — заявилъ Бонвиль, — навѣрное не будетъ клубомъ, потому что въ большинствѣ случаевъ люди, сходящіеся въ клубахъ, не любятъ другъ друга». И дѣйствительно, слово «Братство» не сходило съ устъ франкъ-масоновъ, а Фоше, генераль-прокуроръ Союза, не преминулъ пуститься въ длиннѣйшую декламацию относительно этой гражданской добродѣтели 13 октября, на первомъ же собраніи Ассоціаціи.

Будущій конституціонный епископъ Байе, не переставая проповѣдывать своеобразную мистическую любовь собственнаго изобрѣтенія, въ своихъ свѣтскихъ проповѣдяхъ очень мало говорилъ о женщинахъ. Но когда однажды его упрекнули въ этомъ упущеніи, онъ отвѣтилъ: «А между тѣмъ я питаю къ женщинамъ нѣжныя чувства, а одну изъ нихъ я даже люблю неизмѣнной любовью». Это былъ осторожный намекъ на гражданку Калонъ, крестной дочери которой онъ при крещеніи торжественно далъ звучныя имена *Petionъ*, *Nациональ*, *Пика*.

Несмотря на тенденціи своего генераль-прокурора, въ общемъ, отнюдь не феминистическія, *Соціальный Кружокъ* оказался, однако, первымъ клубомъ, который, правда, совершенно неожиданно, удостоился чести лицезрѣть выступленіе гражданки на трибунѣ. Сначала Бонвиль взглянулъ на этотъ пустячный инцидентъ, какъ на скандалъ, но онъ быстро измѣнилъ свое мнѣніе, когда замѣтилъ, что юбки одѣтой по модѣ женщины привлекаютъ больше слушателей, чѣмъ брыжи его пріятеля Фоше ¹⁾.

Это памятное событіе произошло на засѣданіи 26 ноября 1790 года. Въ порядкѣ дня собранія указывалось, что бывший чрезвычайный депутатъ Тоннерра и Шабли Шарль-Луи Руссо, будетъ трактовать слѣдующіе вопросы:

«1) Вліяютъ ли женщины на правительство?»

¹⁾ Женщины допускались въ нижнія мѣста, тогда какъ зрители, не принадлежавшіе къ составу членовъ, помѣщались на галлерей. *Bouche de fer*, I, 195).

«2) Какими средствами можно направить это влияние ко благу государства? Какія гражданскія и политическія права слѣдуетъ предоставить женщинамъ въ благоустроенномъ государствѣ?»

«3) Проектъ учрежденія должности, отпращиваемой исключительно женщинами».

Для того, чтобы придать засѣданію болѣе торжественный характеръ, *Bouche de fer*, объявила, что члены Національнаго Собранія и муниципалитета будутъ допущены по предъявленіи своихъ карточекъ, равно какъ члены клубовъ *Якобинцевъ*, *Патріотическихъ Избирателей* и *Избирателей 1789 года* ²⁾.

Къ сожалѣнію, ораторъ не сумѣлъ развить столь великолѣпную программу; злополучный Руссо, «хорошенькій, крохотный ораторъ, хорошо напудренный, съ прекрасной національной кокардой на шляпѣ и другой еще болѣе прекрасной на шпагѣ», былъ слишкомъ высокаго мнѣнія о своемъ талантѣ; протесты покрыли его голосъ; «аристократія, заявилъ Горза, не могла бы вести себя хуже».

«Несмотря на апплодисменты и на знаки одобренія со стороны зрителей, говоритъ Галемъ, этотъ изящный, но неопытный молодой человекъ не могъ справиться со своей задачей: его театральная жестикауляція и его длинное вступленіе,

¹⁾ Этотъ клубъ допускалъ нѣкоторыхъ женщинъ. Терезія Кабаррюсъ, посылая 21 апрѣля 1791 г. въ „Придворную и Городскую Газету“ протестъ проливъ разныхъ инсинуаций на ея счетъ, заявляетъ: „Только безпартийность, которую я исповѣдую въ качествѣ члена Клуба 1789 года, могла породить эту сплетню“.

полное пошлой лести, привели въ негодованіе мужскую часть аудиторіи».

Біоза заявилъ даже, что «всякій разъ, когда какая-нибудь рѣчь принимаетъ характеръ нападокъ на права мужчины, оратора слѣдуетъ останавливать». Эта двусмысленная фраза вызвала нѣкоторый шумъ, такъ какъ часть собранія поняла, что онъ предлагаетъ арестовать оратора. *)

«Сначала, говоритъ *Bouche de fer*, публика выказывала много снисходительности, но, наконецъ, часть собранія начала громко выражать свое неодобреніе. Молодой человекъ, глубоко убѣжденный въ томъ, что его слишкомъ напыщенная и крайне легковѣсная рѣчь является настоящимъ шедевромъ, упорно оставался на трибунѣ... Тогда нѣсколько человекъ, очевидно не принадлежащихъ къ *Друзьямъ Истины*, пытались воспользоваться этой смѣшной сценой, чтобы набросить тѣнь на Союзъ. Предсѣдатель по совѣту здравомыслящей части собранія, не желавшей допустить нарушенія устава, закрылъ засѣданіе, причѣмъ повѣстка осталась неисчерпанной».

Инцидентъ, который такъ сильно скандализировалъ предсѣдателя и нелюбезныхъ франкъ-масоновъ, заключался во внезапномъ появленіи на трибунѣ одной голландки по имени Этта Пальмъ д'Альдерсъ. Къ счастью, «Народный Ораторъ» оставилъ намъ подробный отчетъ объ этомъ происшествіи. ¹⁾.

*) По французски *arrêter* значитъ „остановить“ и „арестовать“, „задержать“. — Прии. перев.

¹⁾ См. *Orateur du Peuple* (III, 360), *Bouche de fer* (I, 413), *Journal de Paris* (2 декабря), *Courrier de*

«Въ день послѣдняго засѣданія *Соціального Кружка* въ палерояльскомъ циркѣ на трибуну взошла одна иностранка, но француженка душою и патриотизмомъ. И вотъ по какому случаю:

«Гражданинъ по фамиліи Руссо произносилъ рѣчь о гражданскомъ и политическомъ положеніи женщинъ въ благоустроенномъ государствѣ. Рѣчь оратора было прерываема столь сильнымъ шумомъ, что предсѣдатель г. Мишель, врачъ и бывший президентъ Коммуны, обратился къ женщинамъ съ вопросомъ, желаютъ ли онѣ, чтобы ораторъ продолжалъ. — Да, да! — раздалось со всѣхъ сторонъ. Но послѣ того, какъ ораторъ снова былъ прерванъ, поднялась какая-то поразительно статная женщина, потребовала слова и сказала: «Господа, возможно ли, чтобы священная Революція, вернувшая людямъ ихъ права, сдѣлала французовъ несправедливыми и не деликатными по отношенію къ женщинамъ? Другіе ораторы были терпѣливо выслушаны, зачѣмъ же прерывать того, кто говоритъ въ пользу женщинъ? Отъ имени находящихся здѣсь гражданокъ я требую, чтобы оратору дана была возможность продолжать». Но несмотря на аплодисменты, которыми встрѣчено было это предложеніе, засѣданіе было закрыто. Послѣ этого почти всѣ присутствовавшія гражданки окружили нашу иностранку, ласкали и благодарили ее; она воспользовалась этимъ для того, чтобы сказать имъ голосомъ, полнымъ величія: «До сихъ поръ вы были подругами людей съ расслабленными чувствами, развращенныхъ рабовъ; но разъ францу-

quatrevingt-trois départements? (1 декабря), и *Lettres de voyage* Галема.

зы превратились въ римлянъ, то станемъ и мы подражать добродѣтелямъ и патриотизму римскихъ женщинъ». Послѣ этихъ словъ ее покрываютъ поцѣлуями, ее хотятъ избрать предсѣдательницей, но по свойственной ей скромности она уклоняется отъ пылкаго выраженія ихъ чувствъ. Упомянутая дама, это та самая патриотка, которая въ день торжественнаго поминовенія на Марсовомъ Полѣ солдатъ, убитыхъ въ Нанси, обратилась къ г. Байи съ предложеніемъ устроить среди всѣхъ присутствовавшихъ на Полѣ сборъ въ пользу вдовъ и сиротъ погибшихъ. Она предложила подать первый примѣръ, опустивъ въ кружку 12 ливровъ. Всѣ эти черты показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ превосходной гражданкой».

Злополучный Руссо не призналъ себя побѣжденнымъ и 2 декабря объявилъ въ *Journal de Paris*, что онъ рассчитываетъ въ ближайшемъ будущемъ повторить свою рѣчь.

«Милостивыя Государыни,

«Глубоко тронутый притѣсненіями, жертвами которыхъ вы являетесь повсемѣстно и во всѣ времена... я въ теченіе ближайшей недѣли произнесу въ Пантеонѣ на улицѣ Шартръ рѣчь о гражданскомъ и политическомъ положеніи женщинъ... И для того, чтобы туда не проникли враги вашихъ правъ и вашего счастья, *мужчины будутъ допускаться въ залъ исключительно въ сопровожденіи дамъ*... Входные билеты будутъ выдаваться у меня съ 8 часовъ утра до полудня...»

Слѣдуетъ признать, что это была гениальная идея, отдать каждаго подозрительнаго слушателя подъ надзоръ бдительной гражданки. Въ 1848

году эта система была, къ сожалѣнью, слишкомъ поздно, восстановлена г-жей Нибуайе, председательницей *Женскаго Клуба*.

Лекція Руссо, посвященная г-жѣ Байи, состоялась 13 декабря въ Вокзалѣ; она объявлена была на тему: «Опытъ о воспитаніи и гражданско-политическомъ положеніи женщинъ во французской конституціи».

«Нашъ полтъ, — такъ началъ ораторъ, — не долженъ обладать привилегіями... Вернемъ женщинамъ всѣ ихъ права, но вмѣстѣ съ тѣмъ укажемъ имъ всѣ ихъ обязанности». Затѣмъ апостоль феминизма пустился въ нескончаемыя разглагольствованія о пользѣ воспитанія для женщинъ, о благодѣяніяхъ развода и о необходимости кормить дѣтей материнской грудью.

Вся его рѣчь была скучна до-нельзя, тѣмъ не менѣе Руссо, самъ того не желая, долженъ былъ привести свою аудиторію въ веселое настроеніе, когда самымъ серьезнымъ образомъ предложилъ всѣмъ гражданамъ избрать *Комитеты наблюденія за нравами*, «имѣющіе задачей блюсти за поведеніемъ принадлежащихъ къ общинѣ лицъ женскаго пола... и предупреждать скандальное распутство нѣкоторыхъ изъ нихъ, призывая ихъ къ исполненію долга путемъ братскаго увѣщанія»...

14 мѣсяцевъ спустя, а именно 19 апрѣля 1792 года, Руссо, бывшій тогда президентомъ Тоннерскаго округа, выступилъ въ Національномъ Собраніи съ изложеніемъ причинъ недовольства подвѣдомственныхъ ему обывателей, но въ этотъ день его слушали не съ большимъ вниманіемъ, и Собраніе перешло къ порядку дня.

Среди завсегдатаевъ цирка совершился крутой поворотъ въ пользу теорій прекрасной голландки, такъ какъ 30 декабря ее просили читать «о несправедливости законовъ, созданныхъ въ пользу мужчинъ и въ ущербъ женщинамъ», а рѣчь ея, прочитанная однимъ изъ секретарей, была немедленно напечатана на счетъ *Соціального Кружка*.

Черезъ нѣсколько дней выступилъ еще одинъ гражданинъ, представившій записку по вопросу о «Степени вліянія женщинъ на образованіе національнаго характера».

Этта-Любина-Юанна-Дезиста *Альдерсъ*, героиня этихъ двухъ засѣданій и будущая основательница перваго женскаго клуба, родилась въ Гронингенѣ въ 1743 году.

Деятнадцати лѣтъ отъ роду она вышла за Фердинанда Лодеройка Пальма, «студента», котораго она, послѣ его исчезновенія, наградила титуломъ барона д'Альдерсъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы Пальмъ уѣхалъ въ голландскія факторіи Индіи и какъ въ воду канулъ.

Прождавши его 6 лѣтъ, Этта Пальмъ поселилась въ Амстердамѣ, гдѣ вступила въ связь съ адвокатомъ Яномъ Мунниксомъ, который въ 1778 году былъ назначенъ голландскимъ консуломъ въ Палермо. Она рѣшила отправиться съ нимъ туда, но, доѣхавъ до южной Франціи, она тамъ захворала, отказалась отъ дальнѣйшаго путешествія и въ 1774 году явилась въ Парижъ, гдѣ сначала жила подъ именемъ Этты де Ситтеръ (фамилія ея матери), вдовы барона д'Альдерса ¹⁾.

¹⁾ Paul Bordeaux, La médaille d'honneur offerte par la ville de Creil à Palm d'Aelders.

Живя то въ богатствѣ, то въ бѣдности, она въ 1778 году наняла на улицѣ Велледо квартиру въ 3200 ливровъ и повела жизнь на широкую ногу; но 10 лѣтъ спустя, она принуждена была уступить всю свою обстановку своему кредитору, барону Пленвалю.

Правда, одинъ изъ ея друзей, графъ де Майбуа, передалъ ей заемное письмо въ 10.000 ливровъ на полковника Эрто де Ламервилля, но, несмотря на множество израсходованной гербовой бумаги, ей, повидимому, никогда не удалось получить этихъ денегъ; ея должникъ предложилъ ей уплатить свой долгъ только 2 пювюза II года, уже послѣ того, какъ она выѣхала изъ Франціи, а на имущество ея, какъ на имущество эмигрантки, былъ наложенъ секвестръ.

Въ тотъ моментъ, когда вспыхнула Революція, Пальмъ занимала довольно кокетливую квартирку въ антресоляхъ дома № 348 по улицѣ Фаваръ. Въ салонѣ подъ портретомъ офицера стояла отоманка въ 6 футовъ длины, покрытая малиновымъ штофомъ съ бѣлыми полосами, а спальня ея была украшена четырьмя зеркалами, изъ которыхъ одно было вдѣлано въ спинку кровати ¹⁾.

Вотъ почему невозможно придавать вѣру феминистской ораторшѣ, когда она заявляетъ: «Принесенная съ дѣтскихъ лѣтъ въ жертву могущественной семьѣ, я одинока въ цѣломъ мірѣ».

Впрочемъ, не больше вѣры можно придавать и слѣдующей злобной замѣткѣ, появившейся во «Всеобщей Газетѣ» 19 іюля: «Женщина, извѣстная

¹⁾ Archives nationales AF III 426 et 2501; F7., 4659; T. 364, 1601 et 1686.

въ циркѣ подъ именемъ Этта Пальмъ, въ свѣтѣ подъ фамиліей баронессы д'Альдерсъ, у которой иногда бываетъ прусскій посланникъ, на-дняхъ была арестована по дѣлу Марсова Поля (вдобавокъ, это было фактически невѣрно). Это дочь одного Гронингенскаго трактирщика ²⁾, много лѣтъ тому назадъ бросившая своего мужа. Она не знала другихъ бароновъ, кромѣ тѣхъ, которые почтили ее своими посѣщеніями».

Кромѣ того, ея противники старались представить ее врагомъ голландскихъ патріотовъ и шпіонкой прусскаго двора. Для опроверженія этихъ обвиненій, Пальмъ ссылалась на свидѣтельство Бриссо, Карра и «брата» Піо, бывшаго повѣреннаго по дѣламъ короля Обѣихъ Сицилій и секретаря *Соціального Кружка*.

«Національный Зритель» отъ 21 іюля 1791 года выступилъ въ защиту прусскаго посланника въ Парижѣ: «Г-нъ фонъ Гольтцъ, писала газета, встрѣчался одно время съ г-жей д'Альдерсъ, и было совершенно естественно, что онъ встрѣчался съ нею и принималъ у себя женщину, которая, какъ ему извѣстно было, поддерживала прямыя и косвенныя сношенія съ сестрою его государя. Онъ пересталъ съ нею встрѣчаться послѣ того, какъ въ январѣ сего года замѣтилъ, что послѣ громкаго выраженія вражды къ голландскимъ патріотамъ, она сдѣлалась ярой демократкой, на-

²⁾ Этта Альдерсъ ни въ какомъ случаѣ не принадлежала къ дворянской фамиліи д'Альдерсъ. Однако ея отецъ былъ, кажется, не трактирщикъ, а владѣлецъ обойной фабрики. Въ 1791 году онъ возбудилъ процессъ противъ родственниковъ своей матери.

чала публично выступать съ проповѣдью республиканскихъ идей и связалась съ людьми крайнихъ убѣжденій.

«Г-жа д'Альдерсъ, прибавляетъ та же, газета, обладаетъ остроуміемъ, образованностью и хорошо знакома съ иностранными дѣлами; вотъ почему она посѣщаетъ салонъ г. Фрето, члена Дипломатическаго Комитета».

Черезъ 4 дня предсѣдательница клуба *Подругъ Истины* отвѣтила на это: «... Если бы я была дочерью трактирщика, мнѣ не приходилось бы въ данный моментъ вести борьбу съ могущественной семьей... Всѣ мои интриги ограничиваются тѣмъ, что я, благодаря своему постоянно безупречному поведенію, сохраняю уваженіе и дружбу, которыми меня дарятъ нѣкоторые неподкупные патріоты и нѣкоторыя почтенныя женщины. Мое перо и мои связи употребляются и всегда будутъ употребляться въ пользу обездоленныхъ, и слезы одного несчастнаго, котораго я имѣла счастье утѣреть, щедро вознаграждаютъ меня за змѣиный шипъ клеветы... Я никогда не позволяла себѣ опредѣленно высказываться за или противъ монархіи, такъ какъ не считаю себя достаточно образованной для рѣшенія такого важнаго вопроса»¹⁾.

На другія инсинуаціи, выдвинутыя противъ нея г-жею Роберъ-Кералью съ цѣлью воспрепятствовать допущенію ея въ составъ *Братскаго Общества обоихъ половъ*, Этта Пальмъ отвѣчала 12 іюня, послѣ своего приѣзда туда, слѣдующее:

¹⁾ Courrier des quatre-vingt-trois departements (25 іюля).

«... Я не отравляла скорбью и горечью послѣднихъ моментовъ жизни моихъ родителей. Я отнюдь не злоупотребляла довѣрчивостью дружбы, и ея сокровища, равно какъ и ея тайны, всегда оставались неприкосновенными въ моихъ рукахъ... Ложь всегда загрязняетъ источники, изъ которыхъ она беретъ начало, а счастье, доставляемое возможностью осушать слезы несчастныхъ, вполнѣ вознаграждаетъ меня за злобное шипѣніе змѣй, копошавшихся въ грязи».

Впрочемъ, нападки г-жи Роберъ-Кералью могутъ быть легко объяснены просто завистью политической дѣятельницы. Признанная ораторша *Братскаго Общества* не могла безъ неудовольствія смотрѣть на вступленіе въ Общество возможной соперницы по трибунѣ.

Если при всемъ томъ жизнь Этты Пальмъ остается для насъ покрытой непроницаемой тайной, зато мы нѣсколько лучше знакомы съ ея произведеніями, благодаря небольшому сборнику рѣчей и обращеній, опубликованному ею, по всей вѣроятности, въ іюлѣ 1791 года подъ заглавіемъ «Воззваніе къ французенкамъ по поводу возрожденія нравовъ и необходимости вліянія женщинъ въ свободномъ правительствѣ».

Выше мы уже говорили, что 30 декабря 1790 года Пальмъ произнесла въ циркѣ или, точнѣе, прочитала устами одного изъ секретарей большую рѣчь о несправедливости человѣческихъ законовъ по отношенію къ женщинамъ. Несомнѣнно, на этомъ именно засѣданіи Клоотцъ воскликнулъ: «Боги и богини, вотъ передъ нами божественная Гипатія во плоти; не хватаетъ только Плотина на

трибунѣ!» Роль Плотина исполнялъ Фоше, котораго Клоотцъ глубоко презиралъ. Анонимный авторъ «Писемъ къ Соціальному Кружку» также очевидно намекаетъ на Пальмъ, когда говоритъ о женщинѣ «съ любвеобильнымъ сердцемъ».

«Такъ какъ я родилась и воспиталась, — говорила голландка, — въ иноземной странѣ, то мои фразы построены не по правиламъ Французской Академіи, но это потому, что я больше обращалась къ сердцу, чѣмъ къ словарю.

«Еще на-дняхъ ваши высокіе представители рукоплескали неустрашимому мужеству амазонокъ въ одномъ изъ вашихъ департаментовъ и позволили имъ составить отрядъ для защиты отечества...¹⁾ Справедливость требуетъ, чтобы законы, подобно водѣ и воздуху, существовали одинаково для всѣхъ людей... Будьте справедливы по отношенію къ намъ, вы, которыхъ природа одарила подавляющимъ превосходствомъ физическихъ силъ. Вы сохранили для себя всю легкость порока, а намъ въ удѣлъ вы предоставили всю тягость добродѣтели... Насъ готовили исключительно для вашего удовольствія, тогда какъ было бы такъ мило приобщить насъ къ вашей славѣ... Пышность нашего туалета скорѣе приобрѣтаетъ намъ ваши симпатіи, чѣмъ возвышенная душа и нѣжное сердце... Будемъ же отнынѣ вашими добровольными подругами, а не рабынями... Господа, женщины превосходятъ васъ живостью воображенія, тонкостью чувствъ, смиреніемъ въ превратностяхъ судьбы, постоянствомъ въ горести, терпѣ-

¹⁾ Намекъ на женскую національную гвардію въ Викъ-ан-Бигоррѣ.

ливостью въ страданіяхъ, наконецъ, душевнымъ благородствомъ и патриотическимъ рвеніемъ... Развѣ ваши сестры не поспѣшили отдать свои драгоценности на нужды отечества? О! пусть гражданскіе вѣнки замѣняютъ на головахъ добродѣтельныхъ гражданокъ презрѣнныя финтифлюшки, этотъ постыдный символъ и признакъ суетности!..»

Гражданки Крейля, «сформированныя въ роту національной гвардіи», пришли въ такой восторгъ при чтеніи этой рѣчи, что 8 февраля присудили г-жѣ Пальмъ титулъ почетнаго члена ихъ воинственнаго отряда и послали ей національную медаль¹⁾.

«Эта медаль, — отвѣтила черезъ нѣсколько дней почетная амазонка, — будетъ почетной шпателью sic), которую положить на мой гробъ», и она горячо поздравляла гражданку Крейля съ тѣмъ, что у нихъ такія просвѣщенные власти, «которыя посмѣли растоптать ногами порожденные невѣжествомъ предрасудки, коими нѣкогда окружали женщинъ, дабы такимъ образомъ держать ихъ въ праздномъ и унижительномъ ничтожествѣ».

15 февраля полковникъ Рандонъ де ла Туръ, начальникъ крейльской національной гвардіи, явился въ циркъ для торжественнаго врученія голландкѣ почетныхъ знаковъ и кокарды, присужденныхъ ей муниципалитетомъ и капитаншей Дарю, подпоручицей Бежо и солдатками Марсіаль, Дюпонъ, Боке, де Боши, Брель и пр.

«... Я принимаю эту награду, — отвѣтила ора-

¹⁾ Это была медаль, выбитая въ честь праздника Федерации, который имѣлъ мѣсто 14 іюля 1790 года на Марсовомъ Поля.

торша, — не какъ воздаяніе за мой слабый талантъ, а какъ молчаливое признаніе справедливости нашихъ требованій». Пальмъ закончила предложеніемъ «Воздвигнуть въ этомъ святилищѣ статую женѣ Фокіона, дабы всегда имѣть передъ глазами этотъ образецъ мудрости, скромности, а также моральныхъ и гражданскихъ добродѣтелей».

«... Заботясь о нашей свободѣ, — галантно отвѣтили председатели, — Друзья Истины рѣшились никогда не носить другихъ цѣпей, кромѣ цѣпей, сплетенныхъ изъ цвѣтовъ вашими руками или руками любезныхъ товарокъ, раздѣляющихъ ваши труды».

23 марта Этта Пальмъ прочитала съ трибуны Федерациі письмо «о дѣйствіяхъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ Франціи», которое начиналось съ проповѣди объединенія всѣхъ гражданокъ: «...Откажитесь,—говорила она,—на алтарь отечества отъ всякой личной ненависти и непріязни... Что смогутъ тогда подѣлать пятьдесятъ тысячъ аристократическихъ разбойниковъ противъ трехсотъ тысячъ солдатъ свободы?..

«Общество Друзей Истины первое допустило насъ на свои патріотическія засѣданія. Крейль, Алэ, Бордо и нѣсколько другихъ городовъ послѣдовали вашему примѣру. Не было ли бы полезнымъ, чтобы въ каждой секціи столицы образовалось патріотическое общество гражданокъ, *Подругъ Истины*, центрально-федеративный кружокъ которыхъ находился бы, господа, подъ вашимъ контролемъ и пригласилъ бы всѣ братскія общества 83 департаментовъ вступить съ нимъ въ переписку?.. Каждый кружокъ имѣлъ бы свое от-

дѣльное правленіе, а всѣ эти правленія разъ въ недѣлю собирались бы вмѣстѣ и составляли бы главное правленіе, дѣйствующее подъ контролемъ правленія Друзей Истины; это дало бы дѣйствительно возможность успѣшно слѣдить за врагами свободы и отыскивать настоящихъ бѣдняковъ, нуждающихся въ помощи своихъ братьевъ...

«Женскимъ кружкамъ можно бы было поручить надзоръ надъ учреждениями, доставляющими кормилицъ... надъ общественнымъ воспитаніемъ... они могли бы собирать справки о поведеніи и нуждѣ бѣдняковъ, просящихъ вспоможенія отъ секцій, что легко было бы осуществить средствами центрального кружка гражданокъ, ибо важно не только давать, но хорошо давать...»

Аплодисменты, покрывшіе ея рѣчь, побудили нылкую феминистку тутъ же на мѣстѣ основать женскій кружокъ, проектъ организациі котораго подъ названіемъ *Федеративный Клубъ гражданокъ-патріотокъ* былъ опубликованъ въ газетѣ *Bouche de fer* отъ 19 февраля. Въ концѣ засѣданія Пальмъ объявила, что первое собраніе *Патріотическаго и благотворительнаго общества Подругъ Истины* состоится въ слѣдующую пятницу 25 марта 1791 года въ редакціонномъ помѣщеніи *Bouche de fer*.

Протоколъ этого засѣданія сообщаетъ, что послѣ прочтенія поздравительнаго письма, присланнаго Бриссо, Этта Пальмъ растрогала сердца всѣхъ присутствующихъ, развивъ проектъ организациі общественной благотворительности.

Засимъ, клубистки приступили къ об-

сужденію вопроса, слѣдуетъ ли послать депутацію во французскій Сенатъ съ тѣмъ, чтобы поблагодарить его за изданіе декрета о равномъ раздѣлѣ наслѣдствъ. Не взирая на протесты одной ворчливой гражданки, утверждавшей, что Сенатъ просто исполнилъ свой долгъ и не имѣетъ права ни на какую благодарность, большинство высказалось за посылку адреса, «такъ какъ торжественное выступленіе гражданокъ въ столицѣ произведетъ впечатлѣніе на хулителей Національнаго Собранія и придастъ ему новыя силы для доведенія до конца дѣла предоставленія женщинамъ тѣхъ правъ, которыя принадлежать имъ, какъ гражданамъ».

Привѣтственный адресъ содержалъ однако нѣкоторыя оговорки и энергически протестовалъ противъ ст. 13. Полицейскаго устава, которая запрещала женѣ подавать жалобу на невѣрнаго мужа, въ то же время предоставляя супругу право подвергать свою слишкомъ вѣтренную половину заключенію на двухлѣтній срокъ.

Въ качествѣ делегатки, которой поручено было представить адресъ Собранію, была выбрана одна молодая нормандка; затѣмъ выступилъ какой то мальчишка и заявилъ, что въ качествѣ партизана равенства онъ во всякій моментъ готовъ подѣлиться своими конфетами со своими братьями и сестрами! Послѣ этого собраніе избрало Этту Пальмъ предсѣдательницей на три мѣсяца, а функціи секретаря довѣрило гражданкѣ, «пользовавшейся большимъ расположеніемъ Руссо» (?). *Подруги Истины* постановили также собираться по субботамъ и допускать на свои засѣданія исклю-

чительно гражданокъ, правильно внесенныхъ въ членскіе списки и регулярно уплачивающихъ ежемѣсячный взносъ въ размѣрѣ 3 ливровъ. Изъ этихъ взносовъ общество рассчитывало собрать сумму, необходимую для открытія воспитательныхъ домовъ и мастерскихъ, куда предполагалось принимать бѣдныхъ дѣвочекъ отъ 7 до 13 лѣтъ для обученія ихъ ремеслу.

Въ началѣ апрѣля *Подруги Истины* выработали уставъ и приняли въ свою среду г-жу Легро «за то, что она имѣла честь освободить Латьюда изъ Бастиліи».

Въ надеждѣ, что ей удастся безотлагательно устроить первое убѣжище, Пальмъ въ началѣ мая обратилась къ состоящему при Національномъ Собраніи Комитету отчужденій съ просьбою предоставить въ ея распоряженіе, «по крайней мѣрѣ на время, одинъ изъ многочисленныхъ монастырей, находящихся въ Парижѣ и принадлежащихъ націи»¹⁾. Предсѣдатель живо благодарилъ ее за великодушное начинаніе, обѣщалъ ей все, чего она просила, но не далъ никакого хода ея просьбѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ новая предсѣдательница обратилась къ комитетамъ сорока восьми секцій съ письмами, въ которыхъ извѣщала ихъ о «патріотической и благотворительной цѣли, преслѣдуемой *Подругами Истины*, и просила ихъ делегировать для пополненія своего состава по двѣ гражданки въ качествѣ комиссаровъ».

Въ началѣ своего циркулярнаго письма Пальмъ давала холостякамъ изъ секцій нѣсколько пре-

¹⁾ Bouche de fer (26 мая).

восходныхъ совѣтовъ относительно способа вы- бирать супругу. «Да, господа, отдавайте вашу любовь, вашу хвалу наиболѣе заслуживающимъ этого, и вскорѣ вы увидите образцы моральныхъ и гражданскихъ добродѣтелей». Она заканчивала свое посланіе разсудительнымъ замѣчаніемъ, что «благотворительность заключается не только въ денежной помощи: отеческіе совѣты, полезныя хлопоты, нѣжныя слова утѣшенія—все это также источники частнаго и общаго счастья».

Ни одна секція не дала себѣ труда отвѣ- тить; но ничуть не обезкураженныя этимъ *Подруги Истины* обратились къ нимъ со слѣ- дующимъ новымъ циркуляромъ:

«*Патріотическое и благотворительное женское общество*, извѣстное подъ названіемъ *Подругъ Истины*, обратившись въ первый разъ къ нѣ- сколькимъ парижскимъ секціямъ, въ частности къ той, въ которой вы состоите предсѣдателемъ, съ изложеніемъ своего плана и съ просьбой на- значить отъ каждой секціи двухъ дамъ для пополненія своего состава, ожидало отъ порядоч- ности своихъ согражданъ и отъ всегда проявляв- шихся ими филантропическихъ тенденцій, что эти господа сообщать о намѣреніяхъ общества своимъ супругамъ и дослѣдствовать отозваться на ихъ пожеланія. Онѣ обманулись въ сво- ихъ ожиданіяхъ, но не падаютъ духомъ и хо- тятъ вѣрить, что лишь множество занятій по- мѣшали этимъ господамъ дать отвѣтъ, котораго заслуживало ихъ усердіе. Общество выработало новый планъ и имѣетъ честь, милостивый го- сударь, вамъ его послать съ просьбою доложить

о немъ секціи и напомнить имъ объ ихъ объ- щаніи. Съ совершеннымъ почтеніемъ остаюсь го- товая къ вашимъ услугамъ

Лейри, предсѣдательница.

Обращаться къ г. Алеому, улица Сентъ- Авуа, 25» ¹⁾.

Изъ этого документа мы узнаемъ фамилію предсѣдательницы, избранной на вторую чет- верть года.

Въ началѣ іюня Пальмъ обратилась къ прин- цессѣ Бурбонской со слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивая Государыня!

«Общество Подругъ Истины поручило мнѣ послать Вамъ свою программу. Нѣкогда ка- залось, что знатное имя придаетъ блескъ до- бродѣтели, въ настоящее же время только до- бродѣтель краситъ громкое имя. Примите же отъ насъ эту дань уваженія къ Вашимъ гра- жданскимъ и филантропическимъ добродѣте- лямъ вмѣстѣ съ выраженіемъ убѣжденія, что наше учрежденіе въ Вашемъ лицѣ найдетъ друга и опору».

Въ отвѣтъ на это письмо принцесса прислала свой взносъ и просила записать ее въ члены Общества.

Отдавая свои силы *Обществу Подругъ*, Пальмъ вмѣстѣ съ тѣмъ не переставала посѣщать за- сѣданія *Соціального Кружка*. 18 марта она рѣз- ко упрекала редактора «Всеобщей газеты» Се-

¹⁾ Bibl. nat., mss. Fr. n. a. 2673, n° 183.

ризе въ томъ, что онъ въ награду за свои нападкн на голландское правительство получилъ отъ министерства Сенъ-При сумму въ 1000 ливровъ, взятую изъ фонда, предназначеннаго для выдачи пенсій голландскимъ эмигрантамъ. Черезъ нѣсколько дней журналистъ выступилъ на трибунѣ цирка съ энергической самозащитою. Пальмъ хотѣла было ему возражать, но председатель положилъ конецъ этому инциденту, заявивъ, что Обществу не подобаетъ вмѣшиваться въ частные споры.

Въ концѣ марта она поручила Дюплесси прочитать въ *Союзъ Друзей* ея рѣчь, «содержавшую выдержки изъ письма члена голландскихъ Генеральныхъ Штатовъ, которое передано было въ руки Фрето. Голландскій сановникъ говорить въ этомъ письмѣ о благосклонномъ отношеніи республики къ новой французской конституціи». Она, какъ прибавляетъ *Bouche de fer* набросала интересную картину Голландіи, «у которой нѣтъ ни Бастиліи, ни Красной книги, и населенію которой не оставалось бы больше ничего желать, если бы оно само выбирало своихъ должностныхъ лицъ».

Госпожа Роланъ также интересовалась дебатами палерояльскаго кружка. 6 апрѣля 1791 года она писала Анри Ванкалю: «...Что касается *Соціального Кружка*, то я постараюсь, чтобы онъ не позже, чѣмъ черезъ два дня, получилъ письмо, способное побудить его дѣйствовать вмѣстѣ съ вами, если только онъ обладаетъ энергіей и активностью; я уже однажды писала ему при другихъ обстоятельствахъ, однако не называя

себя, ибо я полагаю, что наши нравы не допускаютъ еще публичнаго выступленія женщинъ. Онѣ должны внушать добро, а также питать и возбуждать всѣ чувства, полезныя для отечества, но не должны показываться явно въ качествѣ активныхъ пособницъ въ политическихъ дѣлахъ. Онѣ смогутъ выступать открыто только тогда, когда всѣ французы заслужатъ названіе свободныхъ людей. А до тѣхъ поръ наше легкомысліе и наша испорченность сдѣлаютъ всѣ попытки женщинъ въ этомъ направленіи, по меньшей мѣрѣ, смѣшными...»

Три мѣсяца спустя, *Соціальный Кружокъ* закрылъ свои двери, а 20 іюля газета *Bouche de fer* перестала выходить, и *Союзъ Друзей Истины* прекратилъ свое существованіе. Общество *Подругъ Истины* не исчезло вмѣстѣ съ нимъ: въ апрѣлѣ 1792 года Этта Пальмъ исполняла еще функціи секретаря, а кассиршей была г-жа Бушо. Въ номерѣ «Парижскихъ Революцій» отъ 7 апрѣля основательница перваго женскаго кружка жалуется на полный индифферентизмъ, выказанный къ ея начинанію всѣми тѣми, къ кому она обращалась, а именно секціями, епископами, священниками и богатыми людьми, «которые всегда находятъ, что у нихъ еще мало денегъ».

За все время *Подруги Истины* получили только одно пожертвованіе въ 100 ливровъ; но сумма, составившаяся изъ взносовъ, позволила имъ затратить 700 ливровъ на покупку для трехъ бѣдныхъ дѣвушекъ патентовъ на право обученія ремеслу у двухъ портныхъ и одной кружевницы. Есть всѣ основанія предполагать, что это бла-

готовительное женское общество распалось осенью 1792 года.

1 апрѣля 1792 года Пальмъ появилась у рѣшетки Національнаго Собранія во главѣ женской депутаціи: «Мы пришли сюда,—воскликнула она,—требовать отъ имени общества, чтобы законы уравнили нашъ полъ съ мужскимъ»...

Послѣ долгаго восхваленія женскихъ добродѣтелей, послѣ утвержденія, что женщины не уступаютъ мужчинамъ въ мужествѣ, въ талантахъ и почти всегда превосходятъ ихъ воображеніемъ, «бывшая баронесса д'Альдерсъ потребовала, чтобы впредь женщины допускались къ занятію всѣхъ штатскихъ и военныхъ должностей... Женщины,—говорила она,—раздѣляли опасности Революціи, почему же онѣ не участвуютъ въ ея выгодахъ? Мужчины сдѣлались, наконецъ, свободными людьми, а женщины все еще продолжаютъ оставаться рабынями тысячи предразсудковъ. Въ виду этого она требовала:

- 1) Чтобы Собраніе дало дѣвушкамъ моральное и національное воспитаніе;
- 2) чтобы женщины объявлялись совершеннолѣтними по достиженіи 21 года;
- 3) чтобы обоимъ поламъ предоставлены были политическая свобода и равенство правъ;
- 4) чтобы былъ установленъ разводъ».

Президентъ отвѣтилъ ей, что Собраніе поставается въ новыхъ законахъ избѣгнуть всего того, что могло бы возбудить сожалѣнія и скорбь гражданокъ. Онъ оказалъ депутаціи приѣмъ, установленный для почетныхъ гостей, и передалъ пе-

тицію въ законодательный комитетъ и въ комитетъ народнаго просвѣщенія ¹⁾.

Въ сентябрѣ Лебрэнъ поручилъ Пальмъ съѣздить въ Голландію и разузнать, согласны ли Соединенныя Провинціи принять французскаго посланника. Основательница Общества *Подругъ Истины* была 3 ноября принята голландскимъ министромъ Ванъ де Спигелемъ, но потерпѣла неудачу въ переговорахъ съ нимъ.

Говорили, будто вслѣдствіе этой неудачи ей воспрещенъ былъ въѣздъ во французскіе предѣлы, но мы полагаемъ, что она находилась еще въ Парижѣ 30 января 1793 года,—день, въ который она дала галантерейному торговцу Брюнелю полную довѣренность на управление своимъ имуществомъ. Впрочемъ, Пальмъ успѣшила выѣхать изъ Франціи, гдѣ ея умѣренность и иностранное происхожденіе начинали возбуждать противъ нея двойное подозрѣніе.

Она попрежнему жила на улицѣ Фаваръ, 348. Ея бумаги, содержавшія нѣсколько рукописей на голландскомъ языкѣ, въ томъ числѣ переводъ одной рѣчи Мирабо, были объявлены подозрительными и опечатаны; на имущество же ея былъ наложенъ секвестръ, такъ какъ, несмотря на свое иностранное происхожденіе, она была признана эмигранткой.

Въ описи ея движимаго имущества мы находимъ бюстъ Камилла Демулена, много корсетовъ и 4 фарфоровыя куклы. По уплатѣ ея долговъ остался, кажется, излишекъ въ 752 ливра.

¹⁾ Archives Parlementaires (XLI—63).

Элизъ Пальмъ послала 7 января 1792 года президенту Законодательнаго Собранія сдѣланнн ею голландскій переводъ «Заявленія Собранія европейскимъ державамъ». Этимъ она пошла навстрѣчу желанію депутатовъ, которые 29 декабря предыдущаго года вотировали переводъ манифеста Кондорсе на всѣ европейскіе языки.

Въ продолженіе двухъ лѣтъ Пальмъ спокойно жила въ Голландіи; но въ 1795 году, послѣ провозглашенія Батавской республики, она была арестована, какъ оранжистка и около трехъ лѣтъ просидѣла въ тюрьмѣ. Что случилось съ нею послѣ освобожденія, совершенно неизвѣстно.

Вся эта феминистская агитація не понравилась газетѣ «Парижскія Революціи», и въ номерѣ отъ 7 апрѣля 1792 года она напечатала рѣзкую выходку противъ женщинъ, занимающихся политикой. Авторъ этой замѣтки, въ сильнѣйшей степени одаренный мужскимъ эгоизмомъ, дошелъ даже до заявленія, что, хотя онъ и является истиннымъ сторонникомъ развода, онъ не находитъ, однако, *неприличнымъ*, чтобы его могла требовать женщина! «Несчастливая жена, — писалъ онъ, — скорѣе умретъ на своемъ посту, чѣмъ, хоть на минуту, покинетъ его для принесенія жалобы... Что же касается женскаго воспитанія, то оно должно ограничиваться воспитаніемъ сердца и обученіемъ хозяйству».

Чтобы дать понятіе объ обычномъ антифеминизмѣ газеты Приюдома, мы приведемъ слѣдующую выдержку изъ номера отъ 26 ноября 1791 года:

«Изъ всего того, что дѣлается внѣ ея дома, женщина должна знать только то, что ея роц-

тели или ея мужъ сочтутъ нужнымъ ей сообщить... Мы не беремъ на себя задачи являться къ вамъ съ поученіями, какъ вамъ любить вашихъ дѣтей, избавьте же себя отъ труда являться въ наши клубы, чтобы учить насъ обязанностямъ гражданъ...»

5 февраля 1791 года «Парижскія Революціи» выразили все свое презрѣніе женщинамъ, *умѣющимъ лучше владѣть языкомъ, чѣмъ пикой*.

«Въ продолженіе трехъ дней въ Парижѣ гудѣлъ набатъ... Гремѣли пушки, но онѣ не возбѣдали праздника. Производимыя народомъ казни залили площади кровью, и толпа носила головы виновныхъ даже по увеселительнымъ садамъ. Женщины изъ народа, первыя въ опасности, пожелали играть роль въ этой національной драмѣ и показали себя гражданками; другія бѣжали отъ этого мужественнаго и импозантнаго зрѣлища; благодаря своему слабому сложенію, онѣ не могли его выдержать: обмороки, нервныя припадки, преждевременныя роды, показали тогда, какую роль эти нѣженки смогутъ въ послѣдствіи играть въ этомъ великомъ политическомъ кризисѣ. Онѣ остались вѣрны себѣ, и немногія изъ нихъ сумѣли настроить свои голоса въ тонъ революціи».

Съ поразительнымъ отсутствіемъ логики авторъ статьи, разглагольствовавшей на нѣсколькихъ страницахъ о томъ, что «не подобаешь хозяйству быть оставленнымъ ни на одну минуту», и требовавшей, чтобы клубистки заткнули ротку, спѣшить рекомендовать уличнымъ мегерамъ тактику прямого дѣйствія: «Ступайте къ общему

дому; бросайте змѣй угрызенія совѣсти въ души робкихъ; опьяните до конца сердца патриотовъ. Пусть нѣжность голубицы уступить въ васъ мѣсто рыканіямъ львицы, у которой отняли ея дѣтенышей... Пустите все въ ходъ противъ нашихъ враговъ, храбрость и хитрость, желѣзо и ядъ, отравите колодцы, пищу; пусть воздухъ насытится смертными приговорами...»

На языкѣ простыхъ смертныхъ это означало у насъ уже и такъ слишкомъ много болтуновъ въ клубахъ, поэтому не являйтесь туда, чтобы еще больше загромождать ихъ, но зато мы охотно предоставляемъ вамъ право вытворять на улицахъ наихудшіе революціонные эксцессы.

Всѣ симпатіи вліятельной газеты принадлежали тому разряду женщинъ, которыя должны были вскорѣ сдѣлаться фуриями гильотины, тѣмъ, которыя кричали «бисъ!» послѣ исполненія смертной казни ¹⁾.

Во время бѣгства въ Вареннъ «Революціи» ²⁾ снова меланхолично констатировали превосходство извѣстной категоріи женщинъ. «Обратно доставили короля въ Парижъ гражданки, а упустили его мужчины».

На такой же точкѣ зрѣнія стояло и Національное Собраніе. 25 октября 1791 года президентъ его отвѣтилъ депутаціи прихожанокъ Сентъ-

¹⁾ Пурвуайеръ въ своемъ докладѣ по полиціи отъ 26 плювіоза III года указываетъ, что онъ слышалъ на улицахъ слѣдующіе разговоры: „Удивительно, насколько озвѣрѣли женщины. Онѣ ежедневно присутствуютъ на смертныхъ казняхъ“. (Arch. nat., W—191).

²⁾ № 102.

Сюльписской церкви, явившейся съ протестомъ противъ совершенія тайныхъ крестинъ, «...что, такъ какъ природа создала женщинъ для утѣшенія мужчины, онъ убѣдительно проситъ ихъ не вмѣшиваться въ общественныя дѣла» ¹⁾.

¹⁾ Journal de Paris, 26 октября.

Г Л А В А Ш.

Братскія общества обоого пола.

МАДАМЪ РОБЕРЪ-КЕРАЛЬО.

Народныя общества и различные парижскіе клубы.

„Возстаніе сдѣлается возможнымъ только тогда, когда въ немъ примутъ участіе женщины“.

Мирабо.

Въ началѣ 1791 года появилось небольшое сочиненіе, подъ заглавіемъ «Предостереженіе французамъ относительно клубовъ», въ которомъ разоблачалась опасность, грозившая отъ представленія клубамъ возможности пріобрѣтать столь значительное вліяніе.

«Со всѣхъ сторонъ,—говорилось тамъ,—основываются клубы... Страсть къ клубамъ охватила всѣ классы, всѣ возрасты, всѣ полы. Ремесленники бросаютъ свои работы и отправляются молотъ вздоръ въ клубы. Въ другихъ мѣстахъ (въ Алэ) злобой дня увлекаются молодыя дѣвушки; въ третьемъ мѣстѣ *даже* женщины устраиваютъ клубы, въ которыхъ научаются поклоняться новому идолу фанатизма... Въ скорости вся Франція обратится въ одинъ клубъ!»

Намъ не удалось собрать никакихъ свѣдѣній объ этомъ клубѣ въ Алэ, но изъ предыду-

щаго абзаца, повидимому, слѣдуетъ, что это было не чисто женское общество.

Впрочемъ, клубовъ гражданокъ вообще было немного, и кромѣ *Общества Подругъ Истины*, въ Парижѣ существовалъ лишь клубъ *Революціонныхъ гражданокъ*, открывшійся въ концѣ 1793 года.

Напротивъ, гораздо болѣе значительнымъ было число смѣшанныхъ клубовъ, называвшихся обыкновенно *Братскими обществами обоого пола*, и *Народныхъ обществъ*, куда въ большинствѣ случаевъ допускались и женщины.

Первое изъ этихъ обществъ образовалось въ Парижѣ въ самомъ началѣ осени 1790 г. благодаря безкорыстнымъ усиліямъ одного бѣднаго содержателя пансіона, по имени Клодъ Дансаръ. «Этотъ гражданинъ,—говоритъ «Парижская Хроника» отъ 21 ноября 1790 г.,—движимый чувствомъ патріотизма, каждый вечеръ собираетъ въ одномъ изъ залъ Якобинскаго клуба нѣсколькихъ ремесленниковъ, торговцевъ фруктами и зеленью изъ мѣстнаго квартала съ ихъ женами и дѣтьми для того, чтобы читать и объяснять имъ декреты Національнаго Собранія. Съ этой цѣлью онъ каждый разъ приноситъ съ собою въ карманѣ огарокъ свѣчи съ трутомъ и огнивомъ; а когда въ послѣдній разъ собравшіеся рисковали остаться безъ свѣта, нѣсколько слушателей сложились для покупки другой свѣчи, что дало возможность продолжить засѣданіе до 10 часовъ ночи къ великому удовольствію всего собранія».

Эта семейная картинка несомнѣнно нѣсколько

шаржирована, такъ какъ въ это время *Братское общество патриотовъ обоого пола, всякаго возраста и всѣхъ состояній* печатало рѣчи своего предсѣдателя, а 5 декабря устроило торжественный приемъ Ламету. Въ этотъ день читались слѣдующія «Заповѣди Отечества»:

Пылко защищай
Теперь свободу...
Отъ всѣхъ монаховъ очищай
Непремѣнно Францію...
Законникамъ остриги
Когти до корня...
Сохрани свое уваженіе
Для добродѣтелей, а не для денегъ...

Во всякомъ случаѣ этотъ золотой вѣкъ продолжался недолго, и вскорости *Братское общество* превратилось въ настоящій политическій клубъ. Его вліяніе даже быстро росло, если судить по именамъ эмиссаровъ, которыхъ туда послали 21 февраля 1791 года Друзья Конституціи. Эта депутація, состоявшая изъ Мирабо, Барнава, Дюпора и Дюбуа-Крансе, явилась въ указанный день благодарить Б. О. за то, что оно увѣдомило якобинцевъ «объ увозѣ евреями съ улицы Проповѣдниковъ слитковъ съ англійскимъ клеймомъ и призвать его къ особой рачительности въ продолженіе этой недѣли, которую враги общественнаго спокойствія предполагаютъ сдѣлать крайне бурной»¹⁾. Въ томъ же засѣданіи рѣ общество явилась депутація отъ рыночныхъ торговъ, для того, чтобы заявить о своемъ патриотизмѣ.

1) Courrier, 20 и 22 февраля 1791 года.

Якобинцы постепенно начали освобождаться отъ своего предубѣжденія противъ присутствія женщинъ въ клубахъ. Тремя мѣсяцами раньше они опредѣленно выразили свои чувства въ этомъ отношеніи, отвѣтивъ Б. О., «что они охотно примутъ его депутацію на томъ условіи, что она будетъ составлена исключительно изъ мужчинъ... Важныя соображенія взяли въ данномъ случаѣ верхъ надъ его естественной склонностью»¹⁾.

Въ концѣ марта, Общество, перестроенное на новыхъ началахъ, приняло названіе *Братскаго общества патриотовъ обоого пола, Защитниковъ* (впоследствии Друзей) *Конституціи*. Если вѣрить Маршану (*Якобинеида*), Дансаръ, замѣтивъ, что его дѣтище пошло по дурному пути, отрекся отъ него. И дѣйствительно, бѣднякъ долженъ былъ страдать при видѣ того, какъ политика постепенно вторгалась къ нему, а затѣмъ совершенно вытѣснила его мирные курсы взаимнаго обученія; во всякомъ случаѣ представляется болѣе вѣроятнымъ, что онъ былъ, въ результатѣ государственнаго переворота, лишенъ безсмѣннаго президентства, которое онъ присвоилъ себѣ по уставу, но явнымъ образомъ въ ущербъ демократическимъ принципамъ.

Этотъ маленькій переворотъ совершился, вѣроятно, около середины марта, потому что 18-го «Департаментская Почта» напечатала слѣдующую замѣтку: «Патріотъ Дансаръ предупреждаетъ, что частныя обстоятельства побуждаютъ его прервать свои засѣданія до 1 апрѣля; до того времени онъ

1) Discours civiques de M. Dansard.

будетъ участвовать въ засѣданіяхъ лишь въ качествѣ простаго члена ¹⁾... Онъ заявляетъ, что такъ какъ общество преслѣдуетъ *чисто просвѣтительныя* цѣли, то не будутъ допущены никакія предложенія, противныя регламенту, который будетъ выработанъ по этому поводу... Члены должны записываться у одного изъ 24 комиссаровъ или у него, въ домъ № 16, по улицѣ Паршеминери. Никакихъ сборовъ производиться не будетъ, а для полученія права входа достаточно быть членомъ общества».

«Основатель и отецъ Братскаго общества маленкихъ якобинцевъ» начиналъ, несомнѣнно, казаться слишкомъ умѣреннымъ. 8 апрѣля онъ выступилъ въ *Соціальномъ Кружкѣ* съ предложеніемъ открыть подписку для того, чтобы отслужить панихиду по Мирабо, и этимъ себя скомпрометировалъ.

Во главѣ новаго клуба стали Франсуа Робертъ, тщеславный мужъ г-жи Керальо, Митье, аббатъ Матье, Ноэль и Пепенъ Дегруэтъ. Начиная съ апрѣля 1791 года, засѣданія происходили по вторникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ въ 4 часа въ библиотекѣ якобинскаго монастыря на улицѣ Сентъ-Онорэ. ²⁾

Какой-то анонимный поэтъ воспѣлъ реорганизацію *Братскаго общества обоого пола*:

Это скромное и добродѣтельное общество
 Всегда будетъ счастливо благомъ французовъ;
 Конституція и законы всегда будутъ
 Предметомъ его любви, предметомъ его рѣчей.

1) Это, несомнѣнно, онъ и „украсть“ 27 марта ключи отъ часовни, въ которой происходили собранія.

2) Сначала *Братское Общество* собиралось въ трапезной, а затѣмъ въ одной изъ небольшихъ часовенъ.

Многочисленные женскіе члены общества имѣли право на два мѣста «сестеръ-секретаршъ», на обязанности которыхъ лежало веденіе списковъ кандидатокъ въ члены общества».

Въ февралѣ 1791 года принадлежавшія къ составу общества молодыя дѣвушки проявили свой гражданскій духъ, поклявшись «скорѣе умереть въ дѣвчествѣ, чѣмъ выйти замужъ за аристократа», и потребовавъ, чтобы въ интересахъ равенства введено было обязательное обращеніе на «ты».

Въ теченіе года съ лишнимъ дѣла *Братскаго Общества* шли прекрасно, и оно насчитывало въ своемъ составѣ большое число политическихъ дѣятелей: въ немъ принимали участіе герцогъ Шартрскій, Дантонъ, Тальенъ, Редереръ, Мерленъ и Манюэль. Именно здѣсь Геберъ познакомился съ Маріей Гупиль, бѣглою монашенкой, которая скоро сдѣлалась его женой; на скамьяхъ этого зала часто спалъ Сентъ-Юрюжъ, когда не имѣлъ крова.

Среди членовъ этого общества фигурировали госпожи Робертъ-Керальо, Муатъ изъ Художественной Академіи (¹⁾), Пальмъ д'Альдерсъ, Теруанъ де Мерикуръ, Полина Леонъ, а впоследствии даже

1) Г-жа Муатъ явилась 7 сентября 1789 г. въ Національное Собраніе съ депутаціей женъ и дочерей художниковъ, для того чтобы предложить націи свои драгоценности.

Черезъ нѣсколько дней этому примѣру послѣдовали жены золотыхъ дѣлъ мастеровъ. „Нашъ полъ, — заявила отъ ихъ имени г-жа Ригаль, — исключень изъ трулныхъ должностей, но онъ допускается къ двумъ не маловажнымъ занятіямъ: къ проявленію деликатныхъ добродѣтелей и къ героическому самопожертвованію... Принесемъ же на алтарь отечества лепту вдовицы“. (Bibl. nat.. Lb⁹⁹, 2362).

госпожа Роланъ. Въ засѣданіи 13 декабря 1791 года около трехсотъ членовъ обоого пола подписали адресъ протеста «противъ королевскаго вето въ вопросѣ о присягнувшихъ священникахъ».

Супруги Роберъ-Керальо въ своей газетѣ «Национальный Вѣстникъ» привѣтствовали развитіе общества въ слѣдующей коротенькой замѣткѣ, помѣченной 8 іюня 1791 года: ¹⁾.

«Честь и слава интереснѣйшей половинѣ человеческого рода! До сихъ поръ женщины-патріотки мало принимались въ расчетъ, но теперь въ дѣло вмѣшались также непорочность и грація, и дѣло навѣрняка пойдетъ на ладъ (Ça ira)».

Напротивъ, противники «бабьяго притона, именуемаго братской кликой», распространяли слѣдующую пѣсенку:

Смѣни же, дочка,
Перо на иглу;
Сожги свою бумагу:
Возьмись-ка лучше
За пряденье и шитье;
Это твое ремесло ²⁾.

Госпожа Роберъ, происходившая изъ старинной бретонской семьи Гинеманъ де Керальо, была одной изъ любопытныхъ женскихъ фигуръ Революціи. Оларъ надѣляетъ ее даже титуломъ «истинной основательницы республиканской партіи... члены которой, впрочемъ, въ теченіе продолжитель-

¹⁾ Госпожа Керальо основала 13 августа 1789 газету Le Journal d'Etat et du Citoyen. Сдѣлавшись госпожей Роберъ, бывшей Керальо, она въ слѣдующемъ году опубликовала въ Мерсиге (II, 6), рѣзкую діатрибу противъ католичекъ и роялистовъ, которыя возбудили въ Монтобанѣ кровавый бунтъ 10 мая.

²⁾ Якобинейда (Jacobinède).

наго времени свободно могли бы всѣ умѣститься на ея диванѣ».

Мадемуазель Луиза-Фелиситэ де Керальо ¹⁾, родившаяся въ Парижѣ 25 августа 1758 года, была членомъ аррасской Академіи ²⁾ и реннского Патріотическаго общества. Помимо десятковъ двухъ составленныхъ, изданныхъ или переведенныхъ ею сочиненій, ей обыкновенно приписываются «Преступленія королевъ Франціи», опубликованныя Приюдомомъ. Луиза Роберъ была первой женщиной, потребовавшей низложенія Людовика XVI.

«Это была,—говоритъ нелюбившая ее госпожа Роланъ,—маленькая женщина, остроумная, ловкая и гордая... и довольно непослѣдовательная». Мужъ ея, напротивъ, былъ совершенно зауряднымъ человѣкомъ, и большинство его сочиненій, повидимому, написаны его женой ³⁾.

¹⁾ Она была дочерью Луи-Феликса де Керальо (1731—1793), члена Академіи надписей. Этотъ ученый, профессоръ военной школы и королевскій переводчикъ, написалъ и перевелъ множество сочиненій. Сначала поклонникъ революціи, онъ вскорѣ осудилъ ея излишества. Его жена также была причастна къ литературѣ.

²⁾ Она была принята туда въ концѣ 1786 г. Мадемуазель де Керальо сейчасъ же послала аррасской Академіи планъ „Универсальнаго Цензора“; ея вступительная рѣчь была прочтана въ засѣданіи 7 апрѣля.

³⁾ Пьеръ-Франсуа-Жозефъ Роберъ родился 21 января 1763 г. въ Жимне Льежской провинціи. Адвокатъ, затѣмъ профессоръ государственнаго права при Филосовскомъ обществѣ, онъ женился на мадемуазель Керальо въ 1791 г. Въ предшествующемъ году онъ напечаталъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Принятіе республиканскихъ идей во Франціи“. Дантонъ въ бытность свою министромъ взялъ его къ себѣ въ секретари.

Вотируя смерть Людовика XVI, Роберъ при этомъ выразилъ сожалѣніе, что «его компетенція не распространяется на всѣхъ тирановъ, которыхъ онъ охотно приговорилъ бы огуломъ къ смертной казни». Такой добрый республиканецъ не могъ быть осужденъ, какъ простой монополистъ: поэтому, когда 27 сентября 1793 года чернь ворвалась въ его домъ для того, чтобы разграбить его погребъ, наполненный боченками рома, комиссаръ Конвента отказался возбудить противъ него преслѣдованіе, придя послѣ семичасового размышленія къ тому выводу, что *ромъ не водка!* Подъ давленіемъ Лебона и Сень-Жюста Национальное Собраніе 17 вандемьера II года присоединились къ этому мнѣнію. Послѣ паденія Дантона Роберъ былъ посланъ съ миссіей въ Льежъ, но вскорѣ былъ отозванъ и съ тѣхъ поръ занимался поставками. Принужденный покинуть отечество въ 1816 году, онъ поселился въ Брюсселѣ, гдѣ открылъ виноторговлю. Здѣсь онъ и умеръ въ 1826 году, переживъ свою жену на 5 лѣтъ.

Братское общество, которое 19 апрѣля протестовало противъ адреса департамента, посланнаго королю, постановило 17 іюля, что «такъ какъ суверенитетъ принадлежитъ единственно и исключительно націи, то временные его носители могутъ обладать имъ только по ея волѣ». Впослѣдствіи оно протестовало также противъ таннаго допроса Людовика XVI и требовало, чтобы этотъ допросъ былъ повторенъ на трибунѣ.

Госпожа Роберъ-Керальо неоднократно выступала съ рѣчами въ *Братскомъ обществѣ*. Такъ,

4 декабря 1791 года она говорила о печальномъ состояніи больницъ, этихъ учреждений, которыя общественное состраданіе основало для облегченія человѣческихъ страданій. но въ которыхъ чело-вѣчность, быть можетъ, постыднѣйшимъ образомъ игнорируется и недостойнѣйшимъ образомъ преслѣдуется... Я полагала, что можно извлечь значительную выгоду изъ присоединенія нѣсколькихъ женщинъ къ инспекторамъ, назначеннымъ секціею. Ихъ домашнія обязанности, обязанности священныя и важныя для общественнаго порядка, запрещаютъ имъ отправленіе всякихъ административныхъ функцій, и я отнюдь не претендую на то, чтобы вырвать ихъ изъ ихъ сферы, такъ какъ самыя хорошія вещи, будучи не на мѣстѣ, теряютъ всякую цѣну. Но способность проникать въ мелочи, которая выработалась у нихъ благодаря ихъ хозяйственнымъ заботамъ, дѣлаетъ ихъ годными къ предположенной инспекціи. То, что ускользнетъ отъ общихъ наблюденій мужчины, скорѣе бросится имъ въ глаза, какъ во время обхода, такъ и при детальномъ разсмотрѣніи отчетности. Онѣ лично будутъ пробовать бульонъ и осматривать говядину.

...Но не выбирайте женщинъ, испорченныхъ привычкой къ роскоши и праздности, ибо существо не страдающее не знаетъ, какія могутъ быть страданія, а беззаботность это могила всѣхъ общественныхъ и частныхъ добродѣтелей. Вы лѣчите тѣло, но отравляете душу. Необходимы лѣчебницы для больныхъ, рабочіе дома для бѣдныхъ, исправительныя пріюты для испорченныхъ субъектовъ»¹⁾.

¹⁾ Extrait des délibérations de la S. F. du 4 décembre de l'an III (de la Liberté).

Въ 1793 году Луиза Роберъ опубликовала крайне рѣзкій *Отвѣтъ г-ну Луве*. «...Луве,—говоритъ она,—утверждаетъ, что Робеспьеръ и Маратъ въ 1791 году часто собирались у Робера... Маратъ никогда тамъ не бывалъ и никогда бывать не станетъ; Робеспьеръ никогда тамъ не бывалъ, онъ придетъ туда, когда пожелаетъ... Что произошло между тобою и мною, что ты позволяешь себя вырывать меня изъ моего удивленія, въ которомъ я безъ шума выполняю свои обязанности супруги и матери?.. Ты влагаешь мнѣ въ уста свой языкъ, ты заставляешь меня говорить по идиотски, меня, которая признавалась извѣстной величиной въ дѣлѣ развитія революціонныхъ принциповъ задолго до того, какъ кто-либо могъ даже помыслить о существованіи политическаго недоноска, которому суждено было въ одинъ прекрасный день закопшиться въ пыли храма свободы»...

Десятка съ три рѣчей, произнесенныхъ въ *Братскомъ Обществѣ*, были напечатаны. Укажемъ «Патріотическое изложеніе первой статьи правъ человѣка» (безъ даты), «Рѣчь» (о равенствѣ), другую рѣчь брата Буфара «Ко всѣмъ секціямъ Республики» (безъ даты), «Рѣчь молодого патріота о неотложныхъ мѣропріятіяхъ» (22 января 1792 г.); рѣчь Марка-Антонія Жюльена-сына «О декретѣ, отмѣняющемъ конгрегациі» (8 апрѣля 1792 г.), и, наконецъ, «Рѣчь Мишеля Перро», рекомендующую обратиться къ Верховному Существо съ просьбой о томъ, чтобы на землѣ воцарились республиканскія добродѣтели.

Госпожа Роберъ иногда появлялась также на

трибунѣ Якобинскаго клуба: 6 августа 1792 года она растрогала слушателей драматическимъ разсказомъ о покушеніи, отъ котораго ей удалось спастись. Три аристократа пытались сорвать съ нея кокарду, но «небольшой ножъ, твердые отвѣты и свертокъ ноть» позволили ей отразить удары и обратить въ бѣгство своихъ противниковъ!

Якобинцы часто допускали женщинъ къ участию въ засѣданіяхъ на правахъ почетныхъ гостей: однажды они усадили справа отъ предсѣдателя гражданку Мари, вдову Гилло, бывшую канониршу лильскаго Национальной Гвардіи; въ другой разъ они привѣтствовали мадемуазель Монникъ, участницу клуба *Добровольцевъ*, за храбрость, проявленную во время возмущеній, и за энергію, выказанную ею въ клубахъ, а въ февралѣ 1792 года Манюэль, поздравивъ Теруанъ за произнесенныя ею слова, прибавилъ: «Мы только что выслушали одну изъ первыхъ амазонокъ свободы; я предлагаю, чтобы она, предсѣдательница своего пола, сидѣла сегодня рядомъ съ нашимъ предсѣдателемъ и была назначена почетной предсѣдательницей». *Женскій Наблюдатель* (№ 5), редактируемый г-жей Верть-Алпюръ (псевдонимъ Лемонтэ), заявилъ: «Мадемуазель Теруанъ приводитъ въ изумленіе кордельеровъ».

4 марта Теруанъ де Мерикуръ имѣла гораздо меньшій успѣхъ, когда отъ имени *Б. О.* предложила якобинцамъ устроить празднество, «имѣющее цѣлью поднять общественное настроеніе на надлежащую высоту»; это предложеніе было встрѣчено довольно враждебно, причемъ присутствовав-

шіе рѣзко упрекали делегатку за то, что она явилась говорить о празднествѣ наканунѣ всеобщей войны. Пламенная амазонка отвѣтила, что ее плохо поняли, и что она имѣла въ виду говорить лишь о простой церемоніи.

12 іюля 1792 года одна ораторша изъ *Б. О.* снова выступила въ Якобинскомъ клубѣ и пригласила гражданокъ, находившихся на хорахъ, «присоединить свои усилія къ ея собственнымъ, чтобы добиться отъ Національнаго Собранія отъѣны мѣры, которою Петіонъ и Манюэль временно отрѣшались отъ должности».

Если въ 1792 году самыя выдающіяся ораторши начали такимъ образомъ выступать въ Якобинскомъ клубѣ, то это объяснялось тѣмъ, что слушатели начали покидать *Братское общество*. Тщетно Патріоты обоого пола пытались упиваться словами и старались не отстать отъ стремительнаго потока новыхъ идей, имъ ненадолго удалось удержаться въ діапазонѣ «Друзей Конституціи». Съ этого момента Братья и Сестры были признаны недостаточно горячими республиканцами, и вліяніе ихъ начало испаряться, какъ дымъ.

12 іюня 1792 года одна гражданка изъ *Б. О.* явилась къ якобинцамъ съ жалобой на то, что мужчины бѣгутъ съ ихъ засѣданій: «Нынѣ они считаютъ ниже своего достоинства являться къ намъ для того, чтобы продолжать свое образованіе въ нашей средѣ. Развѣ такое поведеніе не равносильно нарушенію законовъ равенства и щеголянню извѣстнаго рода превосходствомъ?.. Скоро мы принуждены будемъ прекратить свои со-

бранія, если вы не вернетесь въ нашу среду».

Эта трогательная просьба не произвела, очевидно, большого впечатлѣнія, такъ какъ мужчины продолжали блистать своимъ отсутствіемъ, а ораторши, когда хотѣли имѣть слушателей, обыкновенно отправлялись въ Якобинскій клубъ. Иногда онѣ даже посылали туда своихъ дѣтей читать «съ патріотической интонаціей» Декларацію правъ человѣка.

12 февраля 1792 года въ *Братскомъ Обществѣ* устроенъ былъ большой праздникъ освященія бюстовъ Руссо, Франклина, Вольтера и Мирабо.

Восемь Сестеръ были назначены для встрѣчи кортежа, который несъ съ собою камень отъ Бастиліи, и въ составъ котораго входили слѣдующія дѣти обоого пола, руководимыя нѣкимъ Гои. Драгоценный камень былъ положенъ посреди бюстовъ, а затѣмъ «молодыя гражданки, простыя, какъ равенство, и прекрасныя, какъ свобода», возложили на головы героевъ гражданскія вѣнки.

Послѣ этого гражданинъ Жоли, «ученикъ патріота Паллуа», обратился къ присутствующимъ съ рѣчью: «...Повсюду,—говорилъ онъ,—гдѣ будетъ покоиться камень отъ Бастиліи, будетъ рождаться отвращеніе къ тиранамъ!» Въ концѣ своей рѣчи онъ обратился къ гражданамъ: «А вы, матери и супруги, вы сдѣлали для Революціи столько же, сколько и мы, и мы охотно отдаемъ вамъ въ этомъ отношеніи справедливость, но вамъ остается выполнить еще болѣе почтенную задачу. Великіе перевороты рождаются посреди бурь, одно лишь время можетъ ихъ ути-

шить... Научите же вашихъ дѣтей, вмѣстѣ съ нѣжными именами отца и матери, лепетать имена отечества и свободы; пусть при упоминаніи этого священнаго имени заблещетъ его взоръ, затрепещетъ его сердце, и, когда онъ подростетъ, пусть нація обязана будетъ вамъ гражданиномъ, защитникомъ ея правъ и, подобно отцамъ своимъ, грозою тирановъ»¹⁾.

Это празднество, состоявшееся подъ предсѣдательствомъ Мерлена де Дуэ, закончилось пѣніемъ „Са ira“ «любимой пѣсни патріотовъ».

2 іюня 1792 года *Братское Общество*, взявшее себѣ девизомъ Свободу, *Бдительность*, Равенство, выработало новый регламентъ. «Друзья Конституціи, — гласитъ этотъ документъ, — питающіе лишь любовь къ свободѣ и равенству, будутъ мирно обсуждать общественныя дѣла, тщательно блюдя надъ исполненіемъ законовъ и надъ поведеніемъ должностныхъ лицъ, поставленныхъ для ихъ исполненія, такъ какъ народъ по существу имѣетъ право требовать отчета отъ администраціи».

Для поступления въ Общество необходимо было представленіе кандидата однимъ изъ его членовъ и рекомендація двухъ братьевъ или сестеръ. Въ случаѣ возникшаго протеста примирительный комитетъ, состоявшій изъ 6 гражданъ и 6 гражданокъ, представлялъ докладъ объ опороченной кандидатурѣ, а «Общество постановляло рѣшеніе по мудрости своей».

¹⁾ Extrait du procès-verbal de la séance du dimanche 12 février 1792.

Вотъ формула присяги, которая требовалась отъ всѣхъ вновь вступающихъ членовъ: «Клянусь быть вѣрнымъ Паціи, Закону и Королю и всѣми силами охранять французскую Свободу и Права человѣка и гражданина. Обѣщаю остаться вѣрнымъ регламенту общества, доколѣ онъ пребудетъ въ силѣ». Это была мудрая предосторожность, имѣвшая въ виду облегчить пересмотръ устава; присяга королю была вскорѣ замѣнена присягою «единству Республики».

Статья 18 гласила: «Такъ какъ свободный обмѣнъ мыслями и взглядами составляетъ одно изъ наиболѣе неотъемлемыхъ правъ человѣка, ни одинъ членъ общества не вправѣ будетъ прерывать оратора или отказывать ему въ словѣ, а лишь опровергать его, когда онъ кончитъ свою рѣчь»¹⁾.

15 августа 1792 года *Братское Общество* признано было, послѣ предварительнаго разслѣдованія, высказаться за исключеніе двухъ цвѣтныхъ женщинъ, сестеръ Майяръ и Корбень, уличенныхъ въ томъ, что онѣ:

- 1) требовали ниспроверженія всѣхъ королевскихъ статуй;
- 2) пытались 14 іюля ударить въ набатъ въ церкви Сенъ-Рошъ, якобы отъ имени Общества;
- 3) распространяли на улицахъ мятежныя и зажигательныя идеи.

Узнавъ о своемъ исключеніи изъ Общества, гражданка Майяръ хотѣла покончить съ жизнью, выбросившись на улицу изъ самага высокаго окна

¹⁾ Règlement de la Société Fraternelle des patriotes des deux sexes, Défenseurs de la Constitution.

якобинскаго монастыря. Ея бывшіе братья удержали ее отъ этого ¹⁾).

Шестью мѣсяцами позже эта пылкая санюлотка получила бы отъ предсѣдателя поздравленіе, такъ какъ немедленно послѣ осужденія Людовика XVI Общество приняло всѣ идеи Горы.

12 февраля 1793 года мнимая депутація отъ 48 секцій, ссылавшаяся на покровительство Братскаго Общества и снабженная полномочіями, подписанными его предсѣдателемъ Митье-сыномъ, явилась съ угрозами въ Конвентъ.

«... Недостаточно, — воскликнулъ ораторъ, — провозгласить, что мы — французскіе республиканцы, необходимо еще, чтобъ у народа былъ хлѣбъ... Народъ поднялся... онъ требуетъ пищи... Мы требуемъ, чтобы земледѣльцы не могли продавать мѣшокъ зерна въ 250 фунтовъ въсомъ дороже 25 ливровъ, и чтобы, въ случаѣ рецидива, виновный карался смертію».

Законъ о максимумѣ тогда еще не назрѣлъ; такъ что это предложеніе и, въ особенности, форма, въ которой оно было сдѣлано, отнюдь не понравилась Собранію. Самъ Марать высказался противъ него и потребовалъ, чтобы имена делегатовъ были переписаны, «ибо, — говорилъ онъ, — я знаю, что среди нихъ имѣются гнусные аристократы».

Одинъ изъ петиціонеровъ, позволившій себѣ говорить «отъ имени своихъ братьевъ во всей Франціи», былъ немедленно арестованъ.

Въ февралѣ 1793 года Баллуа, открывая одно изъ засѣданій *Б. О.*, пригласилъ своихъ брать-

¹⁾ Bibl. nat.; mss. Fr. (n. a.) 2673, f° 165.

евъ «обратить свои взоры къ этой прекрасной Горѣ, гдѣ дышится чистымъ воздухомъ, свободнымъ отъ испареній, поднимающихся изъ Болота» Засимъ гражданинъ Леонъ, которая впоследствии, какъ мы увидимъ, требовала организаціи корпуса амазонокъ, отъ имени *Единого и нераздѣльнаго общества 83 департаментовъ* обратила вниманіе слушателей на обѣдъ, имѣвшій мѣсто у министра юстиціи Гара, «гдѣ господа Бриссо, Барбару и другіе реакціонеры, составляющіе пресловутую великую правую, встрѣтились съ генераломъ Бернонвилемъ». Общество рѣшило потребовать у послѣдняго объясненій. ¹⁾

24 февраля въ Конвентъ явилась депутація гражданокъ изъ *Б. О.*, предлагавшая «въ качествѣ средства пониженія цѣнъ на съѣстные припасы отмѣну закона, объявлявшаго серебро предметомъ коммерческаго оборота» ²⁾).

16 мая *Б. О.* выдумало страшный заговоръ; въ этотъ день оно поспѣшно послало одну изъ своихъ сестеръ, гражданку Люсь, бѣлошвейку съ улицы Гайонъ, предупредить секціи 1792 года, Люксембурга и Пикъ, «что существуетъ заговоръ вырѣзать ночью всѣхъ патріотовъ, и что въ виду этого необходимо запереть улицы съ обоихъ концовъ».

Революціонный комитетъ секціи Пикъ не принялъ этого сообщенія въ серьезъ и даже пригласилъ своихъ членовъ наблюдать за агитаторами, которые стремятся вызвать смуту «и хотятъ напугать патріотовъ, преданныхъ спасенію отече-

¹⁾ Courrier, 14 февраля.

²⁾ Buchez et Roux, XXIV, 339.

ства, ложными тревогами, но замыслы которыхъ разобьются о твердую рѣшимость гражданъ» 1).

Въ іюлѣ предсѣдатель Якобинскаго клуба, д'Эспенвиль, предложилъ отъ имени *Б. О.* подвергнуть тщательному просмотру списки обывателей, которые пожелаютъ дать у себя помѣщеніе выборщикамъ первичныхъ собраній. Нѣсколько дней спустя гражданкѣ Лардонъ, секретарю *Б. О.*, поручили отправиться къ якобинцамъ и пригласить ихъ на освященіе бюстовъ Марата и Лепелетье.

Въ концѣ сентября, когда *Б. О.* замѣтило, что поступки *Революціонныхъ гражданокъ* дискредитируютъ женскіе клубы, оно поручило гражданкѣ Бодуа, содержательницѣ Китайскихъ банъ, напечатать въ газетахъ замѣтку, просящую публику не смѣшивать ихъ Общества съ клубомъ кладбища св. Евстафія.

Братскія народныя общества быстро размножились въ Парижѣ. Нѣкоторые изъ нихъ допускали въ свою среду гражданокъ, начиная съ 12-лѣтняго возраста!

«Изъ любопытства, — говоритъ г-жа де Жанлисъ въ своихъ *Мемуарахъ*, — я однажды отправилась на одно изъ публичныхъ засѣданій *Братскаго Общества* въ клубѣ Кордельеровъ (?). Это было зрѣлище въ одно и то же время оригинальное, ужасное и смѣшное. Женщины изъ народа говорили на этомъ собраніи; хотя онѣ и не поднимались на трибуну, но часто прерывали ораторовъ и произносили длинныя рѣчи съ мѣста, чтобы призвать, какъ онѣ выражались, *къ истин-*

1) Archives nationales, F 7 4778.

нымъ принципамъ. Рѣчи были смѣхотворны, но изрекаемыя положенія повергали въ трепеть. Рассказывали, будто я повела на это собраніе герцогиню Орлеанскую, но это ложь отъ начала до конца; я даже не водила ее въ Якобинскій клубъ». Это «*даже не*» наводитъ на нѣкоторые размышленія.

Б. О. Минимовъ или *Дворца Кардиналь въ кварталъ Марэ* 14 іюля 1791 г. провозгласило Людовика XVI «начальникомъ, нарушившимъ свою присягу».

Общество *Рынковъ* на улицѣ Проповѣдниковъ, гдѣ торговки пострадали отъ отъѣзда богатыхъ людей, нападало, главнымъ образомъ, на эмигрантовъ. Въ январѣ 1791 г. нѣсколько гражданокъ, членовъ этого общества, отправили королю слѣдующій адресъ:

«Государь! Мы любимъ васъ, какъ добраго отца, и свидѣтельствуемъ вамъ нашу скорбь по поводу того, что со всѣхъ сторонъ семья ваша васъ покидаетъ. Мы уже являлись къ вамъ требовать возвращенія принцевъ... Мы замѣнимъ вамъ вашу семью. Да, вы найдете въ нашемъ лицѣ такую семью, которая васъ не оставитъ и всегда пребудетъ вамъ вѣрна... Госпожи Уденъ, Петина, Минетъ, де Бартель, Гросбонъ и пр.» 1).

20 октября того же года это общество представило Національному Собранію проектъ мѣръ противъ эмиграціи и объявило отечество въ опасности. А между тѣмъ рыночныя торговки никогда не отличались особенными гражданскими добродѣтелями. Для нихъ аристократами были плохіе

1) Bibl nat Lb⁵⁰, 1245.

плательщики, и онъ, на примѣръ, объявили гражданина, а прежде барона, Лапалю подозрительнымъ «потому, что онъ всѣмъ долженъ»¹⁾. Ниже мы увидимъ, что пуассардки не любили носить кокарду; и менно онъ высѣкли председательницу клуба *Революціонныхъ гражданокъ*.

Директриса школы, мадемуазель Лапейръ, была одно время секретаремъ этого общества.

Другое *В. О.*, общество *Друзей Отечества*, собиралось на улицѣ Сень-Дени въ церкви Св. Троицы. Оно состояло изъ «всѣхъ хорошихъ гражданъ и гражданокъ, признанныхъ добрыми патриотами и истинными республиканцами и принятыхъ въ общество по рекомендаціи четырехъ членовъ». Въ октябрѣ 1793 г. установлена была слѣдующая вступительная присяга:

«Клянемся пребыть вѣрными французской націи, къ которой мы имѣемъ счастье принадлежать. и закону; охранять единую и нераздѣльную Республику, Свободу и Равенство, которыя принесутъ намъ счастье, а тиранамъ гибель, защищать людей и собственность, или умереть, защищая ихъ»²⁾.

В. О. св. Женевьевы, позже *Французскаго Пантеона*, засѣдавшее въ Кармелитскомъ монастырѣ на площади Моберъ, въ Наварскомъ коллежѣ и въ Лаонскомъ коллежѣ, принимало въ члены только лицъ, уплачивавшихъ прямой налогъ въ размѣрѣ трехдневной заработной платы.

24 июня 1792 г. президентъ Белліо выпустилъ манифестъ ко всѣмъ бѣднякамъ Парижа, въ

1) Archives nationales, BB³72.

2) Bibl. nat., Lb⁴⁰, 3398.

которомъ приглашалъ ихъ добиваться своего внесенія въ податные списки. «Ступайте въ податныя бюро и требуйте, чтобы васъ облагали въ размѣрѣ не 36 сольдовъ, а 3 ливровъ. Такимъ путемъ вы сотрете оскорбительную для великой націи демаркаціонную линію, раздѣляющую гражданъ на активныхъ и пассивныхъ... Я приглашаю также всѣхъ моихъ сестеръ, которыя съ самаго начала Революціи не переставали давать доказательства своего патриотизма, со всею нѣжностью побуждать своихъ мужей, своихъ дѣтей и своихъ друзей принимать участіе въ избраніи народныхъ представителей и должностныхъ лицъ» Было бы любопытно узнать, сколько гражданъ добровольно внесли 24 су изъ удовольствія сдѣлаться избирателями!

Въ августѣ 1793 г. это общество постановило, что для приѣма въ его члены кандидаты должны будутъ впредь подвергнуться двухъ послѣдовательнымъ баллотировкамъ, но присовокупляло, что оно по прежнему будетъ охотно допускать въ свою среду женщинъ и дѣтей.

«Друзья-республиканцы, — говорилъ 25 августа 1793 г. президентъ Лорине, — вы знаете, что патриотическія общества служатъ камнемъ преткновенія для ожесточеннѣйшихъ нашихъ враговъ, и что послѣдніе больше боятся ихъ, чѣмъ всѣхъ нашихъ многочисленныхъ батальоновъ...»¹⁾.

Лорине былъ правъ, такъ какъ именно эти общества сбивали съ толку общественное мнѣніе и способствовали усиленію террора вмѣсто того, чтобы ограничивать его. «Въ этихъ народныхъ

1) Bibl. nat., Lb⁴⁰, 855

обществахъ, — говорилъ Робеспьеръ, — куется, растетъ и очищается общественное мнѣніе».

Большинство секцій, а именно секціи *Французскаго Театра, Братства, Музія Сцеволи, Кармелитовъ и Четырехъ Націй*, имѣли при себѣ братскія общества. Собраніе *Номофиловъ*, нѣчто вродѣ филиальнаго отдѣленія Якобинскаго клуба, и *Патріотическое общество обоого пола* улицы Вьейдю-Тампль также допускали гражданокъ.

Статья 3 устава *Братскаго Союза квартала Гобленъ* ¹⁾ благоразумно предусматриваетъ, что: «Гражданки, допускаемыя въ Братское Общество, будутъ помѣщаться отдѣльно отъ гражданъ». Зато прекрасный полъ былъ освобожденъ отъ всякихъ взносовъ, но долженъ былъ только внести свою долю на расходы по печатанію устава.

Общество *Соціальной Гармоніи санкюлотовъ обоого пола*, помѣщавшееся въ секціи Арсенала и собиравшееся въ пріютѣ для слѣпыхъ дѣтей, проявило больше галантности. Статья 2 его устава, принятаго 17 іюля 1793 г., заявляетъ, что, «такъ какъ право получать и распространять образованіе и просвѣщеніе принадлежитъ безразлично тому и другому полу, то гражданки будутъ на равныхъ правахъ допускаться къ участию въ патріотическихъ трудахъ Общества».

12 сентября 1793 г. гражданки секціи Единства явились въ клубъ Кордельеровъ съ требованіемъ, чтобы впредь всѣмъ женщинамъ вмѣнено было въ обязанность носить національную кокарду. Три дня спустя, тѣ же самыя гражданки составили и провели въ 35 секціяхъ слѣдующую резо-

¹⁾ 1 апрѣля 1792 года.

люцію: «*Братское Общество секціи Единства* и депутація отъ большинства секцій и народныхъ обществъ постановляетъ отправиться въ Национальный Конвентъ для подачи ему петиціи, стремящейся къ возстановленію желательнаго для него мира, и клянется сохранять въ силѣ его мудрые декреты, исполненія которыхъ оно желаетъ. Гражданка Бребианъ, предсѣдательница. Ледакль, секретарь». ¹⁾ Въ Национальной Библиотецѣ имѣется непомѣченный никакой датой списокъ 44 гражданокъ этого общества, помѣщавшагося на улицѣ Сентъ-Бенуа. ²⁾

Приводимъ нѣсколько статей изъ устава *Братскаго Общества Друзей Отечества*:

I. Общество будетъ состоять изъ всѣхъ гражданъ и гражданокъ, признанныхъ добрыми патріотами и истинными республиканцами, и принятыхъ въ его составъ.

VIII. Будетъ заведенъ особый списокъ для внесенія въ него гражданокъ, допущенныхъ въ общество.

XI. Въ случаѣ, если всѣ граждане и гражданки смѣшаются, члены Общества, передъ тѣмъ, какъ приступлено будетъ къ обсужденію и вотированію вопросовъ, прицѣпять къ своимъ бутоньеркамъ карточки.

Много женщинъ входило въ составъ *Патріотическаго общества Люксембургской секціи*. Сильвія Пашъ былъ членомъ Комитета, а гражданка Леонъ, которую мы впоследствии встрѣтимъ въ *Обществѣ Революціонныхъ Гражданокъ*, дѣятель-

¹⁾ Archives nationales, C. 271 (670).

²⁾ Bibl. nat., mss. Fr., n. a., 2705 (56).

но занималась вербовкой членовъ: въ Національной Библіотекѣ имѣется нѣсколько подписанныхъ ею рекомендательныхъ записокъ ¹⁾. Эта гражданка любила обвинять другихъ: она заклеила бакалейщика Леду кличкой аристократа только за его заявленіе, что грабежи совершенно разстраиваютъ его, что съѣстные припасы поднимутся въ цѣнѣ, и что парижане умѣютъ также хорошо грабить, какъ и вандейцы. ²⁾

Упомянемъ еще *Народное общество секціи* *Von Conseil*, женскіе члены котораго добились закрытія клуба *Революціонныхъ гражданокъ*, и *Общество Друзей конституціи квартала Сень-Доминикъ*. О послѣднемъ обществѣ мы знаемъ только благодаря Лертюлье, который приводитъ выдержку изъ рѣчи его предсѣдательницы, мадемуазель д'Орбъ, произнесенной по случаю годовщины смерти Мирабо.

«... Въ качествѣ свободной гражданки, — говорила эта ораторша, — я послѣдую голосу своего сердца. чтобы охарактеризовать благодѣтельную роль, сыгранную имъ по отношенію къ женщинамъ, и объяснить, насколько мы должны быть ему за это признательны. До Революціи мы оставались въ тѣни, ограниченныя исключительно занятіями по хозяйству... Мирабо выяснилъ блага свободы и открылъ затерявшіяся Права Человѣка. Въ эту минуту съ нашихъ глазъ спала повязка, скрывавшая отъ насъ истину: по слову этого великаго человѣка мы стали свободными гражданками!»

¹⁾ Bibl. nat., Fr., n. a., 2705 (235).

²⁾ Archives nationales, BB³ 72 (69).

Письмо, напечатанное въ газетѣ «Парижская и Департаменская Почта» отъ 13 іюля 1790 г., сообщаетъ намъ о существованіи *Общества дамъ-гражданокъ*, занятыхъ подготовленіемъ праздника Федерациі.

«... Посудите, съ какимъ презрѣніемъ мы относимся къ тѣмъ, кого природа одарила силой, и чьи могучія руки остаются бездѣтельными. Матери говорили: — Достойны нашихъ дочерей только такіе мужья, которые служатъ отечеству, — и юныя дѣвы, распаленныя такими рѣчами, взирали лишь на тѣхъ, кто, гордясь вооруженной борьбой за отчизну, показывали храбростью, блиставшей въ ихъ очахъ, что они сумѣютъ защищать свободу и умереть за нее... Безстрашные французы хотятъ сражаться лишь за миръ и установить всеобщее братство народовъ... Мы клянемся удвоить нѣжность для того, чтобы усилить, если возможно, гражданское чувство нашихъ супруговъ». Этотъ манифестъ подписанъ г-жею Массонъ.

Общество это, видимо, просуществовало недолго, судя по тому, что о немъ совсѣмъ не говорили; а между тѣмъ, это была, вѣроятно, та самая группа, которая проектировала организовать большую женскую федерацію на Марсовомъ Полѣ. Однако, такъ какъ 14 іюля былъ настоящій потопъ, нѣсколько охладившій энтузіазмъ гражданокъ (большинство изъ нихъ потеряли свою обувь въ грязи Марсова Поля и должны были возвращаться босикомъ), то организаторши осторожно прибавляли: «Но только въ томъ случаѣ, если это позволить установившаяся хорошая погода».

Укажемъ еще на нѣсколько обществъ или кружковъ, которые мы знаемъ только по имени:

Клубъ Убогихъ, основанный на улицѣ Жакобъ г-жею Прюдомъ, женою издателя «Парижскихъ Революцій». Кстати сказать, этотъ заядлый антифеминистъ былъ почти безграмотенъ, но онъ заставлялъ читать себѣ всѣ статьи, предназначенныя для его газеты, и почти всегда заставлялъ авторовъ соглашаться на многочисленные поправки.

Общество, состоявшее подъ предѣдательствомъ г-жи Феррари, представляло собою нѣчто вродѣ кружка-пансіона, совершенно не имѣвшего политическаго характера и открытаго гражданкою Неве въ отелѣ Субизъ (теперь Національный Архивъ) «для женщинъ, разошедшихся съ мужьями», Обширный салонъ, какъ гласитъ объявленіе, снабженъ сильнымъ піанино, клавесиномъ и арфой... и можно надѣяться, что, въ случаѣ желанія устроить концертъ, найдутся подходящія для этого лица въ самомъ домѣ. Посѣщеніе чужого, несупружескаго дома, кратковременная отлучка часто производитъ эффектъ, котораго супруги не могли бы и ожидать...»

Къ этому списку смѣшанныхъ обществъ можно прибавить *Художественный Лицей*, основанный въ августѣ 1792 г. Дезодре въ Палероальскомъ циркѣ. Эта своего рода литературная Академія допустила въ свою среду нѣсколькихъ женщинъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстными были г-жа дю Боккажъ и г-жа Пипле, будущая принцесса Сальмъ-Дикъ, принятая въ 1795 году по рекомендаціи Седэна.

Какъ мы ниже увидимъ, эта муза сочиняла обильныя вирши въ отвѣтъ на антифеминистскіе стихи Лебрена, который позволилъ себѣ написать: «Чернила не прилнчествуютъ розовымъ пальчикамъ».

Это общество организовало художественные, литературные и научные курсы, раздавало медали изобрѣтателямъ и вънчало розами невинныхъ дѣвушекъ, когда имъ удавалось находить таковыхъ въ Палероальѣ. Лавуазье, Бертоле, Викъ д'Азиръ. Редуте говорили передъ слушателями, большинство которыхъ, увы! просто заходило сюда отдохнуть въ перерывѣ между концертомъ и урокомъ танцевъ или декламаціи.

«Часто сюда заходятъ изящныя дамы съ большимъ портфелемъ подъ мышкой¹⁾: въ продолженіе лекціи онѣ дѣлаютъ записи съ усердіемъ іенскаго студента; послѣ лекціи онѣ заводятъ съ сосѣдомъ бесѣду о прочитанномъ. Можно съ полнымъ основаніемъ предполагать, что не одна изъ такихъ бесѣдъ, начавшись разговоромъ о гармоніи сферъ, кончалась совершенно другой гармоніей».

Если вмѣшательство женщинъ въ политику раздражало извѣстную часть Горы, оно еще менѣе нравилось умѣреннымъ партиямъ. 4 января 1793 г. *Бюллетень Друзей Истины* напалъ на «чулочницъ» и синихъ чулковъ въ письмѣ, адресованномъ *Хозяйкѣ*: «... Вы даете совѣты своему мужу лишь со смѣшной скромностью, вы не торчите съ утра

¹⁾ Frankreich in Jahr 1796, цитировано у Шмидта (Paris pendant la Révolution).

до вечера въ клубахъ... Вы не ведете *дружеской переписки*: вы не составляете газетъ. Вы лишены здраваго смысла.

«Почему не подражаете Вы гражданкѣ С.?.. Вотъ это такъ настоящая революционерка. Она все видѣла, все сдѣлала, все раздѣлала, все разобрала. Ея мужъ обязанъ ей своимъ успѣхомъ... Съ 6 часовъ утра она составляетъ петиціи или сочиняетъ проектъ декрета, который якобинцы должны провести черезъ Конвентъ... Даже горестная беременность не помѣшала ей ежедневно бѣгать въ Конвентъ, къ якобинцамъ...»

Однако. «Деревенскій Листокъ» отъ 16 мая 1793 г. заявляетъ, что «было бы желательно, чтобы во Франціи было побольше женъ, дочерей и матерей, похожихъ на г-жу Либераль (гражданка Кадиллака, призывавшая своего сына Брута отдать свою кровь за отечество); но большинство женщинъ убѣждены, что свобода для нихъ невыгодна, такъ какъ она прививаетъ намъ болѣе мужскіе привычки; онѣ опасаются, что, если мы будемъ больше заниматься общественными дѣлами, то станемъ меньше интересоваться ими; онѣ боятся, чтобы Республика и ихъ не лишила трона».

Всѣ братскія общества быстро усвоили новыя идеи, и съ каждымъ этапомъ революціи ихъ взгляды становились все болѣе крайними. Такъ какъ люди *консервативнаго* направленія всегда отличались во Франціи мудрой привычкой оставаться у себя дома, то контръ-революціонныхъ клубовъ было немного, и большинство изъ нихъ

не стали даже дожидаться своего закрытія и сами прекратили свое существованіе.

Вотъ почему интересно отмѣтить попытку Адель Бельваль основать въ Парижѣ женскій роялистическій клубъ. Адель Бельваль это, очевидно, псевдонимъ, а ея стиль заставляетъ насъ даже сильно сомнѣваться насчетъ ея пола. Какъ бы тамъ ни было, вотъ манифестъ, который она опубликовала въ газетѣ *Другъ Короля* отъ 1 іюля 1791 года.:

«Женщина, французенка, горящая любовью къ своей странѣ, хочетъ въ эти дни смуты и безначалія возвысить свой слабый голосъ, заклиная свой полъ отбросить далеко отъ себя тѣ слабости, которыя зависятъ только отъ пустого и смѣшного воспитанія.

«Пора выступить на защиту праведнѣйшаго и лучшаго изъ королей. Ненавистные тираны хотятъ уничтожить его права... Мои дорогія соотечественницы, найдется ли среди васъ хотя бы одна, которая не готова была бы пожертвовать собою для поддержки трона, которая не пролила бы горькихъ слезъ объ участи своей августѣйшей Королевы? Чувствительныя женщины, останемся ли мы навсегда преданными самымъ суетнымъ удовольствіямъ?.. Выйдемъ же изъ нашего летаргическаго сна; неужели мужество свойственно только однимъ мужчинамъ, а мы, дающія имъ жизнь, не сумѣемъ имъ подражать? Докажемъ этому спесивому полу, что и подъ корсетомъ можетъ биться сердце благородное, рѣшительное, любвеобильное и готовое защищать монархію до послѣдняго издыханія. Пусть вся Европа узна

еть, что, если понадобятся вѣка для рожденія одной Жанны д'Аркъ, то достаточно было одного дня для того, чтобы ихъ появились сразу тысячи... Забудемъ, что мы женщины... Въ вѣкъ свободы никто не можетъ осудить насъ за то, что мы станемъ собираться и обмѣниваться мыслями... Теперь существуетъ одинъ только клубъ, уничтожившій всѣ остальные (*Якобинскій клубъ*)... Мы имѣемъ больше правъ на свободу, чѣмъ члены этого общества, и разъ оно существуетъ, кто можетъ помѣшать намъ учредить клубъ французскихъ амазонокъ? Это слово говоритъ все: наши намѣренія чисты. Чего можно страшиться отъ нашихъ невинныхъ рукъ? Наши чувствительныя сердца будутъ нашимъ единственнымъ оружіемъ... Постоянство, красота, остроуміе и мужество — развѣ эти качества не оказываютъ вліянія на сердце человѣка, даже самаго испорченнаго?.. Быть французомъ и уничтожать своихъ королей — это невозможно.

«Примѣчаніе. — Французскія амазонки, которыя обратятся въ редакцію Друга Короля, будутъ черезъ нѣкоторое время увѣдомлены о времени и мѣстѣ ихъ перваго собранія».

Этотъ призывъ къ аристократкамъ не привелъ ни къ какимъ результатамъ, но зато онъ глубоко возмутилъ нѣкоторыя газеты. Гора и «Хроника», повидимому, больше заинтересовались Аделью Бельваль, чѣмъ парижанки.

Глава IV.

Амазонки Революціи.

ТЕРУАНЬ ДЕ МЕРИКУРЪ, ПОИНА ЛЕОНЪ И
ЖЕНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ГВАРДІЯ.

Воинственный энтузіазмъ гражданокъ въ провинціи

Парижъ. — Анжеръ. — Онэ. — Вильневъ-ла-Гаръ. — Крейль. — Доль. — Орлеанъ. — Три. — Аркуръ. — Валансъ. — Бордо. — Викъ-ан-Бигоръ. — Шантилли. — Клермонъ-Ферранъ. — Мобежъ. — Бельвесь. — Морманъ. — Гренобль. — Мобекъ. — Версаль. — Рамбервилле. — Лон-ле-Сонье. — Перужъ. — Лалендъ. — Лиможъ. — Сентъ-Этьенъ. — Безансонъ. — Везуль. — Лурдъ. — ГИль. — Ансени. — Нейи. — Гинь.

„Мы кормимъ нашихъ дѣтей неподвергающимися порчѣ молокомъ, которое мы для этого очищаемъ естественнымъ и пріятнымъ духомъ свободы“.
(Апплудисменты).

Адресъ клермонъ-ферранскихъ гражданокъ Законодательному Собранию.

Теруанъ де Мерикуръ, съ которой мы уже встрѣчались на трибунѣ Якобинскаго и Кордельберскаго клубовъ, была преимущественно уличной клубисткой и ораторшей; однако, она была сестрой въ *Братскомъ обществѣ*, а также считалась членомъ *Друзей Правъ человѣка* въ Сентъ-Антуанъ

скомъ предмѣстьѣ и *Клуба Минимовъ*, гдѣ она вмѣстѣ съ Рень Одю представляла прекрасный поль.

Теруань, которая въ 1789 году пробовала открыть въ Версалѣ политическій салонъ, въ январѣ слѣдующаго года пыталась вмѣстѣ съ Роммомъ основать *Общество Друзей Закона*, «союзъ, ставившій себѣ задачей освѣдомлять публику о степени и средствахъ вліянія каждаго члена Національнаго Собранія».

Этотъ эфемерный клубъ, предсѣдателемъ котораго былъ Лармина, собирався на улицѣ Булуа; онъ успѣшилъ опубликовать длинный манифестъ, изъ котораго мы приводимъ важнѣйшія мѣста:

«... Рѣчь идетъ не болѣе, не менѣе, какъ о томъ, чтобы дать нравамъ новый толчекъ; поднять народъ на высоту его правъ, выяснитъ ему его настоящіе интересы и степень довѣрія, которое онъ долженъ питать къ усердію, просвѣщенности и добродѣтелямъ своихъ представителей... пробудить угасшій патріотизмъ нѣкоторыхъ дряблыхъ душъ, сдерживать слишкомъ горячіе умы... предоставить, посреди хаоса наводнившихъ рынокъ брошюръ и періодическихъ изданій, къ услугамъ членовъ общества готовый подборъ ихъ въ специально открытомъ для нихъ кабинетѣ для чтенія; вести переписку съ провинціей... направлять очищенный свѣтъ общественнаго мнѣнія на свободный судъ критики, рѣшенія котораго, отмѣченныя мудростью и зрѣлостью, приобрѣтутъ грозный и импозантный характеръ...»

Несмотря на эту заманчивую программу, *Дру-*

зьямъ Закона не удалось наwerben достаточнаго числа сторонниковъ. И забавная деталь: они отказались принять брата своей основательницы въ виду того, что онъ жилъ на счетъ сестры!

По прошествіи мѣсяца послѣдніе клубисты разсѣялись, и Теруань, чтобы найти слушателей, должна была отправиться въ клубъ Кордельеровъ.

27 февраля она выступила въ этомъ обществѣ съ предложеніемъ открыть подписку на постройку *храма* для Національнаго Собранія на мѣстѣ Бастилии: «... Могутъ ли добрые патріоты, — говорила она, — долѣе терпѣть, чтобы исполнительная власть помѣщалась въ прекраснѣйшемъ дворцѣ міра, тогда какъ законодательная власть ютится подъ тентомъ то въ увеселительномъ саду, то въ Жедепомѣ (въ помѣщеніи для игры въ мячъ), то въ манежѣ, подобно голубю Ноя, который не могъ никуда опуститься?.. Объявите конкурсъ архитекторовъ, срубите ливанскіе кедры и ели на горѣ Идѣ. О, если бы камни получили когда-нибудь возможность самопроизвольно двигаться, то они должны были бы сдѣлать это не для того, чтобы сложить стѣны Эивъ, а для того, чтобы воздвигнуть храмъ Свободы!.. Истинный храмъ Превѣчнаго, единственно достойный Его, это тотъ храмъ, гдѣ была провозглашена Декларация Правъ Человѣка...»

Кордельеры одобрили это предложеніе и назначили комиссію для разсмотрѣнія способовъ его практическаго выполненія.

Черезъ два года Теруань была не болѣе счастлива со своимъ *Народнымъ клубомъ вооруженныхъ женщинъ*. Можно полагать, что безстрашная

амазонка умѣла лучше причинять огорченія своимъ противникамъ, чѣмъ давать практическую организацію своимъ сторонникамъ.

Эта вторая попытка имѣла мѣсто въ апрѣлѣ 1792 г. въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ. Къ несчастью для Теруани, граждане этого квартала предпочитали, по словамъ Сантерра, «возвращаясь съ работы, находить хозяйство въ порядкѣ, чѣмъ видѣть возвращеніе своихъ женъ съ собраній, на которыхъ онѣ не всегда научались мягкости характера; такъ что, въ концѣ-концовъ, они начали косо поглядывать на эти частыя собранія».

12 апрѣля предсѣдательница была грубо обругана толпой, и немногого недоставало, чтобы она уже въ тотъ день подверглась мучительному избиенію вродѣ того, которое въ слѣдующемъ году должно было положить конецъ ея политической карьерѣ. Она была обязана своимъ спасеніемъ только быстрому вмѣшательству комиссаровъ секціи *Enfants—Trouvés*, которые дали ей эскортъ изъ національныхъ гвардейцевъ, но предварительно взяли съ нея слово, что она больше не явится возбуждать смуту въ кварталѣ.

Это поражение не помѣшало депутаціи *Защитниковъ Правъ Человѣка* выступить на слѣдующій день въ Якобинскомъ клубѣ съ обвиненіемъ Теруани въ томъ, что «она вызвала волненіе въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ, вознамѣрившись трижды въ недѣлю собирать женщинъ этого квартала въ клубѣ, и пригласивъ ихъ на гражданскій обѣдъ... — Собственно говоря, — присовокупилъ Сантерръ, — по настоящему слѣдовало бы взяться за клубныхъ женщинъ въ виду того, что онѣ мас-

сой отправились за пріютскими дѣвочками съ тѣмъ, чтобы заставить ихъ присутствовать на своемъ собраніи, а когда монашенки этому воспротивились, то надъ ними учинено было довольно таки неприличное физическое насиліе».

Если Теруанъ въ клубахъ не играла, повидимому замѣтной роли, то ея упорныя усилія въ дѣлѣ военной организаціи гражданокъ заслужили ей, несмотря на неудачу, легендарный титулъ генеральши революціонныхъ амазонокъ.

Возвратившись во Францію послѣ своего ареста въ Австріи (февраль 1792 г.), Теруанъ попыталась организовать женскій баталіонъ; 25 марта на площади Людовика XIII она вручила женщинамъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья знамя, а затѣмъ обратилась къ нимъ со слѣдующей рѣчью:

«... Будемъ вооружаться, природа и даже законъ разрѣшаютъ намъ это. Покажемъ мужчинамъ, что мы стоимъ не ниже ихъ ни по добродѣтели, ни по храбрости... Противъ насъ будетъ пущено въ ходъ оружіе насмѣшки... Но мы все же вооружимся, потому что мы по здравому смыслу должны подготовиться къ защитѣ нашихъ правъ и нашихъ очаговъ, и мы совершили бы несправедливость по отношенію къ самимъ себѣ и оказались бы виновными передъ отечествомъ, если бы малодушіе, которымъ мы заразились въ состояніи рабства, имѣло бы на насъ еще достаточно вліянія, чтобы помѣшать намъ удвоить свои силы... Пора уже женщинамъ выйти изъ своего постыднаго ничтожества. Или мужчины заявляютъ исключительное притязаніе на славу? Мы также хотимъ домогаться гражданскаго вѣнка и

искать чести умереть за свободу, которая намъ, быть можетъ, болѣе дорога, чѣмъ имъ, такъ какъ бремя деспотизма съ еще большей тяжестью ложится на насъ, чѣмъ на нихъ... Вооружимся. будемъ трижды въ недѣлю устраивать на Елисейскихъ Поляхъ воинское ученіе, заведемъ списокъ амазонокъ!..»

Пятнадцать дней спустя, общій совѣтъ Коммуны пожаловалъ амазонкѣ великолѣпную почетную шпагу и, когда нѣсколько зрителей посмѣли протестовать, президентъ крикнулъ имъ: «Замолчите, она сумѣетъ лучше владѣть ею, чѣмъ вы» ¹⁾).

Увы! на слѣдующій день Теруань, должно быть, позабыла прибѣгнуть къ этому палладіуму, когда домохозяйки квартала при помощи своихъ мужей устроили ей скандальные проводы, о которыхъ мы рассказывали выше.

Послѣ этого щеголи принялись распѣвать слѣдующую пѣсенку:

Чтобы быть, наконецъ, полезной
Для нашей Республики,
Каждая женщина должна имѣть въ рукѣ
Превосходную пику.

Теруань предложила также учредить во всѣхъ секціяхъ трибуналъ, состоящій изъ шести «наиболѣе добродѣтельныхъ и серьезныхъ по возрасту гражданокъ для того, чтобы примирять и объединять гражданъ и напоминать имъ объ опасностяхъ, угрожающихъ отечеству. Онѣ будутъ носить большой шарфъ съ надписью: Дружба и Братство»...

Не уступая въ воинственномъ задорѣ Теруанни. Полина Леонъ, одна изъ будущихъ председательницъ *Клуба Революціонныхъ гражданокъ*, явилась 6 марта 1792 г. предъ рѣшеткой Национальнаго Собранія и отъ имени 300 гражданокъ *Братскаго Общества Минимовъ* прочитала петицію, требовавшую, чтобы женщинамъ было разрешено «самимъ заботиться о защитѣ своей жизни и свободы».

«... Все, повидимому, — говорила она, — предвѣщаетъ намъ въ недалекомъ будущемъ рѣзкій конфликтъ... Ваши предшественники довѣрили намъ охрану Конституціи въ такой же мѣрѣ, какъ и вамъ. Но какъ же можемъ мы охранять это дорѣренное намъ сокровище, если у насъ нѣтъ оружія для защиты его отъ нападенія враговъ? Да, господа, намъ нужно оружіе (*Апплодисметы*), и мы явились сюда просить васъ о томъ, чтобы вы разрѣшили намъ раздобыть его себѣ. Пусть наша слабость не послужитъ этому препятствіемъ, она будетъ компенсирована мучествомъ и безстрашіемъ; а любовь къ отечеству, ненависть къ тиранамъ помогутъ намъ презрѣть всѣ опасности.

«Не думайте, однако, что мы намѣреваемся отказать отъ всегда дорогихъ нашему сердцу заботъ о нашихъ семьяхъ и нашихъ домахъ и выступить въ походъ. Нѣтъ, господа, мы хотимъ лишь получить возможность защищаться... если только не утверждать, что Декларация Правъ не имѣетъ никакого отношенія къ женщинамъ, и что послѣднія должны давать убивать себя, какъ бараны, не имѣя права обороняться... Если бы, благодаря коварству нашихъ враговъ или

¹⁾ Reviseur universel, 11 апрѣля 1792 года.

предательству нѣкоторыхъ изъ нашихъ, побѣда досталась злымъ, то не было ли бы жестокостью осудить насъ на то, чтобы мы, сидя въ своихъ домахъ, дожидались позорной смерти и всѣхъ ужасовъ, ей предшествующихъ. или еще большаго несчастья, а именно несчастья пережить все то, что для насъ дороже всего, нашу семью и нашу свободу?.. Вотъ почему мы хотимъ доказать, что и женщины могутъ проливать кровь за отечество, находящееся въ опасности...»¹⁾

Адресъ кончался просьбою, чтобы женщинамъ разрѣшено было: 1) приобретать «пики, пистолеты, сабли (въ оригиналѣ подъ словомъ «сабли» можно разобрать слово «кинжалы»), даже ружья для тѣхъ, кто въ силахъ будетъ ими владѣть» 2) собираться каждое воскресенье на Полѣ Федераци для обученія владѣнью оружіемъ подъ руководствомъ бывшихъ французскихъ гвардейцевъ, назначеннымъ Собраніемъ.

Президентъ отвѣтилъ: «... Собрание или, точнѣе, вся нація привѣтствуетъ то чувство, которое привело васъ сюда. Оно надѣется, что столь прекрасный примѣръ заставитъ, наконецъ, покраснѣть тѣхъ слабыхъ мужчинъ, которые дорожатъ больше постыднымъ спокойствіемъ, чѣмъ свободой. и предаются апатіи посреди угрожающихъ намъ опасностей... — *Деосси-Робекуръ*:... Развѣ полтора-ста тысячъ мужчинъ не представляютъ достаточной силы для охраны свободы и собственности? Остережемся же извращать естественный порядокъ. Природа не предназначила женщинъ къ

убійству; ихъ нѣжныя руки не были созданы для того, чтобы владѣть булатомъ или размахивать смертоносными пиками».

Тюрю провелъ постановленіе о напечатаніи этого адреса, но когда Шабо потребовалъ передачи его въ военный комитетъ, то раздались многочисленные голоса: «Скорѣе уже въ ликвидаціонный комитетъ», и со всѣхъ сторонъ раздался смѣхъ.

Подъ петиціей Полины Леонъ поставлено 315 подписей или крестиковъ. Многія гражданки пишутъ *name* или *file*, и только двѣ передъ своими фамиліями прибавляютъ *madame*; одна изъ этихъ аристократокъ подписалась г-жа де Таше. Не была ли это родственница г-жи де Богарне?

Изъ другихъ подписей можно упомянуть, не дѣлая изъ этого, впрочемъ, никакихъ выводовъ въ виду отсутствія именъ, фамиліи Лавуазье, Геберъ, Эвраръ, Шометь. Давидъ и Ланкре.

По этому поводу Горза писалъ въ своей газетѣ: «Женщины сослужили бы лучшую службу отечеству, если бы онѣ употребили преимущества, доставляемые имъ положеніемъ матери и супруги, на то, чтобы направлять страсти мужчинъ къ свободѣ, цѣломудрію и справедливости».

25 іюля артистка Лакомбъ въ свою очередь пришла предложить «свою личность» Собранію. Мы еще вернемся къ ея рѣчи, когда будемъ говорить объ основаніи *Клуба революціонныхъ гражданокъ*.

Можно предполагать, что парижанки въ массѣ никогда не предавались пріятному удовольствію

¹⁾ Arch. Nat., A E II 1250.

воинскихъ ученій, но онѣ заказали подходящіи для нихъ легкія пики и 11 марта преподнесли двѣ очень изящныя пики Клубу Кордельеровъ. Эти пики были украшены лавровыми вѣтвями и фригійскими колпаками: одинъ экземпляръ этого оружія можно видѣть въ музеѣ Карнавале.

Впрочемъ, мысль о вооруженіи женщинъ не была новостью, и задолго до Теруани и Полины Леонъ, Олимпія де Гужъ уже предлагала организовать легионъ амазонокъ для надзора за королевой.

Въ 1789 году амазонки Беллоны сочинили даже слѣдующую молитву. «... Мы также умѣемъ сражаться и побѣждать; мы умѣемъ владѣть другимъ оружіемъ, кромѣ иглы и веретена... Богиня силы и мужества, тебѣ не придется краснѣть за француженокъ! О Беллона, подруга Марса, не должны ли были бы всѣ женщины, слѣдуя твоему примѣру, идти нога въ ногу съ мужчинами?»

Въ *Etrennes nationales des Dames*, изданныхъ въ ноябрѣ того же года, можно прочесть еще слѣдующія строки:

«... Не получая жалованія, легионы съ удовольствіемъ встрѣтятъ наше желаніе раздѣлить ихъ тягостную караульную службу. Нельзя сказать, чтобы намъ взбрела въ голову фантазія напялить мундиръ, но желаніе владѣть саблей нами, дѣйствительно, овладѣло. И если мужчины хотя бы оставили исключительно за собою охрану короли, мы будемъ амазонками королевы...»

Эти воинственныя манифестаціи повторялись неоднократно. Госпожа Виньерія 29 іюня 1790 г. пишетъ Національному Собранію «отъ имени

женщинъ, которымъ надоѣло трудиться, повиноваться и молчать... чтобы намъ было позволено сформировать бдительное войско. Въ насъ есть достаточно страсти къ оружію, какъ и ко всѣмъ другимъ отраслямъ дѣятельности, для того, чтобы мы добивались допущенія къ военному дѣлу».

Въ февралѣ слѣдующаго года гражданки улицы Регаръ въ свою очередь выступили въ Клубѣ Кордельеровъ съ заявленіемъ: «Мы также достойны умереть за отечество». ¹⁾

Если въ Парижѣ не было сформировано ни одного женскаго батальона, зато женщины служили въ національной гвардіи, и можно вѣрить автору появившагося въ 1791 году «Малаго Словаря великихъ людей и великихъ дѣлъ Революціи», когда онъ утверждаетъ, что видѣлъ приказы, составленные въ такихъ выраженіяхъ: «Поручается госпожѣ... явиться къ 11 часамъ въ участокъ для держанія караула».

«Курьеръ» отъ 8 іюня 1790 г. подтверждаетъ этотъ фактъ и даетъ ему правдоподобное объясненіе: «Участокъ Ораторіи съ 6 числа сего мѣсяца постоянно посылалъ дѣвицамъ Туссенъ, торгующимъ луговицами на улицѣ Руль, бумагу, приглашавшую ихъ держать караулъ или вносить вмѣсто этого извѣстную сумму. Одна изъ нихъ, которой надоѣли эти приставанія, надѣла мундиръ и отправилась въ указанное мѣсто, и тогда открылось, что все это было, вѣроятно, продѣлкой какого-нибудь мелкаго чиновника, пытавшагося выманить у этихъ гражданокъ деньги»

¹⁾ *Révolutions de Paris*, n° 385.

31 іюля 1792 г. гражданки секціи Городской Ратуши поднесли Національному Собранію піку, увѣнчанную фригійскимъ колпакомъ.

«Отечество, — говорили онѣ, — въ опасности; мы хотимъ присоединить наши усилія къ усиліямъ нашихъ братьевъ по оружію, отдавшихъ дѣлу защиты отечества. Наши отцы, мужья и братья спѣшатъ къ границѣ, чтобы отбить нападеніе коварнаго австріака, который хочетъ вторгнуться въ наши предѣлы и опустошить нашу страну. И въ то время, какъ они рискуютъ своей жизнью, останемся ли мы спокойными зрительницами бѣдствій, постигшихъ наше королевство внутри?.. Нѣтъ, охрана страны довѣрена намъ... Послѣдуемъ примѣру мужественныхъ швейцарокъ, которыя однѣ выдержали нападеніе цѣлой арміи, осаждавшей ихъ городъ, и остались побѣдительницами. Жанна д'Аркъ спасла Францію въ царствованіе деспота Карла VII: окажемся ли мы менѣе мужественными, мы, свободныя гражданки, поклявшіяся скорѣе умереть, чѣмъ вернуться въ прежнее рабство? Законодатели, вы должны оказать намъ справедливость, которой мы заслуживаемъ, и постановить, что истинныя гражданки будутъ на собственный счетъ вооружены для защиты столицы, и что эта мѣра распространится на все королевство. Вы не можете никому довѣрить защиту отечества съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ матерямъ, женамъ и сестрамъ, сгорающимъ желаніемъ придти на помощь самымъ дорогимъ для нихъ существамъ истребленіемъ чудовищъ, стремящихся уничтожить Консти-

туцію... По внѣшности мы слабы, но надежда на побѣду придаетъ геркулесовскую силу»¹⁾.

Этотъ адресъ покрытъ 76 подписями. Тюріо отвѣтилъ воинственнымъ амазонкамъ, что никакой законъ не воспрещаетъ имъ носить оружіе.

Съ большей скромностью юныя гражданки той же секціи явились 14 мая подъ предводительствомъ дѣвицы Абонъ поднести патріотическое пожертвованіе, поклясться въ вѣрности націи и — довольно необычная клятва — «въ покорности своимъ мужьямъ». ²⁾

Молодыя дѣвушки изъ секціи Гренельскаго водоема 22 мая въ свою очередь продефилировали передъ рѣшеткою Національнаго Собранія.

«... Единственно о чемъ онѣ сожалѣютъ, — заявили онѣ, — такъ это о томъ, что не могутъ раздѣлить на границѣ воинскихъ трудовъ защитниковъ отечества, но если слабость ихъ пола освобождаетъ ихъ отъ этой обязанности, то пока послужить имъ для защиты ихъ очаговъ»³⁾.

Среди безчисленныхъ революціонныхъ легендъ не послѣднее мѣсто занимаетъ басня о ротѣ амазонокъ, сформированной артистками театра Монтансье.

Увы! этотъ воинственный отрядъ никогда не увидалъ свѣта, если не считать огней ramпы Жемалскаго театра, и всѣ его заслуги ограничиваются одной опечаткой «Монитера» отъ 4 сѣнтября 1792 г., напечатанной «актрисы» вмѣсто «артисты».

Просматривая текстъ адреса артистовъ теат-

¹⁾ Archives nationales. C. 154 (292 bis).

²⁾ Archives parlementaires, XLIII, 329.

³⁾ Ibid., XLIV, 7.

ра Монтансье, мы замѣчаемъ, что онъ исходитъ отъ 85 актеровъ, танцоровъ, музыкантовъ, рабочихъ и машинистовъ — «все братьевъ и друзей»: и эти добрые патриоты упоминаютъ о своихъ подругахъ только для того, чтобы сказать, что они оставляютъ ихъ безъ всякой тревоги. «успокоенные декретами, которые по этому поводу изданы были Собраниемъ».

Женщины изъ секціи Французскаго Театра, явившись 5 сентября предложить Собранию въ даръ 12 ливровъ серебромъ и ассигнацію въ 5 ливровъ, прибавляютъ, «что въ отсутствіе своихъ мужей и дѣтей онѣ озаботятся охраною собственности и защитою свободы и равенства»¹⁾.

Одиннадцать дней спустя, гражданки изъ секціи Инвалидовъ продефилировали передъ рѣшеткой Собрания въ бѣлыхъ одеждахъ съ трехцвѣтными лентами, и одна изъ нихъ отъ имени своихъ подругъ выразилась слѣдующимъ образомъ:

«Законодатели, наши дѣти отправились на границу для защиты отечества; мы пришли поклясться вамъ, что, какъ бы слабы ни были наши руки, мы будемъ защищать отечество до послѣдняго издыханія, если наши враги продвинутся впередъ. Вотъ 200 ливровъ; мы предназначаемъ этотъ малый даръ для вдовъ и сиротъ дня 10 августа». Собрание постановило дать имъ похвальный отзывъ²⁾.

Чтобы больше не возвращаться къ вопросу о парижскихъ амазонкахъ, упомянемъ послѣднюю попытку въ этомъ направленіи. имѣвшую мѣсто

1) Archives parlementaires, XLIX, 376.

2) Ibid., L, 48.

въ началѣ 1793 года. Вотъ нѣсколько длинное заглавіе манифеста Манеты Дюпонъ:

«Отъѣздъ девятисотъ гражданокъ, записавшихся въ солдаты подъ видомъ мужчинъ для того, чтобы отправиться на границу сражаться съ тиранами-угнетателями націи; съ добавленіемъ ихъ петиціи въ Конвентъ съ ходатайствомъ объ изданіи декрета относительно организациіи корпуса изъ десяти тысячъ женщинъ и дѣвушекъ въ Парижскомъ округѣ, декрета, обязующаго двадцать тысячъ писцовъ, служащихъ у стряпчихъ, выступить въ походъ, и декрета, вмѣняющаго купцамъ въ обязанность замѣнить своихъ служащихъ мужескаго пола женщинами».

«... Мы просимъ у васъ разрѣшенія пойти драться съ этими тиграми... Вы не можете отказать намъ въ просимомъ декретѣ послѣ того, какъ вы допустили въ адъютанты къ генералу Дюмурье двухъ сестеръ, гражданокъ Фернишъ (sic), героинь отъ природы, героинь по своимъ качествамъ... Мы клянемся отказаться отъ соблазновъ любви до тѣхъ поръ, пока наши сограждане не вернутся, увѣнчанные лаврами славы»...

Корпусъ сестеръ Фернишъ долженъ былъ состоять ихъ пяти легионовъ, раздѣленныхъ каждый на четыре батальона численностью въ пятьсотъ гражданокъ отъ 18 до 40 лѣтъ отъ роду.

Намѣчавшаяся форма состояла изъ бѣлаго сюртука и шароваръ, жилета, колета и цвѣтныхъ нашивокъ, различающихся по отдѣльнымъ легионамъ. Панталоны «португальскаго покроя» и мѣдная каска, украшенная султаномъ и конскимъ хвостомъ, дополняли эту обмундировку.

Манета Дюпонъ предлагала вооружить четыре легіона саблями, пистолетами, пиками и мушкетонами, а пятому раздать луки и стрѣлы, вырѣзавъ на конечникахъ послѣднихъ: Тиранамъ ихъ рабы.

«Волосы у этихъ гражданокъ будутъ острижены до плечъ, а спереди будутъ еще короче подстрижены, такъ, чтобы имъ не приходилось терять драгоценное время на туалетъ, который предназначенъ лишь для прельщенія взоровъ и становится совершенно ненужнымъ для гражданокъ, стремящихся къ непобѣдимости».

Вотъ образецъ распѣвавшагося ими марша:

. . . Идемъ побѣдить деспотовъ,
Прощайте, наши дорогие родители.
Мы носимъ шаровары,
Такова современная женщина;
Впередъ, ибо необходимо побѣдить
Этихъ ярыхъ враговъ;
Будемъ защищать наши области
И охранять Парижъ . . .

Въ то время появилась масса брошюркъ, вышучивавшихъ этотъ воинственный задоръ. Такой характеръ имѣлъ «Новый призывъ къ вербовкѣ трехсотъ тысячъ дѣвушекъ и женщинъ для похода на границу»; авторъ требуетъ сформирования десяти женскихъ егерскихъ ротъ «для вольтижированія на берегахъ Цитеры и для охраны лѣсовъ Киприды».

Парижская коммуна такъ же мало, какъ и Національное Собраніе, стремилась поддерживать воинственный пылъ гражданокъ; но это не мѣшало ей иногда требовать отъ нихъ, чтобы онѣ посвятили свои силы патріотическимъ трудамъ,

болѣе соответствующимъ ихъ полу. Въ первыхъ числахъ сентября 1792 г. она обратилась съ слѣдующимъ празывомъ къ парижанкамъ:

«Гражданки, общій совѣтъ Коммуны не считаетъ нужнымъ оставлять вашъ патріотизмъ въ праздности... Для парижскаго лагеря необходимы палатки. Эти палатки еще не изготовлены, а между тѣмъ время не терпитъ: неужели вы откажетесь ускорить обезпеченіе безопасности столицы? На гражданъ возложена задача защищать васъ, а вамъ мы предоставляемъ славное преимущество принять участіе въ этой защитѣ...»

«Парижскія гражданки, занимавшіяся изготовленіемъ солдатской обмундировки», составляли, повидимому, артель. Въ іюлѣ и въ августѣ 1793 г. онѣ обратились къ Конвенту съ жалобой на отношеніе къ нимъ администраторовъ нѣкоторыхъ секцій и на затрудненія, встрѣчаемыя ими при полученіи, а затѣмъ и при сдачѣ работы ¹⁾.

Если въ Парижѣ къ батальонамъ амазонокъ никогда не относились серьезно, то иначе обстояло дѣло въ провинціи.

6 февраля 1789 г. жительницы города Анже-ра во время беспорядковъ, вспыхнувшихъ въ Реннѣ въ моментъ собранія бретонскихъ чиновъ, потребовали, чтобы имъ предоставлены были, такъ сказать, подсобныя отрасли дѣятельности.

«Мы, матери, сестры, жены и возлюбленныя юныхъ анжерскихъ гражданъ... заявляемъ, что въ случаѣ возобновленія беспорядковъ и отъѣзда гра-

¹⁾ Mercure Universel, 1 августа 1793 года. Archives parlementaires, LXXIII, 7.

жданъ всѣхъ сословій, мы встанемъ на защиту націи, интересы которой суть наши интересы, причемъ, такъ какъ физическая сила не составляетъ нашего удѣла, мы предоставляемъ себѣ право работать и приносить свою пользу въ такихъ отрасляхъ дѣятельности, какъ отправка багажа, собираніе стѣстныхъ припасовъ, сборы въ дорогу, а также всѣ заботы, утѣшенія и услуги, которыя зависятъ отъ насъ... Мы предпочитаемъ славу раздѣлять грозящія имъ опасности спокойствію постыднаго бездѣйствія»¹⁾.

Два года спустя, эти самыя анжерки поднесли волонтерамъ національной гвардіи великолѣпное знамя, стоившее не менѣе тысячи ливровъ. На подписномъ листѣ мы встрѣчаемъ самыя извѣстныя фамиліи провинцій. Жительницы Бреста и Нанта послѣдовали этому примѣру и принесли въ даръ полкамъ, стоявшимъ въ ихъ городахъ, первыя знамена національныхъ цвѣтовъ (14 іюля и 24 ноября 1791 года)²⁾.

Въ слѣдующемъ году гражданки Онэ (Нижняя Шарапта) въ свою очередь подали прекрасный примѣръ воинственнаго энтузіазма: «Патріотическія дамы этого города»³⁾ 15 марта сего года задумали основать общетво, которое приняло бы названіе *Національныхъ амазонокъ*. Муниципалитетъ благоразумно привѣтствовалъ этотъ порывъ женскаго патріотизма и привелъ амазонокъ

1) Blordier-Langlois, Angers de 1787 à 1830.

2) Procès-verbaux de la commune de Brest и Archives parlementaires, XXXV, 350.

3) Journal général de la Cour et de la ville, 11 мая 1790 года.

къ присягѣ на вѣрность націи, закону, королю и даже, какъ прибавляютъ, своимъ мужьямъ или, по меньшей мѣрѣ, своимъ любовникамъ. Вечеромъ того же дня онѣ пошли въ церковь со своимъ знаменемъ, которое по ихъ просьбѣ было освящено. Взбѣшенные тѣмъ, что женщины отвѣчаютъ низменныя хозяйственныя заботы для блестящаго почета въ эфигонныя области патріотизма, аристократы начали распространять среди солдатъ самыя гнусныя и оскорбительныя сплетни по адресу амазонокъ. Они разсыпались въ грубѣйшихъ и неприличнѣйшихъ ругательствахъ... Священникъ передъ началомъ вечерни освятилъ знамя. Три-четыре человѣка, входившіе въ составъ пикета, имѣли наглость зарядить свои ружья и прицѣлиться въ середину знамени. Но опасеніе поранить кого-нибудь изъ присутствующихъ удержало ихъ. Послѣ церемоніи освященія солдаты составили заговоръ противъ знамени и противъ юбокъ патріотическихъ дамъ; что касается знамени, то ихъ планъ потѣрпѣлъ фiasco, такъ какъ его удалось во-время спрятать въ сосѣднемъ домѣ, но въ остальномъ они натѣшились вволю...

«Курьеръ» отъ 5 и 11 мая сообщаетъ про тѣ же инциденты и прибавляетъ, что амазонки изъ Онэ въ Пуату выпили на своемъ знамени съ одной стороны Мудрость, а съ другой двухъ горлицъ. По словамъ газеты «недисциплинированные солдаты совершили свои безчинства подъ влияніемъ предубѣжденія и по совѣту женщинъ, злившихся на то, что ихъ не приняли въ корпусъ амазонокъ».

Черезъ нѣсколько дней эти воительницы послали Національному Собранію слѣдующій адресъ: «Желая дать націи доказательство своего патриотизма, мы, по примѣру нашихъ согражданъ, сформировали въ своей средѣ милицію подъ названіемъ *Національныхъ амазонокъ*. Мы сообщили о нашемъ намѣреніи муниципалитету, и утромъ 18-го сего мѣсяца онъ привелъ насъ къ присягѣ на вѣрность націи... Мы просимъ васъ допустить дальнѣйшее существованіе нашего общества, которое не имѣетъ другой цѣли, кромѣ возбужденія въ сердцахъ нашихъ мужей и дѣтей стремленія къ общему благу...» Этотъ манифестъ подписанъ г-жей Эриссе д'Аржантэй и дюжиной другихъ дамъ. «Нельзя сомнѣваться въ успѣхѣхъ революціи, — говоритъ газета *Journal des Dcrets pour les campagnes* ¹⁾, — если женщины, подобно молодымъ гражданкамъ Онэ, станутъ своими рѣчами и примѣрами возжигать священный огонь, который мужчины носятъ въ своемъ сердцѣ для защиты свободы».

Амазонки Вильневъ-ла-Гіара (Йоннскій деп.) оказались образцовыми маркитантками. 28 іюня 1790 г. онѣ проявили свои гражданскія чувства, постановивши толпою выйти навстрѣчу федералистамъ департамента.

«Дамы-патріотки принесли съ собою закуску и выпивку, которыя были приняты съ рыцарской вѣжливостью нашихъ старинныхъ богатырей. Пикантный характеръ новизны особенно былъ приданъ этой красивой встрѣчѣ тѣмъ милымъ смѣ-

¹⁾ 14 мая 1790 года.

шеніемъ, которое царило на этомъ пикникѣ. Вильневскія дамы поспѣшили разоружить федералистовъ... Не одна юная красавица, вооружившись топоромъ сапера, свободной рукой подносила ему угощеніе... Въ продолженіе всего дня милыя патріотки подстерегали всѣхъ проходившихъ федералистовъ... Послѣднихъ въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ приглашали выпить, закусить или поплясать, и одинъ Господь да еще мужья знаютъ, съ какимъ пыломъ ихъ цѣловали!» ¹⁾.

Начиная съ іюля 1790 года, во Франціи организовалось множество женскихъ легионовъ. Въ одной изъ предшествующихъ главъ ²⁾ мы уже говорили о крейльскихъ амазонкахъ. Приводимъ описаніе изящнаго костюма, который носила рота капитанши Дарю:

Бѣлые казакинъ и юбка, гладкій чепецъ, кокарда на груди и федеральная медаль (sic) неизвѣстно гдѣ. На этой медали изъ позолоченной мѣди съ одной стороны находился гальскій пѣтухъ съ надписью *Крейльская гражданка*, а съ другой лавровый вѣнокъ вокругъ трехъ сердецъ и девизъ: *Единеніе — основа нашей добродѣтели*.

«Офицерши амазонокъ будутъ носить бѣлыя сюртуки съ краснымъ воротникомъ и нашивками, бѣлый кантъ, пуговицы мѣстной формы, синюю шляпу, бѣлую юбку,; кокарду и медаль, какъ

¹⁾ *Courrier de Paris dans les provinces*, 17 іюля 1790 года.

²⁾ См. стр. 20.

у остальныхъ амазонокъ, бѣлый плюмажъ и широкій трехцвѣтный поясъ» ¹⁾).

Оружіемъ, выбраннымъ когортою, былъ дротикъ.

Чтобы поблагодарить своихъ согражданъ за то, что они допускали женщинъ къ участию во всѣхъ патріотическихъ празднествахъ, жительницы Доля пожелали въ свою очередь пригласить мижчинъ на свой праздникъ. «Милостивые государи, — заявила имъ ораторша прекраснаго пола, — вѣчно памятный день 14 іюля останется записаннымъ въ лѣтописяхъ націи.. Позвольте гражданкамъ послѣдовать вашему примѣру, отслуживъ въ воскресенье 18-го мессу на алтарѣ отечества, и пригласить васъ на развлечения и на игры, которыя состоятся въ теченіе дня послѣ религіозной церемоніи.

«Въ прошломъ вѣкѣ наши матери сражались вмѣстѣ съ вашими отцами; не одна вдова полила эту землю своею кровью подъ вашими военными знаменами...И вотъ почему вы не отказали намъ въ чести участія въ вашихъ гражданскихъ вѣнкахъ».

По случаю этого женскаго праздника гражданки распѣвали приличествующій обстоятельствамъ «Гимнъ», изъ котораго мы приводимъ одну строфу:

Неизмѣнно вѣрныя подруги,
Не взирая на непогоду,
Мы даже по полямъ
Послѣдуемъ за вашими батальонами.
Наше присутствие
Воодушевитъ нашихъ воиновъ.
Мы увѣщаемъ ихъ лаврами;
Наградю имъ будутъ наши сердца ²⁾.

¹⁾ Bouche de fer, 16 апрѣля 1791 года.

²⁾ Courrier de Paris, 1 августа 1790 года.

Въ тотъ же самый день гражданки Орлеана освятили бѣлый флагъ, перевязанный трехцвѣтной лентой и снабженный слѣдующей вышитой надписью: «Больше мужества, чѣмъ силы». Эти же жительницы Орлеана въ 1793 году помѣшали нѣсколькимъ секціямъ принять резолюцію, требовавшую смерти Людовика XVII ¹⁾.

Въ Три (деп. Верхнихъ Пиринеевъ) добрыя патріотки въ числѣ двухсотъ записались въ *Праведный Легионъ* и избрали полковницей г-жу Ферье (9 августа 1790 г.). Нѣсколько дней спустя, по случаю освященія знамени отслужена была месса, и состоялся смотръ, банкетъ и балъ. «Въ концѣ концовъ войска разнаго пола начали цѣловаться посреди несмолкаемыхъ виватовъ» ²⁾.

Молодые дѣвицы небольшого городка Аркуръ (въ Кальвадосѣ) въ декабрѣ того же года постановили поднести національной гвардіи знамя, на которомъ онѣ вышили: *Свобода или смерть*.

«...Двѣсти молодыхъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ одеждахъ шли по четыре въ рядъ посреди двухъ рядовъ выстроенной шпалерами гражданской гвардіи... Четыре широкія трехцвѣтныя ленты, прикрѣпленныя къ четыремъ угламъ знамени, спускались извиваясь въ руки четырехъ дѣвушекъ... Послѣ освященія знамени маленькая семилѣтняя Геба съ большой граціей пролепетала слѣдующую рѣчь: «Милостивые государи, удостойте принять отъ вашихъ юныхъ согражда-

¹⁾ Bloch, Les femmes d'Orléans pendant la Révolution (Rev. de la Révolution française, XLIV).

²⁾ Affiches de Toulouse, 1 сентября 1790 года.

нокъ этотъ священный даръ, этотъ стягъ свободы... Пусть это вѣчно чтимое знамя всегда предшествуетъ вамъ на славномъ пути чести и побѣды, и пусть ваши дѣянія, всегда соответствующія начертанной на немъ эмблемѣ, докажутъ потомству, что вы были достойны ихъ гражданскихъ чувствъ, и что вы во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаете подарка, который онѣ вамъ вручаютъ...» Этотъ даръ былъ принятъ съ самой почтительной признательностью, и можно легко себѣ представить, что тотъ день, когда это знамя было развернуто, былъ днемъ настоящаго праздника. ...Это были нескончаемые балы и пиры»¹⁾.

14 іюля 1790 г. по улицамъ Валяенса продефилировалъ «батальонъ городскихъ обывательницъ, опоясанныхъ трехцвѣтными лентами, имѣя впереди себя знамя изъ бѣлыхъ, красныхъ и синихъ полосъ»²⁾. Съ рѣчью отъ имени амазонокъ выступила г-жа Равель. По словамъ *Монитера*, отъ 6 августа, эти бравыя гражданки явились привѣтствовать жену мэра «съ саблями на боку».

Въ слѣдующемъ году въ Бордо батальонъ, состоявшій изъ «четырехъ тысячъ» женщинъ, принялъ присягу 14 іюля, причемъ епископъ освятилъ батальонное знамя присягнувшихъ³⁾.

Амазонки Вижъ-ан-Бигора прислали свой уставъ въ Національное Собраніе. «Передъ нами,—гово-

1) Courrier des 83 départements, 9 января 1791 года.

2) Rochas, Journal d'un bourgeois de Valence.

3) См. стр. 105.

рилъ Ланжюинэ 18 ноября 1791 г.,—адресъ новаго и очень любопытнаго вида національной гвардіи: это адресъ отъ легіона Вижскихъ амазонокъ; онѣ хотятъ подать примѣръ всѣхъ христіанскихъ, гражданскихъ и патріотическихъ добродѣтелей, а въ особенности примѣръ исполненія закона. Онѣ вооружились съ тою цѣлью, чтобы въ случаѣ необходимости послужить для національныхъ гвардейцевъ вспомогательными войсками и показать отечеству, что въ крайности оно можетъ смѣло разсчитывать на ихъ мужество».

На ихъ знамени съ одной стороны былъ вышитъ алтарь отечества, у котораго мать отдавала своего сына отчизнѣ, а съ другой стороны брачный алтарь съ молодой гражданкой, вѣнчающей героя. Эти эмблемы обведены были двумя девизами, изъ которыхъ одинъ гласилъ: «Я воспитываю для отечества защитника», а другой: «Бракъ и любовь вѣнчаютъ воина-гражданина»¹⁾.

Напротивъ, въ Шантилли женщины вначалѣ выказали нѣсколько сомнительный патріотизмъ и поговаривали даже о томъ, чтобы помѣшать своимъ дѣтямъ отправиться на границу. Однако, патріотическая рѣчь, произнесенная на банкетѣ, устроенномъ въ честь молодыхъ рекрутовъ (сентябрь 1791 г.), наэлектризовала ихъ, и онѣ тутъ же поклялись добровольно ускорить отъѣздъ своихъ сыновей.

Въ Клермонъ-Ферранѣ обывательницы заявили, что въ случаѣ необходимости онѣ сумѣютъ показать, что онѣ созданы не только для

1) Moniteur (20 ноября) и Buches et Roux (XX, 556).

прялки, и послали Собранию слѣдующій патриотическій адресъ, оглашенный въ засѣданіи 7 декабря 1791 года: «...Поскольку это зависитъ отъ насъ, мы поддерживаемъ пылкія стремленія нашихъ мужей къ защитѣ законовъ. Мы кормимъ нашихъ дѣтей неподвергающимся порчѣ молокомъ, которое мы для этого очищаемъ естественнымъ и пріятнымъ духомъ свободы (*ан-плудисменты*). Мы всѣ повторяемъ и клянемся передъ вами, что при первомъ сигналѣ мы покажемъ однимъ, что они неспособны даже пользоваться прялкой, а другимъ, что они не созданы для того, чтобы быть служителями религіи, которой могутъ повредить только ихъ лицемѣрныя махинаціи. Тогда мы возьмемся за оружіе, которое выковано не для нихъ, и носить которое они оказались недостойными»¹⁾.

Такой же воинственный характеръ носить адресъ жительницъ Мобежа, прочтенный въ ратушѣ этого города: «Милостивые государи,—гласилъ онъ,— въ тотъ моментъ, когда отечеству угрожаетъ, по видимому, жестокая война, вызванная измѣнниками, простершими свою преступность до открытаго выступленія съ оружіемъ въ рукахъ противъ страны, которой они должны были бы быть первыми защитниками, мы слѣшимъ засвидѣтельствовать передъ вами нашъ патриотизмъ и нашу преданность отечеству, выражая при этомъ наши горячія желанія, сводящіяся къ тому, что въ случаѣ, если эти варвары посмѣютъ и дерзнутъ осадить наши очаги, мы требуемъ, чтобы

¹⁾ Archives parlementaires, XXXVI, 171.

по примѣру тѣхъ знаменитыхъ амазонокъ, которыя защищали городъ Калэ противъ англичанъ. по примѣру Жанны д'Аркъ, Женеьевы де Према, болѣе извѣстной подъ именемъ Драгунши¹⁾, намъ разрѣшено было вооружиться для защиты города... Мы твердо рѣшились скорѣе пролить свою кровь до послѣдней капли, чѣмъ склониться подъ игомъ тирановъ и деспотовъ... Наши враги почувствуютъ, на что способна подвигнуть насъ любовь къ свободѣ и честь сражаться за дорогіе намъ дни и за охрану конституціи, которая, какъ мы надѣемся, должна сдѣлать счастливыми всѣхъ...» Слѣдуетъ десятковъ пять подписей.

Президентъ въ подобающихъ выраженіяхъ привѣтствовалъ ихъ усердіе, а затѣмъ прибавилъ: «Безстрашныя гражданки, признательная Франція съ изумленіемъ услышитъ объ этомъ актѣ возвышеннаго самопожертвованія, но съ довѣріемъ полагаясь на доблесть и вѣрность своихъ храбрыхъ солдатъ, она безъ сомнѣнія скажетъ вамъ: отечество ожидаетъ отъ васъ, быть можетъ, болѣе важныхъ услугъ... Срывайте маски съ мятежныхъ поповъ, съ этихъ нечестивыхъ пройдохъ... Помогите намъ пристыдить и высмѣять наглый разрядъ *бонтонныхъ* женщинъ, бездушныхъ и безнравственныхъ»²⁾.

31 января 1792 г. Законодательное Собрание

¹⁾ Женеьева Према родилась въ Гизѣ въ 1660 году. Подъ именемъ кавалера Бальтазара она въ 1688 г. была назначена поручикомъ Шомбергскаго полка. Будучи нѣсколько разъ ранена, эта героиня получила орденъ св. Людовика.

²⁾ Courrier des départements, 10 января 1792 г.

выслушало чтение адреса отъ трехсотъ гражданъ города Бельвеса (Дордонь), «которыя приносятъ передъ представителями націи клятву посвятить свою жизнь охранѣ Конституціи и взяться за оружіе, какъ для защиты своихъ очаговъ, такъ и для того, чтобы послѣдовать за своими дѣтьми и братьями на поле побѣды»¹⁾.

Иногда женщины командовали даже мужскими легіонами: въ Морманѣ (деп. Сены-и-Уазы) г-жа де Муленъ писала волонтерамъ: «Въ виду того, что мой племянникъ-аристократъ отказался отъ чести быть полковникомъ вашей національной гвардіи, я предлагаю вамъ свои услуги въ качествѣ командира». Ея предложеніе было принято съ энтузіазмомъ. «Ей устроили,—говоритъ «Департаментская Почта» въ номерѣ отъ 1 ноября 1790 г.,—блестящую воинскую встрѣчу; тронутая этимъ приѣмомъ, она прицѣпила національную кокарду и вооружилась саблей». Фамилія племянника-аристократа была де Бетизи; «Деревенскій Листокъ» (II, 165 и 188) присовокупляетъ, что г-жа Демуленъ приняла командованіе надъ національной гвардіей только до прибытія одного изъ другихъ своихъ племянниковъ.

Извѣстна преобладающая роль, сыгранная жительницами Гренобля въ беспорядкахъ, вызванныхъ ссылкой парламента этого города,—въ беспорядкахъ, съ которыхъ, собственно, можно считать начало Революціи. Эти лихія гражданки, которыя

¹⁾ Archives parlementaires, XXXVIII, 36. Journal de Paris замѣтилъ на это: „Кому же мать, у которой мужъ находится въ арміи, довѣритъ интересы семьи, признаннымъ главою которой она является въ теченіе этого почетнаго вдовства“.

въ январѣ 1789 г. писали королю, «что онѣ не могутъ рѣшиться давать жизнь дѣтямъ, которыя обречены на существованіе въ странѣ, подчиненной деспотизму», взяли за оружіе вблизи Мобека (Изерскій деп.) по случаю образованія федераціи въ Дофинѣ. «Женщины и молодыя дѣвушки,—говоритъ Лазарь¹⁾,—построились въ воинственные ряды... Прохожденіе этихъ женскихъ батальоновъ, носившихъ пики съ лихостью, смягчаемой веселымъ видомъ, представляло утѣпительное зрѣлище».

Послѣ переворота 10 августа версальскія гражданки въ бѣлыхъ одеждахъ, убранныхъ трехцвѣтными лентами, явились въ Собраніе съ заявленіемъ (25 августа 1792 г.), что онѣ будутъ нести внутреннюю охрану города въ то время, какъ мужчины отправятся къ границамъ защищать дѣло свободы. Онѣ подали слѣдующій адресъ:

«Версальскія гражданки, вооруженныя пиками и сформированныя въ роты, сначала отдались чувству горя; онѣ начали съ того, что во время погребальной церемоніи бросали цвѣты на могилы своихъ соратниковъ, павшихъ подъ стѣнами Тюильрійскаго дворца въ день св. Лаврентія. Но вскорѣ это чувство уступило мѣсто другому: онѣ начали нѣжно ухаживать за вдовами и сиротами этихъ славныхъ жертвъ. онѣ присоединились къ комиссарамъ секцій для того, чтобы открыть подписку, давшую 1500 лив-

¹⁾ Participation collective de femmes à la Révolution.

ровъ, которые онѣ и приносятъ на алтарь отечества, дабы притти на помощь семьямъ этихъ героевъ.

«Нынѣ для умиротворенія тѣней этихъ друзей свободы требуются уже не слезы; они ждуть отъ нашихъ рукъ и только отъ нашихъ рукъ, вооруженныхъ для защиты отечества, болѣе пріятныхъ жертвъ; или тираны падутъ подъ остріями нашихъ пикъ, или мы поклянемся вскорѣ соединиться съ этими дорогими для отчизны тѣнями.

«Мы даемъ не пустяя клятвы, мы въ этомъ храмѣ беремъ на себя обязательство выполнить ихъ, и вы убѣдитесь, заслуживаемъ ли мы званіе французскихъ гражданокъ!»¹⁾

Незадолго до объявленія войны гражданки Рамбервилле также вооружились пиками, розданными муниципалитетомъ, и говорившая отъ ихъ лица ораторша сдѣлала слѣдующее заявленіе въ *Народномъ Обществѣ*:

«...Когда понадобится, не одна мать Горація выйдетъ на крѣпостные валы, зоя своего сына въ бой за свободу; и чѣмъ болѣе хрупки и слабы наши руки, тѣмъ болѣе неуязвимыми и священными будутъ прикрѣпленные нами щиты нашихъ отцовъ, мужей и дѣтей»²⁾.

Въ Лонъ-ле-Соньѣ нѣсколько обывательницъ явились 4 ноября 1792 г. въ клубъ *Друзей конституціи* съ просьбой выдать имъ знамя: но это ходатайство осталось совершенно безрезультат-

¹⁾ Archives nationales, C. 158 (329).

²⁾ Fournier, Rambervillers pendant la Révolution (Annales de l'Est, 1889).

нымъ, и предсѣдатель оставилъ даже свое мѣсто, для того, чтобы заявить съ трибуны, «что женскому полу болѣе подобаетъ орудовать прялкой, чѣмъ оружіемъ».

Тѣмъ не менѣе добрыя патріотки не признали себя побѣжденными, и 4 мая слѣдующаго года, «по инициативѣ одной гражданки, предложившей женщинамъ записаться и сформировать женскій отрядъ, вооруженный пиками, для несенія службы національной гвардіи на тотъ случай, если мужчинамъ придется уйти въ походъ, *Друзья конституціи* постановили открыть запись желающихъ вступить въ проектируемый корпусъ; кто уже записался»¹⁾.

«29 мая 1793 г.—сообщаетъ въ своей *Хроникѣ* владѣлецъ школы Тарпенъ,—была реорганизована національная гвардія въ Перужѣ (деп. Энъ); въ предѣлахъ города нашлось 30 человекъ ниже 18-лѣтняго возраста; 127 дѣвушекъ и женщинъ моложе 50 лѣтъ были внесены въ списки гвардіи Беллоны, богини войны»²⁾.

Въ это самое время гражданки Лаленда (въ округѣ Бержеракъ), взволнованныя извѣстіемъ о побѣдахъ одержанныхъ вандейцами, обратились къ своимъ согражданамъ, входившимъ въ составъ клуба, со слѣдующей суровой просьбой:

«Гражданки города Лаленда, одушевленные горячимъ патріотизмомъ, настойчиво просятъ васъ допустить ихъ въ ряды добровольцевъ, спѣша-

¹⁾ Libois, Délibérations de la Société populaire de Lons-le-Saunier.

²⁾ Цитировано у Thibaut, Annales de la Société d'émulation de l'Ain (1903).

щихъ на защиту отечества, находящагося въ опасности. Не бойтесь того, что, принадлежа къ слабому полу, онѣ выкажутъ недостатокъ мужества; напротивъ, повѣрьте, что въ этомъ отношеніи онѣ лишь поддержать мужество нашихъ храбрыхъ братьевъ.—Да, мы клянемся и повторяемъ уже данную нами клятву жить свободными или умереть... Да, мы хотимъ выступить въ походъ безъ малѣйшихъ колебаній, вооруженныя мечомъ нашей ярости и факеломъ нашего патриотизма, дабы издалека различить всѣхъ этихъ хищныхъ людей, которые хотятъ наложить оковы на дорогія намъ Свободу и Равенство... Мы скорѣе прольемъ нашу кровь, каплю за каплей, чѣмъ вернемся подъ ярмо деспотизма. Поспѣшимъ же всѣ вмѣстѣ, дабы положить конецъ преступному существованію злодѣевъ, дерзнувшихъ оспаривать наши законныя права... Признайте насъ своими сестрами и вооружите насъ вашими собственными руками, какъ истинныхъ республиканокъ». Этотъ документъ подписанъ Маріей Купаръ и десятью другими храбрыми амазонками¹⁾.

Такимъ же энтузіазмомъ охвачены были женщины въ Лиможѣ. 20 апрѣля 1793 г. гражданка Лаферьеръ заявила въ клубъ, что «при данныхъ обстоятельствахъ женщины-патріотки должны раздѣлять труды и заботы національныхъ гвардейцевъ и сформировать свой батальонъ. По ея предложенію открыта была запись добровольцевъ»²⁾.

¹⁾ Archives nationales, C. 258 (529).

²⁾ См. стр. 103.

16 сентября 1793 г. сентъ-этъенскія гражданки обратились къ муниципалитету съ петиціей, въ которой просили допустить ихъ къ несенію службы національной гвардіи. «Генеральный совѣтъ благосклонно отнесся къ этому предложенію и постановилъ, что временно, въ виду отъѣзда національныхъ гвардейцевъ, почтовая и патрульная служба будетъ нести патриотическими гражданами, вооруженными пиками»¹⁾.

Въ концѣ ноября безансонскія патріотки рѣшили держать караулъ при военномъ госпиталѣ, «дабы такимъ образомъ притти на помощь защитникамъ отечества»²⁾. А жительницы Везуля заявили, что, «если хоть одинъ мужчина поколеблется записаться въ армію, онѣ пойдутъ занять его мѣсто»³⁾.

Въ арміяхъ Республики насчитывалось извѣстное число женщинъ, оказавшихся храбрыми солдатами, но ни одинъ корпусъ амазонокъ не имѣлъ чести открыто столкнуться съ врагомъ. А между тѣмъ, въ одинъ прекрасный день дѣло чуть было до этого не дошло, если вѣрить письму изъ Тарба, помѣченному 7 мая 1793 г. и напечатанному въ *Мониторъ* (N 141):

«...У насъ здѣсь была тревога: изъ Лурдскаго замка стрѣляли изъ пушекъ... По дорогѣ двигались женщины, вооруженныя вертелами, косами и всѣми смертоносными деревенскими орудіями. Эти героини проявили не меньшей пылъ, чѣмъ мужчины...» Къ счастью для нея, испанская ар-

¹⁾ Bossakiewicz Hist. de Saint-Etienne.

²⁾ Heitz, Les Sociétés politiques de Strasbourg

³⁾ Mounier, Vesoul sous la Révolution.

мія была представлена только тремя захудалыми дезертирами, въ противномъ случаѣ она была бы, какъ можно предполагать, истыкана вертелами по всѣмъ правиламъ кулинарнаго искусства.

Два мѣсяца спустя, гражданка-гренадеръ Либертэ Барро покрыла себя славой подъ Байонной при штурмѣ часовни, защищаемой 120 испанцами. Народный представитель Монестье вручилъ награду въ триста ливровъ этой героинѣ, «способной по праву затмить ту дѣву, имя которой было увѣковѣчено, благодаря ея низкой любви къ королямъ»¹⁾.

Только въ небольшомъ городкѣ Л'Иль (деп. Воклюзъ) существовалъ отрядъ амазонокъ, которому дѣйствительно пришлось побывать въ огнѣ въ іюлѣ 1793 г., причемъ онъ храбро защищаетъ свои окопы отъ войскъ Конвента. Когда жительницы Л'Иля приняли сторону федералистовъ, г-жи Аниель, Эмонъ и Руле собрали десятка четыре женщинъ и сформировали «роту служительницъ св. Варвары». Ихъ командирша, г-жа Аниель, была приглашена на засѣданіе военнаго совѣта, и тамъ было постановлено, что женская рота будетъ перевозить боевые снаряды, ухаживать за ранеными, помогать постройкѣ баррикадъ и слѣдить за дѣйствіями оставшихся въ городѣ патриотовъ и патриотокъ.

Амазонки не заставили себя долго просить; онѣ воздвигли баррикаду и установили въ амбразурахъ ящики съ горючимъ составомъ. Одна изъ нихъ была убита при первомъ же штурмѣ.

¹⁾ Archives parlementaires, LXX, 64.

Послѣ взятія города жительницы Л'Иля остались все-таки противницами якобинцевъ. Жоани приводитъ¹⁾ слѣдующую выдержку изъ рѣчи, произнесенной г-жей Сэ въ *Братскомъ обществѣ*: «Дайте же мнѣ разящій кинжалъ; болѣе счастливая, чѣмъ Сесиль Рено. я доберусь до сердца тирановъ, и Л'Иль будетъ имѣть свою Шарлотту Кордэ, ибо рука женщины есть рука Божія!»

Не меньшее мужество выказали гражданки городка Ансени въ борьбѣ съ вандейцами. 13 марта 1793 года *Возрожденное общество* этого города писало въ Конвентъ: «...Что дѣлаютъ наши женщины въ продолженіе пятичасового боя? Онѣ стараются помѣшать распространенію пожара, другія подають патроны бойцамъ и картечь прислугѣ при нашей пушкѣ; чтобы раздобыть эту картечь, онѣ разбиваютъ свои чугуны и желѣзные котлы, однимъ словомъ. онѣ раздѣляютъ наши опасности; можно сказать, что онѣ разожгли бы насъ своимъ примѣромъ, если бы мы въ этомъ нуждались»²⁾.

Къ счастью, не всѣ тогдашнія французенки отличались такой воинственностью.—Терезія Кабаррюсь-Фонтенэ, будущая жена Тальена, писала 23 апрѣля 1794 г. Конвенту:

«...Всѣ мужчины уплачиваютъ свой долгъ Франціи; одни изъ нихъ защищаютъ родную землю отъ нападенія иноземцевъ, другіе, какъ бдительные часовые, охраняютъ жилища гражданъ и стѣны нашихъ городовъ... Женщины просятъ,

¹⁾ La terreur à l'Isle.

²⁾ Vie revolutionnaire des Sans-culottes de la Société populaire d'Ansenis.

чтобы на нихъ возложили такія же обязанности! Всѣ онѣ хотятъ охранять несчастныхъ и избавить ихъ отъ нужды и горя... Всѣ молодыя дѣвушки должны, по крайней мѣрѣ, въ теченіе одного года до замужества проводить по нѣскольکو часовъ ежедневно въ госпиталяхъ, въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, во всѣхъ убѣжищахъ нищеты, дабы научиться помогать несчастнымъ... Горе тѣмъ женщинамъ, которыя, отвергая свое прекрасное назначеніе, вздумаютъ для освобожденія отъ своихъ обязанностей выставить нелѣпое притязаніе взять на себя обязанности мужчинъ и такимъ образомъ утратятъ добродѣтели своего пола, не приобрѣта вмѣстѣ съ тѣмъ добродѣтелей вашего... Подруги мужчины не должны быть его соперницами, ибо онѣ являются его утѣшительницами и часто опорой... но вы несомнѣнно позволите имъ надѣяться, что имъ предоставлено будетъ извѣстное мѣсто въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, такъ какъ врядъ-ли онѣ пожелаютъ примириться съ мыслью, что имъ не удѣлено будетъ никакого вліянія въ области близкихъ заботъ, коими вы окружаете дѣтство».

Напротивъ, нѣсколько дней спустя, а именно 15 флореаля II года, гражданки Нейи явились въ Конвентъ со слѣдующимъ заявленіемъ:

«...Если вамъ нужны наши руки, то мы готовы, забывъ свой полъ, немедленно выступить въ походъ по одному вашему сигналу; чтобы хорошо драться, нужно только мужество, а для побѣды требуется только горячая любовь къ отечеству...¹⁾».

1) Мониторъ отъ 16 флореаля.

**
*

Во время печатанія этого сочиненія мы въ газетѣ Journal de Paris отъ 22 ноября 1790 г. встрѣтили слѣдующее указаніе на легенду о существованіи амазонокъ въ коммунѣ Гинь (деп. Сены-и-Марны):

«До сихъ поръ въ Европѣ о женщинахъ-воительницахъ говорилось только въ нашихъ рыцарскихъ романахъ. Свобода также заслуживала того, чтобы имѣть своихъ героинь: и вотъ мы услышали, что въ коммунѣ Гинь женщины взяли за оружіе для ея защиты и составили какъ бы небольшой полкъ. А между тѣмъ слѣдуетъ сказать правду: женщины могутъ лучше всего послужить Свободѣ отнюдь не тѣмъ, что станутъ проливать за нее свою кровь. Пусть онѣ любятъ Свободу сильно и искренно, онѣ сдѣлаютъ ее предметомъ поклоненія для мужчинъ, и тогда истина будетъ неодолима».

Г Л А В А V.

**Женскіе клубы и феминистскія манифестаціи
въ провинціи.**

I.

Сѣверные и Западные департаменты.

Лилль.—Дуэ.—Камбрэ.—Булонь-сюр-Меръ. — Эръ. — Шони. —
Аррасъ.—Борень.—Бретейль.—Омаль.—Руанъ.—Монтивилье. —
Эврэ.—Нейбургъ.—Бомонъ-ле-Роже.—Понть-Одемеръ. — Бургъ-
Ашаръ.—Онфлеръ.—Фалезъ.—Каанъ.—Байе.—Шербургъ. — Ку-
тансъ. — Авраншъ. — Майенна. — Лаваль. — Сень-Серванъ. —
Врестъ.—Кемперъ.—Кемперле.—Ваннь.—Лоріанъ.—Нантъ. —
Анжеръ.—Сомюръ. — Сепъ-Калэ. — Туръ. — Меттре. — Ла-Ман-
бродъ.—Лигей.—Шинонь.—Ле-Сабль.—Нюръ.

Лучше заниматься политикою
въ компаніи,
Чѣмъ сидѣть каждому подъ
кущею своею.
Принцесса Сальма-Дикъ.

Почти всѣ Народныя общества допускали пре-
краснѣйшую половину человѣческаго рода на
свои засѣданія, но большинство изъ нихъ отка-
зывались предоставлять ей слово, за исключені-
емъ экстренныхъ случаевъ. Это принудительное
молчаніе, очень не правившееся гражданкамъ, вы-
звало въ нѣсколькихъ городахъ основаніе чисто
женскихъ обществъ. Главнѣйшіе изъ этихъ жен-

скихъ клубовъ находились въ Лиллѣ, Бордо, По,
Лионѣ, Дижонѣ и Безансонѣ.

За четыре года важнѣйшій мужской клубъ
въ Лиллѣ одиннадцать разъ мѣнялъ свое на-
званіе, и по одной смѣнѣ этихъ наименованій
можно было судить о поступательномъ движеніи
революціонныхъ идей. *Патріотическій союзъ* пре-
вратился въ *Общество Свободы и Равенства*; *Воз-
рожденное народное общество* уступило мѣсто
клубу *Санкюлотовъ*.

Въ концѣ 1790 г. этотъ клубъ-хамелеонъ на-
чалъ допускать женщинъ на свои собранія. Ко-
гда онѣ не поднимались на трибуну, онѣ патріо-
тически щипали корпію, слушая оратора.

28 апрѣля 1791 г. г-жа Ста выступила съ
заявленіемъ о гражданскихъ чувствахъ своихъ
товарокъ: «...Ободренные примѣромъ гражданокъ
Але и Бреста, мы хотимъ излить въ средѣ ва-
шего почтеннаго собранія чувства, которыя на-
полняютъ наши сердца... Мы питаемъ непримир-
имую ненависть къ деспотизму и къ аристокра-
тіи, и въ такой же степени, въ какой мы пре-
клоняемся передъ благородствомъ чувствъ, мы
презираемъ погремушки тщеславія, фантастиче-
скіе и смѣшныя титулы, которыя въ теченіе
слишкомъ продолжительнаго времени занимали
мѣсто дѣйствительныхъ заслугъ...» Послѣ не-
около тридцати гражданокъ торжественно покля-
лись въ непоколебимой преданности Консти-
туціи¹⁾.

¹⁾ Derode, Histoire de Lille.

По всей вѣроятности именно эта небольшая группа интересовавшихся политикою женщинъ основала годъ спустя, *Женское конституціонное общество города Лилля*. Мы располагаемъ однимъ только документомъ, относящимся къ этому клубу, а именно адресомъ, который онъ послалъ въ Национальное Собраніе на бумагѣ съ изящнымъ заголовкомъ:

Лилль, 18 августа 4-го года Свободы.

«Законодатели! Начиная съ 14 іюля 1789 г., мы давали государству благородныхъ защитниковъ, матерей и бравыхъ гражданокъ. Эти защитники отечества. эти матери и эти гражданки были свободны; радость наша не знала предѣла: одна мысль о свободѣ и равенствѣ заглушала родовыя боли.

«Мы знали, что предатель Людовикъ, связанный съ кобленцеками контръ-революціонерами. тайкомъ ковалъ для насъ цѣпи, что онъ хотѣлъ удержать въ своихъ измѣнническихъ рукахъ желѣзный скипетръ для угнетенія насъ и нашихъ дѣтей, но мы рассчитывали на пробужденіе народа, и наши надежды не были обмануты... Вы помогли этому пробужденію полными энергіи декретами, которые навсегда обезпечили для насъ свободу, славу и благосостояніе государства... Вы заслужили наши похвалы. Наши руки, въ данный моментъ вооруженныя пиками для отбитія непріятели, отложатъ ихъ въ сторону, для

того чтобы приготовить вамъ гражданскіе вѣнки и вырѣзать ваши имена на мѣди.

Женское конституціонное общество
города Лилля¹⁾).

Пентъ, предсѣдательница *), Бьюисмъ, секретарь.»

Въ Дуэ существовало Народное общество, и по просьбѣ *сестеръ* этого клуба гражданки Провэна прислали имъ корпію въ апрѣлѣ 1790 г. 15 іюня 1793 г. жена мирового судьи Дрюона предложила клубу *Друзей свободы и равенства въ Камбрэ* слѣдующій проектъ адреса Конвенту:

«О, законодатели! Вы, которые съ 31 мая сего года пошли, наконецъ, навстрѣчу желаніямъ и энергіи народа, продолжайте свою общественную работу! Пусть ничто не мѣшаетъ вамъ въ этомъ дѣлѣ! Дайте ему Конституцію, отнынѣ достойную его...

«А вы, француженки, заслуживающія этого прекраснаго имени, придайте силы моимъ словамъ своими нѣжными и мощными словами. Взирайте съ отвращеніемъ на своихъ мужей и дѣтей, если они не предпочитаютъ смерть пагубному и позорному игу монархіи. Поклянемся всѣ вмѣстѣ пойти вмѣсто этихъ трусовъ и, чтобы покрыть ихъ стыдомъ, пригласимъ отечество вооружить насъ какъ можно скорѣе.

Отвѣтъ предсѣдателя Леспомареда показываетъ, что это вмѣшательство женщинъ отнюдь не являлось исключительнымъ фактомъ: «Если вашъ патріотизмъ насъ сильно растрогалъ, то онъ въ

¹⁾ Archives nationales, C. 162 (359).

*) Въ подлинникѣ стоитъ „présidente“ (sic) вмѣсто „présidente“.—Прим. перев.

то же время ничуть насъ не удивилъ. Члены этого общества, вы не пропустили ни одного засѣданія, и у него было достаточно времени, для того, чтобы убѣдиться въ высокихъ качествахъ вашей республиканской души... Отъ имени всѣхъ присутствующихъ здѣсь братьевъ я считаю своимъ долгомъ дать вамъ братскій и республиканскій поцѣлуй предсѣдателя»¹⁾).

30 іюля гражданка Дрюонъ была принята въ члены общества; на томъ же засѣданіи одну женщину, находившуюся на хорахъ, заставили немедленно снять съ себя крестъ, который она носила на шеѣ.

«1 фримера II года²⁾ одна гражданка, членъ общества, потребовала, чтобы весь воскъ, находящійся въ церквахъ Камбрэ, былъ переданъ въ распоряженіе Народнаго общества для его собственнаго употребленія».

На засѣданіи клуба 11 ноября одинъ ораторъ просилъ жительницъ Камбрэ «предоставить рабынямъ украшать свои поблекшія лица, ибо наилучшее убранство, идущее къ женскому лицу, заключается въ томъ, чтобы не имѣть никакого». Шесть мѣсяцевъ спустя, когда Жозефъ Лебонъ терроризировалъ Камбрэ, эта нѣсколько двусмысленная фраза могла показаться жестокой ироніей, такъ какъ съ января 1794 г. званіе члена Народнаго общества уже не защищало своихъ носителей.

Изъ своей тюрьмы гражданка Рапарлье писа-

ла въ клубъ монтаньяровъ: «Братья и сестры, одна изъ вашихъ сестеръ томится въ цѣпяхъ, не зная причинъ своего заточенія. Хлопоты ея были безрезультатны, и объясняются они чувствомъ матери, носящей во чревѣ своемъ республиканца, котораго она хочетъ принести въ даръ отечеству... Я не могу повѣрить, чтобы кандалы предназначались для патріотокъ... Я никогда не выходила изъ рамокъ моего пола и всегда завидовала счастьемъ тѣхъ, кто приходитъ на помощь нуждающимся...»¹⁾).

Черезъ три недѣли послѣ 9 термидора гражданка Ванесбекъ повела своихъ воспитанницъ въ клубъ, и одна изъ нихъ, юная Ведастина Трибу, *шести лѣтъ отъ роду*, «произнесла энергичную рѣчь, которой общество горячо аплодировало». Протоколъ не сообщаетъ намъ, какихъ собственно реформъ требовало это милое дитя.

Жительницы Булони удовольствовались организаціей *митинговъ*: 14 іюля 1791 г. онѣ устроили манифестацію противъ холостяковъ, затѣмъ задали балъ, на который эти эгоистическіе граждане не были допущены, «такъ какъ этотъ праздникъ предназначался исключительно для порядочныхъ людей»²⁾).

Если «патріотическія гражданки» монтаньярскаго клуба въ Эр-сюр-Ли 22 октября 1792 г. ограничились тѣмъ, что во время гражданскаго кортежа развернули «знамена побѣды», то годъ спустя онѣ оказались болѣе яро настроеными, чѣмъ мужчины. 10 ноября предсѣдатель не могъ от-

¹⁾ Dauban, la Démagogie en 1793.

²⁾ Lecluselle, Tablettes cambrésiennes.

¹⁾ Pastoors, Cambrai pendant la Revoluton.

²⁾ Courrier des 83 départements, 20 іюля 1791 г.

крыть засѣданія, такъ какъ «залъ былъ настолько набитъ женщинами, что для мужчинъ не оставалось больше мѣста». Пришлось очистить аудиторію, какъ будто бы послѣдняя состояла изъ какихъ-нибудь католичекъ, пославшихъ въ декабрѣ 1791 г. Людовику XVI адресъ протеста противъ гражданскаго устройства духовенства.

23 января 1794 г. произошелъ новый скандалъ: пришлось вывести одну сестру, которая аристократически запаслась грѣлкой! что не помѣшало клубистамъ просить гражданокъ «вязать красные колпаки для своихъ братьевъ»¹⁾.

Въ клубъ Шони шутники находили особое удовольствіе въ томъ, чтобы гасить свѣчи и взрывать петарды подъ юбками присутствующихъ женщинъ. Вслѣдствіе этого часто происходили скандальныя сцены: въ одинъ прекрасный день пришлось вывести гражданокъ Тентенъ и Морю, которыя вцѣпились другъ другу въ волосы, несмотря на то, что послѣдняя была однимъ изъ наиболѣе внимательно выслушиваемыхъ ораторовъ, особенно, когда она нападала на аббата Демажо. Однажды она заявила, будто бы этотъ аббатъ читалъ слѣдующій *Отче Нашъ*:

«Отче Нашъ, иже еси въ Тюильри, да святится имя твое, да придетъ царствіе твое, да будетъ воля твоя, яко въ Парижѣ, тако и въ провинціи. Помози вздернуть на фонарь всѣхъ мошенниковъ, старающихся отнять у насъ хлѣбъ нашъ насущный, но избави насъ отъ Національнаго Собранія. Аминь!»²⁾.

¹⁾ Guillemin, Aire pendant la Révolution.

²⁾ Fleury, le Clergé pe l'Aisne pendant la Révolution.

Въ другой разъ, какъ сообщаетъ протоколъ «передъ самымъ открытіемъ засѣданія было замѣчено, что какая-то гражданка на хорахъ щелкаетъ орѣхи. Предсѣдатель пригласилъ эту гражданку прекратить свое занятіе, напомнивъ ей, что наканунѣ ей уже было сдѣлано подобное же замѣчаніе. На это она нагло отвѣтила, что, если предсѣдатель самъ хочетъ колотъ для нея орѣхи, то она сама не станетъ ихъ щелкать. Тогда одинъ членъ потребовалъ, чтобы, въ виду неприличія этого отвѣта, упомянутая гражданка была названа по имени и выведена изъ зала. Тутъ же оказалось, что это гражданка Кьевра старшая. Послѣ новой неумѣстной выходки съ ея стороны предсѣдатель пригласилъ эту дѣвушку выйти вонъ. Спускаясь по лѣстницѣ малыхъ хоровъ, она дерзко возразила, что, если ей не придется приходить въ клубъ въ продолженіе шести декадъ, она охотно сдѣлаетъ это. Предсѣдатель замѣтилъ ей, что законъ устанавливаетъ строгія наказанія для лицъ, нарушающихъ порядокъ въ Народныхъ обществахъ. Разразившись смѣхомъ, дѣвушка не дала предсѣдателю возможности закончить начатую фразу, и вышла изъ зала, непристойно приплясывая»¹⁾. Подобныя сцены видимо забавляли клубистовъ, судя по тому, что они отвергли предложеніе исключить болтливыхъ женщинъ.

За отсутствіемъ женскаго клуба городъ Аррасъ обладалъ газетой, которая редактировалась гражданкой Маршанъ, урожденной Лефёбюръ.

¹⁾ Jbid., Un Club à Chauny.—Milleville, Histoire de Chauny.

Въ маѣ 1791 года редакторша газеты *Journal Pas-de-Calais* въ рѣзкихъ выраженіяхъ жаловалась на попытку двухъ клубистовъ, Леблона и Легро, оклеветать ее по поводу организаціи благотворительныхъ мастерскихъ. Эти не отличавшіеся особой галантностію граждане обругали ее «аристократической самкой» и грозили даже донести на нее Національному Собранію.

«...За двадцать су въ мѣсяць,—отвѣчала журналистка,—можно сдѣлаться членомъ Аррасскаго клуба, и съ помощью этой суммы самый презрѣнный человѣкъ можетъ безцеремонно предоставить себѣ право осуждать всѣхъ гражданъ»¹⁾. Далѣе г-жа Маршанъ указываетъ, что, располагая кредитомъ въ 12.000 ливровъ въ годъ, абсолютно невозможно кормить 800 безработныхъ города.

Съ самаго начала террора гражданка Гамбаръ начала расхаживать по улицамъ Арраса въ красномъ колпакѣ: ея гражданскія чувства снискали ей заслуженное прозвище *Mère Duchesne*. Другая жительница Арраса, гражданка Ванденбошъ, требовала въ Народномъ обществѣ возможно скорѣйшей отправки въ Сентъ-Омеръ «святой Гильотины» для устрашенія аристократовъ²⁾.

7 октября 1793 г. члены аррасскаго Народнаго общества постановили отправиться вмѣстѣ со своими сестрами и женами въ Боранъ для чествованія добрыхъ патріотовъ Буле и Діе, «дабы почтить гостепрѣмство и гражданскія добро-

¹⁾ La Redactrice du Journal du Pas-de-Calais aux citoyens de la ville d'Arras.

²⁾ Bled, La S. P. de Saint—Omer.

дѣтели этихъ гражданокъ, которыя во время прохода французскою арміею оказали защитникамъ отечества самый братскій пріемъ».

«На площади дерева Свободы,—гласить отчетъ о празднествѣ,—всѣ присутствующіе братски облобызались, и никогда не видано было болѣе интересныхъ сценъ. Поддавшись на нѣкоторое время этому движенію сердца, участники праздника пустились далѣе въ путь»¹⁾.

Въ августѣ 1790 г. молодыя дѣвушки Бретейля сложились, чтобы поднести муниципалитету бѣлое знамя, а затѣмъ постановили основать союзъ подъ названіемъ *Сестры Конституціи*. 8 августа онѣ составили уставъ, изъ котораго мы приводимъ нѣсколько статей:

«I. Согласно духу конституціи всѣ дѣвушки, входящія въ составъ этого собранія, являются равными въ правахъ и сестрами по духу и по сердцу.

«II. Въ виду того, что употребленіе оружія не приличествуетъ нашему полу, мы клянемся употреблять всѣ другія средства, предоставленныя природою въ наше распоряженіе, для охраны Конституціи.

«XIII. Присяга будетъ сначала принесена старѣйшею по возрасту, а затѣмъ другими сестрами, причемъ онѣ будутъ держать свою лѣвую руку въ рукѣ первой, а правую поднятой вверхъ».

Сестры, выходя замужъ, должны уплачивать «взносъ, равный вступительному»; въ случаѣ.

¹⁾ Deramecourt, le Diocese d'Arras pendant la Révolution.

если онъ внесуть двойную сумму, то будутъ сопровождаться до церкви со знаменемъ, «а на слѣдующій день специально выбранная дѣвица въ сопровожденіи своего отца или своей матери явится привѣтствовать новобрачную».

Мэръ могъ присутствовать на засѣданіяхъ, но не имѣлъ совѣщательнаго голоса. Для участія въ голосованіи достаточно было имѣть 12 лѣтъ отъ роду, но при этомъ, малолѣтнія имѣли право, передъ тѣмъ какъ высказать свое мнѣніе спросить совѣта у матери!

Сестры Конституціи, размѣщавшіяся сообразно своему возрасту, рѣшили передать черезъ своего депутата Леваше адресъ Національному Собранію ¹⁾).

Это «посестринство» „consorité“ вдохновило одного шутника-поэта.

Куда несетесь вы такъ стремительно,
Вѣтренныя дѣвочки?
Если за бѣлымъ знаменемъ,
То спереди и сзади
Вы имѣете его, дѣвочки:
Не мчитесь же такъ быстро!
Не давайте же нескромно,
Чувствительныя брюнетки,
Развѣваться по вѣтру
Спереди и сзади,
Милыя дѣвочки,
Вашему бѣлому знамени! и т. д.

Во всей Нормандіи гражданки сильно волновались. Въ Омалѣ женщины засвидѣтельствовали

¹⁾ Anchel, Rev. de la Révolution française (15 июня 1909 г.).

свое патріотическое рвеніе, пройдя 14 іюля 1791 года «подъ знаменемъ» ¹⁾).

Въ Руанѣ въ теченіе всего іюня 1791 г. прекрасный полъ не переставалъ дефилировать на трибунѣ клуба *Друзей Свободы*. Одинъ разъ гражданки заявили, что читаютъ девятини пре-святой Дѣвѣ, дабы добиться скорѣйшаго окончанія Конституціи; въ другой разъ онѣ послали юную Розу Рено, 8 лѣтъ отъ роду, говорить рѣчь въ Народномъ обществѣ. «...Могу ли я помыслить безъ трепета,—говорила эта дурочка,—какое жестокое горе овладѣло бы мною, если бы мой дорогой папочка, моя нѣжная мамочка, мои родственники, мои друзья, мои сосѣди очутились бы во власти злыхъ и тирановъ! О, если аристократія предназначила мнѣ такую страшную участь, пусть ея злоба обратится противъ меня одной» ²⁾).

Черезъ нѣкоторое время *Друзья Конституціи* разрѣшили женщинамъ доступъ въ свое общество. Онѣ начали иногда брать слово, пѣли, не заставляя себя просить, и горячо нападали на недостаточно пылкихъ патріотовъ.

Руанки организовали даже нѣсколько отдѣльныхъ засѣданій. 28 декабря 1791 г. гражданка Вигуре явилась отъ имени своихъ сестеръ благодарить *Друзей Конституціи* за то, что они предоставили въ ихъ распоряженіе залъ для собраній и дали имъ возможность прослушать чтеніе документовъ, относящихся къ обществен-

¹⁾ Sémichon, Histoire d'Aumale.

²⁾ Journal de Rouen, 20 іюня 1791.

нимъ дѣламъ. «Такимъ образомъ,—говорила она,— намъ была дана возможность избѣгнуть всѣхъ ловушекъ, которыя тигры, жаждущіе человѣческой крови, не перестаютъ устраивать намъ, дабы захватить насъ въ свои сѣти... Будьте увѣрены, что такія республиканки, какъ мы, сумѣютъ оберегать себя отъ аристократической заразы; для защиты отъ ихъ происковъ намъ послужатъ разумъ, честность и любовь къ отечеству».

Но эта попытка основать женскій клубъ припала, видимо, по вкусу далеко не всѣмъ нормандцамъ: въ своемъ отвѣтѣ ораторшѣ председатель клуба выразилъ свое негодованіе «противъ предосудительныхъ поступковъ нѣсколькихъ господъ, которые настолько забылись, что позволили себѣ нарушить порядокъ засѣданія гражданокъ»¹⁾.

Въ ноябрѣ 1793 г. гражданки Буазаръ, Энел и Гю просили разрѣшенія организовать въ Руанѣ женскій клубъ, но онѣ взялись за это дѣло слишкомъ поздно; муниципалитетъ принужденъ былъ отвѣтить имъ, что 30 октября Конвентъ принялъ постановленіе, запрещающее всѣ женскія Народныя общества.

Эта неудача не помѣшала гражданкамъ по-прежнему посѣщать собранія мужского клуба и выступать тамъ съ рѣчами.

«Въ засѣданіи 10 преріаля (29 мая 1794 г.) допущена была депутація гражданокъ съ хоромъ, впереди которой несли трехцвѣтное знамя и таблицу съ Правами Человѣка. Одна изъ

1) Clérembray, La Terreur à Rouen.

нихъ говорила о знамени, двѣ другія увѣнчали плющемъ Марата и Лепелетье, а третья поднесла фригійскій колпакъ председателю Леруа, который расцѣловалъ ихъ всѣхъ. Въ этотъ моментъ картина была самая трогательная. Казалось, что хоры соединились съ обществомъ; всѣ составили одно цѣлое, чувства слились, и группы республиканцевъ и республиканокъ смѣшались въ одну нѣжную семью братьевъ и друзей...

«...Мы являемся на ваши засѣданія,—скромно заявила первая ораторша,—подобно пчеламъ, садящимся по утрамъ на цвѣты; онѣ собираютъ съ нихъ приготовленная сокровища, которыя онѣ затѣмъ приспособляютъ къ потребленію людей».

«Гражданинъ председатель,—воскликнула послѣ этого гражданка Мабонъ,—мы явились сюда отъ имени всѣхъ добрыхъ гражданокъ выразить вамъ слабую признательность нашей дружбы въ память 31 мая и 2 іюня. Мы скажемъ вамъ также, что мы съ печалью смотримъ на массовое возвращеніе въ это общество всѣхъ тѣхъ, кто поднималъ кинжалъ противъ патріотовъ; имъ достаточно заявить, что они были обмануты: можно признать, что разъ они сдѣлали такое заявленіе, они сказали все. Порядочный чловѣкъ, принимая какой-нибудь принципъ, твердо держится за него: его не обманешь; но какъ бы тамъ ни было, мы прощаемъ: патріотъ легко прощаетъ. Но пусть они берегутся: женщинъ не такъ легко обмануть. Хотя насъ называютъ шпионками, сыщицами и клубистками, они будутъ спать, а мы будемъ бодрствовать, и мы проль-

емъ нашу кровь до послѣдней капли, какъ мы пролили бы ее 31 мая и 2 іюня, если бы хоть одинъ изъ васъ получилъ малѣйшую царапину»¹⁾).

Эта рѣчь была покрыта бурными аплодисментами, и общество рѣшило безотлагательно приступить къ строгой чисткѣ.

По случаю праздника въ честь Верховнаго Существа 20 преріаля II года гражданка Терье отъ имени своихъ сестеръ, постоянныхъ посѣтительницъ хоровъ, прочитала молитву къ Превѣчному «въ благодарность за то, что онъ соблагволилъ просвѣтить людей и разсѣять суевѣрія столь долго господствовавшія надъ ними». По обыкновенію эта манифестація закончилась братскимъ лобызаніемъ.

Входя въ клубъ, помѣщавшійся въ бывшей церкви св. Лаврентія, нѣкоторыя гражданки грудождали, повидимому, осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ. «Руанская Газета» отъ 7 Фримера II года напечатала слѣдующее письмо гражданина Сизо: «Если моя республиканка по застарѣлой привычкѣ испытываетъ непреодолимое желаніе осѣнять себя знаменіемъ безумія, я бы посоветовалъ ей прибавлять при этомъ: во имя отечества, Свободы и Равенства».

Въ *Обществѣ санкюлотовъ въ Брютюсь-Вилье* (Монтивилье) «смѣшеніе членовъ обоого пола повело къ злоупотребленіямъ, и въ виду этого, пришлось постановить, что впредь мужчины и

¹⁾ Chardon, Procès-verbaux des séances de la S. P. de Rouen.

женщины будутъ помѣщаться отдѣльно на разныхъ хорахъ»¹⁾).

Въ одинъ прекрасный день въ этомъ суровомъ клубѣ серьезно обсуждался вопросъ, не слѣдовало ли бы въ случаѣ недорода истребить стариковъ, перевалившихъ за 60 лѣтъ!

Праздникъ Федерациі былъ отпразднованъ 14 іюля 1791 г. всѣмъ населеніемъ Эврэ. Отслушавъ торжественную мессу и побывавъ на раздачѣ наградъ въ гимназіи, патриоты обоого пола исполнили грандіозную фарандолу при пѣніи *Ça ira*. «Затѣмъ ударили сборъ, выстроились въ ряды, но такъ какъ женщины и молодыя дѣвушки завладѣли оружіемъ, то его имъ и оставили»²⁾).

Черезъ два года гражданки того же города сложили на площади Сень-Леже костеръ изъ органныхъ корпусовъ, требниковъ, церковнаго облаченія и найденныхъ въ церквахъ посоховъ и, наваливъ на всю эту кучу статую св. Людовика, подожгли ее.

Въ Нейбургѣ, въ томъ же департаментѣ, молодыя дѣвушки дали клятву выходить только за гражданъ, побывавшихъ на войнѣ.

Почти во всѣхъ городахъ Франціи женщины выдѣлялись своей готовностью къ патриотическимъ жертваніямъ; въ случаѣ необходимости онѣ сами брали на себя инициативу такихъ сборовъ. 9 сентября 1792 г. господину Ину, мэру Бомонъ-ле-Роже, пригласившему своихъ согражданокъ пожаловать въ церковь для выслушанія

¹⁾ Demont, Histoire de Montivilliers.

²⁾ Boivin. — Champeaux, la Révolution dans l'Eure.

законовъ, пришла въ голову несчастная мысль посмотрѣть на часы; немедленно всѣ находившіяся тамъ добрыя патріотки пожелали заставить его пожертвовать ихъ въ пользу націи, а такъ какъ онъ отказывался сдѣлать это, то вспыхнулъ настоящій бунтъ ¹⁾).

«10-го числа сего мѣсяца въ Понтъ-Одемерѣ,—говорить *Courrier des 83 départements*, ²⁾— состоялась церемонія, дѣйствительно занимательная по своей новизнѣ. 400 амазонокъ собрались къ алтарю Дѣвы Маріи, которому онѣ пожертвовали хоругвь, посвященную Вестѣ французовъ, дабы она съ небесной высоты, гдѣ она внимаетъ хору ангеловъ, удостоила защитить и охранить Конституцію, Свободу и миръ.—400 милыхъ амазонокъ съ шарфами національныхъ цвѣтовъ, блистая розами, которыя удовольствіе вызвало на ихъ щечкахъ, дали зрѣлище гражданскаго праздника, надъ которымъ виталъ духъ религіи, и которое закончилось веселыми пѣснями и танцами. Всѣ эти дамы принесли гражданскую присягу подъ звуки восхитительной музыки. Онѣ обѣщали впредь носить трехцвѣтные пояса въ отличіе отъ понтъ-одемерскихъ ханжей».

Приводимъ одну строфу изъ гимна, который распѣвался гражданами во время этой церемоніи:

Подъ ихъ ногами побѣда
Вызоветъ изъ-подъ земли
То лавры славы,
То розы любви.
Какъ приятно присоединить свой голосъ
Къ этому прекрасному войску,
Чтобы поклясться отечеству
Въ вѣрности его законамъ!

¹⁾ Saint-Denis, Histoire de Beaumont-le-Roger.

²⁾ 19 іюля 1791 г.

9 октября 1791 г. въ Бургъ-Ашарѣ состоялось освященіе стяга, «пожертвованнаго по обѣту Пресвятой Дѣвѣ для процвѣтанія Конституціи и поднесеннаго патріотками этого и смежныхъ приходовъ» ¹⁾).

Въ первые дни 1791 г. въ городѣ Онфлерѣ образовался *Благотворительный комитетъ*, «въ который кромѣ властей входило опредѣленное число дамъ-благотворительницъ, желавшихъ посвятить себя дѣлу помощи нуждающимся путемъ добровольныхъ сборовъ среди гражданъ и распределенія пособій въ зависимости отъ свойства нужды и въ формѣ, которая признана будетъ наиболѣе плодотворной». Прекрасный полъ представленъ былъ въ этомъ обществѣ шестью дамами, занятыми раздачей пособій, двумя сборщицами и одной кассиршей ²⁾).

Въ августѣ 500 патріотическихъ дамъ того же города «рѣшили посвятить свое знамя отечеству». Кorteжъ вышелъ изъ церкви св. Екатерины. «Двумя рядами выстроилъ милый полкъ, который въ этотъ день казался еще милѣе; всѣ женщины были въ бѣлыхъ платьяхъ; онѣ держали въ рукахъ лавровыя вѣтви, испещренныя цвѣтами; трехцвѣтные шарфы обвивались вокругъ нихъ... На знамени было написано: Посвящается Благодатной Дѣвѣ патріотическими дамами Онфлера. III годъ французской Свободы, XXVIII августа MDCCXCI.

«...Празднество это началось подъ знакомъ

¹⁾ Duchemin, Histoire de Bourg-Achard.

²⁾ Blossier, La Révolution à Nonfleur.

патріотизма и завершилось милыми забавами и открытымъ и скромнымъ веселиемъ»¹⁾

«Въ городѣ Фалезѣ,—какъ сообщаетъ *Департаментская Почта* ²⁾—дамы приняли участіе въ патріотическомъ празднествѣ... Ça ira игралось, распѣвалось, отплясывалось и даже больше того».

Пальмъ д'Альдерсъ нашла извѣстное число поклонниковъ въ провинціи. Мы уже говорили о муниципалитетѣ Крейля. Въ Каанѣ *Друзья Конституции* оказали ей честь, перепечатавъ ея рѣчь отъ 30 декабря «для раздачи дамамъ, которыя посвятятъ ихъ первое засѣданіе, въ надеждѣ подкрѣпить однѣхъ въ ихъ рѣшимости, а другихъ вернуть на истинный путь».

15 апрѣля 1791 г. въ каанскомъ клубѣ выступила Франсуаза Сансонъ, во вдовствѣ Дюваль. Рѣчь ея озаглавлена была: *Предостереженіе дамамъ, сочувствующимъ контръ-революціи*. Воздавъ хвалу депутатамъ, «этимъ ангеламъ-хранителямъ, расширившимъ сферу провинціального соревнованія», она прибавила: «Говорятъ, что сила женщинъ заключается въ ихъ чувствительности; воспользуемся же этимъ благодѣтельнымъ оружіемъ, предоставленнымъ въ наше распоряженіе природою или воспитаніемъ, дабы вернуть на путь истины мужей, быть можетъ, впавшихъ въ заблужденіе или низко сбитыхъ съ толку метафизическими тонкостями... и займемся разумнымъ воспитаніемъ нашихъ дѣтей».

¹⁾ *Courrier des 83 départements*, 16 октября 1791 г.

²⁾ Номеръ отъ 3 апрѣля 1791 г.

Когда нѣкоторыя, слишкомъ склонныя къ кокетству, гражданки Байе «съ помощью шелковыхъ лентъ» превратили свои кокарды въ легкомысленныя украшенія, Народное общество вмѣнило имъ въ обязанность впредь носить только бумажныя кокарды «по образцу, принятому въ войскахъ».

Подобно тому, какъ это было въ Шербургѣ, Монтивилье и Кутансѣ, члены клуба вскорѣ принуждены были «по соображеніямъ благопристойности» отвести для женщинъ отдѣльные хоры: нормандки, какъ видно, совершенно не умѣли держать себя прилично.

Однажды какой-то членъ сдѣлалъ клубу слѣдующее предложеніе: «Такъ какъ мужчины являются санкюлотами, а мужская и женская одежды не должны быть одинаковы, то необходимо постановить, чтобы женщины носили штанчики»¹⁾. Это предложеніе не было принято, равно какъ и требованіе сдѣлать ношеніе усовъ обязательнымъ. Жители Байе держались, безъ сомнѣнія, того мнѣнія, что ихъ супруги и безъ того слишкомъ часто «носятъ штаны» въ переносномъ смыслѣ²⁾, и что для прекраснаго пола будетъ унизительно, если онъ одинъ принужденъ будетъ ходить съ лицомъ, аристократически лишеннымъ растительности.

Постоянныя посѣтительницы хоровъ подарили Народному обществу знамя по случаю освященія

¹⁾ Pezet, *Bayeux à la fin du dix-huitième siècle*.

²⁾ „Носить штаны“ означаетъ, когда говорится о женщинѣ быть хозяйкой въ домѣ, держать мужа подъ башмакомъ.—*Прим. перев.*

нія бюстовъ Марата, Брута и Лепелетье и устроили въ соборѣ балъ въ флореалѣ II года.

Сначала шербургскія гражданки встрѣчали хорошій приемъ въ клубѣ, гдѣ ихъ неоднократно просили пѣть, производить денежные сборы и увѣнчивать волонтеровъ; но 30 августа 1791 г. вслѣдствіе неизвѣстныхъ намъ инцидентовъ негалантные жители Шербурга постановили впредь не допускать женщинъ на свои собранія ¹⁾.

Въ Народномъ обществѣ Кутанса женщины помѣщались на отдѣльныхъ хорахъ, но онѣ такъ часто спускались въ залъ (какъ, напримѣръ, 14 термидора 1793 г., когда онѣ всѣ побѣждали обнимать оратора), что клубъ призналъ необходимымъ на будущее время запретить всѣ эти гражданскія лобызанія, «отъ которыхъ отечество не выигрывало ничего, но мораль рисковала много потерять».

Кено ²⁾ даетъ намъ слѣдующее объясненіе этой утонченной стыдливости: «За предсѣдательскимъ столомъ возсѣдала здоровенная баба, вооруженная громадною саблей, причемъ установился обычай, что всякій новый членъ по принятіи его въ общество, долженъ былъ ее поцѣловать. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что она передъ полученіемъ братскаго поцѣлуя имѣла обыкновеніе сморкаться съ помощью пальцевъ и утираться подоломъ юбки».

Тогда нѣкоторые граждане усвоили привычку садиться вмѣстѣ съ гражданками; въ результатѣ ревнивые мужья провели 12 фруктидора постаново-

¹⁾ Galland, La Société populaire de Cherbourg.

²⁾ La Terreur dans une ville de province.

вленіе, «чтобы женскіе хоры все время были освѣщены» ¹⁾.

Газета *Courrier des 83 départements* отъ 4 іюля 1791 г. сообщаетъ объ образованіи въ Авраншѣ «женскаго клуба славныхъ подругъ сестры Леопольда». «Чортъ побери, — говоритъ газета, — этотъ чудаческій вѣкъ, когда Жанна д'Аркъ съ шлемомъ на головѣ и копьемъ въ рукѣ выступала въ защиту Карла. Нынче время не такое. На лонѣ Авранша выросъ клубъ или расадникъ дѣвъ, заставляющій ревѣть всѣхъ ословъ Ламанша:

Честь и слава амазонскому войску!

Это наша поддержка, это опора престола.

«О, друзья мои! какъ этимъ непорочнымъ Жаннамъ не пламенѣтъ самой горячей любовью къ бурбонской крови?.. Героиня, носящая боевое имя Бельваль, протрубила въ *Ami du roi Crappart*, что всякій, кто пожелаетъ записаться въ ея грозный корпусъ, можетъ обратиться на улицу Байель въ контору Монжуа».

Авраншскія дамы были ярыми контръ-революціонерами: тринадцать изъ нихъ были отправлены въ Парижъ членомъ Конвента Лекарпантье для того, чтобы тамъ быть судимыми революціоннымъ трибуналомъ; но имъ повезло, и онѣ прибыли въ столицу на другой день послѣ 9 термидора.

Въ Майеннѣ, какъ и въ Кутансѣ, гражданки проявили плачевное легкомысліе. «Къ сожалѣнію, — сообщаетъ одинъ изъ протоколовъ Народнаго общества, — хоры служатъ для молодыхъ людей

¹⁾ Sarot, les Sociétés populaires de Coutances.

обоого пола мѣстомъ, гдѣ они собираются бесѣдовать о всевозможныхъ дѣлахъ. Гусары ходятъ сюда очень охотно и усердно ухаживаютъ за своими случайными и избранными сосѣдками, и такъ какъ военные люди обыкновенно расточаютъ свои любезности съ большей веселостью, чѣмъ сдержанностью, то въ результатѣ получается смутный гулъ». Въ виду этого, суровые патриоты 19 вантоза II года постановили размѣстить въ залѣ 6 національныхъ гвардейцевъ для охраны порядка. Несмотря на присутствіе этой вооруженной силы, нѣсколько недовольныхъ три дня спустя позволили себѣ протестовать противъ рѣшенія предсѣдателя передъ гражданками на хорахъ: слѣдуетъ ли прибавлять, что бюро успѣшило закрыть засѣданіе? 1).

Въ томъ же департаментѣ, въ Лавалѣ *Друзья Конституціи* рѣшили, «чтобы привлечь симпатіи женщинъ на сторону республики, вернуть имъ заслуженное уваженіе и права, которыхъ онѣ слишкомъ долго были лишены».

Въ Сень-Серванѣ гражданки регулярно посѣщали засѣданія *Друзей Конституціи*. Двѣ добрыя патриотки сѣли даже рядомъ съ предсѣдателемъ: одною изъ нихъ была обыкновенно Марія Жамаръ. Но когда женщины потребовали допущенія на частныя засѣданія, члены клуба, «опасаясь вошедшей въ поговорку невоздержанности женщинъ въ словахъ», рѣшили отложить рѣшеніе этого вопроса въ долгій ящикъ.

Когда епископъ Лекозъ явился 11 іюля 1791 г.

1) Gallaud, les sociétés populaires de Laval et de Mayenne.

записаться въ члены клуба, то одна дама, какъ сообщаетъ протоколъ засѣданія, «обратилась къ нему съ нѣжной и ласковой рѣчью, на которую епископъ отвѣтилъ въ такомъ же тонѣ» 1)

Въ самомъ началѣ Революціи брестскія дворянки собрались въ отелѣ г-жи Дюбоскъ 24 января 1789 г. и приняли слѣдующее *постановленіе*:

«Мы, нижеподписавшіяся, принимая во вниманіе, что третье сословіе намѣревается послать депутатовъ ко двору, чтобы повергнуть къ подножію престола короля, справедливость котораго явно введена въ заблужденіе, жалобы на мнимыя притѣсненія, которыя никогда не существовали, кромѣ какъ въ разгоряченномъ воображеніи нѣсколькихъ легкомысленныхъ писателей, называющихъ себя представителями народа и его защитниками. тогда какъ, въ дѣйствительности, являются настоящими его тиранами... принимая во вниманіе, что они отмѣчены печатью безчестія, и что всѣ люди, входящіе въ составъ третьяго сословія города Бреста, за исключеніемъ нѣсколькихъ бравыхъ гражданъ, преданныхъ общему благу, недостойны быть допущенными въ ряды честныхъ людей...

«Заявили, какъ и теперь заявляемъ, клянемся и обязуемся никогда не имѣть ничего общаго съ женами, дочерьми или родственницами этихъ безчестныхъ людей, и объявляемъ ихъ гнусными людьми, измѣнниками отечеству, недостонными званія гражданина.

«И даемъ дворянское слово, что, если случай-

1) Haize, Saint-Servaut pendant la Révolution.

но какія-нибудь изъ этихъ женщинъ явятся на балъ, въ театръ, мы немедленно уѣдемъ оттуда, а равнымъ образомъ, что, если кто-нибудь изъ флотскихъ дамъ вздумаетъ принимать этихъ женщинъ у себя, объявить таковыхъ лишенными чести и признать ихъ виновными въ оскорбленіи отечества»¹⁾).

Это *постановленіе* подписано господами ре Керсалонъ, дю Фрете, де Розили, де Сень-При, де Линуа, де Бирэ, де ла Брише, д'Экторъ, де Лангль. Реаль, де Портвезэнъ и пр.

Напротивъ. черезъ годъ многія жительницы Бреста пожертвовали свои драгоценности въ пользу отечества, а 8 сентября г-жа Сивиманъ отъ имени группы замужнихъ женщинъ и вдовъ поднесла даръ муниципалитету на уплату за знамена и мундиры для барабанщиковъ: «Когда вы, — сказала она, — одержите побѣду надъ вашими врагами, вспомните, что гуманность и характеръ тѣхъ, кто молить за васъ Бога брани, предписываютъ вамъ милосердіе и умѣренность».

Поэты воспѣвали эту щедрость:

Какъ! Ваши руки, которыя никогда не давали ничего, кромѣ цѣпей,

Ваши руки—руки красоты,

Подносятъ намъ въ этотъ день, о милыя гражданки,

Знамя Свободы!

Это изъявленіе вашихъ чувствъ

Зародило въ нашихъ сердцахъ

Почтеніе, любовь, признательность.

.....

Тогда мы пожелаемъ счастливой участи

Побѣдить на вашихъ глазахъ или пасть въ бою!

¹⁾ Les Concitoyennes, ou Arrêté des Dames de la noblesse de Brest du samedi 24 janvier 1789.

Съ своей стороны молодыя гражданки 3 сентября «въ знакъ своей благодарности» подарили знамя легкой бригадѣ милиціи, составленной изъ молодыхъ гражданъ¹⁾

Спустя шесть мѣсяцевъ, 27 марта 1791 г., депутация брестскихъ гражданокъ выступила въ *Общество Друзей Конституціи* съ слѣдующимъ profession de foi:

«Природа, — заявила г-жа Прадье. — дала намъ вліяніе на нравы. отъ котораго почти всегда зависитъ устойчивость самыхъ хорошихъ учрежденій». Она закончила свою рѣчь слѣдующими словами: «Мы обѣщаемъ признавать своими друзьями и брать въ супруги только добрыхъ гражданъ, которые будутъ стоять за свободу, равенство и справедливость и посвящать всѣ свои силы процвѣтанію отечества. Таковы тѣ чувства, которыя мы сумѣемъ внушить нашимъ дѣтямъ, и съ которыми мы рѣшили жить и умереть».

*Котъ-д'Орская патриотическая газета*²⁾, сообщая объ этой манифестаціи, прибавляла: «Женщинамъ дано увѣнчать успѣхомъ славнѣйшую изъ революцій; пусть тѣ изъ нихъ, кому удалось свѣтомъ разума обезопасить себя отъ заблужденій, въ которыя надѣялся увлечь ихъ фанатизмъ, докажутъ потомству, что онѣ достойны пользоваться благами Конституціи, и что онѣ созданы для споспѣшествованія ея успѣхамъ».

29 апрѣля, прочитавъ гордую декларацію брестскихъ гражданокъ, предсѣдатель палерояльскаго

¹⁾ Bulletin de la députation du Tiers-État de Brest (номера 47 и 51).

²⁾ Номеръ отъ 3 мая 1791 года.

Соціального кружка воскликнулъ: «О, женщины, счастье исчезло съ лица земли, благодаря рабству, которое сдѣлало изъ васъ презрѣнный товаръ, возбуждающій зависть!»

Во время разграбленія сенъ-корантенскаго собора въ Кемперѣ (12 декабря 1793 г.) «женщины, ежедневно посѣщавшія клубъ, какъ говоритъ А. дю Шателъ 1), дѣлили между собою кружево, покрывавшее еще священный камень, а одна изъ нихъ, передававшая намъ нѣкоторыя подробности этого печальнаго дня, крайне довольная по ея собственнымъ словамъ тѣмъ, что ей пришлось считаться возлѣ Дагорна, получила отъ него въ тотъ моментъ, когда онъ бросалъ его народу, небольшой бархатный платъ съ яркими блестками, которымъ обыкновенно покрываютъ дароносицу... Она сдѣлала изъ него шапочку, которую носилъ ея старшій сынишка».

Въ вантозѣ II года (7 марта 1794 г.) одинъ чиновникъ явился въ сопровожденіи молодой гражданки въ клубъ Монтань-сюръ-Одэ (Кемперъ) и просилъ разрѣшенія обвѣнчаться съ своей подругой, «обращенной бывшей дворянкой». «Такъ какъ ты добрый санкюлотъ, — отвѣтилъ председатель, — то отечество можетъ надѣяться, что ты дашь ему нѣсколько защитниковъ. Поди, сядь съ твоей добродѣтельной супругой на Горѣ, и пусть на этой высотѣ она забудетъ о своей колбелѣ, погрязшей въ тинѣ болота».

Однако не всѣ жительницы Кемпера оказались такими добрыми патриотками, судя по тому, что

1) Brest et le Finistère sous la Terreur.

за нѣсколько дней до описаннаго случая клубъ обратился къ муниципалитету съ требованіемъ, чтобы патрули арестовывали аристократовъ, которые въ значительномъ числѣ позволяютъ себѣ выходить на улицу безъ кокарды 1).

Въ Бретани засѣданія клубовъ часто заканчивались балами; это, очевидно, служило превосходнымъ средствомъ къ привлеченію недостаточно пылкихъ гражданокъ 2)

Въ виду отсутствія Гермера *Народное общество въ Кемперѣ* вручило дипломъ на званіе члена Конвента его супругѣ. «Послѣ того какъ, — говоритъ протоколъ засѣданія, — его жена взяла слово для того, чтобы выразить благодарность собранію, делегаты представителей попросили разрѣшенія дать ей братскій поцѣлуй, что и сдѣлано было подѣ громъ апплодисментовъ и посреди всеобщаго восторга». Этотъ небольшой семейный праздникъ закончился танцами 3).

«Въ виду того, что гражданскія добродѣтели нечужды были женскому полу», *Друзья Конституціи въ Ваннѣ* всегда отводили женщинамъ особые хоры, а въ февралѣ 1791 г. они предложили имъ въ знакъ принадлежности къ ихъ обществу, носить трехцвѣтныя помпонъ. Кромѣ того, среди женщинъ долженъ былъ находиться спеціальныя комиссары, «чтобы служить для нихъ посредни-

1) A. Du Chatellier, Histoire de la Révolution en Bretagne.

2) Напротивъ уставъ Народнаго общества въ Треву воспрещалъ игру, ѣду и танцы въ залѣ засѣданія».

3) A. Du Chatellier, Histoire de la Révolution en Bretagne.

комъ и вносить отъ ихъ имени всѣ предложенія, которыя имъ заблагоразсудится сдѣлать»¹⁾. Въ награду за эти любезности дамы-гражданки удостоивали время отъ времени, какъ напримѣръ, при извѣстїи о казни Людовика XVI, распѣвать своими восхитительными голосами гимнъ марсельцевъ.

4 апрѣля клубъ постановилъ даже поставить въ порядокъ дня слѣдующія темы: «Планъ воспитанія для женщинъ» и «О вліяніи женщинъ на нравы гражданъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разрѣшилъ гражданкамъ самостоятельно выступать въ защиту своихъ интересовъ²⁾. Жительницы Ванна являлись въ клубъ главнымъ образомъ въ тѣ дни, когда тамъ председательствовалъ гражданинъ Дегатинъ, дамскій любимчикъ.

Иначе обстояло дѣло въ Лоріанѣ, гдѣ гражданки во время террора оказались ярыми патриотками. Если въ 1791 году онѣ довольствовались посѣщеніемъ клубовъ для того, чтобы приносить туда пожертвованія³⁾, давать гражданскую присягу или щипать корпию, то впоследствии, въ ноябрѣ 1793 г., онѣ уже давали «гражданское

1) 4 апрѣля одна дама обратилась въ Национальное Собраніе съ петиціей, въ которой требовалось предоставленіе солдатамъ знака военнаго отличія, дававшагося офицерамъ послѣ двадцати-пяти-лѣтней службы.

2) Kerviler, Clubs et clubistes du Morbihan.

3) 3 января 1791 г. дамы съ хоромъ передали председателю выручку отъ сбора, произведеннаго въ пользу нуждающихся, и одна изъ нихъ, г-жа Ле Генель Лакомбъ, произнесла рѣчь, „въ которой она, желая выразить весь интересъ, питаемый женщинами къ дебатамъ, проявила наивность и искренность, столь естественныя для ея пола“.

объщаніе (присяга осталась удѣломъ рабовъ) въ случаѣ необходимости не остановиться передъ цареубійствомъ, ибо освободить землю отъ чудовища значитъ сдѣлать хорошее дѣло»¹⁾.

Онѣ, вѣроятно, позабыли, что 16 февраля 1791 г. онѣ клялись въ клубѣ «пробыть вѣрными націи, закону и королю, всѣми силами охранять Конституцію, декретированную Національнымъ Собраніемъ, принятую и санкціонированную королемъ, и воспитывать своихъ дѣтей въ тѣхъ же чувствахъ».

Мѣсяцемъ ранѣе клубъ постановилъ «отвести публичнымъ женщинамъ худшее мѣсто въ залѣ».

Въ концѣ 1793 г. гражданки фабриковали въ клубѣ патроны, «которые должны были внести смерть въ ряды враговъ свободы». На нашихъ глазахъ, — писалъ А. Жюльенъ, — «въ лицѣ нашихъ милыхъ француженокъ возрождаются славныя римлянки... Крестины становятся все чаще... Прежніе епископы совершали крестины съ митрою на головѣ, мы же дѣлаемъ это, покрытые краснымъ колпакомъ, который во всякомъ случаѣ ничѣмъ не хуже епископской митры»²⁾.

Тѣмъ временемъ обывательницы Лоріана обучали своихъ дѣтей слѣдующимъ оригинальнымъ заповѣдямъ:

- III. Преслѣдуй всѣхъ тирановъ
Вплоть до Индостана.
- IV. Разоблачай предателей
Безъ малѣйшаго снисхожденія...
- VIII. Наблюдай за чиновниками
И гони съ мѣстъ интригановъ.

1) Kerviler, Clubs et clubistes du Morbihan.

2) Lockroy, Une mission en Vendée.

IX. Празднуй 10-е августа
И люби его вѣчно.

X. Имущество бѣглецовъ отдай
Нуждающемуся санкюлоту.

Герои-комическая поэма, изданная въ 1795 году въ Лоріанѣ подъ названіемъ «Война гигантовъ и якобинцевъ» (*Giganto - Jacobinomachie*¹⁾), сообщаетъ намъ забавныя свѣдѣнія о завсегдатаяхъ клуба *Возрожденнаго народнаго общества*.

Вѣчно говорить и ничего не сказать,
Клеветать, много ругаться,
Видѣть все шиворотъ на выворотъ...
И не замѣчать въ мірѣ ничего,
Стоящаго выше своей клики:
И не имѣть въ дѣйствительности никакой другой цѣли,
Кромѣ всеобщаго разрушенія и всеобщей смуты...
И съ помощью негѣпостей
Вселять вѣру въ свободу...
Изобрѣтать великіе заговоры...

Нарисовавъ, такимъ образомъ, портретъ законченнаго якобинца и обрисовавъ характеръ главныхъ членовъ клуба, авторъ затѣмъ перебираетъ нѣсколькихъ принадлежавшихъ къ клубу гражданокъ, поименно ихъ называя.

Тридцать бабъ, превратившихся въ гарпій,
Называющихъ честь бездѣлицей
И усвоившихъ себѣ новую манеру
Записываться въ члены клубовъ,
На подборъ уроды и притомъ галантныя,
Онѣ воистину подражаютъ вакханкамъ.
Это настоящее зеркало безумія...
Нѣсколько Фаншонъ, нѣсколько Манонъ,
Цѣлая куча Луизонъ
И затѣмъ толстая Фромантина,
Типичная уроженка Ко...

¹⁾ Это анонимное произведеніе было переиздано въ 1886 г. Кервилеромъ въ *Revue de la Révolution*.

Въ концѣ поэтъ ведетъ насъ на засѣданіе, на которомъ гражданки Дрозъ, Мадекъ, Торень, Шюно и пр. вцѣпились другъ другу въ фригійскіе колпаки.

— Подойди-ка, сука, я тебя раздѣлаю,
Говоритъ Мадекъ Шюно,
— Я тебѣ нарумяню кожу.
— Н... я на тебя хотѣла, подлая негодяйка:
— Не сойти мнѣ съ этого мѣста,
Если я тебѣ не расквашу носъ
Мѣткимъ ударомъ кулака,
Говоритъ Трюмель... и пр., и пр.

Прибавимъ, что въ 1791 году въ Лоріанѣ существовала масонская ложа, состоявшая изъ однѣхъ женщинъ; къ сожалѣнію, мы не располагаемъ относительно ея никакими свѣдѣніями.

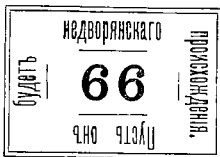
Подражая примѣру, данному *Братскимъ обществомъ обоего пола города Парижа* (февраль 1791), молодыя дѣвицы города Нанта поклялись въ клубѣ *Друзей Конституціи* низачто не выходить за аристократовъ. Этимъ юнымъ особамъ пришла, по крайней мѣрѣ, въ голову оригинальная мысль дать свою клятву въ стихахъ¹⁾... если только это стихотвореніе не сочинено какимънибудь шутникомъ.

Мы, женщины нантскаго округа,
Жены, вдовы и дѣвицы,
Сообщаемъ всѣмъ французамъ,
Что, будучи ярыми демократками,
Мы не можемъ безъ отвращенія смотрѣть
На бездушныхъ и безсердечныхъ людей,
Называемыхъ аристократами.

¹⁾ „Произнесенныя ими рѣчи,—говоритъ *Bouche de fer* отъ 22 февраля,—исполнены чистѣйшей любви къ Свобоdѣ“.

И мы предпочитаемъ остаться дѣвушками
Или сохранить вѣрность нашимъ мужьямъ (sic),
Чѣмъ видѣть когда-нибудь наши семьи
Въ родствѣ съ этими бандитами.

Мы ни въ коемъ случаѣ не позволимъ,
Чтобы надъ нами было учинено насиліе,
Ибо такова наша воля.
Составлено въ отелѣ Бонъ-Дезиръ.
Викторина Бланшъ Кустаръ,
Аделаида Керуаръ,
Съ Агнесой Сентъ-Юберти,
Ла Дюшенъ и Ла Флориньи,
Фаншонъ, Марготонъ Бонваже,
Постоянная секретарша
Клуба, печать приложила ¹⁾

Въ мартѣ слѣдующаго года «Французскій Патриотъ» (№ 991) перепечаталъ любопытное письмо, отправленное генералу Дюмурье нантскими женщинами.

«Помнишь ли ты, какъ мы поднесли тебѣ гражданскій вѣнокъ въ тотъ день, когда ты явился въ общество *Друзей Конституціи* города Нанта дать намъ доказательство своего патриотизма? Ты принялъ его, говоря, что ты его не заслужилъ, но что сдѣлаешь все, чтобы оказаться его достойнымъ. Теперь какъ разъ время доказать это, въ противномъ случаѣ мы сорвемъ съ тебя этотъ вѣнокъ и дадимъ тебѣ другой».

Патриотическія гражданки Нанта.

¹⁾ Arrêté des Dames et Demoiselles patriotes de Nantes.

Одна статья устава *Друзей Свободы города Нанта* гласила: «Гражданки на хорахъ, которыя пожелають высказать свои мысли, будутъ говорить съ своихъ мѣстъ послѣ того, какъ председатель дастъ имъ слово».

Уставъ анжерскаго клуба предусматриваетъ допущеніе «гражданъ и гражданокъ *обоого пола*». Женщины голосовали даже при избраніи новыхъ членовъ ¹⁾.

30 флореаля II года юная гражданка М., едва достигшая десятилѣтняго возраста, прочитала въ сомпорскомъ клубѣ нѣсколько мѣстъ изъ розданнаго наканунѣ республиканскаго катехизиса. Восхищенное этимъ рвеніемъ *Революціонное общество монтаньяровъ* тутъ же постановило допускать на свои собранія всѣхъ молодыхъ гражданокъ и отвести для нихъ одно отдѣленіе на хорахъ, украшенное хоругвью съ надписью: Надежда отечества. Черезъ два дня множество дѣвочекъ въ свою очередь пожелаали подвергнуться экзамену. Въ фруктидорѣ одна гражданка взошла на трибуну и отъ имени своихъ сестеръ потребовала чести принять участіе въ подпискѣ, открытой съ цѣлью подарить отечеству корабль, второго *Мстителя* ²⁾.

7 сентября 1792 года гражданки Сентъ-Калэ, эскортируемыя отрядомъ національныхъ гвардейцевъ, поднесли президенту и секретарямъ округа цѣлую партію фригійскихъ шапокъ. Онѣ были

¹⁾ Blordier—Langlois, Angers de 1737 à 1830.

²⁾ Bruas, Souvenir de la Révolution en Anjou.

встрѣчены кликами: *Да здравствуютъ дамы-патріотки!*

«Господа, — заявила г-жа Фроже-Плиссонъ, — любовь къ свободѣ и къ равенству привела насъ въ вашу среду и побудила насъ поднести вамъ символъ нашей славной революціи. Вооруженная этимъ знаменіемъ, Франція непобѣдима. Изумите весь міръ: пусть гордые короли узнаютъ, что верховный народъ способенъ добиться всего собственными силами... пусть каждый изъ васъ сумѣетъ умереть на посту, на который поставили его сограждане. Да, законодатели, приговоръ произнесенъ, уничтожьте жесточайшаго изъ деспотовъ, отечество спасено, и сердца наши принадлежатъ вамъ».

«... Избирательный корпусъ, — отвѣтилъ президентъ, — счастливъ тѣмъ, что въ своихъ патріотическихъ усиліяхъ онъ встрѣчаетъ поддержку и одобреніе со стороны милаго и очаровательнаго пола, который составляетъ утѣшеніе и отраду человѣческаго рода... Колпакъ свободы, связанный и поднесенный руками Граціи, удвоить, если это возможно, гражданскій пылъ людей, которыхъ этотъ величественный символъ долженъ наэлектризовать... Я же отъ имени собранія дамъ этимъ дамамъ братскій поцѣлуй»

Триста пятьдесятъ гражданокъ Тура съ мадемуазель Евгеніей Берже во главѣ явились 25, 26 и 27 іюня 1791 года на засѣданія *Друзей Конституціи города Тура* съ тѣмъ, чтобы принести тамъ гражданскую присягу.

«Ваши дочери,—говорила ихъ руководительница,—впредь будутъ отдавать свою руку только тѣмъ, кто постоянно любилъ свободу, законы и отечество; и первыми словами, которымъ ваши супруги научатъ своихъ дѣтей, будетъ лозунгъ всѣхъ добрыхъ французовъ: жить свободными или умереть».

Четыре дня спустя, 158 гражданокъ Меттре и Ла Манброля поклялись «съ чистымъ сердцемъ, свободнымъ отъ всякаго аристократизма, быть вѣрными націи и закону и охранять Конституцію, которая является скорѣе дѣломъ Божества, чѣмъ людей... Бѣгство короля,—прибавила госпожа Пакэнъ,—которымъ онъ осуждаетъ то, что раньше одобрялъ, ослабило тѣ чувства, которыя онъ прежде намъ внушалъ»¹⁾).

10 іюля патріотическія дамы города Тура просили епископа Сюзора освятить ихъ знамя и избрали въ знаменосцы жену палача!

Туръ былъ, пожалуй, городомъ, которому довелось лицедрѣть на трибунѣ самую юную гражданку. Въ одинъ прекрасный день нѣкій священникъ изъ присягнувшихъ привезъ въ Народное общество всю свою семью. «Моя дочь Корнелія,—сказалъ онъ,—восьми мѣсяцевъ отъ роду, будетъ сейчасъ представлена вамъ своей матерью и вынесена на трибуну своей кормилицей. Она заблаговременно вкусить въ вашей средѣ прелести и радости истинныхъ республиканокъ»²⁾).

Нѣсколько позже, въ жерминаль II года, по-

1) *Revue rétrospective*, III, 175.

2) *Giraudet, Histoire de Tours*.

рядокъ на засѣданіяхъ *Н. О.* часто нарушался бандой чулочницъ, предводимыхъ женою палача Сансона. Эти милыя гражданки, посланныя *Клубомъ санкюлотовъ*, прерывали засѣданія криками: «Цыцъ! Шальмель; голову долой!», когда Шальмель позволялъ себѣ протестовать противъ диктатуры Сенара ¹⁾.

Наоборотъ, въ Лигеѣ (Эндрѣ-и-Луарскій деп.) группа женщинъ демонстративно выказала свои контръ-революціонныя чувства, отказавшись вязать чулки для солдатъ; въ виду этого Советъ Коммуны 4 плувіоза IV года наказалъ одну изъ этихъ упорствующихъ чулочницъ тѣмъ, что принудилъ ее заказать пару мужскихъ чулокъ на свой счетъ ²⁾.

Точно также въ Шинонѣ Народное общество, нуждаясь въ хорошихъ голосахъ для пѣнія патриотическихъ гимновъ, должно было 23 января 1794 года насильственно набербовать извѣстное число бывшихъ дворянокъ, которыхъ природа одарила гармоничными голосами ³⁾.

Гораздо менѣе заносчивыя жительницы Сабля въ 1792 году не боялись, повидимому, выступать на трибунѣ. «Двѣ или три женщины,—говоритъ Петито ⁴⁾,—одержимыя тщеславіемъ до болѣзненности, сдѣлались официальными ораторами народныхъ собраній». Къ сожалѣнію, намъ не уда-

лось отыскать рѣчей этихъ пылкихъ гражданокъ.

Въ Ниорѣ также существовало *Братское общество обоого пола*. Въ маѣ 1791 г. этотъ клубъ постановилъ, что всякій членъ, «изобличенный въ гнусной торговлѣ серебромъ, съ цѣлью понизить курсъ ассигнацій, будетъ вычеркнутъ изъ списковъ».

¹⁾ Faye, La Révolution en Touraine.

²⁾ Rougé, Ligueil pendant la Révolution.

³⁾ Faye, Les Sociétés populaires d'Indre-et-Loire.

⁴⁾ Chroniques sablaises (Revue du Bas-Poitou, II).

II.

Южные и Юго-Восточные департаменты.

Лиможъ. — Сень-Жюньенъ. — Беллакъ. — Коньякъ. — Ангулемъ. — Перигэ. — Бордо. — Сентъ-Фуа-ла-Грандъ. — Мармандъ. — Дамазанъ. — Эгійонъ. — Байонна. — Ортезъ. — По. — Ошъ. — Лектуръ. — Сень-Жанъ-Путжъ. — Монтобанъ. — Тулуза. — Милло. — Сень-Шиньянъ. — Эгморть. — Але. — Марсель. — Тулонъ. — Вилькрозь. — Драгиньянъ. — Динь. — Валансъ. — Ле Пюи. — Аннонэ. — Сень-Марселенъ. — Гренобль. — Ла Котъ-Сентъ-Андре. — Тононъ. — Лионъ. — Сентъ-Фуа. — Вильфраншъ-сюръ-Сонъ.

„Запрещается говорить нѣсколькимъ гражданкамъ сразу“.

Уст. О-ва мюнокъ, преданныхъ Націи.

Въ нѣкоторыхъ южныхъ департаментахъ и въ большей части восточныхъ департаментовъ число Народныхъ обществъ было еще болѣе значительно; только въ округахъ Грасскомъ и Драгиньянскомъ Пупэ насчиталъ ихъ пятьдесятъ.

Къ сожалѣнію, большинство протоколовъ революціонныхъ клубовъ было въ эпоху Директоріи уничтожено бывшими якобинцами, которымъ хотѣлось заставить забыть о своемъ недавнемъ преклоненіи передъ вождами Террора. Но даже изъ тѣхъ документовъ, которые случайно сохра-

нились, цѣликомъ опубликована лишь ничтожная часть; и не подлежитъ сомнѣнію, что по мѣрѣ опубликованія этихъ памятниковъ въ нихъ найдутся многочисленныя доказательства вмѣшательства женщинъ въ мѣстную борьбу¹⁾.

Намъ въ большинствѣ случаевъ приходилось пропускать значительное число женскихъ выступлений, какъ выходящихъ за рамки этого труда: мы имѣемъ въ виду бунты, организованные католличками, а также обнищавшими домохозяйками (менажерками).

Во главѣ всѣхъ этихъ движеній мы почти всегда встрѣчаемъ женщинъ, и это понятно, такъ какъ онѣ больше, чѣмъ мужчины, страдали отъ бѣгства мятежныхъ священниковъ и сильнѣе чувствовали неудобства отъ вздорожанія съѣстныхъ припасовъ. Не хватило бы цѣлаго тома, если бы мы вздумали хотя бы просто перечислить церкви, храбро защищавшіяся въ нѣсколь-

1) Однако въ различныхъ изданіяхъ, относящихся къ исторіи Революціи, мы не встрѣтили никакого упоминанія о политическихъ выступленияхъ женщинъ въ городахъ: Абевиль, Эксъ, Амьенъ, Армантьеръ, Арне-ле-Дюкъ, Бофоръ-ан-Валле, Безье, Бле, Калла, Каркассонъ, Кастель-Маньоакъ, Кодбекъ, Шалонъ-на-Луарѣ, Шарли, Шатодэнь, Шатель-на-Мозелѣ, Шарлевалъ, Шомонъ, Шеминонъ, Даксъ, Ди, Эперне, Эсуа, Фонтенэ, Гайакъ, Овиль, Эрикуръ, Эрисонъ, Лонжюмо, Луру-Беконнэ, Маньякъ-Лаваль, Миркуръ, Монтоленъ, Монпелье, Мортанъ, Нантуа, Олоронъ, Паси-сюръ-Эръ, Церонъ, Перпиньянъ, Пессанъ, Поншато, Пюенса, дю-Пюи, Рамбуїе, Ретель, Сень-Жиль (деп. Гаръ), Сень-Мену, Сень-Назаръ, Сентъ-Омеръ, Сень-Поль-де-Леонъ, Сень-Пурсенъ, Сентъ-Базей, Савиэ, Систеронъ, Тонненъ-ла-Монтанъ, Треву, Труа, Воверъ, Вильневъ-сюръ-Ло, Вимутье и Вирье.

кихъ епархіяхъ. и рынки, проворно разграбленныя во время революціоннаго водоворота.

Гражданка Лаферьеръ, эта ярая амазонка. которая хотѣла организовать въ Лиможѣ женскій батальонъ, заклінала 17 апрѣля 1793 г. своихъ согражданъ «отобрать всѣ свидѣтельства цивизма, которыя удалось заполучить аристократамъ. надѣвшимъ патриотическую маску». Въ сентябрѣ патриотка Перго предложила сдѣлать для всѣхъ гражданокъ обязательнымъ ношеніе кокарды на лѣвой сторонѣ головного убора.

Въ октябрѣ Народное общество постановило впредь не давать братскаго поцѣлуя бывшимъ монашенкамъ и «составить списки ханжей»¹⁾.

26 мая 1793 г. въ лиможскомъ клубѣ прочитанъ былъ адресъ, который общество *Подругъ Свободы и Равенства въ Сень-Жюньенъ* (деп Верхней Вьенны) предполагало послать Конвенту.

Въ томъ же департаментѣ, въ Беллакѣ, жепщины выказали 10 фримера II года такой энтузіазмъ на празднествѣ въ честь богини Разума, что гражданинъ Дюбуа предложилъ тутъ же на мѣстѣ принять всѣхъ этихъ истинныхъ республиканокъ въ Народное общество, «однако,—прибавилъ онъ,—безъ предоставленія имъ права участія въ голосованіи». Обсужденіе этого предложенія было отсрочено; но чтобы всетаки вознаградить своихъ пылкихъ соотечественницъ, *Друзья Конституціи въ Беллакѣ* постановили пригласить ихъ на банкетъ, которымъ должно было закончиться празднество, «на томъ однако

условіи, чтобы онѣ явились туда въ сопровожденіи членовъ клуба». Черезъ нѣсколько дней сорокъ съ чѣмъ-то гражданокъ были провозглашены *сестрами* Общества¹⁾.

Въ Якобинскомъ клубѣ въ Коньякѣ 1 іюля 1792 г. выступила гражданка Дюпэнъ, держа въ рукѣ пику, украшенную трехцвѣтнымъ знаменемъ, и произнесла рѣчь, покрытую бурными аллюдионами²⁾.

Въ Коньякѣ и Ангулемѣ имѣлись женскіе клубы; къ сожалѣнію, мы знаемъ объ ихъ существованіи лишь по протоколу одного засѣданія *Подругъ Свободы въ Бордо*, гдѣ упоминается о чтеніи адресовъ, исходившихъ отъ этихъ двухъ обществъ.

4 флореаля III года *Народное общество въ Перигэ* обсуждало вопросъ о допущеніи на свои собранія постороннихъ женщинъ. «Онѣ имѣютъ на это полное право.—заявилъ одинъ ораторъ.— Греки и Римляне, до насъ вступившіе на путь свободы, отводили имъ видное мѣсто на своихъ празднествахъ и собраніяхъ. Женщины являлись тамъ наилучшимъ украшеніемъ. Вдобавокъ, допущеніе ихъ не связано ни съ какими неудобствами, такъ какъ у нихъ нѣтъ рѣшающаго голоса».

Начавши съ постановленія, что каждый членъ вправѣ будетъ приводить съ собою гражданку, жители Перигэ измѣнили свое мнѣніе въ виду опасенія, что ихъ скромный локаль окажется

¹⁾ Roy-Pierrefitte, Histoire de Bellac.

²⁾ Le Gallo, Rev. de Révolution française (XLIII, 125).

¹⁾ Frey-Fournier, Le Club de Limoges.

слишкомъ тѣснымъ, и не сможетъ вмѣстить всѣхъ добрыхъ республиканокъ. Но общество продолжало допускать женщинъ въ свою среду и въ тотъ же самый день приняло пять новыхъ женщинъ въ члены.

Черезъ мѣсяць вспыхнулъ рѣзкій споръ между гражданкой Венсанъ и предсѣдателемъ, который не позволялъ ей стоять у двери и требовалъ, чтобы она усѣлась на мѣстахъ, отведенныхъ для женщинъ. Клубистка рѣзко отвѣтила, что «она будетъ стоять тамъ, гдѣ захочетъ, что она не привыкла, чтобы люди, лично ей знакомые, обращались къ ней на «ты», и что время тыканья прошло. Въ виду этого отвѣта, одновременно нарушавшаго и Равенство и Братство, единогласно рѣшено было исключить гражданку Венсанъ изъ списковъ»¹⁾.

Въ Бордо 4000 патриотическихъ гражданокъ, во главѣ которыхъ стояли г-жа Курпонъ, жена генераль-маіора, и г-жи Жантиль, Азема, Дюбуа, Тонненъ, Рашонъ, Монленъ, Сабезъ-Саломонъ и Тьеванъ, желая протестовать противъ отказа части духовенства отъ присяги, постановили поднести букетъ конституціонному епископу Пакарану.

Гражданки Бордо съ національными кокардами на груди собрались 28 іюня 1791 г. на Марсовомъ Полѣ. Отряды національныхъ гвардейцевъ выстроились «побатальонно, причемъ гра-

1) Poubeau, la Société populaire de Périgueux.

жданки помѣстились въ центрѣ, а затѣмъ весь кортежъ направился въ соборъ»¹⁾.

«За эту инициативу,—говорила *Парижская Хроника*,—гражданка Курпонъ заслужила безсмертіе».

Въ слѣдующіе дни *Подруги Конституціи* устроили серенады всѣмъ конституціоннымъ священникамъ, а 12 іюля 400 прихожанъ церкви св. Марціала поднесли новому пастору картину, предназначенную для его церкви.

Въ честь 14 іюля *Подруги Конституціи* пожертвовали муниципалитету 300 ливровъ для покупки оружія защитникамъ отечества и вручили Пакарану сумму въ 1680 ливровъ для раздачи въ видѣ патриотической милостыни²⁾.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а именно 10 октября, бордоскія гражданки заказали въ церкви св. Андрея торжественный молебенъ по случаю счастливаго доведенія до конца выработки Конституціи. По этому поводу Клодъ Олье затѣялъ имъ безконечную патриотическую рѣчь³⁾.

«...Одержавши верхъ,—говорилъ онъ,—надъ личнымъ интересомъ, надъ предрасудками, надъ заблужденіями, надъ фанатизмомъ, который вы растоптали ногами. вы сейчасъ явили открытое свидѣтельство своей любви къ отечеству и ко

1) Во главѣ этой манифестаціи находился муниципалитетъ; но неизвѣстно по какой причинѣ общій совѣтъ коммуны отсрочилъ собраніе Подругъ, назначенное на 21 іюня.

2) Inventaire des Archives du Conseil général de la Commune de Bordeaux. Chronique de Paris, 4 juillet. Gradis. Histoire de Bordeaux.

3) Discours sur les bienfaits de la Constitution envers les femmes.

всему человечеству... Почтенныя матери, юныя супруги, добродѣтельныя гражданки, отдайтесь порывамъ вашего сердца, пылу вашего усердія, оставьте холодность и безразличіе низкимъ душамъ... Какое трогательное и очаровательное зрѣлище представляютъ тысячи гражданокъ всякаго возраста и всѣхъ профессій, украшенныхъ національными цвѣтами, марширующихъ по Марсову Полю рядомъ съ храбрыми защитниками свободы, воспламеняющихъ мужество всѣхъ своимъ присутствіемъ, сливающихся радостныя клики съ привѣтствіями гражданскимъ чувствамъ и клянущихся предпочесть смерть рабству...»

Черезъ нѣсколько дней въ муниципальный совѣтъ явилась депутація отъ гражданокъ пришла св. Петра и представила ему проектъ общества, которое онѣ намѣревались основать для помощи нуждающимся подъ названіемъ *Подругъ Человѣчества*.

Въ Бордо существовалъ даже третій женскій клубъ: по сообщенію *The female revolutionary Plutarch* сочиненія, вышедшаго въ Лондонѣ въ 1816 году, «Гароннская Газета» отъ 6 вантоза II года даетъ подробный отчетъ о засѣданіи клуба *Подругъ Свободы и Равенства*, состоявшемся въ бывшемъ Капуцинскомъ монастырѣ.

Такъ какъ намъ не удалось справиться съ указаннымъ номеромъ газеты, то мы ограничиваемся передачею англійской версіи.

Засѣданіе 2 вантоза открылось подъ предсѣдательствомъ Маргариты Карнакъ, причемъ товарищами предсѣдателя были Елизавета Форентъ и Мадлена Бришаръ. По прочтеніи трехъ адре-

совъ, присланныхъ родственными обществами Ангюлема, Коньяка и Байонны, приступлено было къ обсужденію предложенія Жозефины Мартенъ, которая во имя Общества, Свободы и Равенства требовала общности имуществъ, женъ, однимъ словомъ, *всего*. Первая взяла слово Аделаида Карро:

«...Одинъ великій философъ, Руссо, сказалъ: Земля не принадлежитъ никому, но продукты ея принадлежать всѣмъ. Человѣкъ, который первый сказалъ: «Это поле принадлежитъ мнѣ», былъ первымъ аристократомъ, первымъ тираномъ, первымъ заговорщикомъ противъ Свободы и Равенства... Развѣ наша короткая жизнь на землѣ не доказываетъ, что ничто не принадлежитъ намъ здѣсь?.. Это-то и допускаетъ конфискацію имуществъ духовенства и эмигрантовъ, принудительный заемъ и реквизиціи, которыя въ концѣ-концовъ установятъ имущественное равенство между богачами и санкюлотами... Общность женъ представляла бы многочисленныя выгоды: она привела бы къ увеличенію народонаселенія и къ исчезновенію всѣхъ наслѣдственныхъ недостатковъ. какъ это наблюдается въ животномъ мірѣ... Даже съ моральной точки зрѣнія эта общность необходима, такъ какъ, уничтожая ревность, она положила бы конецъ дуэлямъ и многимъ другимъ бѣдствіямъ... Наконецъ, исчезли бы нищія, а значитъ, не было бы болѣе и преступниковъ... Снова воцарился бы золотой вѣкъ, и патріоты обоого пола проводили бы весело время за братскимъ столомъ въ своихъ общихъ хоромахъ!»

Нѣсколько старыхъ женщинъ съ хоромъ про-

тестовали. повидимому, противъ этихъ социальныхъ взглядовъ, и въ залѣ слышались крики: «Но мы любимъ нашихъ мужей!» Тогда Каролина Ника строго замѣтила протестанткамъ, что такъ какъ онѣ извѣдали свою долю наслажденій, когда были молоды, то теперь онѣ должны молчать. Въ ожиданіи идеальной общности женъ, она потребовала, чтобы мужчинамъ, желающимъ вступить въ бракъ, вмѣнено было въ обязанность представлять удовлетворительное медицинское свидѣтельство. Это предложеніе возбудило такой шумъ, что предсѣдательница поспѣшила отложить продолженіе дебатовъ до слѣдующаго засѣданія.

Въ началѣ 1794 г. Терезія Кабаррюсъ составила въ Бордо большую *Рѣчь о воспитаніи*, въ которой она требовала введенія обязательнаго образованія. Она требовала кромѣ того, чтобы въ гимназіяхъ хорошо поставлены были физическія упражненія, «даже борьба, подъ наблюдениемъ преподавателей», и выражала пожеланіе, чтобы дѣти, прежде чѣмъ приступать къ изученію латинскаго языка, сначала научились правильно говорить на своемъ родномъ языкѣ».

По словамъ герцогини д'Абрантесъ, Кабаррюсъ сначала не рѣшалась произнести эту рѣчь вслухъ, и поручила Жюльену прочитать ее вмѣсто нея, «но она присутствовала на засѣданіи, причемъ слушатели съ большимъ вниманіемъ глядѣли на нее, чѣмъ слушали тяжелое и скучное чтеніе того, кто произносилъ ее рѣчь». Огорченная такимъ сквернымъ произнесеніемъ своей рѣчи, прекрасная Терезія набралась смѣлости и 30 де-

кабря сама прочитала ее въ церкви францисканскихъ монаховъ.

Сентъ-Фуа-ла-Грандъ (Жиронда) рѣшилъ съ большой помпой отпраздновать провозглашеніе конституціи. Во главѣ кортежа шли 12 молодыхъ гражданокъ, которыя разбрасывали дубовыя листья, въ то время какъ 6 другихъ дѣвушекъ несли вѣнокъ впереди Книги Закона, положенной на сосудъ, украшенный цвѣтами... Гражданки, до того увѣнчавшія Конституцію, поспѣшили увѣнчать своихъ Друзей; нѣсколько дубовыхъ гирляндъ—символь цивизма и Человѣчности—были поднесены руками грацій членамъ Народнаго общества. Рѣчь мадемуазель Самбели старшей была выслушана не безъ волненія»¹⁾.

Въ Мармандѣ патриоты обоего пола *Истинно-перерожденные друзья конституціи 1793 года* присутствовали на засѣданіяхъ «съ трехцвѣтными кокардами, которыя у гражданъ являются эмблемою силы, а у гражданокъ эмблемою республиканской граціи»²⁾.

Въ небольшомъ городкѣ Дамазанѣ въ Капельжалускомъ округѣ (деп. Ло-и-Гаронны) существовало общество *Подругъ Свободы и Равенства*.

Гражданки Барбе-Фабръ, Аделаида Паскаль и Бордъ-Дюбеда писали Конвенту, «что миллионы рукъ готовы подняться, для того чтобы повергнуть на землю всѣхъ измѣнниковъ отечества.

¹⁾ Courrier des 83 départements, 5 ноября 1791.

²⁾ Bonnat, la Société populaire de Marseille.

«Сегодня 14 июля II года *Подруги Свободы и Равенства* собравшись въ обычномъ мѣстѣ своихъ засѣданій... избрали двухъ комиссарокъ, для того чтобы пригласить гражданина-кюре сообщить обществу конституціонный сводъ, который былъ переданъ ему для чтенія во время церковной службы. Гражданинъ-кюре охотно явился въ собраніе; конституціонный актъ былъ прочитанъ... Конституція была принята единогласно».

Общество уже намѣревалось выбрать депутатку, которая должна была отвезти адресъ въ Парижъ, когда гражданка Сорбюз-Дабо замѣтила, что, такъ какъ по закону делегатъ округа долженъ былъ отправиться въ Конвентъ для сообщенія о пожеланіяхъ своихъ согражданъ, то лучше будетъ заодно поручить ему передачу адреса, а деньги, которыхъ стоила бы поѣздка депутатки, употребить на покупку сапогъ для «братьевъ, которые уничтожаютъ роялистовъ въ Вандеѣ». Это безкорыстное предложеніе было немедленно принято¹⁾.

Въ томъ же департаментѣ въ Эгійонѣ женщины предпочитали сидѣть у себя по домамъ: 15 апрѣля 1792 г. ни одна изъ нихъ не удостоила явиться для избранія 12 гражданокъ, изъ которыхъ должно было составиться благотворительное бюро. Муниципальный совѣтъ долженъ былъ назначить ихъ самъ²⁾.

Обывательницы Беарна приходили пѣть Марсельезу въ *Байонскій клубъ Санжюлотовъ* и при-

водили своихъ дѣтей для произнесенія патристическихъ молитвъ. 22 ноября 1793 г. гражданки-актрисы театра вошли въ залъ; «одна изъ нихъ попросила слова и отъ имени всѣхъ товарокъ пожертвовала для защитниковъ отечества (?). Предсѣдатель пригласилъ ихъ пустить въ ходъ всѣ средства, доставляемые имъ театромъ, для пропаганды священныхъ принциповъ чистѣйшаго патриотизма и отъ имени общества далъ имъ братскій поцѣлуй»¹⁾.

Судя по протоколу засѣданія *Подругъ Свободы въ Бордо*, въ Байоннѣ существовалъ женскій клубъ.

Въ Ортезѣ «порядочныя и республикански настроенныя» гражданки посѣщали засѣданія Народнаго общества. 26 плювіоза II года Монестье (изъ Пюи-де-Дома) обратился къ нимъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:²⁾

«Гражданки, сестры и подруги, мы обратили вниманіе на постоянное отсутствіе и на новое бѣгство нѣкоторыхъ изъ васъ. Это не должно насъ удивлять; вы составляете половину насъ самихъ, и указанное расхожденіе не могло отъ насъ ускользнуть... Нѣкогда вы руководили нашими первыми шагами во имя Бога въ трехъ лицахъ, мы желаемъ, чтобы теперь вы говорили съ нашими дѣтьми только на языкѣ вѣчнаго и всеобщаго разума во имя Верховнаго Существа, которое мы любимъ такъ же, какъ и вы... Рес-

¹⁾ Archives parlementaires (LXX, 355).

²⁾ Alis, Histoire de la ville d'Aiguillon.

¹⁾ Darricau, la Terreur à Bayonne.

²⁾ Bulletin de la Société des Lettres de Pau, 1902.

публиканцы откровенно выражаютъ свои мысли; они вѣрны своимъ обѣщаніямъ; идите къ нимъ, они останутся честными и приличными людьми: вы сможете слушать ихъ, не краснѣя, потому что съ нами вы не станете ломаться... вы можете продолжить клубъ въ нѣдрахъ вашей семьи.

«Да, приходите къ намъ, для того чтобы научиться въ нашей средѣ быть домашними апостолами свободы и равенства, откажитесь отъ вашихъ погрешекъ, отъ вашихъ кружковъ, гдѣ вы блещете нарядами, но гдѣ царитъ скука пустыхъ разговоровъ и смѣшная напыщенность. Придите къ намъ, симпатичныя гражданки».

Общество Подругъ Конституціи въ По образовалось весной 1791 г. При вступленіи гражданки должны были давать слѣдующую присягу: «Клянусь быть вѣрною націи и распространять, поскольку это будетъ зависѣть отъ меня, гражданскія чувства французской конституціи».

Крайняя фракція этого общества добивалась учрежденія исполнительнаго комитета «для наказанія бунтовщицъ», но это предложеніе было отклонено, и предсѣдательница поздравила собраніе съ проявленіемъ здраваго смысла.

«Я съ удовольствіемъ вижу,—сказала она,— что собраніе проявляетъ благоразуміе и присущій ему духъ умѣренности, отвергая рѣзкія выходки, способныя скорѣе повредить правому дѣлу, чѣмъ принести ему пользу. Если терпимость и вообще-то составляетъ первѣйшую конституціонную добродѣтель, то кольми паче она должна быть дорога тому полу, который никогда не зналъ другого оружія, кромѣ оружія мягкости,

которое, покоряя сердца, вслѣдъ затѣмъ увлекаетъ и волю... Откажемся же отъ насильственныхъ приемовъ, которые способны выставить нашъ полъ въ смѣшномъ видѣ».

Въ іюлѣ гражданки По рѣшили устроить женскій праздникъ Федерациі и постановили организовать на 7 августа патриотическую церемонію. Всѣ участницы послѣдней должны были явиться въ бѣлыхъ платьяхъ съ трехцвѣтными поясами.

Къ сожалѣнію, департаментская администрація и городскія власти косо посмотрѣли на эту манифестацію. Они отказались принять участіе «въ этомъ праздникѣ граціи и патриотизма, который они признали крайне ребяческимъ и смѣшнымъ, и засѣли въ городской Думѣ, готовые въ случаѣ какого-нибудь неожиданнаго происшествія немедленно двинуться съ карауломъ, состоявшимъ изъ 12 вооруженныхъ съ ногъ до головы инвалидовъ».

Тѣмъ не менѣе праздникъ прошелъ совершенно спокойно и закончился баломъ. «Эти почтенныя амазонки,—прибавляетъ *Courrier des quatre-vingt-trois départements*,¹⁾ —находятся въ открытой войнѣ съ муниципалитетомъ, но въ данномъ случаѣ правда не на сторонѣ отцовъ города... Убѣжденные въ томъ, что для галантности не зазорно имѣть сестрою свободу, эти дамы послали городскимъ властямъ только лаконическій адресъ съ просьбой разрѣшить имъ устроить гражданскій праздникъ. Но отцы города

1) Номера отъ 27 іюля, 9 и 20 августа и 13 сентября 1791.

отвѣтили: «Сударыни, мы имѣемъ основаніе быть пораженными вольнымъ и непочтительнымъ тономъ вашего прошенія... Нельзя обращаться съ четырьмя строчками къ такимъ людямъ, какъ мы; если хотите получить разрѣшеніе, подайте болѣе длинное прошеніе».

Подруги подали второе прошеніе, на этотъ разъ вѣроятно уже слишкомъ длинное, такъ какъ недовѣрчивый муниципалитетъ попрежнему отказалъ имъ въ своемъ содѣйствіи.

Предсѣдательницей клуба въ По одно время состояла прачка Полина Сиро. Одна изъ ея рѣчей была, кажется, напечатана.

У жительницъ Беарна для заполненія своего досуга былъ большой выборъ, такъ какъ онѣ могли также быть членами Народнаго общества. Онѣ пользовались одинаковыми правами съ гражданами и имѣли право произносить рѣчи. «Однако, какъ гласитъ *Уставъ*, ихъ голоса не подсчитываются» ¹⁾.

Въ Ошѣ нѣсколько красныхъ священниковъ должны были по настояніямъ *Н. О.* взять въ жены патріотическихъ гражданокъ съ хоромъ. До сихъ поръ сохранилось знамя этихъ добрыхъ санкюлотокъ; оно сдѣлано изъ бѣлаго шелка и снабжено слѣдующими двумя надписями: *Нація* поднялась противъ тирановъ.—Знамя ошскихъ республиканокъ.

Гражданки Доа, Лартигъ, Сансо, Дюранъ, Лаккомбъ и Сезера отличались аккуратнымъ посѣ-

щеніемъ засѣданій, а послѣдняя кромѣ того выступала иногда и съ рѣчами. Время отъ времени *Ошскія Республиканки* въ полномъ составѣ отправлялись, съ оркестромъ военной музыки впереди, въ Народное общество.

Этотъ шумный цивизмъ нравился далеко не всѣмъ ихъ соотечественникамъ: утромъ 9 флореаля II года на стѣнахъ расклеена была рѣзкая афиша, направленная противъ этихъ ярыхъ патріотокъ; къ сожалѣнію, мы не знаемъ ея текста.

Впрочемъ, такихъ патріотокъ было немного: большая часть ошскихъ обывательницъ отправлялись въ клубъ только по воскресеньямъ, чтобы щегольнуть нарядами, и продолжали носить на шеѣ золотые кресты. Въ наказаніе муниципалитетъ постановилъ послать тѣхъ женщинъ, которыя упорно продолжали праздновать воскресенье, на принудительную работу въ лѣсъ, обязавъ ихъ собирать хворостъ, необходимый для изготовленія селитры.

Ошскія гражданки устроили еще забастовку, когда *Общество Монтаньяровъ* вызвало актрисъ-добровольцевъ для представленія патріотическихъ пьесъ; оно принуждено было декретировать, «что впредь оно будетъ признавать подозрительными всѣхъ небеременныхъ гражданокъ, которыя, обладая талантомъ, не внесутъ свои имена въ списки».

Напротивъ, въ окрестностяхъ Оша женщины выдавались своимъ революціоннымъ пыломъ. Въ Лектурѣ гражданка Ларошъ часто выступала съ рѣчами, а 21 мессидора II года Лантракъ заявилъ въ Ошскомъ клубѣ: «Я недавно объѣздилъ округъ; въ нѣкоторыхъ коммунахъ я встрѣчалъ

¹⁾ Rivarès, *Paupendant la Révolution.*

²⁾ Brégail, *la Société montagnarde d'Auch.*

Народныя Общества, состоящія подъ предсѣдательствомъ женщины, между прочимъ въ Сень-Жанъ-Путжѣ, гдѣ крупнѣйшую роль играютъ двѣ сестры Гарро; одна исполняетъ обязанности предсѣдательницы, другая обязанности секретаря, а отецъ ихъ вноситъ резолюціи» ¹⁾

Вся дѣятельность этого клуба имѣла семейный характеръ!

Въ августѣ 1791 г. въ Монтобанѣ существовало *Общество Подругъ Конституціи*, въ которомъ предсѣдательствовала г-жа Брюте. 14 іюля состоялось освященіе знамени, принадлежавшаго батальону гражданокъ и снабженнаго вышитой надписью: *Подругамъ отечества*. «Робкій и пугливый полъ, поднимаясь, такъ сказать, выше уровня своихъ силъ, выходитъ изъ сферы, отведенной ему природою, чтобы превратиться въ героиню Конвента». ²⁾

Единственная извѣстная намъ манифестація тулузскихъ женщинъ это — католическій бунтъ. Онъ вспыхнулъ въ началѣ 1791 г., но муниципалитетъ безъ труда разсѣялъ бунтовщицъ, выдвинувъ противъ нихъ всѣ пожарныя трубы города.

Въ Милло жены членовъ клуба по праву присутствовали на его засѣданіяхъ. Иногда онѣ удостоивали спѣть пѣсню, но по временамъ заставляли себя просить. «28 преріаля III года, — сообщаетъ протоколъ, — гражданинъ Шансонъ (роковое имя) попросилъ гражданку Тулузъ про-

¹⁾ Bénétrix, le Théâtre à Auch sous la Terreur.—La Société des Republicanes d'Auch.

²⁾ Galabert, le club de Montauban (Revue d'histoire moderne, 1899).

пѣть сочиненныя Самуиломъ Анжальберомъ куплеты, мотивъ и слова которыхъ, по его утвержденію, она прекрасно знаетъ, но упомянутая гражданка, которая въ этотъ день чувствовала себя не въ ударѣ, заявила, что она, къ сожалѣнію, не можетъ удовлетворить желаніе общества» ¹⁾.

Въ Сень-Шиньянѣ (деп. Эро) женщины являлись въ Клубъ Санкюлотовъ только для того, чтобы требовать возстановленія богослуженія; однако, 10 плювіоза II года члены клуба постановили устроить хоры для гражданокъ ²⁾.

Въ эгмортскомъ клубѣ гражданка Боннель, одаренная отъ природы прекраснымъ голосомъ, время отъ времени пѣла Карманьолу на трибунѣ. Ея подруги, какъ сообщаетъ протоколъ, слушая оратора, въ то же время патриотически щипали корпию; тѣмъ не менѣе, 1 жерминаля II года бюро клуба сочло необходимымъ «удалить гражданокъ на верхніе хоры»

Пальмъ д'Альдерсъ, г-жа Ста и авторъ «Предостереженія французамъ относительно клубовъ» — всѣ трое отмѣтили въ началѣ 1791 года присутствіе арльскихъ дѣвушекъ въ клубѣ этого города. Послѣдній авторъ порицаетъ ихъ за «увлеченіе злобой дня»; напротивъ, обѣ первыя поздравляютъ арлезіанокъ съ ихъ инициативой. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній относительно этого смѣшаннаго Братскаго общества, которое, вѣроятно, было однимъ изъ пер-

¹⁾ Constant, la S. P. de Millau (Revue de la Révolution française, XIV).

²⁾ Delouvrier, Histoire de Saint-Chinian.

³⁾ Nouvelle Revue rétrospective (1,259).

выхъ обществъ этого рода во Франціи.

Ярими республиканками оказались жительницы Марсея. «Въ *Патріотическомъ обществѣ* одна дама съ хоровъ попросила слова; ея оживленный видъ заинтересовалъ всѣхъ зрителей, воцарилось глубокое молчаніе: «Господинъ предсѣдатель, — сказала она, — я приглашаю васъ обратиться ко всѣмъ дамамъ-патріоткамъ съ просьбой носить въ знакъ радости розовую кокарду на плечѣ, а въ случаѣ, если мы будемъ имѣть счастье услышать подтвержденіе этого радостнаго извѣстія (о смерти королевы), надѣть двѣ кокарды. (*Несмолкаемые аплодисменты*)» ¹⁾.

Гражданки Марсея, 15 іюля 1792 г. мирно присягнувшія Конституціи, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ повѣсили на фонарѣ цвѣточницу Казоль, провинившуюся тѣмъ, что назвала разбойниками марсельскихъ волонтеровъ, выступившихъ въ Эксъ. Имена двухъ изъ этихъ мегеръ, Фаси и Каваль, дошли до потомства. ²⁾.

Въ воскресенье, 18 марта 1792 г. тулонки устроили братскій банкетъ по 40 су съ человѣка; къ сожалѣнію, пока онѣ прогуливались по улицамъ города съ оркестромъ полковой музыки, толпа голодныхъ людей ворвалась въ обѣденный залъ съ криками: «Съѣдимъ обѣдъ!»; и когда прекрасныя банкетчицы явились, чтобы сѣсть за столъ, отъ обѣда не оставалось ни крошки! ³⁾.

Республиканское общество Друзей Истины и

¹⁾ Courrier des 83 départements, 7 апрѣля 1792.

²⁾ Lourde, Marseille sous la Révolution. Un vieux Marseillais. Jd.

³⁾ Henry, Histoire de Toulon.

Равенства въ Тулонѣ отнюдь не старалось привлекать представительницъ прекраснаго пола: его уставъ гласитъ, что «для охраны порядка и спокойствія въ собраніи, допущенныя туда гражданки не будутъ пользоваться ни активнымъ, ни пассивнымъ голосомъ и будутъ помѣщаться вблизи трибуны, отдѣленныя баллюстрадаю отъ мужчинъ» ¹⁾. Это была мудрая предосторожность, такъ какъ мѣсяцъ спустя муниципалитетъ долженъ былъ принять постановленіе «о воспрещеніи женщинамъ собираться толпами и расхаживать по улицамъ города съ бычачьими жилами и палками, избивая купцовъ и другихъ гражданъ».

Въ флореалѣ II года вилькрозскій клубъ (деп. Варъ), которому стало слишкомъ тѣсно въ своемъ прежнемъ помѣщеніи, завладѣлъ церковью «для того, чтобы женщины могли присутствовать на его засѣданіяхъ и съ раннихъ поръ пропитываться республиканскими принципами» ²⁾.

Въ расположенномъ недалеко оттуда Драгиньянѣ жительницы выказали меньше цивилизма. 20 вантоза II года «съ полсотни набожныхъ негодяекъ ворвались въ залъ *Народнаго общества* съ вопросомъ, не существуетъ ли закона объ охранѣ свободы культовъ. Имъ было отвѣчено, что, дѣйствительно, законъ 18 фримера запрещаетъ всѣ противорѣчащія этой свободѣ мѣропріятія и насилія. Тогда онѣ молча, или почти молча, удали-

¹⁾ Labroue, Le club jacobin de Toulon.

²⁾ Poupé, Revue de la Révolution Française (XL, 132).

лись». Это не помѣшало имъ шумно манифестировать въ теченіе цѣлаго дня. ¹⁾

Напротивъ, *Друзья Конституціи въ Динь* отвели для дамъ специальное отдѣленіе на хорахъ. Однажды товарищъ предсѣдателя обратился къ нимъ съ рѣчью «и закончилъ предложеніемъ, чтобы общество засвидѣтельствовало дамамъ свое удовольствіе по поводу ихъ присутствія въ ихъ средѣ и приняло соотвѣтствующую резолюцію». ²⁾

19 августа 1792 г. члены клуба пригласили господъ Гранье и Бонаръ спуститься въ залъ для полученія братскаго поцѣлуя; надо полагать, что эти двѣ гражданки были не самыми уродливыми въ обществѣ.

6 февраля 1791 г. амазонки Валанса, о которыхъ мы уже говорили, были впервые допущены въ *Клубъ Друзей Конституціи*. Предсѣдатель приѣхствовалъ ихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Гражданки, украшающія это обиталище! Нужно было бы обладать тою тонкостью чувствъ, которая составляетъ удѣлъ вашего пола, чтобы описать вамъ наши душевныя переживанія при видѣ вашего появленія на нашихъ гражданскихъ собраніяхъ. Ваше присутствіе здѣсь служитъ счастливымъ предзнаменованіемъ того воспитанія, которое вы дадите вашимъ дѣтямъ... Откажитесь отъ того легкомыслія, которое до сего дня представляло слишкомъ обыденное явленіе; одушевленные чистѣйшимъ гражданскимъ духомъ и покорныя

¹⁾ Patin, Bulletin de la Société d'études de Draguignan (XVII).

²⁾ Aubert, Revue de la Révolution Française (XIII 420).

обязанностямъ матери, вы будете предметомъ благоговѣнія для народовъ всего міра. Да здравствуютъ возрожденныя женщины!»

Въ Валансѣ существовалъ еще другой клубъ — *Общество Бдительныхъ*, также допускавшій на свои собранія представительницъ прекраснаго пола. 22 января 1792 г., «*Бдительныя* гражданки поднесли обществу свое знамя, а одна изъ нихъ сдобрила этотъ милый подарокъ привѣтственной рѣчью, полною силы и изящества» ¹⁾; въ виду этого члены клуба постановили сдѣлать на одномъ изъ стяговъ слѣдующую надпись: «Любезный полъ, вдохновляй юныхъ воиновъ, ты можешь многое сдѣлать въ опасностяхъ, угрожающихъ отчизнѣ».

Въ Пуи женщины больше ходили въ церковь, чѣмъ въ клубы. Въ жерминалѣ II года муниципалитету пришлось издать постановленіе, вмѣнявшее въ обязанность всѣмъ подозрительнымъ гражданкамъ явиться въ десятидневный срокъ для принесенія присяги на вѣрность націи, «въ виду того, что дѣвицы, извѣстныя подъ кличкою ханжей или святошъ, являются распространительницами фанатизма и агентами поповъ, которые не перестаютъ подстергать всякій удобный случай для причиненія ущерба Республикѣ и для ея окончательнаго уничтоженія подъ ложнымъ предлогомъ сохраненія религіи, каковую истинныя республиканцы не могутъ теперь разсматривать ина-

¹⁾ Rochas, Journl d'un dougeois de Valence.

че, какъ неудобоваримую пищу, способную лишь сбивать съ толку человѣческой умъ»¹⁾.

Когда *Народное общество Аннонэ* водворилось въ февралѣ 1794 г. въ церкви Кающихся, оно пересмотрѣло свой уставъ и постановило, чтобы на хорахъ, отведенныхъ для женщинъ, неотлучно дежурили два надзирателя.

А между тѣмъ, жительницы Аннонэ особенно отличились на празднествѣ, организованномъ 11 ноября 1792 г. по случаю провозглашенія республики. Ихъ грація привела въ восторгъ автора отчета объ этомъ торжествѣ: «... Окруженная хоромъ гражданокъ, распѣвавшихъ Марсельезу, въ головѣ кортежа шла гражданка Веронъ²⁾. избранная своими подругами для того, чтобы представлять Свободу... Глядя на ея волшебное одѣяніе, всѣмъ казалось, что они видятъ передъ собою самое богиню; друзья Республики влюбились въ нее!.. Туника бѣлоснѣжнаго цвѣта любовно обрисовывала контуры ея божественной талии. Ея свободно распущенные волосы развѣвались волнистыми локонами и пышно ниспадали до самой земли...» Затѣмъ шли «величественная Жискарь съ гордыми чертами, живая и рѣзвая Фурна съ сердцемъ амазонки, интересная Леора, простодушная Ломбаръ съ гибкой и легкой талией, привлекательная Мора, какъ кровь съ молокомъ, нѣжная и скромная Бетси, мягкія черты которой свидѣтельствуютъ о прекрасной душѣ, веселая и пикантная Жюван-

¹⁾ Boudon, les Municipalites du Puy pendant la Révolution.

²⁾ Récit exact de la Fête civique du 11 novembre.

тенъ съ волосами черными, какъ смоль, прелестная Розали съ бархатными пурпурными пещками... Трое изъ нихъ торжественно несли знамя мужественныхъ націй, стяхнувшихъ съ себя иго тирановъ: Франціи, Соединенныхъ Штатовъ и Великобританіи. Четвертая держала пику, увѣнчанную краснымъ колпакомъ, и почтительно склоняла ее передъ богинею...»

По освященіи трехцвѣтнаго знамени и послѣ рѣчи председателя *Общества Друзей Равенства*, толпа затянула Марсельезу: «Воины и вы, мои подруги, — произнесла тогда богиня нѣжнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ гордымъ тономъ, — споемъ любимый гимнъ Свободы!»

«Въ Троицынъ день сентъ-марселенскія женщины въ бѣлыхъ платьяхъ, украшенныхъ лентами національныхъ цвѣтовъ, отправились въ городскую ратушу, гдѣ просили привести себя къ гражданской присягѣ. Выступившая съ рѣчью г-жа Граншанъ очень мило говорила на ту тему, что гражданки Сентъ-Марселена не хотятъ, чтобы на нихъ смотрѣли, какъ на бесполезныхъ для страны членовъ, и чтобы ихъ подозрѣвали въ недостаткѣ патриотизма... Когда имъ разрѣшено было принять присягу, всѣ эти патриотическія гражданки ринулись къ алтарю и поклялись быть вѣрными французской націи, своей матери»¹⁾.

Въ Греноблѣ гражданки присутствовали на засѣданіяхъ клуба, помѣщаясь на отдѣльныхъ хорахъ. Чтобы занять ихъ, общество приняло 24 вантоза 1794 г. постановление, приглашающее жен-

¹⁾ Courrier des Départements (7 іюня 1790).

шинъ впредь приносить съ собою какую-нибудь ручную работу, «какъ, на примѣръ, старый холстъ для щипанія корпіи или чулки для защитниковъ отечества»¹⁾

Клубъ Друзей Свободы и Равенства въ Ла-Котъ-Сентъ-Андре (Изерскій деп.) разрѣшалъ женщинамъ произносить рѣчи. Это общество напечатало даже рѣчь, произнесенную гражданкою Жюли Ривьеръ, въ замужествѣ Паре, 20 плювіоза III года.

Въ своемъ сочиненіи «Народное общество въ Сентъ-Жанъ-де-Морьенъ» аббатъ Гро приводитъ протоколь засѣданія клуба д'Аркъ (?), изъ котораго видно, что на собраніяхъ этого клуба женщины пѣли пѣсни и щипали корпію.

26 брюмера II года какой-то членъ *Народнаго общества въ Тононъ* потребовалъ для своихъ согражданокъ права выступать на трибунѣ; но адвокатъ Дюше, несомнѣнно, опасаясь гибельной конкуренціи, провелъ резолюцію, гласившую, «что женщины предварительно должны представлять свои рѣчи предсѣдателю, который можетъ разрѣшить или отказать».

«16 невоза того же года, — сообщаетъ протоколь засѣданія, — Катерина Бифрари донесла на одного гражданина, который пробрался въ мѣста, отведенныя для женщинъ, и нарушалъ порядокъ неприличной и скандальной болтовней. Общество одобрило усердіе и мужество этой гражданки».

Черезъ пять недѣль Тононскія республиканки отнесли въ храмъ Разума, «который отнынѣ сдѣ-

¹⁾ Gras, Deux années de l'histoire de Grenoble.

лался ихъ единственнымъ кумиромъ, свое знамя эмблему ихъ любви къ свободѣ и ненависти къ тиранамъ и ихъ соумышленникамъ».

Благотворительный комитетъ клуба состоялъ изъ четырехъ гражданокъ. Въ флореалѣ III года десятилѣтняя Луиза Дюперье прочитала въ клубѣ Декларацію Правъ Человѣка; чтобы вознаградить ее за это усердіе, всѣ присутствующіе члены поспѣшили расцѣловать ... ея мать!¹⁾

Въ серединѣ лѣта 1791 г. ліонки основали *Общество Ліонскихъ гражданокъ, особенно преданныхъ націи и закону*²⁾.

Мысль объ образованіи союза возникла у нихъ послѣ сбора, устроеннаго ими съ цѣлью освобожденія четырехъ заключенныхъ за долги. По этому случаю онѣ задумали организовать 22 іюня 1791 г. торжественную процессію.

16 августа временная предсѣдательница общества, Собри, уступила президентское кресло своему мужу, состоявшему секретаремъ при муниципалитетѣ и предсѣдателемъ центрального комитета 31 ліонскихъ секцій. Въ своей программной рѣчи, наговоривъ кучу превосходныхъ вещей, Собри установилъ правила крайне мелочнаго церемоніала.

«... Участіе женщинъ въ нашихъ учрежденіяхъ, — сказалъ онъ, — должно наложить свой отпечатокъ на дѣло нашего возрожденія. Онѣ являются основной двигательной силой въ развитіи народныхъ чувствованій: а народы такъ же

¹⁾ Mugner, la Société populaire de Thonon.

²⁾ Vaesen, Lyon en 1791, Lyon en 1792. Wahe. Premières années de la Révolution à Lyon.

нуждаются въ эмоціяхъ, какъ и въ логическихъ правилахъ. Разумъ по истеченіи долгаго времени перестаетъ имъ казаться привлекательнымъ, если къ нему не присоединяется дѣйствіе пріятныхъ сердечныхъ эмоцій... Я не думаю, чтобы общество, состоящее изъ нашихъ женъ, допустило обсужденіе общественныхъ вопросовъ; это знало бы создавать двѣ параллельныя и тождественныя организациі. Наши жены могутъ обсуждать все то, что мы обсуждаемъ. И съ этой стороны онѣ могутъ быть допущены только для того, чтобы слѣдовать нашему общему желанію и своимъ содѣйствіемъ придать ему больше силы и интереса.

«Я думаю, что въ области чувствъ союзъ нашихъ женъ долженъ питать лишь неизмѣнныя патриотическія стремленія, а въ практической области онъ долженъ заниматься организацией благотворительныхъ и религіозныхъ церемоній и дѣлъ (денежные сборы, посѣщеніе больныхъ, обходъ тюремъ и госпиталей)...

«При гражданкѣ-дѣвицѣ, которая каждое воскресенье будетъ представлять союзъ на вечерней церковной службѣ, будетъ состоять одинъ ветеранъ; при гражданкѣ-матери одинъ взрослый гражданинъ... Онѣ будутъ носить бѣлое платье, красный поясъ, бѣлую длинную и широкую накидку, отличительный признакъ господства и суверенитета всѣхъ французовъ, и всѣ эти части туалета будутъ убраны бахромой и золотыми цѣпями, ибо свободные народы отличаются простотой въ частной жизни, но прибѣгаютъ къ пышности для отечества».

Жанъ-Франсуа Собри, впоследствии владѣвшій

въ Парижѣ типографіей на улицѣ Бакъ № 149, придавалъ большое значеніе вопросу о костюмѣ своихъ согражданокъ; ему принадлежитъ *Речь о нарядахъ у республиканскихъ народовъ*.

«... Алмазы, — говоритъ онъ въ этомъ произведеніи, — вскорѣ отвергаются, въ виду того, что они не соотвѣтствуютъ человѣческому формамъ, конкурируютъ съ блескомъ глазъ и цвѣтомъ лица и своимъ интенсивнымъ сверканіемъ привлекаютъ къ себѣ вниманіе, которое должно прежде всего принадлежать человѣку... У женщины талія должна быть свободна и не стѣснена платьемъ, волосы должны быть не слишкомъ отягчены; всѣ ея позы требуютъ выявленія; легкія одежды должны слегка лишь касаться этого прекраснаго комплекса мягкихъ и граціозныхъ формъ»...

Въ первый періодъ своего существованія союзъ ліонскихъ женщинъ, который никогда не долженъ былъ заниматься политикой, а лишь изучать новые законы, походилъ на религіозное братство: хотя въ составъ бюро не могли входить ни священники, ни монахини, знамя союза сохранялось въ церкви св. Іоанна, члены его посѣщали всѣ воскресныя службы, а аббатъ Боневанъ поддерживалъ ихъ настроеніе небольшими, специально для нихъ составленными, рѣчами.

1 октября *Гражданки, преданныя націи*, собравшись въ числѣ 58, выработали подробный уставъ, состоявшій изъ 58 статей¹⁾.

Во главѣ своего союза, подраздѣленнаго на 31

¹⁾ Institution des Citoyennes dévouées à la Patrie.

секційное общество, въ каждомъ изъ которыхъ председательствовала гражданка-комиссарша, онѣ рѣшили поставить трехъ гражданъ: главнаго начальника, вице-предсѣдателя и секретаря, назначаемыхъ муниципалитетомъ. «Во всякомъ случаѣ, — прибавляли онѣ, — больше трехъ мужчинъ быть не должно, для того, чтобы избѣгнуть смѣшенія, противнаго добрымъ нравамъ».

Для принятія въ члены требовалось имѣть 18 лѣтъ отъ роду или явиться въ сопровожденіи матери или тетки, быть рекомендованной тремя гражданками и получить двѣ трети голосовъ, быть безпорочной нравственности, обязаться уплачивать ежемѣсячный взносъ въ размѣрѣ 10 сольдовъ, аккуратно посѣщать засѣданія, происходившія по воскресеньямъ послѣ вечерни, и принести слѣдующую присягу: «Клянусь быть вѣрною націи, закону и королю; клянусь при всякомъ случаѣ побуждать своего мужа, своихъ братьевъ и своихъ дѣтей исполнять свои обязанности по отношенію къ отечеству; клянусь внушать своимъ дѣтямъ и другимъ лицамъ, на которыхъ я буду имѣть вліяніе, что смерть предпочтительнѣе рабства».

Особенно пикантны 36 и 37 статьи: «Запрещается говорить нѣсколькимъ гражданкамъ сразу; держать рѣчь можетъ только одна, получившая предварительно разрѣшеніе отъ предсѣдателя. На четырехъ женщинъ официально возложена будетъ обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы присутствующія на собраніяхъ сохраняли молчаніе, и водворять тамъ порядокъ, и эти четыре должностныя лица, которыя будутъ помѣщаться по че-

тыремъ угламъ зала, будутъ называться надзирательницами».

Статья 39 гласитъ: «Если нѣсколько гражданокъ вздумаютъ говорить одновременно и производить шумъ въ собраніи, предсѣдатель позвонитъ, призывая ихъ къ порядку, а надзирательницы сдѣлаютъ имъ замѣчаніе; въ случаѣ проявленія ими угорства предсѣдатель наложитъ на нихъ небольшой штрафъ или запретитъ имъ посѣщеніе засѣданій на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, смотря по степени ихъ непослушанія; въ случаѣ невозможности прекратить ссору и призвать къ порядку, предсѣдатель вправѣ будетъ закрыть засѣданіе».

Какая бездна предосторожностей!

Статья 46 предписывала членамъ общества всегда носить на засѣданіяхъ и церемоніяхъ медаль общества съ гербомъ города Ліона.

Гражданка Собри была избрана предсѣдательницей, гражданка Мартэнъ вице-предсѣдательницей и дѣвица Ростэнъ секретаремъ и архивариусомъ.

Около того же времени *Центральный клубъ*, самый вліятельный изъ ліонскихъ клубовъ, постановилъ допускать женщинъ въ число своихъ членовъ на томъ условіи, что онѣ въ доказательство своего цивизма будутъ носить патріотическую ленту.

17 апрѣля 1792 г. *Преданныя націи дамы* были торжественно приняты въ этотъ клубъ. Въ сопровожденіи музыки онѣ явились всѣ въ бѣлыхъ платьяхъ съ національными шарфами, и граждан-

ка Собри произнесла рѣчь слѣдующаго содержания: «Призванныя въ этотъ священный залъ глосомъ патріотизма, Гражданки, преданныя націи, поспѣшили явиться сюда для того, чтобы вмѣстѣ съ вами, господа, торжественно отпраздновать праздникъ, цѣликомъ посвященный Свободѣ... Мы всегда будемъ помнить, что въ подобную эпоху смерть Мирабо сразу повергла Францію въ скорбь и трауръ; слезы въ изобилии потекли во всѣхъ частяхъ этой обширной страны... Въ настоящій моментъ, находясь въ болѣе спокойномъ настроеніи, мы отстраняемъ отъ себя мысль о потерѣ этого героя свободы, чтобы думать только о его торжествѣ... Довольно посыпать кипарисомъ его могилу, пора увѣнчать его статую гражданскимъ дубовымъ вѣнкомъ, символомъ проявленной имъ силы... Счастливыя дѣти, дышашія воздухомъ свободы, поднимите ваши взоры къ этому благородному гражданину, одному изъ славнѣйшихъ среди тѣхъ, кому вы обязаны этой свободой. Онъ принесъ себя въ жертву для потомства, для васъ. Онъ научилъ насъ рисковать всѣмъ въ вашихъ интересахъ; плодами его трудовъ и его настойчивости воспользуетесь вы. Возьмите же, милыя дѣти, эту дубовую вѣтвь, и пусть его гордая голова будетъ увѣнчана руками надежды. Честь и слава Мирабо!»

Предсѣдатель привѣтствовалъ Преданныхъ Дамъ, а затѣмъ двое дѣтей увѣнчали «своихъ благодѣтелей и друзей», Руссо и Мирабо.

Однако, не всѣ ліонцы оказались сторонниками допущенія женщинъ въ клубы. *Мать Дюшенъ въ Ліонѣ* заявила: «Образовался якобино-бабскій

клубъ, принявшій въ уставѣ постановленіе завести красное знамя, которое должно храниться у епископа Ламурета... Я-ста, — говоритъ тетка Карпиллонъ ¹⁾ въ этомъ памфлетѣ, — изъ клуба гражданокъ, преданныхъ-де націи; и чертъ его раздери! я не позволю, чтобы міръ кончился за нехваткой добрыхъ патріотовъ», а одинъ гражданинъ напечаталъ слѣдующую не совсѣмъ вѣжливую *Декларацию Правъ Женщины* (Ліонъ 1791):

«Статья 1. — Женщины рождаются, живутъ и умираютъ съ правомъ на разговоры. Въ этомъ отношеніи онѣ равны въ претензіяхъ. Различіе между ними могутъ основываться только на большемъ или меньшемъ совершенствѣ органа рѣчи...

«Статья 17. — Такъ какъ искусство молоть вздоръ составляетъ для женщины прирожденное и неотъемлемое право, ни одна женщина не можетъ быть его лишена вплоть до того момента, когда природѣ заблагоразсудится создать другихъ, иначе устроенныхъ женщинъ...»

Несмотря на эти шуточки, ліонскія гражданки въ слѣдующемъ году показали, что при случаѣ онѣ способны дѣлать еще больше дѣла, чѣмъ шуму. Подъ носомъ у мужчинъ онѣ 15 сентября овладѣли городомъ и въ продолженіе трехъ сутокъ держали его въ своихъ рукахъ. Ліонскія менажерки установили таксу на всѣ съѣстные припасы, принудили бакалейныхъ торговцевъ открыть свои лавки и побѣдоносно заняли площади и рынки. «Полицейскіе комиссары изъ жен-

¹⁾ Одна изъ „преданныхъ гражданокъ“ называлась Карпиллонъ.

Жекскій сыръ, синій . . .	10	фунтъ.
Ординарный	8	
Вермишель	12	
Козій сыръ	3	6
Обыкновенный сыръ . . .	2	6
Творогъ	1	6
Пучокъ рѣпы	1	6
Картофель красный . . .	2	5 мѣра.
„ бѣлый	15	
Виноградъ	1	6 фунтъ.
Персики отборные	8	25 штукъ.
„ обыкновенные	4	
Груши 1 сорта, бере и бонкретъень	8	
Груши и яблоки обыкновенныя	4	
Ранетъ 1 сорта	6	
Каштаны крупныя	3	мѣра.
„ мелкія	2	
Орѣхи	2	
Перецъ	2	фунтъ.
Сахаръ 1 сорта	1	10
„ 2 сорта	1	4
„ колоніальной очистки	16	
Кофе мокка	1	10
„ обыкновенный	1	4
Пучки тростника двойныя	1	пучекъ.
„ „ простыя	12	
Ветчина или солонина . . .	16	фунтъ.
Сало сырое и бѣлое сало топленое	12	
Копченое сало	10	
Уксусъ	4	горшокъ.

Граждане деревень, это постановленіе не должно васъ пугать; одушевляющій насъ Патриотизмъ можетъ только побудить васъ всѣми силами стремиться къ выгодѣ народа, выгодѣ, которая сводится лишь къ установленію справедливой пропорціи между его ежедневными заработками и расходами. Всѣ тѣ, кто будетъ сообразоваться съ народной волей, основывающейся лишь на Справедливости, Правдѣ и Равенствѣ, окажутъ большую услугу своимъ Соправжданамъ и найдутъ въ нихъ вѣрныхъ охранителей своей собственности; напротивъ, тѣ, кто не пожелаетъ услышать этого голоса, или въ какой бы то ни было формѣ дерзнетъ ему воспротивиться, сдѣлаются предметомъ всеобщаго презрѣнія, будутъ признаны Измѣнниками Отчезству, зачинщиками и сторонниками Цивильнаго Листа и преслѣдуемы, въ качествѣ таковыхъ.

Всѣ безъ исключенія купцы и торговцы приглашаются сообразоваться съ содержаніемъ настоящаго Постановленія и продавать свои товары по той же цѣнѣ, какая платилась прежде звонкою монетою, такъ какъ нынѣшнія бумажныя деньги это тоже денежный знакъ, который долженъ имѣть ту же цѣнность.

Настоящее Постановленіе имѣетъ временный характеръ, такъ какъ Народъ оставляетъ за собою право принимать другія постановленія, въ зависимости отъ урожая.

время все обстоитъ благополучно. Арестовать этихъ разбойниковъ не представляло никакого труда, такъ какъ ни одинъ разрядъ рабочихъ не принялъ участія въ беспорядкахъ. Виновиками ихъ было нѣсколько женщинъ; но въ Лионѣ приходится пускать въ дѣло рычагъ, чтобы сдвинуть съ мѣста соломинку. За незнаніемъ фамиліи типографщика я не могъ раздобыть многихъ другихъ афишъ, выпущенныхъ полицейскими комиссарами женскаго пола».

Въ Лионѣ существовалъ еще второй женскій клубъ, члены котораго послѣдовательно принимали названіе *Подругъ Конституціи, Подругъ Свободы и Равенства* и *Подругъ Республики*. Однако, за отсутствіемъ надежныхъ документовъ, мы не рѣшаемся утверждать, что нѣкоторыя изъ этихъ разноименныхъ Подругъ не были просто на просто прежними *Гражданками, Преданными Націи*.

Подруги Конституціи, которыя по уставу должны были носить трехцвѣтную ленту на всѣхъ собраніяхъ, выработали 13 ноября 1791 г. свой регламентъ и избрали въ предсѣдательницы гражданку Шарпинъ. Впрочемъ, составъ бюро былъ смѣшанный, и въ него входило столько же мужчинъ, сколько и женщинъ.

Статья 5 раздѣла II гласила: «Такъ какъ добронравіе является главнѣйшей основой всякаго общества, то лица, не отличающіяся безупречнымъ поведеніемъ, не будутъ приниматься въ члены».

Статья 7 была формулирована такъ: «Молодыя гражданки, рекомендованныя своими родными и принятыя въ общество, не будутъ пользоваться рѣ-

шающимъ голосомъ впредь до достиженія возраста предполагаемой (sic) умственной зрѣлости».

Въ слѣдующемъ году онѣ собирались въ домѣ № 736 по улицѣ Пазъ-Етруа на углу улицы Коммармо. Къ этому времени идеи лионокъ ушли впередъ на цѣлый годъ революціи, и чтеніе «Общественнаго Договора» замѣнило проповѣди аббата Беневана.

«20 октября 1792 г. депутация *Подругъ Свободы и Республики*, явившись въ муниципалитетъ ¹⁾, потребовала, чтобы суммы, опредѣленныя гражданами на изготовленіе пикъ (1389 ливровъ), были переданы въ качествѣ аванса булочнымъ подмастерьямъ для того, чтобы они могли приступить къ выпечкѣ хлѣбовъ въ покинутыхъ пекарняхъ».

30 декабря *Подруги* устроили торжественное засѣданіе и раздачу наградъ въ присутствіи представителей департамента ²⁾, округа и муниципалитета.

Засѣданіе открылось при звукахъ Марсельскаго Гимна; затѣмъ, послѣ того, какъ предсѣдательница Шартонъ поблагодарила представителей власти за ихъ отзывчивость, гражданка Шарпинъ принялась «доказывать правителямъ наро-

¹⁾ Procès-verbaux des séances de la Municipalité.

²⁾ 28 декабря правители департамента поручили своимъ товарищамъ Пипону и Майю представлять ихъ на засѣданіи гражданокъ, «дабы дать новое доказательство того интереса, съ которымъ они всегда будутъ относиться къ распространенію просвѣщенія, долженствующаго окружать колыбель могущественной Республики». Guigne, Procès-verbaux du Conseil général de Rhône-et-Loire.

да, сколь настоятельнымъ дѣломъ является побудить епископа Ламурета составить новый катехизисъ, изъ котораго дѣти могли бы познать величіе Верховнаго Существа и принципы настоящаго республиканца» ¹⁾.

Засѣданіе продолжалось конкурсомъ декламации, на которомъ гражданка Робэнъ получила первый призъ. Несчастные зрители должны были три раза подрядъ прослушать главу VII Общественнаго Договора и пять разъ *Декларацию Правъ Человѣка*. «Молодой гражданинъ Шенъ (1-ый мужской призъ) поклялся, что будетъ пользоваться саблей, которою онъ только что былъ награжденъ, только для ниспроверженія враговъ отечества и Республики».

Затѣмъ публика выслушала еще три рѣчи, произнесенныя различными представителями власти, и, наконецъ, засѣданіе было закрыто.

Даже это дѣтско-политическое *утро*, на видъ гораздо болѣе скучное, чѣмъ разрушительное, не встрѣтило никакого снисхожденія со стороны органа Прюдома, антифеминистской газеты *Парижскія Революціи* ²⁾.

« Не было бы ничего болѣе поучительнаго, — говорилось тамъ, — и даже болѣе полезнаго, чѣмъ кружокъ хорошихъ матерей одного квартала, собирающихся ежедневно въ опредѣленную часть съ ребятами на колѣняхъ и съ работою въ рукахъ; чтобы онѣ совѣщались между собою относительно обязанностей, лежащихъ на нихъ; чтобы гражданинъ — отецъ семейства приходилъ къ нимъ

¹⁾ Journal de Lyon (9 января 1793).

²⁾ Номера отъ 20 января и 23 февраля 1793 г. См. стр. 25.

каждый вечеръ, сообщалъ имъ о событіяхъ дня и прочитывалъ имъ касающіеся ихъ новые законы; противъ этого ничего нельзя было бы сказать, это совершенно естественно. Но что думать о женскомъ клубѣ, недавно открывшемся въ Ліонѣ!... .. Если бы каждый поселокъ во Франціи вздумалъ подражать этому примѣру, то вскорѣ повсюду возникли бы клубы, но нигдѣ не было бы благоустроеннаго хозяйства.

«Женскіе клубы являются настоящимъ бичемъ для домашней жизни въ виду связанной съ ними беспорядочности... Женщины должны многому научиться, но только тому, что имъ слѣдуетъ знать... Развѣ мать нуждается въ книгахъ для воспитанія своихъ дѣтей? Развѣ у нея нѣтъ книги природы и своего сердца!..

«Съ какой цѣлью дѣятели ліонскаго женскаго клуба заставляютъ молодыхъ гражданокъ заучивать цѣлыя главы «Общественнаго Договора» Жанъ Жака Руссо, того Руссо, который находилъ, что уже басни Лафонтена далеко превышаютъ пониманіе дѣтей? Руссо не любилъ въ женщинахъ излишняго остроумія и столь правильныхъ разсужденій. Юлія Вольмаръ не повела бы своихъ дѣтей въ клубъ ліонскихъ гражданокъ; Эмиль не позволилъ бы Софіи вступить въ *Парижское братское общество*... Гражданки лучше послужатъ Республикѣ, не выходя изъ своего дома, не выставя себя на позорище и не дѣлаясь посмѣшищемъ толпы... Корнелія не участвовала ни въ какихъ клубахъ!.. Римскія женщины не копировали сенаторовъ, какъ обезьяны, онѣ любили здравый

смыслъ безъ протестовъ, безъ свидѣтелей и безъ записей!..»

Эти ядовитыя нападки не помѣшали ліонкамъ переслать свой уставъ *Парижскому братскому обществу*, предлагая примкнуть къ нему и вступить съ нимъ въ переписку. Кромѣ того, гражданка Шартонъ послала Прюдому энергичный протестъ съ просьбой напечатать его (№ отъ 23 февраля).

«... Цѣль нашего союза. — писала она, — сводится къ тому, чтобы знакомиться съ декретами Конвента изъ твоей газеты, помогать нашимъ нуждающимся братьямъ, приучать нашихъ дѣтей къ новому порядку вещей и клясться въ вѣчной ненависти къ тиранамъ...»

Напротивъ, *Бюллетень Друзей Истины* поздравлялъ ліонокъ съ тѣмъ, что онѣ объединяются, не занимаясь политикой.

Когда Ліонъ былъ взятъ послѣ штурма войсками Конвента, гражданки «Освобожденнаго города» наканунѣ страшныхъ репрессій, которыя должны были залить городъ кровью, попытались растрогать народныхъ представителей, состоявшихъ эмиссарами при арміи.

«Не будьте,—говорили онѣ въ свемъ манифестѣ,—недоступны для насъ, не отвергайте нашей мольбы; спасите насъ отъ отчаянія. Ваши слова гремѣли противъ нашихъ заточенныхъ родственникововъ; звукъ ихъ былъ ужасенъ, онѣ разбилъ наши сердца... Страшная смерть готова поразить дорогія для насъ головы. Какъ! Семь человекъ будутъ рѣшать ихъ участь... Сколько невинныхъ жертвъ можетъ пасть... Граждане

представители, вы люди, снизойдите къ слабостямъ и ошибкамъ человѣческаго рода... Вы сохраните для Республики преданныхъ гражданъ; они понесутъ на алтарь отечества свое имущество и посвятятъ свои силы его защитѣ»¹⁾.

Чтобы покончить съ Ліономъ, прибавимъ, что Гиллонъ де Монлеонъ въ своихъ *Mémoires pour servir à l'histoire de Lyon* упоминаетъ, не приводя никакихъ деталей, о существованіи эфемернаго клуба, «основаннаго женщинами изъ простонародья въ библіотекѣ доминиканскихъ монаховъ».

Въ окрестностяхъ Ліона *Друзья Конституціи въ Сентъ-Фуа* допустили женщинъ на засѣданія своихъ клубовъ. Время отъ времени они выдавали имъ преміи за добродѣтель.

9 мая 1790 г. было праздничнымъ днемъ для города Вильфраншъ-на-Сонѣ. Послѣ полудня старѣйшій священникъ Шатленъ де Сертинъ освятилъ знамена, подаренныя дамами батальону національной гвардіи. «...Поднесенныя, — сказалъ онъ, — представительницами богобоязненнаго и ласковаго пола, который природою не предназначенъ для убійственныхъ сраженій, эти знамена являются не ужаснымъ знаменіемъ войны, а счастливымъ предзнаменованіемъ единства и мира».

Командиръ національной гвардіи де Фонтанье прибавилъ: «Милостивыя государыни... Мы клянемся защищать цѣною нашей крови честь и сла-

¹⁾ Les citoyennes de Ville-Affranchie aux Représentants du peuple, 10 фримера годъ II.

ву, которыя мы связываемъ съ этими знаменами... Желаніе понравиться вамъ возбуждаетъ наше соревнованіе и производитъ въ насъ страшную метаморфозу, какъ только ваши очаровательные голоса проникаютъ въ наши сердца»¹⁾.

²⁾ Procès—verbaux de la Municipalité de Ville Franche-sur-Saône.

III.

Центральные и Восточные департаменты.

Клермонъ.— Ферранъ.— Луанъ.— Монсени.— Ганна — Кюссе.— Муланъ.— Буржъ.— Сень-Готье.— Блуа.— Орлеанъ.— Шартръ.— Версаль.— Со.— Меланъ.— Донмари.— Фонтенебло.— Меланъ.— Прованъ.— Вильноксъ-ла-Грандъ.— Реймсъ.— Шалонъ-на-Марнѣ.— Витри-на-Марнѣ.— Авалонъ.— Тоннеръ.— Дижонъ.— Жевре.— Вольнэ.— Маконъ.— Лонъ-ле-Сонье.— Безансонъ.— Понтарлье.— Жюссе.— Сень-Дье.— Страсбургъ.— Савернь.— Кольмаръ.— Метцъ.— Люневиль.— Туль.— Седанъ.— Нанси.

„Если до сихъ поръ французенки рожали только дѣтей, то съ этой революціи онѣ будутъ производить на свѣтъ только людей; по крайней мѣрѣ, къ этому мы будемъ особенно стремиться“.

*Патріотическое заявленіе
авалонскихъ гражданокъ.*

Республиканскія гражданки Клермонъ-Феррана, по всей вѣроятности, близкія родственницы амазонокъ того же города, сообщали Конвенту (засѣданіе 6 августа 1793 г.), «что при чтеніи конституціи, устанавливающей все, что требуется для счастья человѣческаго рода, онѣ испытали тѣ чистыя и возвышенныя чувства, которыя под-сказываются горячей любовью къ отечеству, онѣ

почувствовали порывы радости при мысли о возстановленіи порядка... А ихъ души вострепели передъ ангеломъ-хранителемъ, очищающимъ отъ тучъ горизонтъ Франціи».

Необходимо отмѣтить слѣдующую деталь: изъ 358 овернскихъ республиканокъ 192 не умѣли подписаться. За нѣсколько мѣсяцевъ до того, а именно 2 апрѣля, онѣ послали въ Парижъ делегатку, которой поручили отвезти для арміи 68 рубахъ, 16 паръ чулокъ и 8 паръ гетръ¹⁾.

Въ октябрѣ 1792 г. *Народное общество Друзей Конституціи* въ Луанѣ приступило къ обсужденію вопроса, что лучше: допустить ли гражданокъ на свои собранія или рекомендовать имъ основать отдѣльное общество? По зрѣломъ размысленіи клубъ постановилъ, «что лица женскаго пола будутъ приниматься въ члены общества, но что вопросъ о возрастѣ и условіяхъ пріема молодыхъ гражданокъ пока остается открытымъ».

6 вантоза II года нѣсколько гражданокъ положили на предсѣдательскій столъ пакеты съ корпіей, «нащипанной чистыми и невинными руками»²⁾.

Въ концѣ апрѣля 1791 г. *Гражданки Монсени* обратились съ рѣчью къ *Друзьямъ Конституціи* этого города въ присутствіи муниципалитетовъ Монсени и Крезо.

«Милостивые государи,—сказала ораторша отъ

¹⁾ Archives parlementaires (LXX, 355).

²⁾ Guillemaut, Histoire de la Révolution dans le Louhannais.

прекраснаго пола,—позвольте мнѣ въ этотъ прекраснѣйшій день нашей жизни выразить вамъ нашу глубочайшую признательность за то, что вы почтили своимъ присутвіемъ актъ чистѣйшаго патриотизма, совершенный нами въ интересахъ нашей святой религіи. Ничто не могло сильнѣе ободрить насъ и поддержать наши слабыя силы, чѣмъ ваше одобреніе. Соблаговолите же, господа, принять за это нашу искреннюю благодарность и будьте увѣрены, что, слѣдуя вашему примѣру, мы всѣми силами будемъ поддерживать Конституцію, декретированную Національнымъ Собраніемъ и принятую королемъ, что мы пребудемъ вѣрны націи, закону и королю.

«А вы, славные національные гвардейцы, взявшіеся за оружіе для защиты и спасенія отечества, примите также нашу благодарность за то, что въ этотъ день мы шли подъ сѣнью вашихъ знаменъ. Какую признательность мы должны питать къ вамъ за то, что благодаря вашему мужеству и вашей твердости порядокъ и спокойствіе до сихъ поръ царятъ въ нашемъ городѣ! Если бы враги Конституціи и нашей свободы дерзнули напасть на нихъ, мчитесь безъ колебаній на Марсово Поле, чтобы помѣшать и положить конецъ этимъ дерзкимъ попыткамъ. Не безъ слезъ и не безъ волненія мы отнесемъ къ отъѣзду нашихъ отцовъ, мужей и дѣтей; но если бы это случилось, мы смѣемъ васъ увѣрить, господа, что въ вашемъ отсутствіи мы сами вооружимся, чтобы замѣнить васъ и защищать свои очаги; и тогда, гордые и мужественныя, какъ амазонки, мы сохранимъ нашу свободу, такъ что по ва-

шемъ возвращеніи вы найдете насъ достойными вашей любви»¹⁾.

Не особенно тихаго нрава должны были быть бабы городка Ганна, если судить по слѣдующей афишѣ, которую онѣ расклеили 29 жерминаля III года:

«На девятый день декады вы увидите, граждане, важнецкій балъ съ Карманьолой; если эти негодные скряги не отдадутъ хлѣба по дешевой цѣнѣ, то они получатъ хорошую встряску, и особенно пострадаетъ парикъ трактирщика. Берегите хлѣбные амбары! насъ сорокъ пять на все рѣшившихся женщинъ»²⁾.

Annales patriotiques et littéraires отъ 2 февраля 1791 г. сообщаютъ намъ о существованіи женскаго клуба въ Кюссѣ (деп. Алье):

«*Подруги Конституціи въ Кюссе*,—говоритъ газета,—тѣ самыя дамы, которыя въ полномъ составѣ приняли гражданскую присягу 14 іюля 1790 г., организовались въ клубъ и опредѣлили родъ занятій, которымъ онѣ смогутъ отдаться въ свободное время, какъ для переписки съ обществами подобнаго же рода, такъ и для занятія національнымъ воспитаніемъ дѣтей».

Въ Муленѣ множество женщинъ патриотически работало надъ изготовленіемъ одежды для волонтеровъ. Корнилонъ³⁾ приводитъ списокъ этихъ добрыхъ гражданокъ.

Протоколы *Народнаго общества въ Буржѣ* до-

¹⁾ Journal patriotique de la Côte-d'Or 24 мая 1791.

²⁾ Cornillon, le Bourbonnais sous la Révolution

³⁾ Le Bourbonnais sous la Révolution.

казываютъ, что засѣданія этого клуба посѣщались прекраснымъ полкомъ. «15 нивоза II года... одна молодая гражданка, оставившая храмъ Весты для святилища Свободы, нѣкая Гурдонъ, предложилъ шить рубахи для защитниковъ отечества... Гражданка Фарконэ написала предсѣдателю, что посылаетъ ему шесть рубахъ... Гражданка Арну, которая отнынѣ не желаетъ молиться никому, кромѣ богини Свободы, бросила на алтарь отечества мѣдный образокъ, позорный фетишь чело-вѣческаго идолопоклонства. Она отдала тридцать медалей изъ того же металла. Гражданка Брюнэ, наэлектризованная этими патріотическими поступками, успѣшно сняла съ шеи свой серебряный крестъ и за это получила отъ предсѣдателя братскій поцѣлуй посреди несмолкаемыхъ аплодисментовъ»¹⁾.

Въ надеждѣ побудить своихъ согражданокъ къ изготовленію предметовъ одежды для волонтеровъ муниципалитетъ постановилъ записывать имена жертвовательницъ на почетную доску, выставленную въ залѣ городской думы²⁾.

При *Народномъ обществѣ Рошъ-Либрѣ* (Сенъ-Готъ) существовалъ женскій патріотическій хоръ. «8 преріаля II года,—сообщаетъ протоколъ засѣданія, — гражданки-пѣвицы, по предложенію одного члена, пропѣли священный гимнъ Свободѣ въ благодарность за блестящую побѣду, которая она доставила защитникамъ Республики³⁾.

¹⁾ Lemas, Le cher pendant la Révolution.

²⁾ Vilaire, Bourges de 1789 à 1799.

³⁾ Guidault, saint-Gaultier pendant la Révolution (Rev. du Berry, 1903).

Нѣсколько дамъ города Блуа,—говорить Бержевенъ¹⁾),—входили въ составъ Народнаго общества; онѣ помѣщались въ отдѣльной галлерей, но не имѣли права носить присвоенную членамъ общества трехцвѣтную ленту. Не довольствуясь своимъ допущеніемъ въ смѣшанный клубъ, римлянки Блуа основали свой собственный клубъ, и можно представить себѣ, что это не былъ одинъ изъ наименѣ шумныхъ клубовъ».

Орлеанскія амазонки превратились въ клубистокъ. Одна изъ нихъ поѣхала даже въ Руанъ защищать женское дѣло. Въ клубѣ *Друзей Конституціи* этого города гражданка Бодри, «членъ орлеанскаго клуба Друзей Конституціи, снабженная своимъ дипломомъ, произнесла 13 мая рѣчь, продиктованную возвышеннымъ патріотизмомъ, рѣчь, въ которой она успѣшно выступила противъ несправедливаго предразсудка, ограничивающаго воспитаніе женщинъ, и доказывала, что онѣ могутъ и должны быть допущены въ среду истинныхъ *Друзей Конституціи*. Эти истины, получившія новую силу въ устахъ оратора, вызвали рукоплесканія общества»²⁾.

Въ Шартрѣ существовало Драматическое общество, устраивавшее спектакли въ пользу нуждающихся; въ составъ его входили 18 дамъ. Завидуя его успѣхамъ, *Народное общество* добилося его закрытія³⁾.

13 октября 1793 г. въ версальскій муниципалитетъ явилась депутація гражданокъ, принесшая

¹⁾ Histoire de Blois.

²⁾ Clèremuray, la Terreur à Rouen.

³⁾ Vêthouard, Histoire de Chartre.

начки корпии. «Намъ доставляетъ величайшее наслажденіе,—заявила при этомъ Викторія Лакомонъ,—возможность облегчать бѣдствія, которыя выпадаютъ на долю героевъ, сражающихся за дорогую намъ Свободу».

Два мѣсяца спустя, нѣсколько гражданъ вздумали жаловаться на то, что присутствіе гражданокъ въ залѣ стѣсняетъ совѣщанія секцій; обсудивъ этотъ вопросъ, собраніе галантно постановило, «что особая трехцвѣтная лента послужитъ демаркаціонной линіей между гражданами и гражданками» ¹⁾.

Въ Со предсѣдатель Лебрасъ пригласилъ гражданокъ замѣнить «свои бабы качества мужскими добродѣтелями» ²⁾. Гражданка Тьепу часто выступала въ *Народномъ обществѣ* съ рѣчами ³⁾.

Меланскія дамы добивались чести присягнуть Конституціи, и 21 марта 1790 г., эскортируемыя отрядомъ молодыхъ гражданъ, вооруженныхъ ружьями, которыя перевиты были цвѣточными гирляндами, онѣ отправились въ церковь пр. Богородицы, чтобы поклясться въ вѣрности королю и закону.

«Въ эту эпоху, — заявила г-жа Шалланъ отъ имени своихъ товарокъ,—когда законъ равенства возвращаетъ людей всѣхъ классовъ къ братскому единству, женщины, слишкомъ долго отли-

¹⁾ Gatin. Versailles pendant la Révolution.

²⁾ Discours prononcé le 2 frimaire an II aux jeunes citoyennes portant la Liberté devant la maison du plus ancien d'âge.

³⁾ Advielle, Histoire de Sceaux.

чавшіяся пустотою, благодаря своему ненормальному воспитанію, въ послѣднее время заслужили мѣсто, предназначенное для нихъ Создателемъ. Господа, здѣсь передъ вами ваши сестры и ваши подруги; какъ и вы, мы подвержены страданіямъ, постигающимъ человѣчество: мы раздѣляемъ ваши моральныя заботы, въ виду всего этого мы призваны наслаждаться общимъ благоденствіемъ, и мы заслужили это своей любовью къ націи, королю и закону, въ вѣрности которымъ мы сейчасъ поклялись, поклявшись вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми силами охранять Конституцію, внушая любовь къ ней нашимъ родителямъ, нашимъ мужьямъ и нашимъ дѣтямъ» ¹⁾.

Въ Донмари (деп. Сена и Марны) гражданки допускались къ участию въ гражданскихъ пѣснопѣніяхъ. Всякій разъ, когда какая-нибудь изъ гражданокъ приносила патріотическое пожертвованіе или пучокъ корпии, она тутъ же получала братскій поцѣлуй отъ всѣхъ членовъ кружка. 4 нивоза III года они пришли въ неистовый восторгъ, когда «гражданки въ числѣ шести, имѣя каждая въ рукахъ весьма республиканскій (?) свѣтильникъ, предложили ихъ въ даръ Обществу». Въ этотъ вечеръ братскія лобызанія тянулись такъ долго, что порядокъ дня былъ совершенно забытъ ²⁾.

Гражданки Фонтенебло неоднократно обращали на себя вниманіе своимъ революціоннымъ пыломъ Трое изъ нихъ. тетки Томасъ, Бастень и Креф-

¹⁾ Rosières, la Révolution dans une petite ville.

²⁾ Nouvelle Revue rétrospective (1896, I, 101)

тонъ, иногда выступали въ Народномъ обществѣ съ рѣчами.

29 сентября 1793 г. гражданки Южной секціи посадили дерево Свободы на площади Шарбонъ; 11 октября добрыя патриотки Сѣверной секціи посадили другое дерево на площади Горы; онѣ воспользовались случаемъ, для того, чтобы освятить бюстъ Марата и сжечь «кучу королей и королевъ, на смѣхъ разукрашенныхъ лиліями».

Приводимъ нѣкоторыя детали относительно этого праздника, увѣковѣченнаго въ лѣтописяхъ вандализма. «По прочтеніи нѣсколькихъ газетъ,—сообщаетъ отчетъ о торжествѣ,—гражданки, организовавшія праздникъ, были допущены на собраніе *Народнаго общества*. Одна изъ нихъ взяла слово и заявила:—Мы пришли пригласить *Народное общество* на двойной праздникъ, который мы намѣрены сегодня праздновать: одушевляющій насъ патриотизмъ укрѣпляется уроками и примѣрами; отнынѣ не должно быть хорошихъ празднествъ безъ присутствія *Друзей Свободы и Равенства*». Послѣ этого всѣ вышли на улицу, причемъ каждый членъ Клуба велъ подъ руку двухъ гражданокъ; эта деталь показываетъ, что прекрасный полъ былъ въ большинствѣ.

Кортежъ отправился за членами муниципалитета, а затѣмъ направился на площадь Горы, гдѣ уже находились молодое деревцо, бюстъ Марата и костеръ, сложенный «изъ всѣхъ портретовъ королей, королевъ и ихъ родственниковъ, которые украшали стѣны бывшаго замка».

Съ десятокъ гражданъ пустились изливать потоки краснорѣчія, затѣмъ на трибунѣ появи-

лась «гражданка»; она произнесла крайне патриотическую рѣчь; публика сильно аплодировала одному мѣсту въ этой рѣчи, а именно обращенному къ матерямъ *приглашенію почаще собирать своихъ дѣтей вокругъ дерева и бюста Марата и здѣсь воспламенять ихъ юное мужество, объяснять имъ и заставить ихъ прочувствовать аллегорію, которая заключается въ томъ, что дерево Свободы осѣняетъ статую своего искреннѣйшаго друга и какъ бы указываетъ, что Свобода должна всегда охранять своихъ защитниковъ или мстить за нихъ.

«...Послѣ этого предсѣдательница, делегированная меланскими гражданками, Марселэнъ, подожгла костеръ этого патриотическаго всеожженія; огонь быстро пожралъ весь этотъ ворохъ королей... На кострѣ среди другихъ бросался въ глаза портретъ глупца Людовика XIII, того челоуѣка, жестокая трусость котораго пролила больше крови, чѣмъ всѣ инквизиціи вмѣстѣ взятыя; *этотъ портретъ былъ однимъ изъ шедевровъ извѣстнаго Филиппа Шампена*. Одно время казалось, что удастся вытащить одну полуобнаженную руку изъ почтенія къ знаменитому артисту, но ко всеобщему удовлетворенію она была снова присоединена къ туловищу. Это зрѣлище доставляло, по крайней мѣрѣ, утѣшеніе думать, что въ будущемъ искусство не станетъ prostituiроваться сохраненіемъ для грядущихъ поколѣній образа деспотовъ, угнетавшихъ челоуѣчество».

Какъ мы видимъ, добрые якобинцы Фонтенебло умѣли цѣнить то, что они разрушали, и не могли оправдаться даже незнаніемъ. Тогда же

было сожжено множество других замѣчательныхъ произведеній, въ томъ числѣ нѣсколько картинъ Леонардо да Винчи.

«Тѣнь Марата,—прибавляетъ отчетъ,—ты должна быть довольна, свѣжій вѣтерокъ, казалось, относилъ къ тебѣ дымъ, какъ сладостнѣйшій ладанъ, какой только можно было тебѣ предложить... Приятный беспорядокъ, трогательное смѣшеніе уступили тогда мѣсто царившей до того аккуратности... Всѣ граждане и гражданки гурьбой направились въ залъ *Народнаго общества*... Руководившія празднествомъ гражданки поднесли трехцвѣтное знамя *Народному обществу*, и говорившая отъ ихъ имени гражданка Кривтонъ предложила *Друзьямъ Свободы и Равенства* принять его какъ залогъ братскихъ чувствъ, питаемыхъ всѣми гражданками города...»

Къ чести одной обитательницы Фонтенебло прибавимъ, что засѣданіе продолжалось докладомъ члена Комитета Общественнаго Спасенія о положеніи заключенныхъ; когда докладчикъ заявилъ, что онъ былъ «удрученъ видомъ грубой пищи, которою принуждены питаться двое сидящихъ въ тюрьмѣ», сейчасъ же «одна гражданка потребовала освобожденія этихъ двухъ заключенныхъ. тяжелое положеніе которыхъ растрогало комиссара Камюса»¹⁾. Слѣдуетъ ли пояснять, что со всѣхъ сторонъ раздались протесты противъ этого негражданскаго предложенія?

Одиннадцать дней спустя пятнадцатилѣтній малют-

¹⁾ Fleureau, les Arbres de la Liberté à Fontainebleau. Bégis, le Vandalisme révolutionnaire.

ка Леконтъ, приведенный своею матерью въ *Народное общество*, выразилъ свое огорченіе «по поводу того, что онъ не можетъ еще хорошенько вздуть аристократовъ»¹⁾.

Въ теченіе долгаго времени жительницы Провэнса не особенно стремились на засѣданія *Истинныхъ Друзей Конституціи*; только 19 октября 1793 г. одинъ изъ членовъ клуба предложилъ допускать гражданокъ, которыя пожелаютъ подвергнуться указаннымъ въ уставѣ испытаніямъ. «Это предложеніе,—сообщаетъ протоколъ,—встрѣтило поддержку и было передано въ комитетъ».

Но уже за нѣсколько дней до того гражданка Калите явилась въ клубъ, чтобы протестовать съ трибуны противъ эпитета «публичная женщина», который общество позволило себѣ дать ей въ обращенномъ къ муниципалитету протестѣ по поводу порученія вышеупомянутой женщины представлять Богиню Свободы. «Свобода трибуны,—отвѣтили ей,—неприкосновенна».

17 ноября четырнадцать молодыхъ дѣвушекъ явились въ клубъ Якобинцевъ увѣнчать цвѣтами бюсты Брута, Марата и Лепелетье, а въ день праздника въ честь Разума провѣнки, изобрѣты серпантины, весело засыпали предсѣдателя и оратора дождемъ цвѣтныхъ лентъ.

Въ дни очередныхъ засѣданій гражданки занимались раздачей пособій нуждающимся, упаковывали пожертвованія, предназначенныя для арміи, и приготовляли сотни фунтовъ корпіи, «скорѣе изъ жалости къ бѣднымъ непріятельскимъ

¹⁾ Constant, le Club de Fontainebleau.

солдатамъ, чѣмъ для нашихъ собственныхъ солдатъ, такъ какъ наши умѣютъ побѣждать и отражать удары».

Въ пловіозѣ II года молодья провэнскія дѣвушки поднесли волонтерамъ знамя; по этому случаю гражданка Дюпонъ произнесла слѣдующую рѣчь:

«Граждане, римлянки и спартанки вышивали для воиновъ, которыхъ судьбы отечества призывали подъ знамена, на какой-нибудь части воинскаго снаряженія свой вензель. Наше честолюбіе имѣетъ болѣе высокій характеръ. Мы не хотимъ ничего знать, кромѣ нашего отечества, и если слабость нашего пола запрещаетъ намъ идти рука-объ-руку съ вами къ побѣдѣ, мы хотимъ, по крайней мѣрѣ, подарить храбрымъ санкюлотамъ Провэна знамя, которое должно ихъ обезсмертить... Мы хотѣли бы, чтобы вы изобразили на немъ, какъ трофей, тѣхъ рабовъ, которыхъ вы повергнете на-земь. Да здравствуетъ Гора!»¹⁾

Санкюлоты Вильноксъ-ла-Гранда (деп. Объ) оказались въ печальной необходимости принять постановленіе, въ силу котораго «въ интересахъ общественнаго спокойствія мужчины и мальчишки будутъ впредь помѣщаться справа, а женщины и дѣвочки слѣва»²⁾.

Не идетъ-ли здѣсь рѣчь о тѣхъ гражданкахъ, которыя, въ видѣ шутки, втыкали иголки въ кресло предсѣдателя?

¹⁾ Bellander, les Jacobins de Provins.

²⁾ Bardet, la société populaire de Villeneuve (Annuaire de Troyes, 1893).

Въ концѣ 1791 г. жительницы Реймса проявили въ клубѣ столь патріотическія и братскія чувства, что ихъ соотечественники увидѣли себя вынужденными «для охраны порядка постановить, чтобы впредь на засѣданіяхъ дамы помѣщались отдѣльно отъ мужчинъ».

Черезъ два года, въ прекраснѣйшіе дни *Народнаго общества*, гражданки, хотя и удаленныя на хоры соборнаго органа, производили такомъ шумъ, что для наблюденія надъ ними пришлось назначить четырехъ надзирателей¹⁾. Такъ какъ при всемъ своемъ усердіи эти граждане никакъ не могли добиться прекращенія шума, то они должны были потребовать, чтобы ихъ число доведено было до восьми, а затѣмъ до двѣнадцати»²⁾.

И вотъ нашелся какой-то брюзга, который предложилъ не допустить женщинъ къ участию въ празднествѣ, предполагавшемся по случаю раскрытія заговора Гебера. Хотя большинство и отклонило это предложеніе и воздало хвалу «интересному полу, являющемуся украшеніемъ празднествъ», гражданки задумали въ видѣ протеста прибѣгнуть къ забастовкѣ. «Каждый членъ,—гласить протоколъ отъ 22 преріаля,—живо почув-

¹⁾ Надзиратели,—говоритъ уставъ Республиканскаго Общества въ Оверѣ, — будутъ имѣть въ рукахъ жезлъ, увѣнчанный колпакомъ Свободы и украшенный трехцвѣтною лентой, означающей уваженіе къ закону. Ихъ обязанности будутъ заключаться въ охранѣ порядка, въ недопущеніи какихъ бы то ни было непристойностей и въ соблюденіи тишины».

²⁾ Gosset, la Société populaire de Reims.

ствовалъ это полное отсутствіе пола, дорогого для всѣхъ якобинцевъ».

Чтобы утѣшить своихъ неугомонныхъ соотечественницъ, какой-то реймскій патриотъ сочинилъ слѣдующую пѣсенку:

Милѣйшія изъ аоинянокъ
Имѣютъ соперницъ у насъ,
И прекраснѣйшія римлянки
Были менѣ хороши, чѣмъ вы!

Въ то время, когда клубъ помѣщался еще въ церкви Августинцевъ, предсѣдатель однажды роздалъ кокарды всѣмъ присутствовавшимъ гражданамъ, послѣ чего пригласилъ ихъ спѣть Марсельезу, а затѣмъ проплясать подъ звуки органа патриотическіе танцы. Болѣе галантные, чѣмъ эрскіе граждане, жители Реймса позволяли своимъ согражданкамъ зимою приносить съ собою грѣлки.

Однажды гражданка Блондо пожертвовала трехцвѣтный шарфъ для украшенія бюста Мирабо, въ другой разъ гражданка Ружоль подарила клубу хоругвь, которую она несла въ день годовщины 10 августа. «Полю нашъ,—сказала она,—немогъ, но духъ нашъ бодръ». Спустя нѣкоторое время, жительницы Реймса вручили эmissару Национальнаго Собранія Массье трехцвѣтный поясъ для передачи его супругѣ.

Среди многочисленныхъ патриотическихъ пожертвованій, сдѣланныхъ жительницами Шампани, укажемъ на даръ вдовы Жардэ, состоявшій изъ десяти куръ и сливъ для больницъ.

«Гражданки секціи Лепелетъ въ Реймсѣ,—говоритъ Manuel du Citoyen (17 фримера II года),—

гордя свои республиканскими чувствами, рѣшили подарить клубу трехцвѣтное знамя. Въ десятый день фримера II года гражданка Гавэ, вступившая въ свое четвертое пятилѣтіе, во главѣ матерей и дочерей санюлотовъ была введена въ началѣ засѣданія въ три часа и со скромной увѣренностью произнесла слѣдующую рѣчь:

«Гражданинъ-предсѣдатель, выбранная моими подругами для того, чтобы передать въ твои руки знакъ единства и братства, которыя должны царить въ средѣ свободнаго народа, я вручаю его тебѣ, какъ залогъ нашей преданности отечеству. Пусть наши сограждане сплываются вокругъ этой эмблемы государственной власти лишь для того, чтобы вернуть намъ изобиліе, миръ и счастье!»

— Гражданка, — отвѣтилъ предсѣдатель, — первая республика въ мірѣ назначала весталками только дѣвушекъ. подобныхъ тебѣ своею чистотой, гражданскими чувствами и добродѣтелями. Пусть побѣдное знамя, которое ты подносишь отъ имени твоихъ подругъ, просуществуетъ во славу французской Республики столь же долго, какъ ч священннй огонь Весты у римлянокъ, и никогда наши потомки не отступятъ передъ тиранами и не покорятся королямъ. Прими лобызаніе предсѣдателя и братскій поцѣлуй отъ однокашника твоего отца».

Добрыя патриотки Шалона-на-Мирнѣ. вѣроятно тѣ самыя, которыя «въ бѣлыхъ одеждахъ, съ развѣвающимися волосами и украшенныя трехцвѣтными лентами» сочли своимъ долгомъ засви-

дѣлательствовать свой патриотизмъ 14 іюля 1791 г., основали годъ спустя чисто женскій клубъ. Въ началѣ августа 1793 г. гражданки Дюрбанъ, Бабли и Дюбуа, делегированныя *Обществомъ Истинныхъ Республиканокъ*, обратились къ муниципалитету съ просьбою, предоставить имъ мѣсто въ кортежѣ на празднествѣ 10 августа.

Онѣ имѣли честь продефилировать непосредственно за *Народнымъ обществомъ*. «Ихъ скромность.—гласить отчетъ о торжествѣ,—ихъ изящество очаровали всѣ сердца и зажгли ихъ самымъ горячимъ патриотизмомъ»¹⁾).

Два мѣсяца спустя, 13 вандемьера, гражданки изъ клубовъ рѣшили въ интересахъ Республики взяться за приготовленіе корпіи и обратились ко всѣмъ своимъ согражданкамъ съ просьбою, доставлять имъ старое бѣлье. Несмотря на свое патриотическое рвеніе, *Общество Истинныхъ Республиканокъ* было распущено 2 нивоza въ силу закона 9 брюмера, воспрещавшаго всѣ женскіе клубы.

Статья 9 устава *Народнаго общества въ Витри-на-Марнѣ* предусматриваетъ возможность выходокъ со стороны прекраснаго пола: «Если какая-нибудь гражданка позволить себѣ крикнуть *дойлой!*, то въ первый разъ ей будетъ сдѣлано замѣчаніе, а во второй разъ она будетъ удалена».

Довольно суровымъ характеромъ отличались, повидимому, жительницы Авалона, если судить по *Рѣчи авалонскихъ гражданокъ, вооруженныхъ пиками, къ Друзьямъ Конституціи, произнесенной*

¹⁾ Barbat, Histoire de Châlon-sur-Marne.

во время постановки бюста Мирабо г-жею Пета. Приводимъ изъ этой рѣчи нѣсколько выдержекъ: «Мы будемъ поддерживать великое дѣло Революціи... Мы посвятимъ эти пики защитѣ свободы и равенства и клянемся безстрашно вопоставить это желѣзо тѣмъ измѣнникамъ, которые попытаются отобрать у насъ сокровище Свободы.. Если до сихъ поръ французенки рожали только дѣтей, то съ этой революціи онѣ будутъ производить на свѣтъ только людей: по крайней мѣрѣ, къ этому мы будемъ особенно стремиться (sic)... Мы объявляемъ низкими модерантистами тѣхъ, кто утверждаетъ, что наши руки созданы для прялки, а не для меча». Эти ярыя амазонки выказали такой воинственный пылъ при осадѣ церкви св. Жюльена, священникъ которой отказался принять присягу, что одинъ изъ ихъ соотечественниковъ, поэтъ Мало, счелъ полезнымъ обратиться къ нимъ съ мирными увѣщаніями.

Пета, Аршамбо и Лаплатъ,
Ларозъ, Арто и де Баронъ,
Вашъ патриотизмъ слишкомъ шумливъ
И заставляеть васъ брать слишкомъ высокій тонъ:
Оставьте же эти пики,
Возьмитесь за болѣе гражданское оружіе,
Менѣ страшное.
Я знаю одно такое нѣжное орудіе,
Возьмитесь-ка за него: это прялка,
Съ помощью которой прядла Ева.

Монсо¹⁾ приписываетъ рѣчь гражданокъ Жаку Буало. Мы замѣтимъ только, что этотъ пи-сець не всегда былъ сторонникомъ вмѣшатель-

¹⁾ La Révolution dans l'Yonne.

ства женщинъ въ политику. Въ газетѣ *Rouche* *be fer* ¹⁾ было напечатано его письмо, въ которомъ онъ жаловался на то, что на народныхъ собраніяхъ всѣ хорошія мѣста развязно занимаются кузинами или пріятельницами ораторовъ. «Мѣста для публики въ Національномъ Собраніи,—говорилъ онъ,—превращаются въ сходбища дамочекъ-щеголихъ; женщинъ сажаютъ впереди, ораторы говорятъ только для нихъ, что не мѣшаетъ имъ зѣвать во-всю... Я даже видѣлъ собственными глазами, какъ во время засѣданія одинъ черный депутатъ гладилъ подбородокъ молодой провансальки!»

Сдѣлавшись мировымъ судьей въ 1792 году, Буало въ «Предостереженіи нашимъ братьямъ и ихъ женамъ» разоблачилъ передъ своими согражданками 24 іюня того же года легендарныя совѣщанія маконскаго съѣзда. Этотъ пресловутый съѣздъ сыгралъ значительную роль въ исторіи феминизма, и г-жа Нибуайе въ 1848 году каждый разъ ставила его въ повѣстку *Женскаго клуба* ²⁾.

Въ 1790 году другой авалонскій гражданинъ, Буало д'Ансонъ, заклиналъ всѣхъ французскихъ гражданокъ вышивать своими прекрасными руками знамена національной гвардіи. «Съ какимъ уваженіемъ,—говорилъ онъ,—станутъ относиться къ этой патріотической эмблемѣ, когда она получена будетъ изъ вашихъ рукъ» ³⁾.

27 іюня 1793 г. гражданки изъ клуба *Подругъ республиканской конституціи въ Тоннеръ* присоединились къ *Народному обществу монтаньяровъ-санкюлотовъ*, чтобы совмѣстно съ ними устроить апофеозъ Марата ¹⁾.

1 августа гражданка Вернъ произнесла въ бывшемъ урсулинскомъ монастырѣ панегирикъ въ честь Друга народа: «Гражданки, сестры и подруги,—говорила она,—какой печальный долгъ предстоитъ мнѣ выполнить! сказать похвальное слово, оплакать потерю человѣка, который былъ столь полезенъ своими знаніями и своими гражданскими добродѣтелями. Это ужасная правда, гражданки, Марата, добродѣтельнаго Марата нѣтъ больше на свѣтѣ... Онъ избралъ профессію, наиболее близко стоящую къ природѣ, онъ сдѣлался врачомъ (?)... Онъ былъ спокоенъ, онъ говорилъ, что тотъ, кто работаетъ для блага народа, не долженъ опасаться ничего. Какая философія! Какое величіе души!.. Наши сердца будутъ тѣмъ памятникомъ, который мы воздвигнемъ его сларѣ; это будетъ простой памятникъ, и другихъ не нужно великому человѣку».

Этотъ документъ подписанъ предсѣдательницей Русле и секретаршей Боке ²⁾. 2 сентября 1793 г въ Конвентѣ прочитанъ былъ адресъ *Тоннерскихъ Революціонныхъ Гражданокъ*: «Мы относимся къ вамъ.—говорилось тамъ,—съ полнѣйшимъ довѣріемъ... Вы не можете, не нарушая интересовъ Республики, уступить свой постъ новымъ депу-

1) Tome I, p. 341.

2) La Feuille, 21 января 1792.

3) Courrier, 18 мая 1790.

1) Archives parlementaires (LXX. 165).

2) Archives nationales, g. 271 (688).

татамъ вплоть до того момента, пока не будетъ обезпечена побѣда свободныхъ людей»¹⁾).

Задѣтыя одновременно со своими лионскими сестрами газетою «Парижскія Революціи», *Подруги Республики въ Дижонъ* не преминули столь же широко воспользоваться правомъ отвѣта²⁾).

Ихъ предсѣдательница, гражданка Бланденъ-Демулень, начала съ установленія той истины, что нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній мѣшать женщинамъ работать для блага Республики и для общаго благосостоянія; далѣе она перечисляла всѣ услуги, уже оказанныя ихъ Обществомъ, которое заботится о заключенныхъ женщинахъ, «оставленныхъ на произволъ судьбы бывшими дворянками по своему аристократизму», и которое открыло прядильню, гдѣ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати мѣсяцевъ триста нуждающихся въ работѣ женщинъ находятъ занятіе.

«Кромѣ того,—присовокупляла она,—*Подруги Республики* открыли патріотическую подписку, куда онѣ теперь жертвуютъ деньги, прежде тратившіяся на пустыя забавы и на балы, и вернули мужество возвратившемуся въ Дижонъ второму батальону, постыдно преданному въ Лонгви. Онѣ съ энергіей свободныхъ женщинъ убѣждали этихъ солдатъ никогда не возвращаться къ своимъ очагамъ, не уничтоживъ предварительно деспотовъ..

«Изъ братскаго сплоченія республиканокъ и вытекли эти поразительныя усилія философской мысли, которыя, освободивъ женщинъ отъ уни-

¹⁾ Archives parlementaires, LXXIII, 317.

²⁾ Les Révolutions de Paris (23 февраля 1793 г.).

зительныхъ предразсудковъ, снова пробудили въ нихъ зародыши добродѣтелей, которыя онѣ должны всѣлять во всѣхъ французовъ съ ранняго ихъ дѣтства... Изъ вашихъ словъ, гражданинъ Прюдомъ, какъ будто слѣдуетъ, что для женщинъ грамота не важна, а женскіе клубы являются бичомъ для домашней жизни. Но развѣ вы хотите вѣчно держать женщинъ на положеніи дѣтей и пустыхъ существъ?.. Пора произвести переворотъ въ области женскихъ нравовъ, пора вернуть имъ ихъ естественное достоинство...»

Основаніе этого женскаго клуба, послѣдовательно принимавшаго названія *Подругъ Конституціи, Равенства и Республики*, восходитъ къ веснѣ 1791 года. Его первоначальною цѣлью, по видимому, было разаристократить дижонокъ, которыя въ 1790 году выразили королю увѣреніе въ своей привязанности, и «объединить церковь съ отечествомъ», прививая новыя идеи католичкамъ, привязанность которыхъ къ неприсягнувшимъ священникамъ доходила до того, что онѣ держали караулъ въ церквахъ¹⁾).

30 мая 1791 г. добрыя патріотки отправились въ церковь Михаила Архангела, чтобы освятить свое знамя. «...Наша славная Конституція,—сказалъ имъ аббатъ Монтелеонъ,—говоритъ на томъ же языкѣ, что и Евангеліе...»

Выслушавъ съ благоговѣніемъ это республиканское поученіе, клубистки отнесли свое зна-

¹⁾ Huguent, les Clubs de Dijon; le Journal patriotique de la Côte—d'or (7 іюня, 6 сентября, 20 декабря 1791).

мя въ залъ Парламента, гдѣ засѣдали *Друзья Конституціи*.

«Мы готовимъ для васъ,—сказала г-жа Норманъ,—самое лестное украшеніе, какое только можетъ заслужить добрый гражданинъ, и единственное, на какое онъ долженъ притязать, а именно гражданскій вѣнокъ, который приобрететъ еще большую цѣнность въ виду того, что будетъ предложенъ руками любви». Муниципалитетъ безъ особаго энтузіазма отнесся къ этому вторженію женщинъ въ политику и предоставилъ имъ помѣщеніе только потому, «что отказъ былъ бы связанъ съ большими неудобствами, чѣмъ разрѣшеніе».

14 іюля аббатъ Андре Бре поздравилъ *Подругъ Конституціи* съ готовностью, съ какою онѣ успѣли явиться на федеративную присягу.

«...Ваше милое присутствіе,—говорилъ онъ,—доставило всѣмъ удовольствіе. Рабское воспитаніе стараго режима мѣшало вамъ достигнуть вашей естественной высоты. вмѣсто розъ, которыми васъ украшали въ прежнія времена, ваше чело должно быть увѣнчано дубовымъ вѣнкомъ... Ваши собранія будутъ впредь публичными, это только побудитъ васъ къ большому соревнованію. клевета же будетъ совершенно безсильна противъ васъ. Не старайтесь блистать тамъ остроумными выходками, политическими разсужденіями, учеными дебатами, удовольствуйтесь проявленіемъ просвѣщеннаго рвенія...»¹⁾.

1) Brés, Discours prononcé dans l'Assemblée des femmes dijonnaises.

Эти мудрые совѣты не были услышаны: 6 сентября г-жа Мазюе явилась во главѣ *Подругъ* къ клубистамъ требовать разсылки по всѣмъ примыкающимъ клубамъ адреса, «приглашающаго ихъ сестеръ въ 83 департаментахъ объединяться въ клубы для принятія надлежащаго участія въ событіяхъ, могущихъ воспослѣдовать за нашими вооруженіями».

«Только,—говорила она,—сплачиваясь въ общества, мы сумѣемъ воспитать для отечества и опьянить любовью къ Свободѣ молодыхъ сердца, подчиненныя нашимъ законамъ... Пусть женщины вспомнятъ, что никогда мужчины не отступали на пути чести, если чувствовали за своей спиною присутствіе женщинъ...» Если вѣрить имъ, дижонскія клубистки составляли счастье своихъ супруговъ и внушали страхъ врагамъ Революціи

Наконецъ, чтобы воздѣйствовать на мораль солдатъ, стоявшихъ гарнизономъ въ Дижонѣ или проходившихъ черезъ этотъ городъ, *Подруги* постановили приглашать ихъ на свои собранія, «дабы удержать ихъ отъ грубыхъ развлеченій и возвысить духовно».

Въ концѣ 1791 г. бюро клуба состояло изъ гражданокъ Бланденъ-Демуленъ, Маріи Симонъ, Мало и Летурнеръ.

Въ декабрѣ дижонки опубликовали слѣдующій воинственный манифестъ: «...Пусть они знаютъ, эти подлые деспоты, и мы клянемся въ этомъ передъ лицомъ всей Европы, что въ случаѣ нужды мы подадимъ примѣръ мужества... Предупреждаемъ нашихъ враговъ, что кровь одного патріота безконечно дороже жизни цѣлой ты-

сечи титулованныхъ заговорщиковъ и убійць продавшихся тиранамъ!..»

Бре сообщаетъ, что время отъ времени съ привѣтомъ къ *Подругамъ Республики* являлись депутаціи отъ крестьянокъ. «Городскія сестры,— заявила однажды молодая крестьянка изъ Жевре,—вы просвѣщаете наши головы, а мы, деревенскія женщины, обѣщаемъ вамъ руки».

Въ Дижонѣ существовалъ еще клубъ *Молодыхъ Подругъ Республики* отъ 8 до 16 лѣтъ! Въ декабрѣ эти болтушки вздумали распропагандировать своихъ... мамашъ. Говорившая отъ ихъ имени Генріета Экюре выразила сожалѣніе по поводу того, что она еще неспособна приносить пользу отечеству, но увѣряла, «что она будетъ молить небо за добрыхъ патріотовъ и начнетъ плести лавровые вѣнки въ ожиданіи ихъ триумфальнаго возвращенія».

«Марать, — говоритъ *Курьеръ* отъ 27 мая 1793 г., — имѣетъ въ Маконѣ своихъ святыхъ женщинъ которыя вѣрятъ его пророчествамъ. Стремясь послѣдовать его высокой заповѣди, *ut redeat misere*, онѣ провозгласили возстаніе и потребовали отъ департаменскихъ властей разрѣшенія грабить въ теченіе пяти часовъ». Администрація попросила два часа на размышленіе, и за это время собрала милицію и приказала зарядить пушки. Въ виду этихъ злокозненныхъ мѣропріятій чулочницы не стали настаивать.

Напротивъ въ Вольнэ женская молодежь не признала такъ легко новыя идеи, а когда въ іюнь 1791 г. муниципалитетъ пожелалъ произвольно назначить «ризничью и жезлоносицу ихъ брат-

ства», онѣ устроили столь бурныя манифестаціи, что окружное начальство принуждено было, въ концѣ концовъ, имъ уступить ¹⁾.

Амазонки Лонъ-ле-Сонье, о которыхъ мы уже говорили ²⁾, любили посѣщать засѣданія *Народнаго общества. Друзья Конституціи* приняли 29 сентября 1792 г. постановление, «чтобы женщины, которыя прежде посѣщали общество и неоднократно давали доказательства своего патріотизма, встрѣчали почетный приѣмъ на засѣданіяхъ, и чтобы имъ отводились комиссарами особыя мѣста въ залѣ».

1 ноября одна женщина съ трибуны пригласила товарища Дюма почаще ходить на засѣданія. 3 февраля 1793 г. общество оказало торжественную встрѣчу всѣмъ гражданамъ, «отдающимъ свои силы на славные труды по изготовленію обмундировки».

По этому случаю распѣвалась кантата, изъ которой мы приводимъ одинъ куплетъ:

Поспѣшай, обожаемый полъ;
Пусть дары твои летятъ къ берегамъ Рейна!
То, чего коснулась прекрасная ручка,
Дѣлаетъ война неуязвимымъ.
Честь красотѣ! Слава нашимъ знаменамъ!
Любовь (бисъ) заботится о доспѣхахъ Марса!

На засѣданіи 14 апрѣля «ораторъ отъ входившихъ въ составъ общества женщинъ внесъ отъ ихъ имени предложеніе, гдѣ онѣ требовали, чтобы граждане, заключенные въ тюрьму и затѣмъ выпущенные на свободу, если они являются дѣй-

¹⁾ E. V. Histoire de Volnay.

²⁾ См. стр. 73.

ствительно гражданами, первыми записывались въ формирующіеся батальоны. Онѣ выражали опасеніе, чтобы по уходѣ всѣхъ добрыхъ гражданъ эти господа не нарушили порядка внутри страны. Хотя онѣ, будучи увѣрены въ своемъ мужествѣ, надѣются справиться съ ними съ помощью пикъ».

Увы! Н. О. и общій совѣтъ коммуны смотрѣли на вещи далеко не одинаково, и 25 іюня клубъ былъ наводненъ войсками, которыя, «приставивъ саблю къ груди», принудили гражданку Марію-Луизу Тевено выдать имъ документы общества.

Черезъ нѣсколько дней «кавалеристы съ красными султанами» схватили клубистку Ленуаръ и обошлись съ нею самымъ недостойнымъ образомъ ¹⁾.

Въ Безансонѣ царилъ — это аристократическое выраженіе даже недостаточно сильно — клубъ *Подругъ Свободы и Равенства*, состоявшій подъ предсѣдательствомъ модистки, гражданки Могра.

Первое засѣданіе этого общества состоялось 26 октября 1792 г. *La Vedette* поздравила *Подругъ* съ ихъ мужествомъ и увѣряла, «что онѣ пріобрѣтутъ благодѣтельнѣйшее вліяніе на мужчинъ, привыкшихъ горячо добиваться ихъ благосклонности и ждаты отъ нихъ всѣхъ сладостей и горестей любви».

«Мы предпочитаемъ, — гордо отвѣтили онѣ, — свободу и равенство всѣмъ любовнымъ глупостямъ. ²⁾».

И дѣйствительно, эти добрыя патріотки въ

¹⁾ Libois, Délibération de la S. P. de Lons-le Saulnier.

²⁾ Sauzet, Histoire de la persécution religieuse dans le Doubs.

дѣлѣ спасенія отечества проявили поразительное усердіе: онѣ требовали преданія суду Маріи-Антуанеты, затѣмъ принудили муниципалитетъ придать свѣтскій характеръ больницѣ св. Іакова и Убѣжищу, которое представляло нѣчто вродѣ исправительнаго пріюта, управляемаго сестрами изъ Ордена св. Духа. Однако, департаментская администрація, которая вдобавокъ отказалась принять большинство сидѣлокъ, рекомендованныхъ женскимъ клубомъ, рѣшила сохранить нѣсколько сестеръ. Въ виду этого, *Подруги* 5 марта рѣзко протестовали противъ оставленія бывшихъ монашенокъ, «уже успѣвшихъ нафанатизировать новыхъ сестеръ милосердія, которыхъ онѣ называютъ *душечка*, а не *гражданка!*» А черезъ нѣсколько дней онѣ требовали закрытія двухъ монашескихъ обителей, «еще существующихъ и отравляющихъ умы гражданокъ».

«... Граждане, — скромно заявляли онѣ, — не бойтесь послѣдствій этой перемѣны; мы знаемъ симпатичныхъ гражданокъ, которыя умѣютъ сочетать пристойность съ добродѣтелью и которыя воспитаютъ дѣтей въ чувствахъ, приличествующихъ свободнымъ людямъ». — «Въ виду присущихъ имъ граціи, мягкости и гуманности, — присовокупляетъ идущая еще дальше *La Vedette*, — мы беремъ на себя смѣлость общать публикѣ, что она и не замѣтитъ происшедшей перемѣны».

26 апрѣля 1793 г. *Подруги* снова пришли въ ярость, когда распространился слухъ, что департаментскія власти собираются выпустить на свободу нѣсколькихъ женщинъ, аристократокъ и «подозрительныхъ, содержащихся въ Семинаріи».

Гражданка Дюранъ напомнила представителямъ власти, «что они обязаны держать этихъ заложниковъ какъ женскаго, такъ и мужскаго пола, въ качествѣ гарантіи нашей безопасности». Между прочимъ онѣ требовали, чтобы всѣмъ учительницамъ вмѣнено было въ обязанность заставить своихъ учениковъ выучить наизусть Декларацию Правъ Человѣка.

«Бюллетень Друзей Истины» сообщаетъ, что въ концѣ января 1793 г. гражданка Вемери произнесла превосходную рѣчь о воспитаніи, и что муниципалитетъ постановилъ выдавать, въ видѣ преміи, наиболѣе достойнымъ юнымъ гражданкамъ небольшой колпакъ свободы изъ позолоченной мѣди.

Пажо въ своей газетѣ «Еженедѣльный Листокъ» (№ отъ 26 февраля 1793 г.) оставилъ намъ отчетъ объ одномъ изъ засѣданій безансонскаго женскаго клуба.

«Собраніе открылось приглашеніемъ, обращеннымъ къ нашимъ страсбургскимъ братьямъ (прибывшимъ по случаю процесса барона Дитриха) занять мѣста среди нашихъ милыхъ якобинокъ. Лаво сумѣла покорить ихъ горячей рѣчью о достоинствахъ женщинъ и объ ихъ полезной роли для общества. Женскія глотки, до сихъ поръ привыкшія къ распѣванію гимновъ любви, заставляли дрожать своды отъ вполне заслуженныхъ привѣтственныхъ восклицаній. Ея предложеніе сводилось къ подачѣ петиціи Конвенту съ требованіемъ предоставленія женщинамъ права голосованія на первичныхъ собраніяхъ. Шнейдеръ, епископскій викарій (Нижняго Рейна), говорилъ

противъ женщинъ и былъ призванъ къ порядку председательницей. Одна сторонница петиціи заявила этому попу, что никогда ему не справиться съ нею; спокойный Монне, мэръ Страсбурга, поддерживалъ предложеніе Лаво, которое и было принято единогласно».

Можно предполагать, что одинъ только этотъ клубъ *Подругъ* обратился къ Конвенту съ петиціей, требовавшей предоставленія женщинамъ права голосованія въ первичныхъ собраніяхъ.

Въ докладѣ одного комиссара въ Порантрюю, прочитанномъ на засѣданіи Конвента 5 апрѣля 1793 г., мы находимъ восхваленіе безансонскаго общества республиканскихъ женщинъ, «которое уже переслало въ различные батальоны 434 рубахи, 336 паръ сапогъ, 30 куртокъ и гораздо большее число куртокъ и шароваръ; 239 паръ гетръ, 137 паръ чулокъ, множество платковъ, воротниковъ, колпаковъ, ранцевъ, рукавицъ и нѣсколько ружей и кромѣ того полную обмундировку для гренадера, пожертвованную цѣликомъ однимъ гражданиномъ... Каждое воскресенье гражданки даютъ спектакль въ общественномъ залѣ, и сборъ съ него жертвуютъ на солдатъ. Каждое представленіе даетъ отъ 1200 до 1500 ливровъ»¹⁾.

Разсѣявшись послѣ заключенія въ тюрьму ихъ покровителей Пажо и Бушена, клубистки не хотѣли все-таки оставить послѣднее слово за мужчинами и сдѣлали попытку возстановить свою организацію. Спустя нѣкоторое время послѣ 9 термидора онѣ выпустили слѣдующій манифестъ:

¹⁾ Actes du Comité de Salut public, III, 91.

«Подруги Свободы и Равенства, узнавъ, что патриоты этого города твердо убѣждены въ разрушеніи ихъ общества, заявляютъ, что всѣ входящіе въ его составъ члены поклялись передъ лицомъ Превѣчнаго не прекращать помощи нуждающимся и не оставлять пропаганды вѣчныхъ принциповъ Разума... Онѣ будутъ собираться по средамъ въ 4 часа и приглашаютъ патриотовъ всякаго возраста и пола на свои собранія... Дюнанъ-дочь, временная предсѣдательница, Простъ, секретарь».

Эта попытка потерпѣла плачевное фіаско, такъ какъ теперь большая часть прежнихъ клубистокъ не интересовалась ничѣмъ, кромѣ своихъ чисто хозяйственныхъ дѣлъ.

Слѣдуя примѣру своихъ безансонскихъ сестеръ, гражданки Понтарлье въ началѣ 1793 года требовали и добились удаленія монахинь изъ госпиталя; но черезъ нѣсколько недѣль муниципалитетъ принужденъ былъ снова пригласить сестеръ, такъ какъ четырнадцать свѣтскихъ сидѣлокъ, записавшихся вмѣсто монахинь, систематически забывали являться на службу и ухаживать за больными ¹⁾.

Въ первые дни августа 1793 г. гражданки Мушотъ и Крисманъ явились отъ имени женщинъ Жюссе въ *Народное общество* съ требованіемъ, чтобы имъ предоставлена была честь убрать къ празднику 10 августа алтарь отечества на Марсовомъ Полѣ. За три дня до того предсѣдатель пригласилъ трехъ гражданокъ, на головахъ у которыхъ

¹⁾ Sauzet, la Persécution religieuse dans le Doubs.

были красные колпаки, занять мѣсто за предсѣдательскимъ столомъ и спѣть марсельезу ¹⁾.

Въ Сень-Дье женщины приняли горячее участіе въ празднованіи 14 іюля 1790 г. «Господа, — заявила мадемуазель Бюдель, — желаніе разделить радость и энтузіазмъ, которые величественная церемонія нынѣшняго дня должна возбудить въ чуткихъ душахъ, приводитъ въ вапу средуполь, дѣйствительно, слабый, но способный на великія чудеса для оказанія вамъ помощи. Да, мы клянемся передъ лицомъ Бога брани употребить всѣ наши усилія для укорененія любви къ отечеству, уваженія къ законамъ и почтенія къ королю-гражданину...»

Въ слѣдующемъ году въ ту же годовщину отъ имени гражданокъ Сень-Дье выступила съ рѣчью госпожа Суэ ²⁾.

На востокѣ женщины почти повсюду посѣщали засѣданія клубовъ. Въ Страсбургѣ 27 февраля 1792 г. *Общество Якобинцевъ* постановило, чтобы всѣ гражданки, желающія присутствовать на его совѣщаніяхъ, надѣвали красный колпакъ. Этотъ революціонный головной уборъ не помѣшалъ жительницамъ Страсбурга показать себя добрыми патриотками, и въ октябрѣ слѣдующаго года онѣ представили 3600 ливровъ на покупку для солдатъ «хорошихъ крѣпкихъ сапогъ» ³⁾.

28 октября 1791 г. группа северныхъ гражданокъ вошла въ залъ засѣданія *Друзей Конститу-*

¹⁾ Coudret, Histoire de Jyssey.

²⁾ Bardy, Saint-Dié pendant la Révolution.

³⁾ Heitz, les Sociétés populaires de Strasbourg.

ции и потребовала разрѣшенія присягнуть Свобо-
дѣ и Равенству. Молодая гражданка по имени
Христина Тьебо, «стройная и статная», произне-
сла слова присяги, затѣмъ заявила устно и за-
писала въ книгѣ общества, что «всѣ онѣ готовы
скрѣпить свою присягу своею кровью». Ея трид-
цать двѣ подруги послѣдовали ея примѣру; пред-
сѣдатель поздравилъ этихъ превосходныхъ гра-
жданокъ и оказалъ имъ установленный для по-
четныхъ гостей приемъ. ¹⁾

Въ продолженіе года съ лишнимъ кольмарскія
гражданки допускались въ залъ засѣданій *Дру-
зей Свободы и Равенства*, но какъ видно, это по-
влекло за собою такія неудобства, что вызвало жа-
лобы со стороны нѣсколькихъ добродѣтельныхъ
патріотовъ, послѣ чего рѣшено было отдѣлить
оба пола другъ отъ друга «въ интересахъ бла-
гопристойности и спокойствія».

Будучи удалены на хоры, женщины продол-
жали въ большомъ числѣ приходить на собранія.
Иногда, когда не хватало ораторовъ, председатель
закрывалъ засѣданіе и предлагалъ отправиться
плясать Карманьолу вокругъ дерева Свободы.
Всѣ декады женщины пѣли патріотическіе гим-
ны; можно предполагать, что мыши, очарован-
ныя этимъ пѣніемъ, нарушали порядокъ въ за-
сѣданіяхъ, такъ какъ въ одинъ прекрасный
вечеръ председатель предложилъ устроить охо-
ту на этихъ грызуновъ. «Гражданкамъ, помѣщав-
шимся на хорахъ,—сообщаетъ протоколъ.—предло-
жено было пожаловать въ залъ. Онѣ спустились
туда съ энтузіазмомъ, и можно надѣяться, что

¹⁾ Fischer, la Société populaire de Saverne

благодаря соединеннымъ усиліямъ обоого пола
девятый день декады окажется днемъ великаго
истребленія для мышей» ¹⁾).

Но не всѣ кольмарскія гражданки отличались
такой игривостью. Въ этомъ городѣ существовалъ
также *Союзъ женщинъ*, принадлежавшихъ ко
всѣмъ партіямъ и собиравшихся подъ предѣла-
тельствомъ гражданки Рамбъ для приготовленія
коршіи и бинтовъ для раненыхъ.

6 іюня 1793 г. двѣнадцать кольмарскихъ
гражданокъ писали Конвенту, «что онѣ посвя-
щаютъ все свое время на изготовленіе перевя-
зочныхъ матеріаловъ для тѣхъ, кто будетъ
имѣть счастье пролить кровь за отечество» ²⁾).

Желая выразить имъ признательность за ихъ
патріотическое самопожертвованіе, *Народное об-
щество* пригласило ихъ на свое засѣданіе и ока-
зало имъ приемъ, установленный для почетныхъ
гостей. Прибавимъ, что эти добрыя граждан-
ки имѣли рѣдкое мужество использовать оказы-
ваемое имъ уваженіе для неоднократнаго заступ-
ничества за пострадавшихъ отъ доноса гражданъ.

Жители Меца отвели гражданкамъ два от-
дѣленія въ 160 мѣствъ на хорахъ церкви, слу-
жившей имъ клубомъ, но они позаботились при
этомъ устроить для женщинъ два спеціальныхъ
входа ³⁾).

Вслѣдствіе забвенія этихъ мудрыхъ мѣръ
предосторожности, женщины вызывали такой без-

¹⁾ Veron—Réville, la Révolution dans le Haut-
Rhin.

²⁾ Archives nationales C. 258 (531).

³⁾ Bultingare, le Club des Jacobins de Metz.

порядокъ въ *Люневильскомъ клубъ санкюлотовъ*, что предсѣдатель счелъ необходимымъ сдѣлать распоряженіе о возведеніи *солидной* перегородки для отдѣленія слушателей обоихъ половъ другъ отъ друга ¹⁾. При всемъ томъ, женщины готовляли коршію, «продуктъ нѣжнѣйшихъ занятій ихъ патриотизма,» и «исполняли пріятную обязанность воспѣванія Свободы съ такимъ удовольствіемъ, какого только и можно ожидать отъ женщинъ, дѣйствительно чувствовавшихъ себя глубоко счастливыми при мысли о своей свободѣ».

Не менѣе неугомонныя гражданки «изъ прежняго ордена Пр. Дѣвы города Туля» время отъ времени устраивали бурныя манифестаціи.

Пиларъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ стараго седанца» также указываетъ на присутствіе женщинъ и дѣтей на хорахъ седанскаго *Театральнаго клуба*.

19 апрѣля 1791 г. *Общество патриотическихъ дамъ Нанси* послало слѣдующій адресъ національнымъ гвардейцамъ департамента:

«Господа, наэлектризованныя энергическимъ чувствомъ истинныхъ гражданокъ... мы считали бы себя нарушительницами долга, который возлагаетъ на насъ приближеніе столь прекраснаго праздника, какъ праздникъ Возрожденія Свободы, если бы мы не поспѣшили изъ глубины нашего сердца опредѣленно заявить о нашемъ присоединеніи къ той клятвѣ, которую вы готови-

¹⁾ N. Beaumont, la S. P. de Lunéville (Annales de l'Est, 1889).

тесъ произнести передъ лицомъ неба... Пусть добродѣтель уничтожить испорченныхъ послѣдней аристократической расы» ¹⁾.

Это длинное перечисленіе клубовъ показываетъ, что почти повсюду, гдѣ существовали *Народныя общества*, женщины присутствовали на ихъ засѣданіяхъ; и хотя гражданки обыкновенно помѣщались на хорахъ, было бы ошибкою признавать ихъ политическое вліяніе ничтожнымъ, такъ какъ тѣ самые якобинскіе клубисты, которые съ помощью терроризированія руководили дѣятельностью муниципалитетовъ, въ большинствѣ случаевъ сами направлялись чернью, засѣдавшей на хорахъ, гдѣ женскій элементъ обыкновенно находился въ большинствѣ ²⁾.

Предсѣдатель очень часто обращался за совѣтомъ къ зрителямъ и зрительницамъ. и почти вездѣ во время дебатовъ у публики хоромъ запрашивалось ея мнѣніе. Съ помощью этого средства какому-нибудь эмиссару Конвента или нѣсколькимъ рѣшительнымъ санкюлотамъ и ударалось безъ особаго труда «возродить» самый ярый жирондистскій клубъ: съ помощью женщинъ ничтожное, но энергичное меньшинство въ теченіе одного засѣданія вышибало боязливое большинство.

¹⁾ Renauld, Nancy en 1791.

²⁾ Общество Монтаньяровъ въ Карантанѣ допускало въ качествѣ зрителей только женщинъ и иностранцевъ.

Глава VI.

Клубъ „Революціонныхъ гражданокъ“.

КЛАРА ЛАКОМБЪ.

„Женщины во всемъ любятъ крайности: онѣ бываютъ или лучше, или хуже мужчинъ“.

Лабрюйеръ.

Изъ всѣхъ женскихъ клубовъ, возникшихъ въ эпоху Революціи, клубъ *Революціонныхъ гражданокъ* безспорно оказался наиболѣе крайнимъ, а вслѣдствіе того и наиболѣе прославился.

Въ началѣ 1793 г. нѣсколько гражданокъ крайнихъ взглядовъ начали подъ различными предлогами устраивать собранія. 23 февраля группа этихъ женщинъ, принадлежавшихъ къ секціи Четырехъ Націй, обратились къ якобинцамъ съ просьбою предоставить въ ихъ распоряженіе залъ, для того чтобы на слѣдующій день организовать тамъ митингъ протеста противъ спекулянтовъ и гнусныхъ монополистовъ.

Эта программа ясно показываетъ, что новый женскій союзъ слѣдовалъ политикѣ партіи крайнихъ демагоговъ или, какъ ихъ тогда называли, «бѣшенныхъ». На ихъ взглядъ Маратъ былъ недостаточно проникнуть гражданскими чувствами, а члены Комитета Общественнаго Спасенія большею частью были просто-на-просто вульгар-

ными монополистами. Такъ какъ это слово (*assureurs*) само по себѣ составляло въ тѣ времена цѣлую программу, то Робеспьеръ младшій не преминулъ протестовать противъ просьбы гражданокъ, но на этотъ разъ онъ ораторствовалъ напрасно: якобинцы не пожелали его слушать и поспѣшили предоставить просительницамъ, за отсутствіемъ ихъ собственнаго зала, который не былъ свободенъ, залъ *Братскаго общества обоего пола*, «способный вмѣстить 800 человекъ».

На слѣдующій день депутація гражданокъ-прачекъ явилась къ рѣшеткѣ Конвента съ жалобой на чрезмѣрно высокую цѣну сырыхъ матеріаловъ, въ которыхъ онѣ нуждались для своей работы.

«...Въ скоромъ времени,—говорили онѣ,—самый бѣдный классъ не въ состояніи будетъ доставать чистаго бѣлья, безъ котораго онъ не можетъ рѣшительно обходиться. И дѣло не въ недостаткѣ нужныхъ матеріаловъ, они имѣются въ изобиліи, а въ дѣйствіяхъ монополистовъ и спекулянтовъ, повышающихъ цѣны... Мы требуемъ смертной казни для монополистовъ»¹⁾.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что руководили этой небольшой группой женщинъ гражданки-санкюлотки, которыя черезъ три мѣсяца основали *Общество Революціонныхъ Гражданокъ* въ помѣщеніи якобинцевъ съ приблизительно одинаковой программой дѣйствій.

Очень возможно даже, что въ лицѣ ихъ мы имѣемъ дѣло съ той самой группой, которая въ предыдущемъ году явилась въ Конвентъ подъ

¹⁾ Buchez et Roux, XXIV, p. 339

предводительствомъ прачки Полины Леонъ, будущей председательницей *Революционерокъ*, съ просьбой разрѣшить имъ вооружиться пиками и пистолетами. И дѣйствительно, нѣкоторыя изъ этихъ амазонокъ, въ томъ числѣ гражданка Биганъ, успѣли записаться въ новый женскіи клубъ.

Эти неугомонныя женщины, которымъ надоѣло бѣгать изъ клуба въ клубъ въ поискахъ за слушателями, рѣшили основать собственный союзъ, которымъ они могли бы управлять по своему желанію, и раздобыть себѣ помѣщеніе, которое всегда было бы къ ихъ услугамъ.

О томъ, когда былъ приблизительно основанъ этотъ клубъ, мы можемъ судить по слѣдующей замѣткѣ *Монитера*, помѣченной 10 мая 1793 г.

«Нѣсколько гражданокъ явились въ секретаріатъ муниципалитета и, сообразуясь съ закономъ с муниципальной полиціи, заявили, что онѣ намѣрены сгруппироваться и образовать общество въ которое доступъ будетъ открытъ только женщинамъ. Цѣлью этого общества является обсужденіе средствъ, способныхъ парализовать замыслы враговъ Республики. Оно будетъ называться *Республиканско-Революціоннымъ обществомъ* и собираться въ Якобинской Библиотекѣ на улицѣ Сентъ-Онорэ».

Для допущенія на закрытыя собранія этого общества требовалось имѣть 18 лѣтъ отъ роду¹⁾,

1) Статья XXVI. „Общество, принимая во вниманіе, что нельзя отказывать въ словѣ ни одному члену, и что молодыя гражданки могутъ съ самыми лучшими намѣреніями компрометировать общество необдуманнми выступленіями, уста-

представить доказательства своей безупречною нравственности и быть принятою въ предписанной формѣ и по рекомендаціи трехъ гражданокъ. Новые члены давали слѣдующую присягу: «Клянусь жить для Республики или умереть за нее; обещаю быть вѣрною уставу общества, доколѣ онъ останется въ силѣ».

Три комитета, называвшихся административнымъ, благотворительнымъ и корреспондентскимъ и насчитывавшихъ каждый по 12 членовъ, составляли совѣтъ общества. Председательница, которая могла оставаться въ этой должности не долѣе одного мѣсяца, должна была по уставу носить красный колпакъ.

Чтобы составить себѣ опредѣленное понятіе о социальномъ характерѣ женщинъ, входившихъ въ составъ этого общества, было бы крайне интересно знать ихъ имена и въ особенности ихъ прошлое; но къ сожалѣнію, только относительно весьма немногихъ изъ нихъ мы располагаемъ кое-какими свѣдѣніями.

Были ли это «потерянныя женщины, подобранныя въ грязи, омерзительныя потаскушки» (Бюзо), «публичныя женщины» (Мишель дю Морбиганъ), «несчастныя, зарабатывавшія по 20 су въ день» (Гамонъ де л'Ардешъ), «безстыжія бабы» (Шометь), «гренадеры въ юбкахъ» (Фабръ д'Эглантинъ)? или же мы можемъ имъ повѣрить, когда онѣ утверждали въ Конвентѣ, что ихъ общество

навливаетъ для приема въ члены общества восемнадцатилѣтній возрастъ. Однако матери смогутъ приводить съ собою дѣтей, не достигшихъ этого возраста, но они не будутъ пользоваться рѣшающимъ голосомъ».

«состоитъ большею частью изъ домохозяекъ и матерей»?

До послѣдняго времени этотъ вопросъ даже не ставился, и всѣ писатели, которые (и при томъ мимоходомъ) занимались ими, огуломъ относили ихъ къ «чулочницамъ» гильотины. Въ послѣднее время онѣ нашли полу-защитника въ лицѣ Лакура¹⁾, который много прощаетъ имъ въ виду того, что видитъ въ нихъ первыхъ апостоловъ «соціализма». По его словамъ, это были въ большинствѣ случаевъ «женщины изъ народа, послушныя лишь своей революціонной страсти», и для доказательства ихъ высокой морали онъ указываетъ на то, что: 1) въ ихъ уставѣ говорится, «что отсутствіе благопристойности будетъ однимъ изъ главныхъ поводовъ къ исключенію»: 2) если бы у нихъ въ этомъ отношеніи рыльце было хоть нѣсколько въ пушку, онѣ не посмѣли бы обращаться къ Конвенту съ просьбою заключить въ тюрьму «несчастныя жертвы распутства», дабы вернуть ихъ на путь истины чтеніемъ патриотическихъ произведеній.

На оба эти аргумента легко отвѣтить, что то, что мы знаемъ о личной жизни ихъ председательницы Лакомбъ, которая жила съ Леклеромъ, однимъ изъ вожаковъ «бѣшенныхъ», и при этомъ не отказывала въ своихъ ласкахъ одному быв-

¹⁾ Въ своемъ солидно обставленномъ сочиненіи *Trois femmes sous la Terreur* Лакуръ, благодаря открытымъ имъ многочисленнымъ документамъ, переработалъ совершенно наново исторію Клары Лакомбъ и въ частности показалъ, что она никогда не называлась Розою, подъ каковымъ именемъ она до тѣхъ поръ всегда была извѣстна.

шему аристократу, доказываетъ, что прежде всего необходимо было бы начать съ опредѣленія того, что въ тѣ времена называлось нравственностью, равно какъ здоровою революціонною страстью. Относительно второго пункта Лакуръ упустилъ изъ виду, что если не въ Конвентѣ, то, по крайней мѣрѣ, за нѣсколько дней до того, въ Якобинскомъ клубѣ *Революціонныя гражданки* требовали заключенія въ тюрьму женщинъ, ведущихъ распутную жизнь или подозреваемыхъ въ аристократизмъ.

In canda venenum! Можно задать себѣ вопросъ, не играютъ ли здѣсь первая роль соуса, долженствующаго облегчить глотаніе крупныхъ кусковъ?

Этотъ женскій клубъ, организованный съ единственной цѣлью способствовать низверженію жирондистовъ, не заслуживаетъ никакого снисхожденія. Въ крайнемъ случаѣ можно, пожалуй, провести различіе между вожаками и рядовыми членами, которые здѣсь, какъ и во всѣхъ клубахъ Революціи, играли роль настоящаго панургова стада. Такова въ сущности скорѣе благожелательная оцѣнка, выраженная Мэломъ въ его докладѣ, который повлекъ за собою 6 фруктидора III года (23 іюля 1795 г.) закрытіе всѣхъ клубовъ: «...Меньшинство, сконцентрированное въ *Народныхъ обществахъ*, тиранически правило Франціей; но всѣ эти общества, масса которыхъ всегда оставалась здоровой и чистой, сами управлялись другимъ меньшинствомъ честолюбцевъ и бандитовъ, сложившимся внутри ихъ».

Если Лакуръ выступаетъ въ защиту нравственности *Революціонныхъ гражданокъ*, онъ зато допускаетъ, что большинство изъ нихъ были, вѣроятно, одѣты прескверно и имѣли не очень-то привлекательный видъ, и признаетъ вѣрною рѣзко отрицательную ихъ оцѣнку, которую оставили намъ Бюзо и Дютаръ.

«Одинъ видъ ихъ вызываетъ отвращеніе». «Всѣ Революціонныя Республиканки уродливы до ужаса... Допустивъ столь уродливыхъ женщинъ къ защитѣ Революціи, якобинцы выказали полнѣйшее непониманіе своихъ интересовъ».

Исключеніе часто подтверждаетъ правило, и, по крайней мѣрѣ, одну изъ нихъ, гражданку Клару (Розу) Лакомбъ, Бодо, Шудье и Вилать признали красивой женщиной, величественной или граціозной, смотря по своему вкусу.

Въ описаніи ея примѣтъ говорится, что она была ростомъ въ пять футовъ два дюйма и имѣла каріе глаза и черные волосы. Кромѣ того этотъ документъ приписываетъ ей большой ротъ, что для народной ораторши могло быть только полезнымъ.

Первой предсѣдательницей *Клуба Гражданокъ* была Полина Леонъ. Ея преемницы назывались Рузо, Шампюнь, Лекуэнтръ (?) и Клара Лакомбъ. Секретарши, подписавшія уставъ, назывались Пото, Лемонье и Дюбрей. Госпожа Коломбъ, владѣлица типографіи «Друга Народа», была однимъ изъ завсегдатаевъ клуба.

Женщина Лемось, игравшая, впрочемъ, роль предательницы, заявила, что была записана подъ номеромъ 170 и была принята одною изъ послѣд-

нихъ¹⁾. Что, по словамъ этой гражданки, не мѣшало Лакомбъ заявлять, будто число *Революціонныхъ Гражданокъ* достигаетъ четырехъ тысячъ.

Такъ какъ протоколы клуба не сохранились, то невозможно съ точностью опредѣлить роль каждой изъ этихъ милыхъ особъ; однако, можно признать весьма вѣроятнымъ традиціонное убѣжденіе, что настоящимъ вожакомъ этого общества всегда была Клара Лакомбъ. Впрочемъ, ей часто приходилось, какъ на примѣръ 26 августа въ Конвентѣ, прочитывать петиціи, подписанныя дѣйствительной предсѣдательницей, а одинъ направленный противъ нея доносъ говорить даже о «женщинахъ изъ ея главнаго штаба».

«Ея вліяніе,—говоритъ Лакуръ, старающійся въ общемъ смягчить ея рѣзкости,—не переставало расти и въ концѣ концовъ позволило ей занять совершенно исключительное мѣсто, какъ въ глазахъ публики, такъ и въ рядахъ Общества».

Клара Лакомбъ родилась 4 марта 1765 г. въ Памье. Сначала она въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ выступала въ качествѣ трагической актрисы на сценахъ Марсея и Ліона, а затѣмъ отправилась въ Парижъ, гдѣ, несомнѣнно, съ цѣлью обратить на себя вниманіе, въ костюмѣ амазонки появилась 25 іюля 1792 г. у рѣшетки Законодательнаго Собранія съ петиціей, въ которой она просила разрѣшенія способствовать уничтоженію тирановъ.

¹⁾ Archives nationales, F7, 4756.

«Законодатели!—говорила она.—Я французженка, артистка и сейчас нахожусь безъ мѣста; но то, что должно было бы повергать меня въ отчаяніе, наполняетъ мою душу чистѣйшею радостью. Такъ какъ я не могу придти на помощь своему отечеству, которое вы объявили въ опасности, денежными пожертвованіями, то я хочу отдать ему свою личность. Родившись съ мужествомъ римлянки и съ ненавистью къ тиранамъ, я буду счастлива способствовать ихъ уничтоженію... Пусть всѣ деспоты погибнуть до одинаго!.. Не упускайте никогда изъ виду, что безъ добродѣтелей Ветурии Римъ не имѣлъ бы Великаго Коріолана. Законодатели! вы объявили отечество въ опасности, но этого недостаточно, отнимите власть у тѣхъ, кто одинъ только виноватъ въ возникновеніи этой опасности и кто поклялся погубить Францію... Назначьте вождей, къ которымъ мы могли бы питать довѣріе; произнесите слово, одно только слово, и враги исчезнутъ»

Президентъ Вьено де Вобланъ галантно отвѣтилъ: «Сударыня, созданная скорѣе для того, чтобы смягчать тирановъ, чѣмъ бороться съ ними, вы предлагаете взяться за оружіе для защиты Свободы. Національное Собрание привѣтствуетъ вашъ патриотизмъ и признаетъ васъ почетнымъ гостемъ на засѣданіи»¹⁾.

Другая артистка прислала въ Національное Собрание туго набитый кошелекъ вмѣстѣ со слѣдующей запиской, которую приводитъ Кондорсе:

«У меня любвеобильное сердце; любя я ско-

пила нѣсколько денегъ и жертвую ихъ въ пользу отечества. Пусть моему примѣру послѣдуютъ мои подруги всѣхъ ранговъ».

Легко раненная въ кисть руки 10 августа Лакомбъ получила гражданскій вѣнокъ, который она 25 августа поднесла Собранію. «Господа,—заявила она,—федералисты 83 департаментовъ почтили меня сегодня утромъ поднесеніемъ гражданскаго вѣнка, національнаго пояса и свидѣтельства, удостоверяющаго, что въ день 10 августа я сдѣлала все возможное для торжества Свободы и Равенства. Поясъ и почетный отзывъ я оставляю у себя; Національному же Собранію я отдаю гражданскій вѣнокъ, который оно вполне заслужило мужествомъ, мудростью и патриотизмомъ, выказанными имъ среди этихъ великихъ опасностей. Я счастлива тѣмъ, что мнѣ первой удалось выполнить по отношенію къ французскимъ законодателямъ долгъ, который въ сущности лежитъ на всякомъ добромъ французѣ, преданномъ своему отечеству»¹⁾.

Разсказываютъ, что около этого же времени она обратилась къ Вестерману съ письмомъ, въ которомъ предлагала поступить подъ его начальство въ качествѣ адъютанта.

Объ артисткѣ безъ мѣста не слышно было больше ничего вплоть до 3 апрѣля 1793 г., когда она выступила въ Якобинскомъ клубѣ съ требованіемъ немедленно арестовать всѣхъ аристократовъ и ихъ семейства. Съ этого момента она, очертя голову, ринулась въ политику и

¹⁾ Archives parlementaires, XLVII, 144.

¹⁾ Archives parlementaires, XXXVIII, 114.

играла важную роль въ маѣ во время бурныхъ собраній въ *Архьерейскомъ подворьѣ*, гдѣ въ присутствіи многихъ женщинъ задуманъ былъ разгромъ жирондистской партіи ¹⁾.

Едва сорганизовавшись, *Революціонныя Гражданки* отправились 12 мая въ Якобинскій клубъ, чтобы пригласить женщинъ изъ всѣхъ секцій бороться съ эгоизмомъ равнодушныхъ и побуждать своихъ мужей взяться за оружіе. Чтобы подать примѣръ, онѣ предложили вслѣдъ за этимъ вооружить всѣхъ патріотокъ отъ 18 до 50 лѣтъ и сформировать изъ нихъ корпусъ, каковой и отправить для борьбы съ вандейскими разбойниками.

Жирондисты сразу поняли, какое пагубное вліяніе могутъ приобрести на улицѣ эти бабы, бывшія ихъ отъявленными врагами, и 18 мая они выступили въ Конвентѣ съ обвиненіями противъ женскихъ клубовъ и народныхъ обществъ, утверждая, что всѣ безпорядки возбуждаются этими организаціями.

Отвѣтъ гражданокъ не заставилъ себя долго ждать; собравшись на слѣдующій же день въ Клубъ Кордельеровъ, онѣ отправились въ Клубъ Якобинцевъ и потребовали, чтобы въ Конвентѣ послана была резолюція, обращающая вниманіе Собранія на опасность, которая угрожала отечеству; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ предлагали учредить во всѣхъ секціяхъ революціонныя трибу-

¹⁾ Aulard, la Société des Jacobins, V. См. также признаніе Ру, что революціонныя гражданки принимали дѣятельное участіе въ подготовленіи возстанія 29 мая.

налы, арестовать умѣренныхъ депутатовъ и всѣхъ подозрительныхъ и истребить монополистовъ.

20 мая гражданки представили Коммунѣ адресъ, «указывающій на средства, полезныя и необходимыя для спасенія отечества. Общій совѣтъ устами своего предсѣдателя выразилъ этимъ гражданкамъ удовлетвореніе, испытываемое имъ при видѣ того, что онѣ выражаютъ свои чувства съ чисто мужской и республиканской энергіей, и пригласилъ ихъ къ участію въ засѣданіи» ¹⁾.

«Избранники народа!—говорили онѣ,—необходимо его спасти, или онъ начнетъ спасать себя самъ. Вамъ не безызвѣстно, что заговорщики дожидаются только отъѣзда волонтеровъ, отправляющихся бороться съ нашими врагами въ Вандею, чтобы истребить патріотовъ... Господа Бриссо, Гадэ и пр. намѣчены въ главный штабъ контръ-революціонной арміи... Необходимо организовать революціонную армію, солдаты которой получали бы сорокъ су жалованья въ день на счетъ богачей...» и пр.

Курьеръ отъ 22 мая, воспроизводящій *цитирующую* эту длинную рѣчь, указываетъ, что она была произнесена женщиной.

«На засѣданіи Кордельеровъ 22 мая,—рассказываетъ Бергоэнъ, одинъ изъ членовъ Комитета Двѣнадцати²⁾,—женщины и мужчины высказывали съ трибуны мнѣнія, способныя повергнуть въ трепетъ всѣхъ парижскихъ гражданъ; рѣчь шла не болѣе, не менѣе, какъ о томъ, чтобы забрать

¹⁾ Archives nationales, C. 152; C. 355 (1865).

²⁾ La conspiration de Jacobins.

изъ Конвента 22 депутатовъ!.. Въ особенности выдѣлилась одна женщина, которая говорила со всею энергіею, доступною ея полу. Сущность ея рѣчи сводилась къ тому, что всѣ патриотически настроенные санкюлоты, равно какъ и гражданки, должны собраться на слѣдующій день на площади Реюнионъ, чтобы выработать и въ полномъ составѣ отнести въ Конвентъ адресъ Кордельеровъ».

«Двѣ или три тысячи женщинъ,—сообщаетъ также Бюзо въ своихъ *Мемуарахъ*,—организованныхъ и на вербованныхъ *Братскимъ обществомъ*, засѣдающимъ въ Якобинскомъ клубѣ, подняли въ Конвентѣ содомъ, продолжавшійся до шести часовъ. Пришлось закрыть засѣданіе. Большая часть этихъ тварей просто публичныя женщины». Мишель дю Морбиганъ подтверждаетъ этотъ фактъ: «Нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ, которыми пользуются для дискредитированія Конституціи, разошлись по различнымъ кварталамъ, дабы возбудить тамъ броженіе»¹⁾.

Послѣдній, подобно Бюзо, приписываетъ всѣ безпорядки гражданкамъ изъ Братскаго общества. Но представляется вѣроятнымъ, что оба они смѣшали два женскихъ клуба, засѣдавшихъ въ помѣщеніи якобинцевъ, и что большую часть отвѣтственности за эти смутные дни, предшествовавшіе террору, слѣдуетъ возложить на *Революціонныхъ Гражданокъ*. Во всякомъ случаѣ известное число «Дамъ Братства», разжигавшихъ усердіе якобинцевъ, должны были входить въ

²⁾ Письмо, приводимое у Mortimer-Ternaux, VII, 562.

составъ Братскаго общества обоого пола, такъ какъ разрывъ между этими двумя женскими клубами произошелъ только въ концѣ сентября.

Черезъ семь дней клубистки явились въ полномъ составѣ къ якобинцамъ, и ихъ представительница, гражданка Лекуантръ, заявила, что женщины отнюдь не являются домашними животными (sic), и возвѣстила, что онѣ собираются сформировать фалангу для истребленія аристократовъ.

«28 мая,—сообщаетъ еще Бергоэнъ,—въ *Избирательномъ клубѣ*, носящемъ названіе *Центральнойнаго*, одна женщина потребовала, чтобы муниципалитетъ безотлагательно назначилъ командира національной гвардіи... Она заявила, что отнынѣ можно ждать спасенія только отъ быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, и что врагамъ слѣдуетъ наносить такіе удары, послѣ которыхъ они уже не могли бы больше подняться. Она усиленно старалась доказать, что Конвентъ никуда не годится».

Тотъ же авторъ по поводу заговора кинжаловъ замѣчаетъ, «что женщины, помѣщающіяся на хорахъ»¹⁾ Собранія и уже располагающія двумястами кинжаловъ, ходятъ обѣдать въ Якобинскій клубъ, а затѣмъ возвращаются на свои посты... Вдова Р. заявила, что на вербовано было восемь тысячъ женщинъ. Онѣ даже начали учить

¹⁾ 23 мая,—сообщаетъ полицейскій рапортъ,—женщина, одѣтая въ форму амазонки, вчера еще не впускала лицъ, снабженныхъ красными билетами, у входа для писцовъ Конвента". (Archives nationales, c. 355).

ся искусству владѣть кинжаломъ, но струсили и прекратили эти упражненія».

Чтобы подогрѣть усердіе «засаленныхъ юбокъ», Коммуна назначила гражданкамъ, посѣщающимъ засѣданія Конвента, плату въ размѣрѣ двухъ ливровъ ¹⁾.

Марія Елена Вильямсъ, говоря о женщинахъ изъ личной охраны Робеспьера, прибавляетъ: «Извѣстная категорія парижанокъ, которыя сами называли себя *революционными женщинами*, оказались для заговорщиковъ преданными помощницами. Онѣ пришли на смѣну пуассардамъ, которыя не обладали энергіей, требуемой новыми обстоятельствами, и должны были уступить мѣсто болѣе революціонно настроеннымъ женщинамъ. Эти политиканы женскаго пола собирались на совѣщанія; онѣ являлись излагать свои взгляды передъ Конвентомъ, на дебаты котораго онѣ вліяли своими криками съ хоровъ, захваченныхъ ими въ полное владѣніе. Въ продолженіе бурныхъ и смутныхъ дней, предшествовавшихъ возстанію 31 мая, онѣ держали караулъ вокругъ Конвента и противились исполненію неугодныхъ имъ приказовъ».

Наконецъ за два дня до своего исчезновенія, а именно 29 мая, извѣстная газета Горза «Департаментская Почта» также обрушилась на амазонокъ Конвента.

«Дамочки, будуаръ которыхъ находится въ *Братскомъ обществѣ*, надѣли свои котурны и готовятся задать намъ «хорошенькія» кровавыя

представленія... И если бы еще эти дамы были красивы, но вѣдь это на подборъ головы Медузы, видъ которыхъ превращаетъ въ камень.

Если исполнятся ихъ замыслы,
Столь же черные, какъ и ихъ рожи,
Увы! несчастный Парижъ
Населится однѣми тѣнями!

Горза, заранѣе возражая тѣмъ, кто захочетъ усмотрѣть въ нихъ добрыхъ домохозяекъ, прибавляетъ:

Благодаря имъ, сто тысячъ человѣкъ отправились
на тотъ свѣтъ,
Но ни одинъ не получилъ жизни.

Ободренные своимъ послѣднимъ успѣхомъ и хорошимъ приѣмомъ, который онѣ встрѣчали повсюду, якобинки 31 мая потребовали, чтобы ихъ представительницамъ предоставлено было право участвовать въ совѣщаніяхъ Революціоннаго Комитета! На этотъ разъ Совѣтъ призналъ ихъ притязанія чрезмѣрными и «привѣтствуя ихъ республиканскій пылъ», вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ имъ на то, «что, будучи не клубомъ, а собраніемъ депутатовъ отъ сорока восьми секцій, онъ, къ сожалѣнію, вынужденъ отклонить ихъ просьбу» ¹⁾.

Эта незначительная неудача не ослабила усердія гражданокъ, и онѣ продолжали подавать свои настойчивыя петиціи. 1 іюня ихъ предсѣдательница Леонъ обратилась къ Конвенту съ письмомъ, въ которомъ просила допустить ее на слѣдующій день къ рѣшеткѣ «для представленія адреса относительно важнаго вопроса». 21-го

¹⁾ Carpefigues, les Déesses de la Raison.

¹⁾ Moniteur, 2 іюня.

Революціонерки послали депутацію въ Коммуну съ просьбой предоставить имъ мѣсто въ кортѣжѣ, который долженъ былъ отправиться въ Конвентъ, чтобы поздравить его съ окончаніемъ Конституціи. Встрѣченный въ качествѣ почетнаго гостя, Жакъ Ру, другъ Леклера—любовника Лакомбъ и, подобно ему, одинъ изъ вожаковъ партіи „бѣшенныхъ“, — привѣтствовалъ гражданокъ и приписалъ имъ часть славы за нападки на «монополистовъ» и за спасеніе Республики въ дни 31 мая и 2 іюня.

Черезъ нѣсколько дней Лакомбъ обрушилась на Монтансье и пыталась, впрочемъ, безуспѣшно, провалить просьбу извѣстной директрисы театра: послѣдняя ходатайствовала о вознагражденіи въ размѣрѣ двадцати шести тысячъ ливровъ въ возмѣщеніе потерь, понесенныхъ ею въ то время, когда она со своею труппою слѣдовала за арміею Дюмурье въ Бельгію. Изъ этого вмѣшательства Лакомбъ можно заключить, что она, въ бытность свою актрисой, имѣла, вѣроятно, какія-нибудь столкновенія съ Монтансье.

Изъ всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ въ *Клубъ Революціонныхъ Женщинъ*, напечатана была только одна: это рѣчь гражданокъ изъ секціи Правъ Человѣка, которая имѣетъ относительно столь умѣренный характеръ, что ей какъ бы нѣсколько не хватаетъ мѣстнаго колорита.¹⁾

«... Тотъ предразсудокъ, — говорили онѣ, — въ силу котораго женщинамъ отводилась узкая сфера домашняго хозяйства, и цѣлая половина че-

ловѣческаго рода превращалась въ пассивныхъ и оторванныхъ отъ общества существъ, болѣе не существуетъ... Жены санкюотовъ должны дать щеголихамъ примѣръ союза, спасительная цѣль котораго заключается въ бдительности и просвѣщеніи... Декларация Правъ относится одинаково къ обоимъ поламъ, и единственное различіе между ними имѣется лишь въ сферѣ обязанностей: однѣ изъ этихъ обязанностей имѣютъ общественный, а другія частный характеръ... Можно примирить вѣлнія природы и вѣлнія преданности общественному благу... Исполнивъ пріятныя супружескія и материнскія обязанности и покончивъ со своими необходимыми занятіями, гражданки, эти бдительные часовые, имѣютъ еще достаточно времени, которое онѣ должны посвятить Братскимъ обществамъ, общественному контролю и просвѣщенію».

Послѣ этой рѣчи гражданки изъ секціи Правъ Человѣка поднесли *Клубу Женщинъ-Революционерокъ* знамя, на которомъ была начертана Декларация Правъ Человѣка.

Въ Le Château des Tuileries сочиненіи, опубликованномъ Русселемъ въ 1802 году, содержится любопытный отчетъ объ одномъ засѣданіи Гражданокъ. Но что поражаетъ насъ въ этомъ отчетѣ, такъ это то, что мы встрѣчаемъ тамъ Олимпію де Гужъ, заключенную въ тюрьму 20 іюля, тогда какъ описываемое засѣданіе состоялось, по видимому, въ срединѣ сентября.

Собраніе открылось чтеніемъ протокола и поступившей корреспонденціи, затѣмъ предсѣдательница Лакомбъ заявила, что въ порядкѣ дня

¹⁾ Bibl. nat., L v. 40 2411.

стоитъ вопросъ: «Какую пользу могутъ принести женщины при республиканскомъ строѣ?» и пригласила сестеръ, изучившихъ этотъ вопросъ, высказаться.

Гражданка Моникъ, глава чулочницъ Конвента, проямлила составленную Базиромъ рѣчь, въ которой передъ слушателями въ безпорядкѣ прошли Дебора, Тамирисъ, Екатерина Лисъ, Пантея, Ингонда, Жанна д'Аркъ, Юдиѳъ, Ренъ Одю, «воротившая версальскаго деспота», и предсѣдательница клуба, «храбро шедшая во главѣ федералистовъ на штурмъ Тюильерійскаго дворца... Но если женщины способны сражаться, онѣ не менѣе способны участвовать и въ управленіи государствомъ». Для доказательства этой мысли, Моникъ приводитъ примѣры Теодолиды, Екатерины II, Семирамиды, Изабеллы Испанской, Екатерины Медичи и даже красавицы Ферроньеръ, Помпадуръ, «управлявшей тѣмъ, кто правилъ Франціею, и куртизанки Дюбарри, которая была простой куклой, но превратила Люровика XV въ маріонетку... Изъ всего этого можно сдѣлать тотъ выводъ, что женщины вполне достойны управлять государствомъ».

Эта рѣчь была покрыта единодушными аплодисментами; затѣмъ одна гражданка рекомендовала «навербовать армію изъ тридцати тысячъ женщинъ и обязать всѣхъ проституткокъ записаться въ нее», тогда какъ другая требовала допущенія женщинъ къ занятію различныхъ общественныхъ должностей. Послѣ получасовыхъ дебатовъ общество просто постановило обратитъ-ся къ Конвенту съ петиціею, требовавшею, чтобы

всѣмъ гражданамъ вмѣнено было въ обязанность носить кокарду.

Если вѣрить отчету, тутъ-то и выступила Олимпія де Гужъ, прибавившая слѣдующее: «...Не только государства управляются вліяніемъ женщинъ, но женщины вообще являются основнымъ двигателемъ всѣхъ проявленій жизни. Кто парализуетъ или воспламеняетъ мужество воиновъ? Вспомните примѣры Омфалы, Далилы, Армиды. Если Верховное Существо сотворило душу мужчины, оно предоставило женщинѣ дѣйствовать на эту душу. Дѣвушка дѣлаетъ изъ своего возлюбленнаго героя или труса, преступника или добродѣтельнаго человѣка... Каждый мужчина въ отдѣльности — нашъ рабъ; только въ массѣ они подавляютъ насъ своимъ чванствомъ. Величайшая ошибка нашего пола заключалась въ принятіи этого стѣснительнаго костюма, который и даетъ перевѣсъ мужчинѣ... Будемъ, по крайней мѣрѣ, добиваться завѣдыванія празднествами, заключеніемъ браковъ и исключительнаго права воспитывать дѣтей. Мы же должны замѣстить исчезнувшихъ священниковъ и основать религію истинныхъ санкюлотовъ».

27 іюня депутація *Общества Гражданокъ* «общила Совѣту Коммуны о своемъ поведеніи въ этотъ день, когда имъ удалось спасти отъ заблужденія нѣсколькихъ сбитыхъ съ толку гражданокъ» ¹⁾).

Колло д'Эрбуа, дѣлая въ Якобинскомъ клубѣ докладъ о состоявшемся въ концѣ іюня засѣданіи

¹⁾ Мониторъ, 30 іюня 1793 г.

Кордельеровъ, на которомъ шла рѣчь о дезавуированіи Ру, сдѣлавшагося вслѣдствіе своей кампаніи противъ спекулянтовъ предметомъ ненависти для сторонниковъ Робеспьера, выразился слѣдующимъ образомъ:

«Революціонныя республиканки способствовали торжеству разума и истины. Одна изъ нихъ въ особенности выдѣлилась произнесеніемъ превосходной рѣчи о нашемъ политическомъ положеніи. Она, пожалуй, проповѣдывала слишкомъ большую терпимость, но такъ какъ она обращалась къ людямъ твердымъ и принципиальнымъ, то Общество извлекло изъ ея рѣчи лишь то, что отвергаетъ его чувствамъ. Эта гражданка Доказала, что Ру никогда ничего не сдѣлалъ для революціи. Она обрисовала его, какъ одного изъ тѣхъ людей, которые мѣняютъ личину, смотря по обстоятельствамъ».

Выступленіе этой женщины показываетъ, что въ *Обществѣ Революціонерокъ* существовала довольно сильная и довольно независимая партія, позволявшая себѣ нападать на «бѣшеныхъ» и не боявшаяся гнѣва Лакомбъ и Полины Леонъ.

Въ концѣ іюля Гражданки, которыя 9-го работали свой уставъ, перемѣнили квартиру и перебрались въ залъ бывшаго кладбища св. Евстафія ¹⁾.

«Насупротивъ входной двери, — говоритъ ав-

¹⁾ По „Описанію церкви св. Евстафія“ аббата Годро, „при мыкавшія къ церкви помѣщенія для храненія костей построены были въ 1647 году“. Они, вѣроятно, шли вокругъ кладбища, расположеннаго между церковью св. Евстафія и улицю до Журъ.

торъ *Тюильрійскаго замка*, — помѣщались предсѣдательница и секретари. Два ряда скамеекъ, тянувшихся съ обѣихъ сторонъ, служили для членовъ общества. Я насчиталъ ихъ 67. Хоровъ не было, и любопытные размѣщались въ глубинѣ залы и отдѣлялись отъ членовъ клуба простой рѣшеткой высотой въ полчеловѣческаго роста... Предсѣдательница, секретарши и большая часть этихъ женщинъ имѣли на головахъ красные колпаки».

Тѣмъ временемъ Полина Леонъ выступила въ Якобинскомъ клубѣ съ требованіемъ исключить дворянъ изъ всѣхъ общественныхъ должностей, 15 августа 1793 г. этотъ клубъ согласился признать Революціонныхъ Гражданокъ примыкающимъ *обществомъ и вступить съ ними въ переписку*.

Маратъ былъ убитъ 13 іюля въ разгаръ своей кампаніи противъ Ру и Леклера, которыхъ онъ ежедневно разоблачалъ, «какъ ложныхъ экзальтированныхъ патриотовъ, болѣе опасныхъ, чѣмъ контръ-революціонеры». Однако, на другой же день послѣ его смерти «бѣшеные» попытались эксплуатировать его имя въ исключительныхъ интересахъ своего кружка и выдать себя за его преемниковъ. *Клубъ Гражданокъ* постановилъ на свой счетъ воздвигнуть на площади Реюньонъ (Карузель) обелискъ въ память *Друга Народа*.

Гражданки несомнѣнно рассчитывали на пожертвованія, но таковыхъ не поступило, и онѣ принуждены были обратиться къ якобинцамъ съ просьбою о денежной помощи.

Эта незначительная помѣха была не единственной: Коммуна, которая первоначально разрѣшила имъ воздвигнуть этотъ памятникъ, вскорѣ от-

мѣнила свое рѣшеніе. 31 іюля Гражданки выступили съ протестомъ противъ этого поворота. «Никто не можетъ помѣшать намъ поставить задуманный обелискъ: мы не просимъ ничего содѣйствія. Марать поддерживалъ главнымъ образомъ санкюлотовъ; санкюлоты и хотятъ почитать его память» ¹⁾).

Коммуна не хотѣла отказаться отъ принятаго рѣшенія; однако, считаясь съ общественнымъ мнѣніемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не желая оставить за женскимъ клубомъ честь этой инициативы, она постановила, чтобы комиссары секцій временно воздвигли деревянный обелискъ въ честь Марата. Проектъ Гражданокъ былъ осуществленъ, но дѣло обошлось безъ ихъ содѣйствія. Однако, въ день освященія памятника (19 августа) клубистки скрыли свое неудовольствіе и украсили церемонію своимъ присутствіемъ. Онѣ отправились процессіей съ кладбища св. Евстафія на площадь Карузель и имѣли честь нести на носилкахъ «стулъ, столъ, чернильницу, перо и бумагу, которыми пользовался Марать во время работы». Причемъ онѣ слѣдовали непосредственно за исторической ванной, которую несли четверо гражданокъ ²⁾).

Это небольшое празднество закончилось рѣчью, въ которой ораторъ заявилъ: «Онъ требуетъ не лавровъ, а крови».

Этотъ постигшій Гражданокъ афронтъ показываетъ, что въ рассматриваемую эпоху на ихъ об-

¹⁾ Journal de la Montagne (2 августа).

²⁾ Annales de la Republique française (21 августа).

щество начинали уже косо поглядывать въ высшихъ сферахъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго случая Робеспьеръ, говоря объ ихъ клубѣ, заявилъ: «Этому обществу истинныхъ санкюлотовъ пора прекратить свое существованіе, такъ какъ оно начинаетъ возбуждать смѣхъ и подавать поводъ къ злостнымъ выходкамъ».

Не только согласіе во мнѣніяхъ, но и чувства совершенно иного рода связывали двухъ председательницъ Клуба св. Евстафія съ «бѣшенными»; дѣло въ томъ, что Леклеръ, прожившій шесть мѣсяцевъ съ Лакомбъ, женился послѣ этого на Польинѣ Леонъ.

Этотъ бѣсноватый, который въ Лионѣ предложилъ безъ большихъ затратъ освободиться отъ шести тысячъ аристократовъ, побросавъ ихъ всѣхъ въ Рону, былъ предметомъ глубокой ненависти Комитета Общественнаго Спасенія, почувшившаго отъ него кличку «девятоголоваго Капета». Онъ относился благожелательно только къ Революціоннымъ Гражданамъ, но эта подозрительная симпатія въ сильнѣйшей степени компрометировала его подругъ.

Его газета, которая была продолженіемъ *Друга Народа*, ежедневно осыпала ихъ цвѣтами. «Благородныя женщины, — говорилъ онъ, — ваше мужество и ваша энергія ставятъ васъ превыше всякой похвалы... Такъ какъ низкіе интересы не подавили въ вашихъ сердцахъ естественныхъ чувствъ, пробуждайте своими рѣчами республиканскую энергію. Вамъ надлежитъ бить въ набатъ свободы!»

Лакомбъ не заставила себя долго просить; 16

августа она выступила въ Якобинскомъ Клубѣ съ слѣдующей мужественной деклараціей:

«Вы видите передъ собою, граждане, депутацію Парижскихъ Революціонныхъ Гражданокъ, которыя почтили память Марата въ ожиданіи, что вся нація воздастъ этому великому человѣку заслуженныя имъ почести. Вы заняты дѣломъ общественнаго спасенія, и мы не станемъ дольше отнимать у васъ время. Революціонныя Гражданки также собираются пе щись объ общественномъ спасеніи, и онѣ рекомендуютъ вамъ принять такія мѣры, чтобы ни одинъ измѣнникъ не могъ ускользнуть отъ мщенія и отъ закона». (*Апплодисменты*)¹⁾.

26 августа Лакомбъ, эскортируемая, какъ всегда, своими вѣрными подругами, появилась у рѣшетки Конвента; но Робеспьеръ, конечно, знавшій о томъ, что онѣ собираются косвенно напасть на его диктатуру, сдѣлалъ президенту знакъ не давать имъ слова.

«Другая депутація, — рассказываетъ *Другъ Народа*, — явившаяся *посль* Революціонныхъ Республиканокъ, была допущена до нихъ. Возмущенныя такой вопіющей несправедливостью, онѣ пробрались все-таки къ рѣшеткѣ, несмотря на сопротивленіе приставовъ», и Лакомбъ удалось прочитатъ длинное воззваніе, изъ котораго мы приводимъ нѣсколько выдержекъ:

«... Мы явились съ тѣмъ, чтобы требовать исполненія конституціонныхъ законовъ... Докажите увольненіемъ всѣхъ дворянъ, что среди васъ нѣтъ ихъ защитниковъ. Дѣлами докажете всей

Франціи, что не только для того съ большими затратами со всѣхъ угловъ Республики собрались сюда посланцы великаго народа, чтобы просто разыграть патетическую сцену на Марсовомъ Полѣ... Недостаточно говорить народу, что счастье его скоро наступитъ; необходимо, чтобы онъ могъ почувствовать его результаты... Онъ съ негодованіемъ взираетъ на то, что люди, купающіеся въ его золотѣ и разжирѣвшіе отъ чистѣйшей его крови, проповѣдуютъ ему воздержаніе и терпѣніе...

«Мы уже не вѣримъ въ добродѣтель этихъ людей, которымъ теперь приходится хвалить себя самихъ. Теперь намъ мало однихъ словъ... *Не бойтесь дезорганизовать армію; чѣмъ способнѣе какой-нибудь злонамѣренный генераль, тѣмъ настоятельнѣе его смѣщеніе*... Вы декретировали заключеніе подъ стражу всѣхъ подозрительныхъ, но развѣ этотъ законъ не останется на бумагѣ, когда исполненіе его поручается лицамъ, которые сами являются подозрительными?.. Вы должны учредить въ достаточномъ числѣ чрезвычайные суды для того, чтобы патріоты, отправляющіеся на границу, могли сказать: — Мы спокойны за судьбу своихъ женъ и дѣтей; мы видѣли, какъ подъ мечомъ закона погибли всѣ внутренніе заговорщики...»

Президентъ отвѣтилъ несовѣмъ галантно: «...Вы открыли враговъ народа, но, вѣдь, ихъ нельзя найти среди матерей семействъ, которыя всѣми силами ума своего стремятся къ соблюденію законовъ и принциповъ».

Эта угрожающая петиція была подписана предсѣдательницей Шампюнь и секретаршами Ла-

¹⁾ Journal des Débats, 20 августа

комбъ и Барре. Чтеніе ея возбудило сильный ропотъ и окончательно погубило *Клубъ Гражданокъ* во мнѣніи Комитета Общественнаго Спасенія.

Робеспьеръ, Геберъ и Коммуна сочли вполнѣ удобнымъ использовать поддержку Революціонныхъ женщинъ и «бѣшенныхъ» для низверженія жирондистовъ; но разъ добившись истребленія своихъ враговъ, они рѣшили какъ можно скорѣе избавиться отъ этихъ компрометирующихъ союзниковъ. Впродолженіе Революціи вдохновители крупныхъ движеній не разъ выдвигали впередъ женщинъ, когда сами не рѣшались взять на себя отвѣтственность за какую-нибудь насильственную мѣру.

Именно женщины дали возможность провести дни 5 и 6 октября 1789 г., хотя отнюдь не слѣдуетъ, какъ это часто дѣлалось, преувеличивать роль, сыгранную ими въ Версалѣ: большая часть изъ нихъ была притащена туда силой и поставлена въ первыхъ рядахъ просто для того, чтобы сдѣлать невозможною кавалерійскую атаку. Изъ 18 человекъ, арестованныхъ по приказу судебной власти, оказалось 8 мужчинъ, 4 женщины, и 6 *мужчинъ, переодѣтыхъ въ женское платье*; эта знаменитая женская манифестація въ дѣйствительности была *подготовлена* исключительно мужчинами.

20 іюня гражданки устроили бурную манифестацію; одна группа женщинъ носила на вертелѣ потроха, обернутыя лоскутомъ, на которомъ виднѣлась слѣдующая надпись: «У нихъ нѣтъ ни печени, ни сердца, у нихъ есть только легкія»¹⁾.

Въ день 10 августа онѣ также сыграли немаловажную роль. Впрочемъ, мужчины и не думали оспаривать у нихъ эту честь: такъ въ день праздника Возрожденія (10 августа 1793 г.) *героини*, сидѣвшія на пушкахъ, помѣщались подъ триумфальной аркой, украшенной слѣдующей надписью: «Какъ презрѣнную дичь, онѣ гнали тирана передъ собою».

Во время сентябрьскихъ убійствъ чулочницы находили, что мужчины дѣйствуютъ недостаточно энергично! Наконецъ, какъ мы показали, именно *Революціонныя Гражданки* заставили Конвентъ объявить жирондистовъ внѣ закона.

Даже «Парижскія Революціи», эта строгая газета, объ антифеминистской кампаніи которой мы уже говорили, признавали, что присутствіе женщинъ въ клубахъ имѣетъ иногда хорошія стороны. На другой день послѣ казни Людовика XVI она съ огорченіемъ констатируетъ, что «по общему правилу женщины были довольно печальны; было даже пролито немного слезъ, но, вѣдь, извѣстно, что на это добро женщины не скупаются». Но черезъ шесть недѣль онѣ возмущается тѣмъ, что женщины «неизвѣстно по какому праву» не были допущены на хоры во время одного застѣданія *Друзей Истины*. Врядъ ли приходится прибавлять, что въ этотъ день присутствовавшимъ тамъ якобинцамъ досталось на орѣхи!

Дюжина клубистокъ живо справилась бы съ аристократическими ораторами, такъ какъ «профессіоналки» клубныхъ хоровъ ничѣмъ не отличались —

¹⁾ Courcier, 22 іюня 1792.

Отъ ужасныхъ самокъ,
 Неистощимые сосцы которыхъ,
 Подобно уличнымъ кранамъ,
 Доставляютъ питье всѣмъ прохожимъ;
 Но жидкость, омерзительная масса которой
 Течетъ жадною
 И непрерывною струею,—
 Это не молоко, а кровь! ¹⁾

29 августа у рѣшетки Собранія появилась депутация, представлявшая, по ея словамъ, 4675 гражданокъ и сдѣлавшая слѣдующее заявленіе: «Мы полагаемъ, что приобрѣтемъ больше славы, если станемъ бороться съ измѣнниками и разоблачать ихъ, чѣмъ если мы согласимся молча умирать по своимъ квартирамъ, не осмѣливаясь оспаривать у нихъ права, въ которыхъ мы должны участвовать».

5 сентября делегация Революціонно-Республиканскихъ гражданокъ вмѣстѣ съ депутатіей якобинцевъ и комиссарами 48 секцій явилась въ Конвентъ требовать преданія суду Бриссо, организациі революціонныхъ трибуналовъ, ареста всѣхъ дворянъ и пр. ²⁾.

Въ половинѣ сентября Ру былъ объявленъ подозрительнымъ, и Леклеръ почувствовалъ, что ему грозитъ серьезная опасность. Слѣдуетъ признать, что Лакомбъ не оставила своего друга въ опасности. Сдѣлавшись предсѣдательницей клуба, она заявила о необходимости пересмотрѣть списки заключенныхъ съ тѣмъ, чтобы невинные были немедленно освобождены, а всѣ виновные тутъ же

¹⁾ Цитировано у Challand, les Français sous la Révolution.

²⁾ Archives parlementaires, LXXIII, 177, 418.

отправлены на эшафотъ. Для выполненія этого акта высшаго правосудія она скромно предложила свои услуги, но эта чрезмѣрная претензія возстановила противъ нея якобинцевъ, Конвентъ и Коммуну.

16 сентября одинъ изъ секретарей Якобинскаго клуба выступилъ съ слѣдующей рѣчью:

«Общество Революціонныхъ Республиканокъ ¹⁾ всегда давало доказательства высокаго патриотизма, и вы съ своей стороны воздавали ему должное, по заслугамъ; но теперь это общество вступило на ложный путь, вычеркнувъ изъ списковъ своихъ членовъ добрую республиканку, гражданку Гобэнъ за то, что она выступила съ разоблаченіемъ Леклера, который ежедневно оскорбляетъ тѣнь Марата изданіемъ листка, поддѣлывающагося подъ газету этого великаго человѣка, хотя этотъ листокъ и не имѣетъ ничего общаго съ его принципами». Засимъ секретарь прочиталъ письмо предсѣдательницы общества, гражданки Лакомбъ, къ гражданкѣ Гобэнъ, въ которомъ первая предупреждаетъ ее, что она должна доказать свои обвиненія противъ Леклера, въ противномъ же случаѣ она будетъ объявлена клеветницей.

Терре немедленно предложилъ назначить гражданкѣ Гобэнъ защитника.

«Давно пора, — воскликнулъ тогда *Шабо*, — сказать всю правду объ этихъ мнимо-революціонныхъ женщинахъ; я сейчасъ разоблачу передъ вами ихъ интриги, и я увѣренъ, что вы будете этимъ поражены. Я хорошо знаю, чѣмъ рискуетъ чело-

¹⁾ *Moniteur* отъ 21 сентября.

вѣкъ, раздражающій женщину, а, въ особенности, раздражающій множество женщинъ, но я не боюсь ни ихъ козней, ни ихъ выходокъ, ни ихъ угрозъ... Нѣсколько дней тому назадъ, я былъ остановленъ руководительницей этихъ женщинъ, гражданкой Лакомбъ, которая задала мнѣ вопросъ, что мы намѣрены сдѣлать съ бывшимъ тулузскимъ мэромъ; я выразилъ удивленіе по поводу того, что она хлопочетъ за бывшего дворянина, за человѣка, который въ свое время сажалъ въ тюрьму патріотовъ. Она возразила мнѣ, что онъ раздавалъ хлѣбъ бѣднымъ. — Такъ-то оно такъ, — отвѣтилъ я, — но именно съ помощью такихъ приемовъ и подготовляютъ контръ-революцію. — Въ концѣ-концовъ, она начала грозить мнѣ непріязнью Революціонныхъ женщинъ, если я вмѣстѣ съ Комитетомъ Безопасности не сдѣлаю распоряженія объ его освобожденіи. Долженъ сознаться, что здѣсь мы обмѣнялись рѣзкими выраженіями, послѣ чего я удалился.

«На слѣдующій день *госпожа* Лакомбъ, — ибо ее нельзя признать гражданкой, — снова явилась ко мнѣ и призналась, что ее трогаетъ не судьба г. Гея, а участь его племянника: — Меня обвиняютъ въ томъ, что я поддаюсь женскому вліянію, — сказалъ я ей тогда, — но я никогда не сдѣлаю того, что дѣлаете вы подъ давленіемъ мужчинъ, и всѣ женщины міра никогда не заставятъ меня поступить иначе, чѣмъ я считаю необходимымъ поступить въ общественныхъ интересахъ. — Послѣ этого г-жа Лакомбъ обрушилась на меня съ чисто фельянтинскими выходками... Эти Революціонныя Женщины позволяли себѣ нападать на Ро-

беспьера и называть его *господиномъ* Робеспьеромъ. Я требую, чтобы вы приняли противъ нихъ рѣшительныя мѣры: я требую, чтобы мы письменно обратились къ нимъ съ предложеніемъ очистить свое общество отъ всѣхъ имѣющихся въ его средѣ интриганокъ. (*Апподисменты*).

Базиръ. «И у меня также, несмотря на весь мой тщедушный видъ, была стычка съ Революціонными Женщинами (*Смѣхъ*). Однажды ко мнѣ обратились 7 — 8 женщинъ съ просьбой освободить нѣкоего Семанди, содержащагося въ тюрьмѣ Сентъ-Пелажи за активное участіе въ контръ-революціонномъ движеніи марсельскихъ секцій... Засимъ онѣ просили меня разрѣшить всему *Обществу Революціонныхъ Гражданокъ* коллективно обходить тюрьмы для того, чтобы освѣдомляться о причинахъ ареста заключенныхъ и имѣть возможность настаивать на ихъ освобожденіи, если онѣ признаютъ это необходимымъ. На мой отказъ онѣ заявляли мнѣ, что сумѣютъ прочитъ такого молокососа, какъ я, за ту дерзость, съ какою я отклонилъ ихъ просьбу... Онѣ сказали мнѣ, что я напоминаю имъ господина Робеспьера, который посмѣлъ назвать ихъ контръ-революціонерками... Я смиренно раскаиваюсь въ томъ, что у меня нѣтъ достаточно длинной бороды для снисканія симпатій этихъ дамъ; но, каковъ я ни есть, я заявилъ имъ, что не поддамся ихъ интригамъ. Отъ меня онѣ отправились къ Моисею Бэлю съ цѣлью добиться отъ него свидѣтельства въ пользу Семанди. А когда онъ отказался удовлетворить ихъ просьбу, онѣ учинили у него такой же скандалъ, какой онѣ передъ тѣмъ устроили въ Комитетѣ Общественной Безопасности.

«Я думаю, что *Общество Революціонныхъ Женщинъ* само по себѣ чисто, но руководится интригантками; я рекомендую обратиться къ этимъ гражданкамъ съ предложеніемъ произвести въ своей средѣ основательную чистку и удалить всѣхъ тѣхъ женщинъ, которыя оказали вредное вліяніе на дѣятельность Общества».

Реноденъ упрекалъ Лакомбъ въ томъ, что она держитъ у себя на квартирѣ Леклера, который, по его словамъ, укралъ у одного изъ своихъ друзей пару пистолетовъ. Послѣ него выступилъ какой-то «гражданинъ, который началъ съ того, что приписалъ женщинамъ всѣ имѣвшіе мѣсто въ Парижѣ безпорядки. (*Ропотъ на хорахъ*). Но въ заключеніе онъ потребовалъ ареста щеголихъ, равно какъ и щеголей. (*Продолжительные аплодисменты*).

Одинъ гражданинъ. «Эта женщина особенно опасна своимъ краснорѣчіемъ. Сначала она произноситъ хорошую рѣчь, а затѣмъ нападаетъ на установленныя власти. Въ одной изъ своихъ рѣчей, которую мнѣ довелось слышать, она обрушилась съ самыми яростными нападками на якобинцевъ и на Конвентъ...»

Таширо. «Лакомбъ суется повсюду: сначала она требовала конституціи, всей конституціи (обращая къ вамъ вниманіе на этотъ лицемѣрный и фельянтинскій языкъ); а затѣмъ она хотѣла подкопаться подъ конституцію и подъ всѣ и всяческія установленныя власти».

Какъ разъ въ эту минуту Лакомбъ, незадолго до того появившаяся въ залѣ, требуетъ слова; это неожиданное вмѣшательство вызвало такой шумъ.

что предсѣдатель Бурдонъ прервалъ засѣданіе. Получивши, наконецъ, возможность заговорить онъ строго замѣтилъ Лакомбъ, что ея поведеніе какъ бы оправдываетъ всѣ выдвинутыя противъ нея обвиненія, «ибо нарушеніе порядка въ собраніи, которому нужно спокойствіе для обсужденія вопросовъ, затрагивающихъ интересы народа, составляетъ настоящее преступленіе противъ патриотизма».

Лакомбъ сочла благоразумнымъ удалиться. Послѣ этого одинъ изъ присутствующихъ потребовалъ немедленнаго ея ареста, но это предложеніе было отклонено, и собраніе удовольствовалось принятіемъ слѣдующей резолюціи:

1). — Обратиться къ Революціоннымъ Гражданкамъ съ письменнымъ предложеніемъ очистить составъ своего общества и удалить руководившихъ ими подозрительныхъ женщинъ.

2). — Обратиться къ Комитету Общественной Безопасности съ просьбой арестовать Леклера и подозрительныхъ женщинъ. (Въ подлинномъ протоколѣ говорится: «И приглашаетъ его слѣдить за женщиной Лакомбъ, интригующей въ пользу Аристократіи»). ¹⁾

Такъ какъ со слѣдующаго дня «Другъ Народа» пересталъ выходить, то ограничились поверхностнымъ обыскомъ въ квартирѣ Лакомбъ: но такъ какъ распространился слухъ объ ея арестѣ, то «Французская Газета» сообщила объ этомъ происшествіи, а «листокъ Общественнаго Спасенія» отъ 24 сентября напечаталъ слѣдующую замѣтку:

¹⁾ Archives nationales, F7, 4756.

«Женщина или дѣвица Лакомбъ, наконецъ, посажена въ тюрьму и лишена возможности вредить. Теперь эта революціонная вакханка пьетъ одну только воду. Извѣстно, что она очень любила вино, и что она не менѣ любила хорошій столъ и мужчинъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуется дружба, существовавшая между нею, Жакомъ Ру, Леклеромъ и К^о». Немедленно объ эти газеты получили отъ прекрасной Клары слѣдующее опроверженіе:

«Я докажу вамъ, что мои руки такъ же свободны, какъ и мое тѣло, ибо онѣ съ удовольствіемъ избыютъ васъ палкою, если вы не возьмете обратно своихъ инсинуацій въ завтрашнемъ же номерѣ; а я умѣю держать слово!»

Однако, дебаты, имѣвшіе мѣсто въ Якобинскомъ клубѣ, нашли отголосокъ въ общемъ Совѣтѣ Коммуны, гдѣ секція Единство также жаловалась на то, что полицейскія власти слишкомъ благосклонно относятся къ ходатайствамъ представительницъ прекраснаго пола, которыя являются просить объ освобожденіи содержащихся подъ стражею лицъ.

18 сентября Коммуна постановила вызвать для объясненія чиновниковъ Бодре и Фруадюра, обвинявшихся въ потворствѣ очаровательнымъ просительницамъ. «Этимъ утромъ — говорилъ Геберъ, — я видѣлъ цѣлую толпу красивыхъ женщинъ, осаждавшихъ канцелярію по освобожденію заключенныхъ. Даже при суровости Катона слѣдуетъ бояться Цирцей!»

Пять недѣль спустя, въ Якобинскомъ клубѣ выступилъ еще одинъ ораторъ со слѣдующимъ

заявленіемъ: «Имѣется еще одинъ человѣкъ, котораго женщины хотятъ спасти за то, что (и въ этомъ слѣдуетъ признаться) онъ красивъ; это тотъ, кого Маратъ называлъ «Пролазой Жиронды»... Его связи съ г-жею Кондорсе обезпечиваютъ ему сочувствіе всѣхъ женщинъ; я имѣю въ виду Дюко, котораго женщины взяли подъ свою защиту»¹⁾.

По всей вѣроятности для того, чтобы отвѣтить на всѣ эти злостныя инсинуаціи, Революціонныя Гражданки явились 18 сентября въ Конвентъ съ просьбою издать указъ о заключеніи въ тюрьму «распутныхъ женщинъ или аристократокъ, чтобы вернуть ихъ къ добронравію съ помощью полезныхъ работъ и патриотическаго чтенія»²⁾.

Тѣмъ не менѣ общественное мнѣніе все болѣе и болѣе охладѣвало къ *Клубу Республиканокъ* въ *Монитерѣ* отъ 28 сентября гражданка Будруа отъ имени *Братскаго общества обоого пола* просила публику не смѣшивать ихъ организацію съ Клубомъ Кладбища св. Евстафія. Одинъ только Ру продолжалъ изъ тюрьмы величать своихъ подругъ «стражами свободы, страшилищемъ для новоявленныхъ тирановъ и оплотомъ Республики, которому, быть можетъ, суждено ее спасти». Въ другой статьѣ Ру возмущается доносами на «этихъ столповъ Республики, которые приняли такое дѣятельное участіе во взятіи Бастилии, которые въ Версалѣ повергли на земь приверженцевъ тирана

¹⁾ *Moniteur*, 10 брюмера II года.

²⁾ *Moniteur* отъ 21 сентября.

и презрѣли всѣ опасности для ниспроверженія престола, на этихъ женщинъ, стоявшихъ во главѣ всѣхъ революціонныхъ движеній и фактически подготовившихъ возстаніе 29 мая» ¹⁾).

6 октября *Общество Людей 10 августа* напало въ Конвентѣ на «антигражданскія стремленія нѣкоторыхъ якобы революціонныхъ женщинъ» и требовало закрытія ихъ клуба.

На слѣдующій день Клара Лакомбъ выступила передъ рѣшеткою Собранія съ протестомъ противъ этихъ нападковъ. «Вчера, — говорила она, — сдѣлана была попытка ввести васъ въ заблужденіе... Нашлись интриганы, которые посмѣли уподобить насъ разнымъ Медичи, Антуанеттамъ и какой-нибудь Шарлоттѣ Корде. Правда, природа произвела чудовище, отнявшее у насъ Друга Народа, но развѣ Корде принадлежала къ нашему обществу?.. Нашъ полъ далъ лишь одно чудовище, тогда какъ въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ насъ предають и убиваютъ безчисленныя чудовища, порожденныя мужскимъ поломъ... Наши права — это права Народа, и если насъ станутъ угнетать, мы сумѣемъ оказать сопротивленіе угнетенію».

Черезъ три дня она снова добилась ашплудисментовъ въ Якобинскомъ клубѣ, выступивъ съ протестомъ противъ тѣхъ обвиненій, которыя были выдвинуты противъ нея за двѣ недѣли до того. Когда одинъ изъ членовъ клуба пригрозилъ ей гильотиною, она гордо отвѣтила ему: «Я всегда

³⁾ Le publiciste par l'ombre de Marat (nos 267 et 268).

исповѣдывала принципы Марата. Если ты хочешь обезсмертить меня, подобно ему, рази, тебѣ представляется прекрасный случай. Я предпочитаю погибнуть отъ руки патріота, чѣмъ входить въ сдѣлки съ разбойниками и измѣнниками».

Возникаетъ вопросъ, не объясняется ли этотъ, вдобавокъ, эфемерный поворотъ въ пользу Республиканокъ тѣмъ, что въ ихъ услугахъ еще нуждались, въ виду предстоявшей черезъ нѣсколько дней казни Маріи-Антуанеты (16 октября)? «У паперти церкви св. Роха, — рассказываетъ Флейшманъ ¹⁾, — Роза Лакомбъ собрала рыночныхъ торговко и чулочницъ. Появленіе позорной колесницы было встрѣчено громкими свистками; крики прерывались неприличной пѣсенкой».

1 брюмера (22 октября) героини дней 5 и 6 октября 1789 г. явились въ Коммуну, отдали свои медали и грамоты и потребовали въ обмѣнъ за нихъ республиканскія медали. Совѣтъ призналъ ихъ просьбу основательной, а предсѣдатель облобызался съ ними.

«Эти медали, — говоритъ Энненъ, — намъ неизвѣстны; возможно, что онѣ вовсе не были отчеканены и что, если въ это время добрымъ гражданамъ, дѣйствительно, раздавались новыя медали (что, впрочемъ, сомнительно), то это были медали, отчеканенныя при другихъ обстоятельствахъ».

Во всякомъ случаѣ ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ контръ-революціонными медалями, *розданными добрымъ гражданамъ Парижскою Коммуною 8 октября 1789 г.*

¹⁾ La guillotine en 1793.

Эти восьмиугольные медали были вручены парижскимъ муниципалитетомъ рыночнымъ торговкамъ, явившимся 8 и 11 октября съ протестомъ «противъ поведенія извѣстныхъ женщинъ, которыхъ онѣ требовали предать суду, и выразить свое неодобреніе по поводу обращенія, допущеннаго этими женщинами съ королемъ и королевой». Часть этихъ медалей раздавалась еще въ 1790 году.

Свой послѣдній ораторскій успѣхъ Лакомбъ одержала 25 октября, добившись отъ Коммуны приказа о производствѣ новыхъ обысковъ для раскрытія дѣйствій скупщиковъ.

28 октября наиболѣе ярыя Революціонерки изъ клуба, вооружившись пистолетами, напяливъ красные колпаки и натянувъ панталоны, пытались «начальническимъ и угрожающимъ тономъ» ¹⁾ *осанкюлотить* гражданокъ изъ секціи Общественнаго Договора, иначе говоря, торговокъ съ рынка Невинныхъ Младенцевъ, которыя считались недостаточно революціонно настроенными. Базарная торговка позволяла себѣ тогда открыто заявлять, что онѣ съ сожалѣніемъ вспоминаютъ то время, когда торговля шла бойко, а нѣкоторыя даже прибавляли: «Если наши мужья учредили Республику, то мы сумѣемъ совершить контръ-революцію». Вслѣдствіе этого, Конвентъ 29 сентября принялъ постановленіе, предписывавшее всѣмъ гражданкамъ подѣ страхомъ восьмидневнаго тюремнаго заключенія носить кокарду.

Поэтому, когда «такъ называемыя революціонныя бабенки, бѣгавшія въ такомъ нарядѣ по ули-

цамъ Парижа, хорошо оплаченные, но плохо обученныя своей роли», явились къ гражданкамъ изъ секціи Общественнаго Договора съ требованіемъ принять ихъ костюмъ, послѣднія встрѣтили ряженыхъ бабъ градомъ издѣвательствъ и ругательствъ. Имъ отвѣчено было не словами, а *болѣе выразительными и болѣе чувствительными* аргументами». Пуассардки взбунтовались, и во мгновение ока на помощь къ нимъ подоспѣли *шесть тысячъ* челоуѣкъ, «оттиснули бабъ, схватили председательницу красныхъ колпаковъ, жестоко высѣкли и вымазали ее грязью подѣ бурныя привѣтствія многочудной толпы». ¹⁾

Этотъ столь плохо начавшійся день закончился форменной катастрофой.

Республиканскія Гражданки постановили собраться послѣ оубда для того, чтобы въ полномъ составѣ присутствовать на освященіи памятника, воздвигнутаго въ честь Марата и Лазовскаго, «со своими значками, состоявшими изъ недреманаго ока, знамени и четырехъ пикъ». Передъ открытіемъ засѣданія между ними поднялся споръ по поводу слуха о мнимой находкѣ какихъ-то хлѣбовъ въ сточной канавѣ на Монмартѣ. Отъ отрицаній перешли къ перебранкѣ, а затѣмъ часть собранія принялась кричать: *Долой красный колпакъ! — Долой якобинокъ!* — «Безпорядокъ усиливался, и вице-председательница, занимавшая председательское мѣсто, тщетно пыталась водво-

¹⁾ Откуда Парижскія Революціи дѣлаютъ тотъ выводъ, что женщины могутъ быть терпимы въ Народныхъ Обществахъ только въ качествѣ «молчаливыхъ и скромныхъ» зрительницъ.

¹⁾ Révolutions de Paris, 7—14 брюмера.

рить спокойствіе. Одна гражданка заявила собранію, что существуетъ замыселъ разрушить общество; тогда нѣсколько членовъ пытались подѣйствовать на собравшихся съ помощью логическихъ аргументовъ. Но тщетно онѣ обращались къ нимъ съ разумными доводами, самыя ярыя изъ скандалистовъ были пьяны. Въ виду невозможности добиться спокойствія пришлось прибѣгнуть къ вооруженной силѣ, чтобы сдержать хоры, готовые ринуться на членовъ общества. Явилось шесть гражданъ съ обнаженными саблями и съ ними мировой судья Ленде... «Гражданки, — сказалъ онъ имъ, — именемъ закона я требую, чтобы вы замолчали! никто не говоритъ о красномъ колпакѣ, вы его носить не станете и будете одѣваться такъ, какъ вамъ заблагоразсудится»¹⁾.

Но черезъ нѣсколько мгновеній, хотя председательница и сняла свой головной уборъ при аплодисментахъ публики, толпа ворвалась въ залъ, осыпала гражданокъ изъ клуба грубѣйшими ругательствами и пыталась овладѣть недреманымъ окомъ. «Гражданки, твердя среди опасности, подверглись побоямъ и самымъ недостойнымъ оскорбленіямъ. Предпочитая пасть жертвою заблудшаго народа, заботясь уже не о своей личности, а объ охранѣ изображеннаго на знамени образа Свободы, одна изъ нихъ воскликнула: «Убейте насъ, если хотите, но относитесь, по крайней мѣрѣ, съ уваженіемъ къ эмблемѣ французскаго

¹⁾ Напротивъ, въ Страсбургѣ Якобинскій клубъ 27 февраля 1792 г. постановилъ, чтобы всѣ гражданки, присутствующія на его собраніяхъ, носили красный колпакъ.

единства». Гражданка, охранявшая знамя, подверглась такому обращенію, что не могла больше устоять на ногахъ, и тогда, обратившись къ мировому судѣ, она сказала ему: «Я передаю это знамя въ твои руки, ты отвѣчаешь мнѣ за него своей головой».

Въ концѣ-концовъ, порядокъ былъ возстановленъ канонирами секціи; раненые были перевязаны, члены округа постановили отпустить трехъ женщинъ, арестованныхъ за нанесеніе ударовъ Революционеркамъ, затѣмъ они выпустили клубистокъ черезъ церковь св. Евстафія и переулокъ св. Агнесы, въ то время, какъ толпа продолжала орать: «Долой красные колпаки!»

Этотъ рассказъ заимствованъ изъ длиннаго протокола засѣданія, подписаннаго Викторіей Капитанъ и шестнадцатью женщинами — членами общества¹⁾.

Два обстоятельства обращаютъ на себя вниманіе въ этомъ документѣ: первое заключается въ томъ, что нападеніе на клубъ произведено было почти исключительно женщинами; второе въ томъ, что мировой судья, а затѣмъ члены округа открыто приняли сторону нападавшихъ. Вдобавокъ, въ тотъ же вечеръ Коммуна выразила властямъ благодарность за то, что «онѣ приняли мѣры къ тому, чтобы на время не допустить собраній клуба».

Клубъ Гражданокъ впалъ въ агонію. На слѣдующій день, 8 брюмера (29 октября), Конвентъ допустилъ къ своей рѣшеткѣ депутацію гражда-

¹⁾ Les Révolutions de Paris, 23—30 брюмера.

нокъ изъ *Народнаго Общества секціи Von Con-seil*, явившюся съ жалобою на то, что, такъ называемыя, Революціонныя Женщины хотѣли принудить ихъ сестеръ носить красный колпакъ; въ заключеніе онѣ подали петицію, требовавшую свободы костюма.

Президентъ Моисей Вэль отвѣтилъ имъ: «Конвентъ можетъ только привѣтствовать вашу просьбу. Комитетъ Общественной Безопасности уже обсуждалъ этотъ вопросъ и скоро представитъ свой докладъ. Конвентъ приглашаетъ васъ присутствовать на засѣданіяхъ въ качествѣ почетныхъ гостей».

Немедленно послѣ него Фабръ д'Эглантинъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Вопросъ о ношеніи кокарды уже возбуждалъ безпорядки и прежде; вы постановили, что женщины обязаны ее носить. Въ настоящее время требуютъ обязательнаго ношенія краснаго колпака; на этомъ не останутся; вскорѣ начнутъ требовать поясъ и пистолетовъ... и въ недалекомъ будущемъ вы увидите вереницы женщинъ, идущихъ за хлѣбомъ, какъ на штурмъ траншей. Со стороны нашихъ враговъ очень разумно задѣвать сильнѣйшую женскую страсть, а именно ихъ приверженность къ своему наряду... Образуются женскія сообщества подъ названіемъ революціонныхъ братствъ и прочихъ союзовъ... Я замѣтилъ, что эти общества состоятъ не изъ замужнихъ женщинъ, дѣвушекъ изъ порядочныхъ семей, сестеръ, ухаживающихъ за своими малолѣтними братишками и сестренками, а изъ разныхъ авантюристокъ, пройдохъ, эмансипированныхъ дѣвицъ, драгунъ въ юбкахъ

(*Аплодисменты*)... Я требую, чтобы никто не могъ принуждать какого-либо гражданина одѣваться иначе, чѣмъ онъ того захочетъ, подѣ страхомъ подвергнуться преслѣдованію въ качествѣ возмутителя. Я требую далѣе, чтобы Комитетъ Общественной Безопасности составилъ докладъ объ этихъ женскихъ обществахъ.

Н... «Это пожеланіе было предупреждено Комитетомъ Безопасности. Въ эту ночь ему былъ представленъ отчетъ о всѣхъ событіяхъ, имѣвшихъ вчера мѣсто въ церкви св. Евстафія; онъ внимательно обсудилъ этотъ вопросъ. Былъ избранъ докладчикъ, и Амаръ незамедлительно прочитаетъ вамъ свой докладъ».

Конвентъ принялъ тутъ же слѣдующее постановленіе:

«Ни одно лицо того или другого пола не можетъ принуждать никакого гражданина и никакой гражданку одѣваться какимъ-нибудь особеннымъ образомъ, такъ какъ всякій воленъ носить такую одежду и такой приличествующій его полу нарядъ, какихъ пожелаетъ, подѣ страхомъ быть признаннымъ подозрительнымъ и подвергнутымъ отвѣтственности въ качествѣ возмутителя общественнаго спокойствія».

Въ другихъ статьяхъ указывалось, что настоящей декретъ не примѣнимъ къ священническому облаченію и не препятствуетъ обязательному ношенію кокарды.

«Граждане,—воскликнула тогда одна изъ петиціонерокъ,—мы требуемъ закрытія всѣхъ женскихъ обществъ, организованныхъ въ формѣ клубовъ. потому что именно женщина (Шар-

лотта Кордэ) была виновницей несчастія Франціи»¹⁾).

Конвентъ постановилъ передать это предложеніе въ Комитетъ Общественной Безопасности, и на слѣдующій же день 9 брюмера Амаръ представилъ свой докладъ.

Начавъ съ восхваленія хорошихъ домохозяекъ, ораторъ продолжалъ: «Гражданки съ рынка Невинныхъ Младенцовъ заявляютъ, что никакія насилія и угрозы не заставятъ ихъ надѣть костюмъ, который онѣ почитаютъ, но который, по ихъ мнѣнію, приличествуетъ только мужчинамъ... Нѣкоторыя изъ праздныхъ и подозрительныхъ женщинъ, называющихъ себя якобинками и принадлежащихъ къ мнимо-революціонному обществу, подверглись такому обхожденію, описать которое не допускаетъ благопристойность... Нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ могли быть увлечены доведеннымъ до крайности патріотизмомъ, но другими безъ сомнѣнія руководилъ злой умыселъ. Въ настоящій моментъ, когда идетъ судъ надъ Бриссо и его соумышленниками, кое-кому хотѣлось возбудить въ Парижѣ какое-нибудь броженіе подобно тому, какъ это пытались дѣлать во всѣ времена. Послѣ продолжительнаго обсужденія вопроса Совѣтъ постановилъ: 1) что женщины не могутъ пользоваться политическими правами и принимать активное участіе въ дѣлахъ управленія, 2) что онѣ не могутъ объединяться въ политическіе союзы для обсужденія общественныхъ вопросовъ...

¹⁾ Moniteur, 9 брюмира.

«Обычай и сама природа указали женщинѣ ея обязанности; дать людямъ первое воспитаніе, подготовить умы и сердца дѣтей къ общественнымъ добродѣтелямъ, направить ихъ съ ранняго возраста по хорошему пути, возвысить ихъ душу и научить ихъ культу свободы въ политикѣ,—таковы ихъ функціи послѣ хозяйственныхъ заботъ; естественное назначеніе женщины заключается во внушеніи любви къ добродѣтели. Если онѣ исполняютъ всѣ эти обязанности, онѣ окажутъ большую услугу отечеству. Необходимо безъ сомнѣнія имъ самимъ пропитаться принципами свободы для возбужденія любви къ ней въ своихъ дѣтяхъ; онѣ могутъ присутствовать на совѣщаніяхъ секцій, на дебатахъ въ народныхъ обществахъ; но, созданныя для смягченія мужскихъ нравовъ, должны ли онѣ принимать дѣятельное участіе въ спорахъ, горячность которыхъ несовмѣстима съ мягкостью и умѣренностью, составляющими очарованіе женскаго пола?..

«Дозволяетъ ли женщинѣ ея скромность выступать публично, бороться съ мужчинами и обсуждать передъ лицомъ народа вопросы, отъ которыхъ зависитъ спасеніе Республики?

«По общему правилу женщины не способны къ возвышеннымъ взглядамъ и къ серьезнымъ размышленіямъ... У нихъ въ распоряженіи имѣется цѣлый рядъ другихъ средствъ послужить отечеству. онѣ могутъ просвѣщать своихъ мужей, сообщать имъ цѣнные соображенія, плодъ спокойной и сидячей жизни... Итакъ, мы полагаемъ, что женщина не должна выходить изъ

рамокъ своей семьи и вмѣшиваться въ государственныя дѣла... Если мы думаемъ, что и политическое воспитаніе мужчинъ только начнется, и что мы лишь съ трудомъ выговариваемъ слово «свобода», то съ тѣмъ большимъ основаніемъ мы можемъ утверждать, что женщины, моральное воспитаніе которыхъ почти равно нулю, еще менѣе ушли впередъ въ области принциповъ... Прибавимъ, что женщины по самой своей организаціи склонны къ экзальтаціи, которая въ общественныхъ дѣлахъ способна привести къ самымъ печальнымъ результатамъ, и что интересы государства могли бы сильно пострадать отъ заблужденій и волненій, вызванныхъ бурными страстями. Подпавши подъ вліяніе горячихъ общественныхъ споровъ, женщины стали бы прививать своимъ дѣтямъ не любовь къ отечеству, а чувства ненависти и предубѣжденія... Необходимо уничтожить эти мнимо-народныя женскія общества, которыя аристократіи хочется учредить для того, чтобы столкнуть ихъ лбами съ мужчинами, внести расколъ въ ряды послѣднихъ и вызвать смуту».

Шарлье, не обращая вниманія на ропотъ собранія, выступилъ съ возраженіемъ противъ предъдущаго оратора и спрашивалъ, на какомъ основаніи можно лишить женщинъ права собираться. «Если только,—говорилъ онъ,—вы не оспариваете принадлежности женщинъ къ человѣческому роду, то можете ли вы отнять у нихъ это право, общее всѣмъ мыслящимъ существамъ? (Повтореніе фразы Кондорсе). Нужно преслѣдовать женщинъ, совершившихъ пре-

ступленіе, и закрыть общество, подпавшее подъ вліяніе аристократіи; но изъ страха передъ частичными злоупотребленіями, на какія способенъ какой-нибудь институтъ, нельзя разрушать самый этотъ институтъ, ибо существуетъ ли хотя бы одно учрежденіе, свободное отъ отрицательныхъ сторонъ?»

Базиръ возразилъ, что полиціи не слѣдуетъ предоставлять надзора надъ Народными обществами, а затѣмъ присовокупилъ:

«Вы объявили себя революціоннымъ правительствомъ; въ качествѣ такового, вы можете принять всѣ мѣры, вызываемыя требованіями общественнаго спасенія. Вы временно поступились принципами изъ опасенія возможныхъ злоупотребленій, способныхъ привести насъ къ контръ-революціи. Въ виду этого необходимо только разрѣшить вопросъ, опасны ли женскія общества; опытъ послѣднихъ дней показалъ, насколько они вредны для государственнаго спокойствія; а разъ это такъ, то пусть мнѣ не говорятъ о принципахъ. Я требую, чтобы, въ видѣ революціонной мѣры и по соображеніямъ общественной безопасности, эти общества были воспрещены, по крайней мѣрѣ, на все время Революціи»¹⁾.

Конвентъ не колебался ни минуты и тутъ же издалъ слѣдующій декретъ:

«*Статья 1.*—Женскіе клубы и Народныя общества, подъ какими бы наименованіями они ни существовали, запрещаются.

¹⁾ *Moniteur*, 10 брюмера.

«*Статья II.*—Всѣ засѣданія Народныхъ обществъ должны быть публичны».

Оларъ раздѣляетъ мнѣніе Базира: «Эти женскіе клубы, — говоритъ онъ, — противопоставленные мужскимъ клубамъ, рисковали внести расколъ въ революцію»¹⁾. Вдобавокъ, перестала чувствоваться нужда въ «добрыхъ гражданахъ»... на слѣдующій день жирондисты должны были взойти на эшафотъ!

15 брюмера (5 ноября 1793 г.) «мнимыя Революціонерки» пытались добиться отъ Конвента отмѣны упомянутаго декрета: въ этотъ день нѣсколько гражданокъ, смиренныхъ на видъ, успѣли пробраться къ рѣшеткѣ, заявивъ, что онѣ намѣреваются представить «крайне важную петицію по весьма настоящему вопросу».

«*Общество Революціонныхъ Республиканокъ*, — заявила ораторша, — это общество, состоявшее въ большинствѣ своемъ изъ замужнихъ женщинъ, болѣе не существуетъ. Законъ, вырванный обманомъ въ результатѣ лживаго доклада, запрещаетъ намъ называть себя револ...» Она не успѣла закончить своего слова; со всѣхъ сторонъ депутаты начали кричать: «Къ порядку!», и президентъ приказалъ приставамъ вывести депутацію²⁾.

Въ утѣшеніе Лакомбъ черезъ нѣсколько дней, а именно 20 брюмера, имѣла удовольствіе фигурировать подъ видомъ *Свободы* въ соборѣ Парижской Богоматери на празднествѣ въ честь Разума.

1) *Revue de la Revolution française*, октябрь 1898.

2) *Moniter*, 17 брюмера.

Отвергнутыя якобинцами, разогнанныя Конвентомъ, клубныя гражданки, не будучи въ состояніи примириться съ тѣмъ, что теперь единственною ихъ трибуною служатъ лишь уличныя тумбы, рѣшились сдѣлать послѣднюю попытку и обратиться къ Коммунѣ, гдѣ онѣ въ теченіе долгаго времени насчитывали столько пылкихъ поклонниковъ. 27 брюмера Лакомбъ во главѣ своего краснокопачнаго эскадрона съ такой быстротой вошла въ залъ Общаго Совѣта, что присутствующіе подумали о насильственномъ вторженіи. Президентъ немедленно надѣлъ шляпу, въ то время какъ публика кричала: «Долой краснокопачницъ!»

По возобновленіи засѣданія прокуроръ Шометъ произнесъ рѣчь, представляющую типичный образчикъ революціонной напыщенности. «Какъ! испорченныя существа, стремящіяся преступить и нарушить законы природы, стануть врываться въ мѣста, довѣренныя охранѣ гражданъ!.. Ужасно, — говорилъ онъ, — противно законамъ природы, чтобы женщина стремилась прератиться въ мужчину. Помните, что эти женщины, эти *бабы* нѣсколько времени тому назадъ бѣгали по рынкамъ въ красныхъ копкахъ, съ цѣлью запятнать эту эмблему свободы, и хотѣли принудить всѣхъ женщинъ разстаться со свойственнымъ имъ скромнымъ головнымъ уборомъ... Туда, гдѣ засѣдаютъ представители власти, не должны имѣть доступа личности, оскорбляющія природу. Съ какого это времени женщинамъ позволяется отрекаться отъ своего пола и обращаться въ мужчинъ? Съ

какого это времени женщины усвоили себѣ обычай оставлять священныя хозяйственныя заботы и колыбель своихъ дѣтей для общественной площади и для ораторской трибуны?.. Развѣ природа снабдила насъ сосцами для кормленія нашихъ дѣтей?..

«Природа сказала женщинѣ: Будь женщиной; нѣжный уходъ за дѣтьми, хозяйственныя мелочи, сладкія тревоги материнства—вотъ твои труды... въ награду ты будешь божествомъ домашняго святилища... Ты будешь царить надъ всѣми окружающими благодаря непобѣдимому очарованію красоты, изящества и добродѣтели. Неразумныя женщины, желающія сдѣлаться мужчинами, развѣ вы недостаточно надѣлены природою?.. Вы владѣете всѣми вашими чувствами; законодатель, сановникъ лежатъ у вашихъ ногъ; вашъ деспотизмъ—это единственный деспотизмъ, который мы безсильны низвергнуть, такъ какъ это деспотизмъ любви, а значитъ и природы! Бо имя этой самой природы останьтесь тѣмъ, что вы есть, и, не завидуя опасностямъ нашей бурной жизни, удовольствуйтесь тѣмъ, чтобы дать намъ возможность забыться отъ этихъ опасностей въ кругу своей семьи, отдыхая душою на восхитительномъ зрѣлищѣ нашихъ дѣтей, осчастливленныхъ вашими нѣжными заботами... Вспомните эту высокомѣрную женщину, госпожу Роланъ, вспомните безстыдную Олимпію де Гужъ, которая первая забросила хозяйственныя заботы, и голова которой скатилась подъ мстительнымъ топоромъ закона... Если нѣкогда была Жанна д'Аркъ, то потому, что былъ и Карль VII...

Слѣдуетъ презирать ту безстыжую женщину, которая напяливаетъ на себя мужской плащъ и, къ отвращенію нашему, мѣняетъ данныя ей природою прелести на пику и красный колпакъ»¹⁾).

Не лишено интереса то обстоятельство, что рѣзкая діатриба Шомета представляетъ простой пересказъ обращенія «Къ республиканкамъ», напечатаннаго нѣсколькими днями ранѣе въ «Листкѣ Общественнаго Спасенія» и перепечатаннаго «Монитѣромъ».

«За короткое время,—говорилось въ этой статьѣ,—революціонный трибуналъ далъ женщинамъ хорошій примѣръ, который несомнѣнно не пройдетъ для нихъ безслѣдно... Марія-Антуанетта... Олимпія де Гужъ, одаренная экзальтированнымъ воображеніемъ, приняла свой бредъ за внушеніе природы и кончила тѣмъ, что усвоила планы измѣнниковъ... Госпожа Роланъ, богатый умъ съ большими планами, философъ, размѣнивавшійся на мелочи..., она была матерью, но она обрекла природу на закланіе, пожелавъ возвыситься надъ нею: желаніе быть ученой женщиной довело ее до забвенія своего пола, и это забвеніе, всегда чреватое опасностями, въ концѣ концовъ привело ее къ смерти на эшафотѣ.

«Женщины! желаете вы быть республиканками?—Любите, исполняйте и проповѣдуйте законы, которые призываютъ вашихъ мужей и вашихъ дѣтей къ пользованію своими правами... Не ходите никогда на народныя собранія съ желаніемъ говорить на нихъ, но пусть иногда ваше присутствіе придаетъ духу вашимъ дѣтямъ; то-

¹⁾ Moniteur, 29 брюмера.

гда отечество васъ благословитъ за то, что вы дѣйствительно сдѣлали для него все, чего оно вправѣ отъ васъ ждать».

Заканчивая свою рѣчь, Шометь предложилъ Совѣту постановить, что впредь онъ не будетъ допускать женскихъ депутацій, если только заранѣе не приметъ по этому поводу спеціального рѣшенія. Во всякомъ случаѣ изъ признательности къ оказаннымъ нѣкогда услугамъ, Коммуна 6 нивоза постановила отвести добрымъ гражданкамъ мѣсто во всѣхъ церемоніяхъ. Въ этомъ-то постановленіи и находится фраза: «И что онѣ будутъ вязать чулки».

Въ томъ же засѣданіи Коммуна по просьбѣ *Н. О. Городской Рагуши* постановила «учредить надзоръ за ханжами и фанатичками, собирающимися толпою у кропильницъ».

Крайности сподвижницъ Клары Лакомбъ настолько дискредитировали женщинъ, занимающихся политической дѣятельностью, что немногіе существовавшіе еще теоретики феминизма не осмѣливались уже возвышать свой голосъ въ защиту правъ женщинъ.

Сама Лакомбъ сошла съ политической сцены; по крайней мѣрѣ, ея имя не встрѣчается уже ни въ одномъ документѣ вплоть до 2 апрѣля 1794 г.,—день, когда Комитетъ Общественной Безопасности, вслѣдствіе поданныхъ на нее доносовъ, приказалъ арестовать ее, равно какъ и Полину Леонъ, въ тотъ самый моментъ, когда она собиралась уѣхать въ Дюнь-Либрѣ (Дюнкирхенъ), чтобы выступить въ тамошнемъ театръ. Въ это время Лакомбъ жила въ домѣ 43 на улицѣ Невъ-де-Пти-Шанъ.

Во время ея ареста секція Хлѣбнаго Рынка заявила, «что она выказывала много патріотизма и много пронырства, посѣщала *Общество Брагства* и не имѣла другихъ доходовъ, кромѣ присвоенныхъ ей по положенію».

Ее упрекали въ томъ, что она «позволяла себѣ выходы противъ Робеспьера и Конвента и между прочимъ заявила: «Вы носитесь съ Робеспьеромъ и безъ ума отъ него, а я считаю его простымъ человѣкомъ». Другія обвиненія были, повидимому, не болѣе серьезны, но въ тѣ времена ихъ было болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы отправить человѣка на гильотину.

Одна изъ бывшихъ руководительницъ *Клуба Революціонерокъ*, гражданка Капитанъ, усиленно хлопотала объ освобожденіи своей подруги, но тщетно: Лакомбъ просидѣла въ тюрьмѣ свыше 16 мѣсяцевъ¹⁾.

Во время своего продолжительнаго заключенія она подавала массу прошеній о выпускѣ на свободу и подписывала ихъ такъ: Лакомбъ, «свободная женщина» (?).

«...Я всегда,—писала она 24 термидора,—вела себя, какъ безупречная женщина, достойная той свободы, которую я всегда защищала. Я отдала три года моей жизни своему отечеству; такъ какъ я не могу отдать ему мужа или ребенка, которыхъ у меня нѣтъ, я почту за счастье служить ему лично¹⁾».

¹⁾ Она сидѣла въ Поръ-Либрѣ, въ Плесси и въ Люксембургѣ, гдѣ она завела небольшую лавочку.

¹⁾ Archives nationales, F 7, 4755.

Послѣ своего выхода на волю (3 фруктидора III года) «героиня 10 августа» была такъ быстро забыта, что ея дальнѣйшая участь осталась для насъ совершенно неизвѣстной.

Г Л А В А VII.

Отъ 9 термидора до 25 февраля 1848 года.

ЗАКРЫТІЕ КЛУБОВЪ.

Презрительное отношеніе Наполеона къ женщинамъ,
Принцесса Сальмъ-Дикъ.

Женскіе кружки и газеты въ эпоху Реставраціи.
Клара Демаръ.

Женская трибуна.—Флора Тристанъ.

„Мы, западные народы, испортили все дѣло слишкомъ хорошимъ обращеніемъ съ женщинами: мы совершенно напрасно уравнили ихъ съ собою“.

Наполеонъ.

Паденіе Робеспьера нанесло смертельный ударъ всѣмъ революціоннымъ клубамъ. На другой же день послѣ 9 термидора (27 іюля 1794 г.) масса гражданъ, которые до того были большими любителями политическихъ собраній, но демократизмъ которыхъ былъ болѣе шумень, чѣмъ глубокъ, вдругъ начали проникаться благоразуміемъ и приняли, правда, нѣсколько поздно, мудрое рѣшеніе сидѣть у себя по домамъ.

Клубные ораторы—порода, рѣдко прибѣгающая къ стачкамъ—тѣмъ не менѣе продолжали попрежнему разглагольствовать передъ на три

четверти пустыми скамьями; но вскорѣ они должны были почитать себя счастливыми, если *золотая молодежь* не врывалась въ залъ, чтобы разрушить трибуну, избить палками санкюлотовъ и безстыдно высѣчь ихъ подругъ.

25 вандемьера III года (15 октября 1794 г.) Конвентъ рѣшился, наконецъ, воспретить всѣмъ клубамъ вести между собою переписку или войти между собою въ сношенія и вмѣстѣ съ тѣмъ категорически запретилъ подачу петицій скопомъ. Эти ограничительныя мѣры почти немедленно повлекли за собою закрытіе большинства клубовъ; однако нѣкоторые изъ нихъ, и въ томъ числѣ Якобинскій клубъ, продолжали собираться. Чтобы добиться закрытія этого знаменитаго общества, вліянію котораго Революція обязана была большою частію своихъ эксцессовъ, фрероновскія банды, палерояльскіе щеголи вызвали 19 и 21 брюмера (9 и 11 ноября) такіе беспорядки на собраніяхъ этого клуба, что на другой же день онъ былъ закрытъ властями.

Лишенная возможности выступать на трибунѣ, бывшія революціонныя гражданки рѣшили дѣйствовать энергично. Слѣдуя примѣру Лакромбъ, которая въ 1793 году требовала примѣненія Конституціи и казни скупщиковъ, банда мегеръ ворвалась 1 преріаля III года (20 мая 1795 г.) въ Конвентъ съ криками: «Хлѣба и Конституцію 1793 г.!» Не добившись даже кулича, онѣ на этотъ разъ удовольствовались головой депутата Феро, которую одинъ гражданинъ отрубилъ съ величайшимъ проворствомъ. Аспазія

(по паспорту Шарлотта) Карломияжелли заплатила своею головою за славу взятія штурмомъ Конвента.

Это былъ послѣдній изъ крупныхъ женскихъ бунтовъ революціонной эпохи; это же былъ максимальный успѣхъ, достигнутый чулочницами предмѣстій.

Въ виду событій этого дня Конвентъ по предложенію Женисье издалъ 4 преріаля слѣдующій декретъ:

«Принимая во вниманіе... что возмутители въ видахъ безнаказанности переодѣваются въ женское платье, и что, съ другой стороны, сбитыя съ толку женщины, подстрегаемыя врагами Свободы, злоупотребляютъ снисходительностью, которая имъ оказывается въ виду слабости ихъ пола, бѣгаютъ по улицамъ, собираются толпою, образуютъ скопища и вносятъ безпорядокъ во всѣ гражданскія и военныя операціи:

«Постановляетъ, чтобы всѣ женщины впредь до новаго распоряженія удалились въ свои жилища. Тѣ же изъ нихъ, которыя черезъ часъ послѣ республикованія настоящаго декрета будутъ встрѣчены на улицахъ группами въ числѣ свыше пяти душъ, будутъ разсѣяны вооруженной силой, а затѣмъ взяты подъ стражу».

Въ іюлѣ 1795 г. появилась небольшая листовка подъ заглавіемъ «Французскія женщины въ Національномъ Конвентѣ». Это довольно ловкая и хорошо написанная защита роялизма.

Если термидоріанскій переворотъ былъ, по словамъ Гонкуровъ, побѣдою женщинъ, то слѣдуетъ все-таки признать, что онѣ не много вы-

играли отъ него въ смыслѣ безопасности. Въ мессидорѣ III года калъвадосскія гражданки должны были обратиться къ Конвенту съ адресомъ, въ которомъ требовали примѣненія закона 17 нивоза о раздѣлѣ наслѣдствъ и протестовали противъ декрета 5 флореаля, временно приостанавливавшего дѣйствіе этого закона.

Черезъ два мѣсяца Мэлъ отъ имени Комитета Общественной Безопасности въ свою очередь выступилъ въ Конвентѣ съ доносомъ на «остатки Народныхъ обществъ, руководимыхъ меньшинствомъ изъ честолюбцевъ и разбойниковъ».

«Эти клубы,—воскликнулъ онъ,—замышляютъ возобновленіе покушеній и разрушительнаго дѣла Террора или оттачиваютъ кинжалы монархіи... До 14 іюля ветхій пергаментъ замѣнялъ талантъ и добродѣтели; до 9 термидора высшая заслуга связана была съ карточкой якобинца. Якобинцы заняли мѣсто аристократовъ... Люди, низвергнутые движеніемъ 9 термидора, были лишь преемниками людей, низвергнутыхъ движеніемъ 14 іюля; подобно этимъ послѣднимъ, они стояли выше закона...

«Для того, чтобы избиратели могли со всей возможной свободой принять новую Конституцію, прежде всего закройте всѣ эти грязные вертепы, такъ некстати называемые народными, гдѣ террористическіе вопли и безнравственность не перестаютъ тиранически угнетать общественное мнѣніе и посягать на народный духъ».

Эта рѣзкая обвинительная рѣчь повлекла за

собою 23 августа 1795 г. (6 фруктидора III года) непосредственное принятіе слѣдующаго закона:

«Всѣ сборища, извѣстныя подъ названіемъ клубовъ или народныхъ обществъ, распускаются; а посему тѣ помѣщенія, въ коихъ происходятъ засѣданія сказанныхъ союзовъ, должны быть безотлагательно закрыты, а ключи отъ нихъ, равно какъ книги и бумаги, должны быть переданы на храненіе въ секретаріатъ городскихъ думъ».

Несмотря на это, совершенно ясное, постановленіе, завсегдагаи клубовъ скоро придумали средство для обхода закона и снова открыли нѣсколько политическихъ кружковъ подъ названіемъ *Частныхъ обществъ*. Группа прежнихъ якобинцевъ основала *Общество Пантеона*.

Сначала Директорія ограничила число членовъ этихъ псевдо-клубовъ сорока и разрѣшила имъ собираться не чаще двухъ разъ въ мѣсяць, а 24 іюля 1797 г. (6 термидора V года) она рѣшила окончательно ихъ уничтожить.

«Клубы,—заявилъ Вобланъ въ Совѣтѣ Пятисотъ,—едва лишь начали воскресать и уже принимаютъ угрожающій характеръ... Опасность неминуема, необходимо какъ можно скорѣе высказаться за ихъ закрытіе».—«Республика,—отвѣтилъ ему Эшассріо,—погибла, если клубы не будутъ уничтожены». Послѣ обсуждения, заняшаго нѣсколько засѣданій, законопроектъ былъ переданъ въ комиссію, и наконецъ Булэ де ла Мертъ и Симеонъ провели слѣдующій законъ:

«Всѣ частныя общества, занимающіяся политическими вопросами, временно закрываются».

Слово *временно* прибавлено во вниманіе къ личной свободѣ. Но ничто не имѣетъ во Франціи такой прочности, какъ все временное: въ данномъ случаѣ эта временная мѣра просуществовала свыше 30 лѣтъ! Слѣдуетъ однако замѣтить, что этотъ законъ былъ отмѣненъ послѣ 18 фруктидора, и что началъ онъ серьезно примѣняться только съ 26 термидора VII года, съ момента закрытія *Общества улицы Бакъ*.

Въ 1799 году послѣднія Революціонерки, по-прежнему продолжавшія помогать сохраненію почетнаго званія гражданокъ, собрались въ одной квартирѣ на улицѣ Тіонвиль «для спасенія отечества и обсужденія вопроса о нарушеніи ихъ правъ».

Оларь¹⁾ цитируетъ помѣченный тѣмъ же годомъ полицейскій рапортъ, указывающій на неудобства, связанная съ свободнымъ доступомъ въ казармы «женщинъ, хорошо извѣстныхъ центральному бюро въ качествѣ лицъ, нѣкогда посѣщавшихъ хоры Народныхъ обществъ, въ виду того, что эти женщины обращаются къ солдатамъ съ анархическими рѣчами». 25 мая изда-но было распоряженіе о «недопущеніи *чулочницъ* въ казармы».

«Есть только одна нефранцузская вещь,—сказалъ однажды Бонапартъ,—это право женщины дѣлать все, что ей заблагоразсудится». Эта типичная фраза, передаваемая Тибодо въ его

Мемуарахъ, даже если она и не совсѣмъ точна, кажется во всякомъ случаѣ весьма правдоподобной. Развѣ на вопросъ госпожи Сталь, какую женщину онъ ставитъ выше всѣхъ, Наполеонъ не отвѣтилъ: «Ту, которая рождаетъ больше всего дѣтей»? Редереръ передаетъ еще слѣдующее изрѣченіе императора: «Женщины являются душою всѣхъ интригъ, ихъ слѣдуетъ ограничить исключительно рамками домашняго хозяйства и закрыть для нихъ доступъ въ салоны правительства».

Это мнѣніе раздѣлялось даже нѣкоторыми женщинами. Въ XII году госпожа Бернье выпустила небольшую книжку подѣ заглавіемъ: «Какая форма женскаго воспитанія наиболѣе способна доставить счастье людямъ въ обществѣ?» Въ этомъ сочиненіи, которое заслуживало бы быть написаннымъ гражданиномъ, мы читаемъ: «Назначеніе женщинъ заключается въ томъ, чтобы сдѣлать мужчину счастливымъ въ домашней жизни... Женщина съ ранняго дѣтства должна понять, насколько она ниже мужчины... Жена обязана подавлять свои вкусы, если они расходятся со вкусами ея мужа... и пр.»

Это самоотрѣченіе должно было сильно повлиять на Наполеону, судя по тому, что въ Національной Библіотекѣ имѣется роскошно переплетенный экземпляръ этого сочиненія съ императорскимъ гербомъ!

Виконтъ Ж.-А. де Сегюръ въ своемъ сочиненіи «Женщины», напечатанномъ въ 1820 году, приводитъ еще слѣдующее изрѣченіе: «Женщины легко усваиваютъ новыя мысли благодаря

1) Paris sous le Directoire.

своему невѣжеству; онѣ легко ихъ распростра-
няютъ. благодаря своему легкомыслию; онѣ долго
ихъ отстаиваютъ, благодаря своему упрямству».

Эта теорія сравнительной отсталости прекрас-
наго пола раздѣлялась также Шапталею, кото-
рый въ своемъ обширномъ докладѣ о народ-
номъ просвѣщеніи ни словомъ не упоминаетъ
о женщинахъ, и Порталисомъ, который заявлялъ:
«Я не знаю болѣе бесплоднаго занятія, чѣмъ
споръ о равенствѣ мужчины и женщины».

Это презрительное отношеніе къ женщинамъ
наложило свой отпечатокъ на Сводъ граждан-
скихъ законовъ, который позволилъ себѣ провоз-
гласить правило, что женщина обязана *повиноваться*
своему мужу; къ этому онъ прибавилъ
еще постановленіе (въ наше время вышедшее
изъ употребленія), въ силу котораго мужъ, въ
случаѣ отказа жены отъ сожителства съ нимъ,
можетъ принудить ее къ этому *mapa militari*.

Не больше либерализма выказывали и суды:
такъ каанская судебная палата въ 1866 году
вынесла рѣшеніе, что мужъ можетъ вытребовать
и распечатать письма своей жены!

Постановленіе Свода сдѣлали, по крайней
мѣрѣ, невозможнымъ заключеніе принудитель-
ныхъ браковъ *именемъ закона*. Церемоніи тако-
го рода совершались еще во II году Республики,
не взирая на протесты обоихъ новобрачныхъ!
Именно такимъ образомъ повѣнчаны были въ
Ніеврскомъ департаментѣ бывшій графъ де Бре-
шаръ и Марія Перро¹⁾.

¹⁾ Baissac, la Femme dans les temps modernes.

Эта тиранія мужей сильно не нравилась мно-
гимъ женамъ; гражданка Боозеръ писала въ
1797 году: «Разъ они смотрятъ на насъ, какъ
на миленькихъ куколокъ... я предпочитаю жить
въ дѣсу, чѣмъ съ мужчинами». Это столь
нелестное для прекраснаго пола заявленіе за-
имствовано изъ «Торжества здоровой философіи
или истинной политики женщинъ»—сочиненія,
которое очень мало соотвѣтствуетъ своему за-
главію и единственный интересъ котораго за-
ключается въ томъ, что оно было напечатано
въ *Женской типографіи, состоявшей подъ покрови-
тельствомъ Національнаго Конвента*¹⁾.

Теремень, издавшій въ VII году сочиненіе
«О положеніи женщинъ въ Республикахъ», былъ
однимъ изъ рѣдкихъ мужчинъ того времени,
удостоившихъ выступить въ защиту женскихъ
правъ.

«Мы почти никогда,—говоритъ онъ,—не обра-
щались съ женщинами, какъ съ гражданками,
а затѣмъ, не объяснивъ имъ смысла этого тер-
мина и не ознакомивъ ихъ съ соотвѣтствующи-
ми ему правами, мы назвали ихъ гражданками,
ихъ, которыхъ монархія настолько изуродовала,
что онѣ готовы были примириться съ положені-
емъ рабынь, лишь бы ихъ называли *дамами!*..
Почти все причиненное ими зло объясняется
тѣмъ, что имъ не дано было возможности дѣ-
лать добро».

¹⁾ 13 преріала II года гражданинъ Дэльтюфо просилъ Ко-
митетъ народнаго просвѣщенія предоставить ему какіе-нибудь
заказы для поддержки устроенной имъ женской типографской
школы (Alcan, les Femmes compositrices d'imprimerie en 1794).

Теремень предлагалъ поручить женщинамъ организацію всѣхъ общественныхъ празднествъ и требовалъ предоставленія имъ права быть присяжными засѣдателями. Для пополненія ихъ образованія онъ требовалъ основанія значительнаго числа республиканскихъ институтовъ для дѣвиць¹⁾.

Напротивъ, Сильвэнъ Марешаль опубликовалъ, два года спустя, «Проектъ закона за-прещающаго обучать женщинъ грамотѣ»²⁾.

Хранительницы добродѣтелей и источники удовольствій,

Сохраните свой досугъ для невинныхъ игръ!

.....

Нужны ли всѣ эти пыльные книги,

Для того чтобы быть возлюбленной, женой или матерью?

Этотъ законопроектъ, гдѣ Сильвэнъ Марешаль цитируетъ апостола Павла, Магомета, Фенелона, Гомера, Бальзака, Руссо, Мольера и пр., состоитъ изъ 82 статей и 113 мотивировокъ, изъ которыхъ мы приводимъ четыре образца:

Принимая во вниманіе... 8) Что природа, снабдивъ женщинъ поразительной способностью говорить, этимъ самымъ, повидимому, хотѣла избавить ихъ отъ необходимости научиться читать;

1) Это феминистское произведеніе было напечатано въ типографіи Собри, бывшаго предсѣдателя Лионскаго женскаго клуба.

2) Уже въ 1766 году появился „Парадоксъ о женщинахъ, гдѣ авторъ старается доказать, что онѣ не принадлежать къ человѣческому роду“. Это сочиненіе, ссылалось на нѣкоторыхъ отцовъ церкви; въ слѣдующемъ году появилось опроверженіе на него, написанное г-жею Дуайенъ.

13) Что умъ и талантъ дѣлаютъ сердце холоднымъ;

23) Что одно спряженіе глагола «люблю» причинило множество катастрофъ;

79) Что Жанна д'Аркъ прекрасно сумѣла освободить Францію, не умѣя читать, и пр.

Г-жа Клеманъ-Эмери протестовала противъ этой фантазіи въ *Les Femmes vengées de la sottise d'un philosophe du jour*, а г-жа Гаконъ-Дюфуръ въ своей рѣзкой отповѣди потребовала, чтобы авторъ этого предложенія былъ посаженъ въ сумасшедшій домъ и лѣчился тамъ на счетъ мужчинъ, или же чтобы онъ былъ приговоренъ къ тасканію на спинѣ всѣхъ милыхъ книгъ, написанныхъ рукою женщины.

Прибавимъ, что Марешаль и Жанна Гаконъ вскорѣ помирились и сдѣлались большими друзьями. Академикъ посвятилъ ей даже стихотвореніе, въ которомъ, перебравъ по очереди всѣхъ знаменитыхъ Жаннъ, поставилъ ее выше Жаннъ д'Аркъ!

Въ эпоху Консулата и Имперіи при деспотическомъ характерѣ тогдашняго правительства о клубахъ не могло быть и рѣчи. Однако, по словамъ герцогини д'Абрантесъ, Полина Бонапартъ пыталась въ 1801 году организовать женское литературное общество. Она сочинила форму для этихъ новыхъ академичекъ и на одномъ вечерѣ даже облачилась въ нее: «это былъ туалетъ, въ которомъ смѣшаны были стили: еврейскій, греческій, средневѣковый, римскій, но которому не хватало только хорошаго французскаго вкуса».

Для вящей вѣрности Уголовное Уложеніе вскорѣ еще усилило строгости, уже принятыя противъ клубовъ Директорію. Статья 291 гласитъ: «Ни одно общество, состоящее болѣе чѣмъ изъ двадцати лицъ, ставящихъ себѣ цѣлью собираться ежедневно или въ опредѣленные дни для занятій религиозными, литературными, политическими или другими вопросами, не можетъ быть основано иначе, какъ съ разрѣшенія правительства и на условіяхъ, которыя власти угодно будетъ этому обществу поставить».

Чтобы найти что-нибудь, напоминающее клубы въ эпоху Имперіи или Реставраціи, слѣдовало бы заняться или франкъ-масонством¹⁾ въ составѣ котораго насчитывалось много женщинъ, или тайными обществами, куда женщины попадали, вѣроятно, только въ видѣ исключенія.

За отсутствіемъ ораторской трибуны феминисткамъ пришлось удовольствоваться защитой своихъ правъ въ печати.

Наиболѣе интересной полемической схваткой, послѣ полемики Сильвена Марешала съ г-жей Гаконъ, былъ споръ между поэтомъ Лебренемъ и принцессой Сальмъ-Дикъ, разведенной женой гражданина Пипле. Оригинальность этой полемики заключалась въ томъ, что она съ обѣихъ сторонъ велась въ стихахъ.

¹⁾ Масонское общество во Франціи допускало женщинъ съ 1730 г., но только съ 1775 г., со времени основанія ложи Непорочности, онѣ начали пользоваться нѣкоторымъ влияніемъ.

Женская ложа Масоновъ, основанная во Франкфуртѣ въ первой половинѣ XVIII вѣка, долго славилась своими странными обрядами.

Экушаръ Лебренъ сочинилъ оду «Красавицамъ, желающимъ сдѣлаться поэтессами».

...Непревзойденныя въ искусствѣ нравиться,
Вы созданы богами для любви:
Любовь съ гнѣвомъ взирала бы
На ночь, потерянную вами для стихоплетства...
Ретивый парнасскій конь
Послушенъ лишь сынамъ Аполлона
И смѣется надъ слабосильной дерзостью
Амазонокъ Геликона!..
Если вы хотите походить на Музъ,
Вдохновляйте, но не пишите!

Госпожа Сальмъ отвѣтила «Посланиемъ къ женщинамъ» (1797 г.), въ которомъ требовала для всѣхъ своихъ сестеръ права заниматься искусствомъ и литературой.

... Если природа и создала два разныхъ пола,
То она измѣнила форму, а не составные элементы:
Тотъ же законъ, то же заблужденіе, то же упоеніе руководятъ
ими...

Вмѣстѣ они счастливы, врозь они томятся...
Неправедный мужчина, не желая дѣлиться своими правами¹⁾,
Хочетъ собственной властью налагать на насъ обязанности и
давать намъ законы..

Онъ подавляетъ въ нашихъ сердцахъ гордость и мужество;
Чтобы спокойно пользоваться неограниченной властью,
Онъ объявляетъ мягкость нашей единственной добродѣтелью.
Чтобъ имѣть въ нашемъ лицѣ лишь благоговѣющее передъ
нимъ существо,

Его голосъ съ колыбели прививаетъ намъ заблужденія.
Менѣ сильный своимъ знаніемъ, чѣмъ нашимъ невѣжествомъ,
Онъ мнитъ возвеличиться нашимъ уничиженіемъ!..

Хитрость есть прибѣжище угнетеннаго существа.

¹⁾ Въ 1776 году Фанни Богарнэ писала въ „Посланіи къ мужчинамъ“:

Представители пола, почитающаго себя владыками,
Будьте, по крайней мѣрѣ, достойны быть таковыми.

Перестаньте принуждать насъ къ этимъ недостойнымъ заботамъ:

Дайте намъ побольше правъ, и вы будете отъ этого менѣе терять...

Противъ насъ у каждаго находится своя пѣсенка, свое острое слово.

Одинъ, невѣжественный и глупый, иронически цитируетъ намъ искаженный стихъ Мольера...

Скажемъ правду. Воскликая: „Женщины, вы матери!“— Жестокіе, вы забываете, что мужчины—отцы!

Что обязанности и заботы раздѣлены между ними, И что послѣ моментовъ перваго дѣтства

Вы должны болѣе, чѣмъ мы, заботиться о существованіи ребенка...

Безумцы, вы хотите имѣть невѣжественныхъ женъ.

Будь по вашему! смѣшивайте жену съ служанкой!

И смотрите, какъ она, приспособляя уроки къ своимъ вкусамъ, Воспитываетъ своихъ дѣтей для себя, а не для васъ...

Меня раздражаетъ притязаніе, а не просьба.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1817 году, принцесса Сальмъ сочинила новое посланіе «О политическихъ дѣятельницахъ».

Вы упрекаете насъ за разговоры о политикѣ.

Но въ сущности, господа, вы неправы...

Развѣ намъ не приходится сократить свои расходы

На всю сумму новыхъ налоговъ?...

Но лучше заниматься политикою въ компаніи,

Чѣмъ сидѣть каждому подъ кущею своею...

Итакъ, говорите намъ нѣсколько лишнихъ словъ

Обо всемъ, что дѣлается и проектируется,

Пли же впредь говорите съ нами о другихъ предметахъ,

Если вы хотите, чтобы мы больше объ этомъ не говорили!

По правдѣ говоря, развѣ эти аргументы не серьезнѣе, чѣмъ многіе изъ тѣхъ, какіе приходится слышать въ наши дни? *Mercur de France* послѣдшилъ

на помощь Лебрену и заявилъ, что мужчина не является

Слугою своей любовницы и тираномъ своей жены.

Въ 1808 году появился «Дамскій Атенеи» — изданіе, которое составлялось исключительно женщинами и редактировалось г-жей Сентеръ де Ренвиль. Въ первомъ выпускѣ этотъ маленькій двухнедѣльный журнальчикъ, котораго, по нашему мнѣнію, вышло не болѣе двухъ номеровъ, пригласилъ своихъ читательницъ заняться вопросомъ, почему женщины сильнѣе страшатся старости, чѣмъ мужчины. «Атенеи» сообщаетъ намъ, что тогдашнія дамы настолько боялись нескромныхъ разоблаченій, которыми грозили пишки на ихъ затылкахъ въ случаѣ изслѣдованія ихъ учениками доктора Галля, «что стали сильно поднимать воротники своихъ накидокъ и пальто». И еще упрекали дамъ въ томъ, что онѣ будто бы отстаютъ отъ прогресса науки!

Другой «Дамскій Атенеи» былъ основанъ въ 1822 году виконтессой Бонне и баронессой Колкиле, но на этотъ разъ дѣло шло о литературномъ кружкѣ. Къ сожалѣнію, бібліотека была уставлена столиками для экарте, было допущено нѣсколько мужчинъ, и вскорѣ балы вытѣснили лекціи. Черезъ три года этотъ Гинекей, помѣщавшійся на Вандомской площади, закончилъ свое существованіе въ качествѣ игорнаго дома ¹⁾.

1822 годъ увидѣлъ появленіе небольшого сочиненія «Торжество женщины», въ которомъ среди другихъ любезностей по адресу сильнаго пола

¹⁾ Dinaux, les Sociétés badines.

можно прочесть слѣдующее: «Грубое тѣло мужчинъ, состоящее изъ нечистой плоти, не противорѣчить утверженію, что оно создано было изъ грязи».

Революція 1830 года облегчила возникновеніе нѣсколькихъ замаскированныхъ клубовъ и довольно значительнаго числа болѣе или менѣе тайныхъ обществъ, которыя обходили законъ, разбиваясь на группы по 20 человекъ.

Быстрое развитіе этихъ организацій, стремившихся къ возрожденію традицій старыхъ революціонныхъ клубовъ, вызвало законъ 16 апрѣля 1834 года, который воспрещалъ всѣ безъ исключенія союзы.

Для отстаиванія своихъ правъ женщинамъ пришлось ограничиться чтеніемъ лекцій, составленіемъ пропагандистскихъ брошюръ и изданіемъ газетъ. «Пустимъ въ публику, — говоритъ одинъ манифестъ той эпохи, — тысячи произведеній, предназначенныхъ для популяризаціи святого дѣла женской эмансипаціи».

29 мая 1836 г. г-жа Доріа начала въ саду Ранелагъ курсъ *соціального права женщинъ*, который вскорѣ былъ закрытъ полиціей.

Лекторша сначала предложила цивилизованнымъ народамъ, въ качествѣ образца, устройство, существующее на островахъ Товарищества, «гдѣ женщины предсѣдательствуютъ въ собраніяхъ, на которыхъ обсуждаются общественныя дѣла»; затѣмъ она объявила своей аудиторіи, что намѣрена говорить о незаконномъ характерѣ современнаго положенія женщинъ, о нынѣшнемъ ихъ воспитаніи, дѣлающемъ изъ нихъ рабынь или баядерокъ, объ умственныхъ способностяхъ и нрав-

ственныхъ качествахъ женщинъ, наконецъ, о философіи исторіи знаменитыхъ женщинъ.

«Къ сожалѣнію, — прибавила она, — имѣются столь хорошо *вымуштрованныя* женщины, что онѣ всѣми своими силами поддерживаютъ, въ ущербъ своему полу, рабское воспитаніе, лежащее въ основаніи всѣхъ страданій супруги и матери... Этихъ женщинъ нельзя назвать чистыми сердцемъ и одаренными разумѣніемъ».

Въ томъ же году г-жа Гортензія Алларъ, авторъ «Исторіи флорентинской республики», издала сочиненіе «Женщина и демократія нашего времени». Въ этомъ произведеніи, гдѣ говорится главнымъ образомъ, о мужчинахъ, рѣшительно ничего нельзя разобрать.

За три года до того, ярая сень-симонистка Клара Демаръ открыла энергичную кампанію въ пользу освобожденія своего пола.

«Это первое произведеніе, — говоритъ она въ своемъ *Обращеніи французженки къ народу*, — представляетъ лишь перчатку, брошенную на арену, но въ колчанѣ автора имѣется еще не одна стрѣла для защиты его перваго произведенія». Въ *Ma Loi d'avenir* Демаръ требовала до брака «чисто физическаго испытанія плоти плотью... Отъ лона *кровной матери*, — заключаетъ она, — передайте новорожденнаго въ руки *соціальной матери* и *государственной кормилицы*, и ребенокъ получитъ лучшее воспитаніе».

До выхода этого сочиненія въ свѣтъ бѣдная женщина покончила самоубійствомъ вмѣстѣ съ своимъ «братомъ», сень-симонистомъ Дезессаромъ. Обоимъ имъ опротивѣла жизнь и огорчала невозможность дальнѣйшей взаимной любви.

Въ августѣ 1832 года Жанна Дезире и Сюзанна Вуалькэнъ основали «Газету свободной женщины». Этотъ листокъ вскорѣ принялъ названіе «Женское апостольство», а въ слѣдующемъ году «Женская Трибуна». Въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ вышло болѣе или менѣе регулярно около сорока номеровъ. Такъ какъ сотрудницы этого крайняго сенъ-симонистскаго органа обыкновенно подписывались только именами или псевдонимами, какъ, напримѣръ, «Новая Мать», то весьма трудно установить ихъ личности; между тѣмъ одна изъ нихъ гордо подписывалась: Адель Миге, республиканка. Эти дамы образовали *Союзъ Новой Женщины*. Ихъ лозунгъ гласилъ: «Не будемъ выходить за мужчинъ, не соглашающихся дѣлиться властью».

«Трибуна» обрушилась на «Женскую Газету» г-жъ Луизы Бернаръ и Фуко де Пасси, которая нападала на сенъ-симонизмъ и унижалась до преподаванія своимъ читательницамъ рецептовъ приготовления шоколада! Самымъ забавнымъ номеромъ «Трибуны» является тотъ, въ которомъ г-жа Вуалькэнъ объявляла, что она развелась съ мужемъ передъ лицомъ Отца Анфантэна, а своего ангела-хранителя, иначе говоря, своего супруга, уступила одной изъ своихъ сотрудницъ, Юліи Парси.

Трибуна была прежде всего сенъ-симонистскимъ органомъ, а *Женская Газета* изданіемъ для семьи; промежуточное мѣсто между ними занимала *Gazette des Femmes*, «юридическая, литературная и театральная газета».

Этотъ ежемѣсячный журналъ, основанный въ

1836 году г-жами Эрбино и Путрэ (или Пуртрэ) де Мошанъ, рѣшительно требовалъ во имѣ Хартии предоставленія женщинамъ, уплачивающимъ двѣсти франковъ налога, избирательнаго грава и настаивалъ на томъ, чтобы Луи Филиппъ прибавилъ къ своимъ титуламъ еще титулъ «Короля французенокъ» (май 1837 г.).

Сотрудницы *Gazette de France* (всѣ онѣ назывались Мошанами) подали Палатѣ 1 сентября 1836 г. петицію въ пользу установленія развода. Эта газета просуществовала два года.

Цѣлый рядъ другихъ женщинъ выступалъ со словомъ или перомъ въ царствованіе Луи-Филиппа, но исторія феминизма выходитъ за рамки этого сочиненія.

Однако, мы должны сказать нѣсколько словъ о странной Флорѣ Тристанъ (г-жа Шазаль). Эта эксцентричная женщина, славившаяся своею красотой. путешествовавшая по Америкѣ и чуть было не убитая своимъ мужемъ, мечтала въ 1844 году объ организаціи обширнаго *Рабочаго Союза*, который установилъ бы для всѣхъ французскихъ рабочихъ ежегодный взносъ въ размѣрѣ двухъ франковъ для открытія во всѣхъ департаментахъ *Союзныхъ Дворцовъ*, гдѣ получали бы воспитаніе дѣти и находили бы пріютъ старики и инвалиды рабочаго класса.

Будучи убѣжденнымъ апостоломъ матриархата и основываясь «на томъ, что отцовство представляетъ лишь вѣру, тогда какъ материнство — достовѣрность», Флора Тристанъ требовала не только равенства женщины, но и ея верховенства и, какъ результатъ этого, «общности мужчинъ».

Въ подпискѣ на образованіе фонда Рабочаго Единства приняли участіе Эженъ Сю, принцесса Бельджойозо, Бланки, Фредерикъ Леметръ, Анаисъ Сегала, Эмиль Сувестръ, Тиссо, Полина Роланъ, Марселина Дебордъ-Вальморъ и много другихъ.

Въ 1781 году Пилать де Розье основалъ подѣ названіемъ Musée de Monsieur своего рода литературную академію, которая въ ту эпоху, когда Лагарпъ читалъ въ ней свой курсъ литературы, пользовалась извѣстностью. Это учрежденіе, превратившееся въ *Республиканскій Атенеи*, затѣмъ просто въ *Атенеи* и, наконецъ, въ *Королевскій Атенеи*, просуществовало или протянуло 60 лѣтъ.

Въ 1796 году Демутъе избралъ предметомъ своихъ лекцій: «Обязанности женщинъ, ихъ миссія хранительницъ общественнаго благосостоянія; ихъ любовь къ удовольствіямъ и къ своимъ обязанностямъ».

Въ послѣднее время и вплоть до своего прекращенія это былъ просто кружокъ, гдѣ собирались почитать, поболтать и отдохнуть, и куда все-таки два или три раза въ годъ являлся къ вящей славѣ литературы священнодѣйствовать въ этой академіи въ юбкахъ г. де Кастелянъ, престарѣлый меценатъ синихъ чулковъ той эпохи».

Глава VIII.

Амазонки 1848 года.

Бормъ и Везувианки.

„Женщина относится къ мужчинамъ такъ, какъ мужчина относится къ гориллѣ“.

Элиза Фернэмъ.

Эпохи революціонныхъ потрясеній, возбуждая умы, неминуемо доводятъ до полнаго помѣшательства массу слабоумныхъ и неравновѣшенныхъ людей. Эта великая армія кандидатовъ въ желтый домъ не преминула предложить свое экстравагантное содѣйствіе Революціи 1848 года: 1 марта гражданинъ Бормъ съ самымъ серьезнымъ видомъ внесъ предложеніе призвать подѣ знамена всѣхъ гражданокъ брачнаго возраста и сформировать легионъ *Везувианокъ*.

Этотъ убѣжденный феминистъ былъ, — но предоставимъ ему самому слово, — «изобрѣтателемъ нѣсколькихъ военныхъ машинъ, выбрасывающихъ триста ядеръ или жестянокъ съ картечью въ минуту, изобрѣтатель созданнаго дьяволомъ греческаго огня, который даетъ возможность одной женщинѣ съ помощью горючихъ матеріаловъ на десять франковъ поджечь цѣлый арсеналъ,... наконецъ, изобрѣтатель средства, съ

помощью котораго двѣ тысячи гражданокъ могутъ успѣшно бороться съ арміей въ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ». ¹⁾

Изъ этихъ трехъ поразительныхъ изобрѣтеній слѣдуетъ запомнить лишь второе, такъ какъ оно показываетъ, что этотъ несчастный безумецъ изобрѣлъ «петролейщицъ» за двадцать три года до Коммуны, когда керосинъ не былъ никому еще извѣстенъ за предѣлами лабораторій.

29 февраля Бормъ-сынъ величалъ себя заводскимъ химикомъ и утверждалъ, что ему не болѣе 28 лѣтъ. Въ этотъ день онъ, вѣроятно, совершенно позабылъ десятокъ довольно несчастныхъ лѣтъ своей жизни, въ продолженіе которыхъ онъ служилъ лекаремъ во флотѣ (?). Изъ своихъ далекихъ путешествій онъ вынесъ сильную горячку, которая въ 1841 году по возвращеніи съ Мартиники уложила его на 18 мѣсяцевъ въ Шербургскую больницу.

Не совсѣмъ излечившись, Бормъ задумалъ сдѣлаться гениальнымъ изобрѣтателемъ. Созная свои заслуги и глубоко убѣжденный въ томъ, что онъ сто разъ заслужилъ орденъ Почетнаго Легіона, онъ въ 1843 году рѣшилъ прицѣпить красную ленточку; за эту забаву ему пришлось, какъ въ Марселѣ, такъ и въ Парижѣ, заплатить нѣсколькими мѣсяцами тюрьмы.

Непризнанный изобрѣтатель проклиналъ артиллерійскій комитетъ, упорно отказывавшійся испытать его снаряды, и вмѣстѣ съ тѣмъ питалъ непримиримую ненависть къ Луи-Филиппу, у котораго онъ ни разу не могъ добиться аудіенціи.

¹⁾ Bibl nat., L v. ⁵³, 251 и 353.

Вслѣдствіе этого, онъ приготовился низвергнуть «собственными силами тирана или 1 мая, или 29 іюля». Но и на этотъ разъ ему не повезло: преждевременно вспыхнувшая революція лишила его даже этой чести.

Вмѣсто миллионовъ, которые должны были принести ему его изобрѣтенія, этотъ непризнанный гений, какъ онъ самъ сообщаетъ, имѣлъ 26 февраля въ карманѣ только 160 франковъ. Его состояніе должно было даже сильно уменьшиться черезъ два дня, послѣ того, какъ онъ расклеилъ по всему Парижу желтую афишу, обращенную

Къ гражданкамъ-патріоткамъ, моимъ сестрамъ во Республикѣ.

«Республика въ значительной мѣрѣ обязана вамъ своимъ существованіемъ, ибо, благодаря вашимъ подстрекательствамъ, ваши возлюбленные не убоялись картечи 24 февраля.

«Вы оказали большую услугу отечеству, въ виду чего я и просилъ Временное Правительство зачислить васъ въ армію подъ названіемъ *Везувіанокъ*.

«Срокъ службы будетъ однолѣтній; для приѣма на службу нужно имѣть отъ 15 до 30 лѣтъ отъ роду и быть не замужемъ.

Обращаться отъ 12 до 4 часовъ дня ул. Сентъ-Апполинъ, 14».

«Расклеенная по всему Парижу афиша, — говоритъ Маршалъ Кастелянъ въ своемъ *Дневникѣ*, — сообщаетъ объ открытіи бюро для вербовки женщинъ... Рассказываютъ, что человѣкъ 60 записалось; надо полагать, что извѣстное число ихъ будетъ ежедневно командироваться для несенія

караульной службы у гражданъ мобильной гвардіи».

Къ несчастью, тотчасъ же нашлись завистники, которые попытались отнять у Борма славу этой блестящей идеи. и какой-то другой психопатъ предложилъ организовать женскую національную гвардію, состоящую изъ двухъ полковъ амазонокъ. въ томъ числѣ одного кавалерійскаго.

«Дамы, которыя пожелаютъ записаться, — является авторъ проекта въ своемъ воззваніи, — должны представить доказательства своего патриотизма и хорошаго поведенія. Онѣ должны будутъ обмундироваться на свой счетъ»¹⁾.

Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сатирическіе журналы того времени, *Памфлетъ*, *Шаривари*, *Силузтъ*, *Утка*, жили изобрѣтеніемъ Борма и обрабатывали клубъ-легионъ Везувіанокъ подѣль столѣ разнообразными соусами, что многіе, въ концѣ-концовъ, начали сомнѣваться въ дѣйствительномъ его существованіи и готовы были счесть всю эту исторію выдумкою газетчиковъ, нуждающихся въ пикантномъ матеріалѣ.

А между тѣмъ, если эти храбрыя гражданки не стояли нигдѣ въ казармахъ, онѣ тѣмъ не менѣе имѣлись повсюду. Жанна Деруэнъ, Анна Шницбургъ, — обѣ, по словамъ Tintamarre'a, одержимыя «манифестаціомаіей» — и нѣсколько другихъ бѣшеныхъ гражданокъ приняли это звучное имя и даже вышили его на своемъ знамени. Нѣсколько позже онѣ избрали слѣдующій девизъ: «Чѣмъ больше довѣрчивой любви. тѣмъ

¹⁾ Bibl. nat. L v. 54. 1299.

больше безвѣстнаго самопожертвованія». У насъ имѣется свинцовая медаль, на которой съ одной стороны мы читаемъ: «Гражданинъ Бормъ, организаторъ женскаго клуба. Апрель 1848 года», а на другой: «Записываются 5000 женщинъ. Городъ Парижъ».

Вопросъ о формѣ также обсуждался на ихъ совѣщаніяхъ, но разрѣшенъ онъ былъ, повидимому, только Э. Бомономъ въ его превосходной серіи Везувіанокъ, появившейся въ *Шаривари*. Эти воительницы удовольствовались требованіемъ реформы женскаго костюма во имя права «свободнаго передвиженія».

«Женщины, — говорили онѣ, — должны незамѣтно работать надъ сглаживаніемъ различій, существующихъ между мужскимъ костюмомъ и женскимъ, не переходя при этомъ границъ стыдливости и не давая поводовъ къ насмѣшкамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не измѣняя изяществу и хорошему вкусу. Вдобавокъ, это будетъ такая перемѣна, на которую мужчины, если принять во вниманіе ихъ одѣяніе факельщиковъ, не будутъ имѣть повода жаловаться»¹⁾.

Обмужчиниваніе женскаго костюма проповѣдывалось также 22 апрѣля 1848 года въ газетѣ «Женскій Голосъ».

«Давайте впредь носить республиканскія шляпы, круглыя, лѣтомъ изъ соломы, съ низкой и круглой тульей, съ полями шириною отъ 5 до 6 дюймовъ. Мы будемъ носить ихъ на головѣ, какъ мужчины. — А наши волосы? — Ваши волосы? Вы

¹⁾ Bibl. nat., Lb, 53 1298.

ихъ острижете; они укрѣплятся или скорѣе (причемъ мы отнюдь не намѣрены надъ вами смѣяться) вы оставите ихъ у парикмахера. А ужъ дѣло модистики будетъ изящно загнуть контуры полей и убрать шляпу перомъ, лентой или вуалью.

«Почему бы намъ также не начать носить венгерки, украшенныя бранденбурами и пуговицами, которыя мы уже испробовали на нашихъ дѣвочкахъ?.. Требуется еще кое-что для довершенія реформы, но мы не рѣшаемся на это указать, такъ какъ мы слышимъ ропотъ бабушекъ, обреченныхъ на пенъковыя шляпы и длинныя шали». Безпристрастіе побуждаетъ насъ заявить, что редакторъ газеты, г-жа Нибуайе, высказалась противъ этого новшества.

Газетка «Женская республика» поспѣшила сочинить для амазонокъ 1848 года женскую Марсельезу.

Дрожите, тираны въ штанахъ.
Женщины, насталъ вашъ день...
Возстаньте, Везувіанки, возстаньте!

Chant du Départ также былъ приспособленъ для женскаго употребленія.

Когда одинъ журналистъ позволилъ себѣ задать Везувіанкамъ вопросъ, сумѣютъ ли онѣ дѣйствовать ружьемъ хотя бы въ теченіе пяти минутъ, одна изъ нихъ шутливо отвѣтила:

«Почему всегда говорятъ, что мы слабы? Я хожу на рынокъ, спускаюсь въ погребъ, отправляюсь въ лѣсъ; я стряпаю, стираю бѣлье, вычищаю щеткой пыль, натираю полы, чищу посуду, въ то время, какъ мой *сильный* мужъ цѣлый день корпитъ въ своей конторѣ надъ цифрами».

Если вѣрить «Женскому Голосу» (№ отъ 21 марта), то мужественнымъ женамъ національныхъ гвардейцевъ часто приходилось становиться на часы на то время, пока ихъ благовѣрные ѣли горячій супъ, принесенный имъ супругами. Газета не сообщаетъ намъ, отправляли ли ихъ также въ «Фасольную гостиницу»¹⁾.

Впрочемъ, если всѣ Везувіанки требовали обязательной военной службы въ Женской гвардіи для всѣхъ дѣвушекъ отъ 15 до 20 лѣтъ, то наиболѣе благоразумныя изъ нихъ не добивались утомительной чести носить ружье, а хлопотали просто о предоставленіи имъ права служить отечеству въ качествѣ работницъ, маркитантокъ или больничныхъ сидѣлокъ.

Эти воительницы нашли также подражательницъ въ провинціи. Въ Нонтронѣ (деп. Дордонь) женщины требовали доступа въ клубъ и «пользованія всѣми правами и участія во всѣхъ обязанностяхъ гражданъ, въ томъ числѣ и правомъ ходить дозоромъ въ качествѣ національныхъ гвардейцевъ».

Въ «Женскомъ Голосѣ», официальномъ органѣ феминизма въ 1848 году о *Везувіанкахъ* упоминается только однажды.

«Вчера утромъ (23 апрѣля) въ 11^{1/2} часовъ на Вандомской площади у подножія колонны собрался легионъ молодыхъ работницъ, чисто одѣтыхъ и удивительно прилично державшихся; среди ихъ рядовъ развѣвалось прекрасное знамя національ-

¹⁾ Hôtel des Haricots (l'hôtel Garricaud)—такъ называлась тюрьма національной гвардіи.—Прим. перев.

ныхъ цвѣтовъ, на которомъ золотыми буквами написано было одно только слово «Везувіанки».

«Этотъ легіонъ состоялъ изъ молодыхъ женщинъ отъ 15 до 20 лѣтъ, бѣдныхъ, обездоленныхъ работницъ, соединившихся въ артель для улучшенія своего положенія. Ихъ уставъ очень суровъ. Каждой изъ нихъ обезпечивается пища и квартира. Каждая Везувіанка получаетъ десять франковъ въ мѣсяцъ. Ихъ первое общежитіе устраивается, какъ говорятъ, въ Бельвилѣ. Въ полдень легіонъ тронулся съ мѣста въ величайшемъ порядкѣ и направился по набережнымъ въ городскую Ратушу и требовалъ поддержки и покровительства отъ Временнаго Правительства.

«Мы считаемъ дѣло *Везувіанокъ* достойнымъ всѣхъ нашихъ симпатій; но зачѣмъ имъ понадобилось это имя? Ихъ молодость, ихъ преданность общественному дѣлу даетъ имъ на это право; но требовалъ ли этого общій интересъ?»

Небольшая брошюрка, помѣченная 19 апрѣля и озаглавленная *Везувіанки*, заранѣе давала отвѣтъ на этотъ вопросъ:

«Это первая шуточная кличка, которая дала поводъ поднять насъ на смѣхъ, и мы считаемъ дѣломъ своего самолюбія реабилитировать это имя. Кромѣ того, оно прекрасно опредѣляетъ нашу позицію и лучше всякаго другаго выражаетъ нашу мысль; но только лава, которая такъ долго сдерживалась и должна, наконецъ, разлиться вокругъ насъ, не грозитъ пожаромъ, а сулитъ возрожденіе... Насталъ, наконецъ, день нашего освобожденія».

Одиннадцать женщинъ, подписавшихъ этотъ

манифестъ, къ сожалѣнію, имѣли скромность скрыться подъ простыми инициалами; однако, мы можемъ узнать среди нихъ Жанну Деруэнъ, Анну Шницбургъ, Юлію Эмаль и Марію Констанъ.

«Братья,—говорили онѣ въ заключеніе,—будьте наши язвительныя слова и помните лишь о нашей любви. Не угашайте факела справедливости, пытаюсь скрыть его отъ насъ!»

« Слово *Везувіанка*, — говоритъ другая амазонка, — означаетъ, что въ глубинѣ души каждой изъ товарокъ пылаетъ цѣлый вулканъ революціоннаго огня и страсти».

Какъ сообщаетъ «Женскій Альманахъ», изданный въ 1852 году Жанной Деруэнъ, *Везувіанки* явились въ этотъ день въ городскую Ратушу съ вопросомъ, на какомъ основаніи одни мужчины получили право на трудъ, причемъ онѣ осѣдомлялись, не будутъ ли вскорѣ организованы національныя мастерскія для женщинъ. «Великіе преобразователи, — прибавляетъ Жанъ Масэ, — въ своихъ беспорядочныхъ мечтахъ о прогрессѣ просто на просто позабыли о половинѣ человѣческаго рода. Рабочіе въ массѣ получили приглашеніе на избирательное пиршество, но работницы остались за дверью».

Арманъ Марра, который, по словамъ Шеню, больше боялся этого «батальона въ чепцахъ», чѣмъ двадцати тысячъ вооруженныхъ мужчинъ изъ клуба Бланки, чтобы отвязаться отъ нихъ, обѣщалъ имъ выдавать жалованье въ размѣрѣ шестидесяти сантимовъ въ день.

И дѣйствительно. 10 апрѣля открыты были

швейныя мастерскія; къ сожалѣнію, съ перваго же дня обнаружилось, что явившіяся туда гражданки никогда не держали иголки въ рукахъ!

«Работницы, — говоритъ г-жа Страленъ («Женскій Голосъ» 21 апрѣля), — занятія въ національныхъ мастерскихъ, большею частію совершенно неспособны изготовить мало-мальски годную работу. Многія изъ нихъ до сего дня никогда не занимались шитьемъ... Эти женщины съ трудомъ успѣваютъ сшить за день одну рубаху изъ грубаго холста, да и какую другую работу можно вообще имъ поручить?»

Г-жа Дезире Ге, делегатка отъ работницъ второго округа при Комиссіи труда, также жалуется на то, что работа, даваемая женщинамъ въ мастерскихъ, представляетъ сущій обманъ, и что образецъ рубахъ, подлежащихъ сдачѣ, усложненъ лишними швами. «Организація женскаго труда представляетъ новую форму деспотизма, а избраніе делегатовъ это сплошная мистификація. За исключеніемъ начальницъ отдѣловъ (одна на сто человѣкъ) и начальницъ бригадъ (одна на десять), получающихъ по три и полтора франка, остальные получаютъ шестьдесятъ сантимовъ съ рубахи; а для изготовленія таковой большинству изъ нихъ приходится тратить по два дня!»

Вслѣдствіе этого протеста, Дезире Ге была 28 апрѣля отозвана, а работницы потребовали установленія постоянной поденной платы въ размѣрѣ одного франка. Нужно ли прибавлять, что это требованіе было отвергнуто?

Если вѣрить памфлету Шеню «Монтаньяры», то Порненъ, одинъ изъ лейтенантовъ Коссидье-

ра, знаменитаго префекта полиціи, который похвалялся установить порядокъ съ помощью безпорядка, предложилъ, черезъ нѣсколько дней послѣ разграбленія замка въ Нейи, организаторамъ небольшого народнаго праздника, устроеннаго въ Тюильри, попросить Борма пригласить триста Везувіанокъ, «стоящихъ за полный коммунизмъ». Такъ какъ опасались отсутствія прекраснаго пола, эта идея была принята съ энтузіазмомъ.

Въ 6 часовъ вечера Везувіанки явились со своимъ знаменемъ и выстроились двумя рядами во дворѣ Лувра; Порненъ, облаченный въ свой экстраординарный костюмъ монтаньяра, произвелъ имъ смотръ, а затѣмъ, взявъ подъ руку тамбуръ-мажора, провелъ ихъ въ Тюильри. Эта барабанщица пользовалась колоссальной популярностью въ Парижѣ; къ сожалѣнію, намъ не удалось узнать ея имя.

Шеню прибавляетъ, что поведеніе Везувіанокъ на этомъ балу оставляло желать страшно многого. Мы легко этому вѣримъ въ виду того, что г-жа д'Агу (Даніель Стернъ) въ своей «Исторіи Революціи 1848 года» констатируетъ, что «изъ женщинъ двусмысленной нравственности организованъ былъ легионъ нѣкимъ психопатомъ по фамиліи Бормъ, который далъ имъ названіе *Везувіанокъ* и нѣсколько разъ водилъ ихъ въ Ратушу. Эти гражданки напугали многихъ добряковъ и придали новую силу предразсудкамъ, которые начали было расфиваться».

Отвѣтъ на эти инсинуаціи данъ былъ въ

забавной брошюрѣ «Отвѣтъ Фретилона II, бывшаго майора легіона Везувіанокъ».

«Нападать на Везувіанокъ, безумецъ! Но, вѣдь, ты не знаешь, что, если невинность и непорочность существовали когда-либо на землѣ, то именно въ одеждѣ Везувіанки. Твое перо можетъ принадлежать только совѣ, а не голубицѣ, этой вѣстницѣ любви... Мы не станемъ больше прясть и стряпать на кухнѣ, Братское общество поваровъ позаботится объ удовлетвореніи нашихъ потребностей».

Должно быть, подъ вліяніемъ этихъ амазонкѣ, «Женскій Голосъ» позволилъ себѣ 16 апрѣля разразиться воинственными угрозами.

«Женщины не стануть учинять шумныхъ бунтовъ, но при всякой направленной противъ нихъ мѣрѣ онѣ проявятъ неутомимое самопожертвованіе, а амазонки мира двинутся сомкнутыми колоннами». Въ данномъ случаѣ рѣчь шла о защитѣ симпатичнаго Бланки!

Слѣдуетъ сказать, что въ то время броженіе охватило всѣ женскія корпораціи. Привратницы добивались освобожденія отъ обязанности подметать тротуары передъ своими дверьми (24 марта). Поденщицы просили, чтобы въ обмѣнъ на ежемѣсячный взносъ въ размѣрѣ одного франка государство выдавало всѣмъ ихъ сестрамъ безъ мѣста одинъ франкъ въ день (27 апрѣля). Повивальныя бабки въ виду услугъ, оказываемыхъ ими рождающемуся человѣчеству, и въ виду моральнаго вліянія ихъ корпораціи на семьи, требовали предоставленія имъ правъ государственной службы для того, чтобы получить возможность от-

правлять свою профессію, «какъ таинство ласки, добра и братства» (31 марта). Всѣ старыя дѣвы требовали установленія обязательнаго брака.

Въ послѣдніе дни мая ярко-красныя афиши приглашали истинныхъ гражданокъ, «искренно преданныхъ республиканскимъ принципамъ», собраться во вторникъ, 30 мая, къ 11 часамъ утра у подножія Вандомской колонны для манифестаціи въ пользу введенія развода, «требуемаго общественною моралью». Къ назначенному часу на указанное мѣсто явилось около двухсотъ женщинъ и множество зѣвакъ. Было произнесено нѣсколько рѣчей подъ крики толпы, вопившей:

„Des Lampions, Des Lampions“ это „Ça ira“ Революціи 1848 года, послѣ чего депутація гражданокъ отправилась въ министерство юстиціи, чтобы поблагодарить и привѣтствовать Кремье за то, что онъ внесъ въ Національное Собраніе законопроектъ о введеніи развода.

Г-жа Нибуайе выразила неодобреніе этой манифестаціи, организованной Жанною Деруэнъ и везувіанской партіей. Впрочемъ, вопросъ о разводѣ очень мало интересовалъ членовъ центральнаго комитета *Общества Женскаго Голоса*, большая часть которыхъ, хотя и давали гражданъ отечеству, всегда отказывались узаконивать свои супружескія отношенія въ мѣри; въ теченіе долгаго времени онѣ довольствовались титуломъ «сенъсимонистской супруги гражданина X». Ниже мы увидимъ, что онѣ отказывали даже женамъ въ правѣ гражданства и требовали его только для совершеннолѣтнихъ дѣвицъ и вдовъ.

Напротивъ, значительное число молодыхъ дѣ-

вушекъ или, точнѣе, старыхъ дѣвъ, выказали себя яркими сторонниками развода. Установленіе этого института должно было по ихъ расчетамъ превратить такую массу гражданъ снова въ холостяковъ, что онѣ надѣялись изъ этой массы подцѣпить себѣ, наконецъ, муженька.

Требуя развода, *Везувіанки* вмѣстѣ съ тѣмъ настаивали на введеніи обязательнаго брака для мужчинъ и даже вторичнаго обязательнаго вступленія въ бракъ для вдовцовъ моложе сорока пяти лѣтъ. Дабы принудить холостяковъ вступить въ законный бракъ, онѣ предлагали держать ихъ въ казармахъ, пока они не рѣшатся, наконецъ, осчастливить какую-нибудь женщину. Только особая повѣрочная коммиссія могла освободить отъ брачныхъ узъ калѣкъ и идіотовъ.

На манифестаціи Везувіанокъ на Вандомской площади Бормъ отсутствовалъ по той причинѣ, что сидѣлъ въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ Альберомъ, Барбесомъ, Распайлемъ и своимъ бывшимъ другомъ Бланки. Несчастный психопатъ угодилъ подъ замокъ за то, что во время мятежа 15 мая онъ позволилъ себѣ подписать въ Ратушѣ нѣсколько нелѣпныхъ приказовъ титуломъ главнаго секретаря префектуры полиціи.

За нѣсколько дней до того къ нему въ первый разъ въ жизни отнеслись серьезно, какъ къ изобрѣтателю, вожди возстанія, и онъ имѣлъ честь продемонстрировать передъ ними свой греческій огонь въ одной изъ комнатъ префектуры полиціи! Монтаньяры пришли въ восторгъ и заказали ему триста бутылокъ этого вещества. Къ счастью, Бормъ не имѣлъ времени представить заказъ, ибо Ви-

докъ на Верховномъ судѣ въ Буржѣ показалъ, что видѣлъ собственными глазами, какъ однажды ночью Бормъ съ помощью содержимаго одного небольшого пузырька поджегъ бассейнъ Шато д'О.

Сидя въ Консьержери, Бормъ открылъ у себя новые таланты; онъ сдѣлался шпиономъ и началъ доставлять Временному Правительству крайне интересные подробности относительно подготовки июньскихъ дней. Къ несчастью, состояніе его умственныхъ способностей было хорошо извѣстно, и никто не придавалъ его сообщеніямъ вѣры, и только послѣ возстанія всѣ поняли, какое важное значеніе они имѣли.

Разсказываютъ, что его сотоварищи по заключенію, пронюхавъ о его измѣнѣ, приговорили его къ смерти, и его, вѣроятно изъ предосторожности, продолжали держать въ тюрьмѣ.

Впрочемъ, «полковникъ» часто мѣнялъ свои убѣжденія: хотя сначала онъ хвасталъ тѣмъ, что былъ однимъ изъ основателей клуба Бланки, впоследствии, на судѣ въ Буржѣ, онъ клялся, «что предпочитаетъ быть казакомъ, чѣмъ социалистомъ».

На допросахъ онъ то утверждалъ, что захватилъ городскую Ратушу исключительно съ цѣлью спасти Временное Правительство, то увѣрялъ, что это было сдѣлано съ цѣлью облегчить сформированіе въ Бомонѣ легіона изъ четырехъ тысячъ волонтеровъ, готовыхъ поддержать Луи-Наполеона! Въ виду этого прокуроръ заявилъ, что «онъ готовъ, повидимому, служить всѣмъ партіямъ». Видокъ, вызванный въ качествѣ свидѣтеля, охарактеризовалъ его, какъ «человѣка злого, отличающагося безчувственностью, которая доходитъ до жестокости».

На вопросъ предсѣдателя, почему онъ титулуетъ себя полковникомъ, Бормъ гордо отвѣтилъ: «Потому что я состою комадниромъ женскаго легиона». Комиссаръ правительства отнесся къ нему очень милостиво; напротивъ, остальные подсудимые всячески обвиняли его: Бланки заявили, что Бормъ пытался его умертвить, а Распайль осыпалъ его ругательствами.

Верховный Судъ, принявъ во вниманіе враждебное отношеніе подсудимыхъ, оказанныя Бормомъ полицейскія услуги и его психическую ненормальность, 2 апрѣля 1849 года оправдалъ его.

Надо полагать, что во время его содержанія подъ стражей Везувіанки выказали по отношенію къ нему неблагодарность, такъ какъ по выходѣ на свободу онъ сдѣлался ихъ яримъ противникомъ.

Подъ заглавіемъ «Занавѣсъ поднять, большой волшебный фонарь политическихъ приспѣшниковъ» Бормъ составилъ въ 1850 году направленный противъ нихъ рѣзкій памфлетъ, который, къ сожалѣнію, не увидѣлъ свѣта за отсутствіемъ издателя. Напечатано было только его оглавленіе; и содержаніе его способно только возбудить въ насъ глубокую жалость по поводу того, что мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи этого пикантнаго документа цѣликомъ. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ него:

«... Моя главная квартира подъ воротами Сенъ-Дени... Везувіанки. — Ихъ организація. — Онѣ устраиваютъ манифестацію и отправляются въ Ратушу. — Временное правительство устами Ламартина обѣщаетъ предоставить въ ихъ распоряженіе казармы. — На слѣдующее воскресенье онѣ отправляются въ министерство иностранныхъ дѣлъ

съ тѣмъ, чтобы гильотинировать тамъ г-жу Ламартинъ. — Вторженіе въ Министерство. — Онѣ направляются въ Елисейскія Поля и хотятъ повѣсить меня на деревѣ. — Тамбуръ-Мажоръ Везувіанокъ спасаетъ меня отъ веревки. — Мой арестъ въ Елисейскихъ Поляхъ по приказу Ламартина. — По приводѣ въ префектуру полиціи, Коссильтеръ отпускаетъ меня на свободу. — Частная жизнь начальницъ и офицершъ Везувіанокъ, принцессъ и маркизъ Краснаго Шара и квартала Бреда — Сцена изъ жизни этихъ несчастныхъ женщинъ и пр.»

Въ эпоху Имперіи «полковникъ» издалъ еще нѣсколько брошюръ: въ однѣхъ онъ приглашалъ парижанъ идти на освобожденіе Италіи, въ другихъ онъ старался популяризовать свои замѣчательныя открытія. Такъ, въ 1867 году онъ доказывалъ, что принятіе его удушающихъ ракетъ сдѣлаетъ морскія войны невозможными и навѣрняка повлечетъ за собою всеобщее разоруженіе.

Въ 1870 году Борма, вѣроятно, уже не было въ живыхъ, или же онъ сидѣлъ въ сумасшедшемъ домѣ, такъ какъ среди изобрѣтателей греческаго огня, которыми Парижъ кишмя кишѣлъ во время осады, мы не встрѣчаемъ его имени, если только онъ не составлялъ одного цѣлага съ Бомомъ, компаньономъ гг. Деками и Обріе. Эти зажигательные составы не опалили ни одного пруссака, но черезъ нѣкоторое время они послужили коммунарамъ для сожженія Парижа.

Чтобы закончить эту главу, мы воспроизведемъ по «Мирной демократіи» (№ отъ 12 іюля 1848 г.) довольно оригинальную феминистскую статью,

комментирующую письмо, въ которомъ «артистка» мадемуазель Генриетта жалуется на то, что множество раненыхъ во время июньскаго возстанія погибли, благодаря неумѣлому уходу гражданокъ-сидѣлокъ.

Изъ этой длинной защитительной статьи мы приведемъ лишь то мѣсто, которое относится къ образованію смѣшанной національной гвардіи. Даже *Шаривари* ни разу не превзошелъ по умерительному комизму серьезнаго органа фаланстеріанцевъ.

«Какому-то капитану перваго легіона пришла въ голову мысль сформировать изъ женщинъ братскій корпусъ съ помощью кадровъ своей роты такъ, чтобы мужья и жены собирались въ одномъ мѣстѣ для двойной функціи: одни обезпечивали бы порядокъ въ городѣ, а другія организовали бы отношенія дружественной солидарности. Эта идея, думается намъ, можетъ оказаться плодотворной, если мужчины стануть держаться нѣсколько въ сторонѣ и предоставятъ свободное поприще высокой женской деликатности, этому душевному дару, который растопляетъ льды и угашаетъ гибельное пламя. О, если бы женщины были болѣе свободны, мы лучше бы поняли, что умѣемъ только растравлять раны, наносимыя нашей мужской грубостью!»

Глава IX.

1848 годъ. Феминистское движеніе.

Г-жа Нибуайе и «Общество Женскаго Голоса».

„Если бы намъ нужно было сохранять молчаніе, то для чего же природа дала намъ языкъ, ничуть не менѣе говорливый, чѣмъ языкъ мужчинъ? и голосъ, по меньшей мѣрѣ, столь же пріятный, какъ и мужской голосъ, который кажется осиплымъ и гораздо больше похожъ на ослиный ревъ, чѣмъ нашъ!“

Шапюзо,

Женскій Кружокъ, 1856 г.

Въ мартѣ 1848 г. въ Парижѣ вспыхнула страшная эпидемія, какой Франція не видала уже свыше пятидесяти лѣтъ. Эта болѣзнь называлась «клубоманіей». За одинъ мѣсяцъ въ столицѣ открылось больше трехсотъ клубовъ: музеи, мэрии, школы, даже церкви кишѣли ими!

Клубы имѣлись на всѣ вкусы, къ услугамъ всѣхъ профессій. Въ то время, какъ въ *Клубѣ Бланки* члены совѣщались съ оружіемъ въ рукахъ, а въ *Клубѣ Баррикадъ* преподавалось искусство нагромоздить булыжники мостовой, *Клубъ Привратниковъ* добивался только права не подметать тротуаровъ, а *Клубъ Бакалейщиковъ* улицы Таможни провозгласилъ въ своей программѣ спасеніе народа посредствомъ патоки.

Не многіе клубы оказались въ 1848 году достаточно галантными для того, чтобы допустить женщинъ на свои собранія. Однако, клубы *улицы Шоссе д'Антэнъ* и *Сентъ-Антуанской улицы* согласились отвести для добрыхъ гражданокъ по одному отдѣленію на хорахъ, а *Центральное Республканское Общество*, знаменитый *Клубъ Бланки*, вскорѣ послѣдовалъ этому примѣру.

Державшійся болѣе либеральныхъ взглядовъ, Кабэ иногда выступалъ въ *Центральномъ Братскомъ Обществѣ* съ рѣчами о правахъ женщинъ и даже охотно давалъ слово всѣмъ желавшимъ говорить женщинамъ. Поступая такимъ образомъ, основатель Икаріи надѣялся привлечь на свою сторону всѣхъ парижанокъ, а черезъ ихъ посредство заполучить голоса ихъ мужей. Ему, дѣйствительно, удалось снискать женскія симпатіи, но этимъ самымъ онъ возбудилъ противъ себя подозрѣніе въ избирателяхъ и трижды провалился на законодательныхъ выборахъ.

«Будьте благословенны, — писала ему г-жа Нибуайе, — вы и ваши великодушные икарійцы и всѣ тѣ, кто апплодировалъ вашимъ благороднымъ словамъ. Всѣ наши надежды мы возлагаемъ на васъ, на нихъ, на святость нашего дѣла. Подобно намъ, вы хотите, чтобы отнынѣ равенство сдѣлалось реальностью для всѣхъ мужчинъ и для всѣхъ женщинъ».

Напротивъ, *Клубъ Горы*, основанный на улицѣ Фрепюнь, № 24, былъ настоящимъ смѣшаннымъ обществомъ. Онъ могъ также гордиться тѣмъ, что предсѣдателемъ его былъ эксъ-аббатъ Константъ, а секретаремъ жена послѣдняго. Эта чета издавала

въ продолженіе нѣсколькихъ дней листокъ «Народный Трибунъ».

Г-жа Константъ, которую мы еще встрѣтимъ въ газетѣ «Женскій Голосъ», одинаково владѣла перомъ и вѣеромъ. Подъ псевдонимами «Марія Номи» и «Клодъ Виньонъ» она написала массу статей и брошюръ. «Этотъ клубъ, — говоритъ Альфонсъ Люка ¹⁾, — состоялъ изъ грязныхъ синихъ чулковъ, полоумныхъ социалистовъ и демократическихъ подонковъ, засѣдавшихъ въ закопченномъ кабакѣ среди кувшиновъ съ плохимъ виномъ и обкуренныхъ трубокъ... Въ одинъ прекрасный вечеръ гражданинъ-аббатъ произнесъ въ своемъ клубѣ слѣдующія жестокія слова: «Мы вскипятимъ кровь аристократовъ въ котлахъ революціи и надѣлаемъ изъ нея кровавой колбасы, чтобы утолить голодъ стонавшихъ пролетаріевъ».

Г-жа Адель Эскиросъ, авторъ нѣсколькихъ сочиненій, часто выступала тамъ съ рѣчами. Иногда она писала также въ рѣзкой газетѣ «Прокуроръ», которую издавалъ ея мужъ и которой, къ счастью, вышло только четыре номера.

Время отъ времени, но въ очень рѣдкихъ случаяхъ, отдѣльнымъ гражданкамъ удавалось проникнуть въ тотъ или иной мужской клубъ. Однажды въ *Клубъ Освобожденія Народовъ*, основанномъ Сюо въ переулкѣ Дантэнъ, какая-то женщина энергично потребовала слова отъ имени *Общества Женскаго Голоса*. Сначала члены клуба протестовали, но въ концѣ концовъ позволи-

¹⁾ Les Clubs et les clubistes en 1848.

ли гражданкѣ Жаннѣ Мари подняться на трибуну.

«Вы поражены,—говорила она,—и почти скандализованы тѣмъ, что женщина осмѣливается выступить на этой трибунѣ, гдѣ до сихъ поръ могъ раздаваться только сильный голосъ мужчины. А между тѣмъ ея рѣшимость растоптать ногами предразсудки, еще тяготѣющіе надъ нашимъ поломъ, должна была бы вызвать скорѣе ваши похвалы, чѣмъ порицанія. Для этого ей потребовалось не только колоссальное мужество, но и сознаніе долга, божественной миссіи, властно зазвучавшей въ ея душѣ; сердце ея облилось кровью отъ вашего смѣха, но мужество ея отъ него удвоилось. Выступая на защиту святого дѣла, она недоступна уколамъ сарказма. Въ то время, какъ вы разсуждаете здѣсь о страданіяхъ Ирландіи и Польши, рядомъ съ вами бѣдныя дѣвушки изъ народа умираютъ отъ горя и голода. Къ нимъ-то вы и должны прежде всего послѣшить на помощь, но именно мы, женщины, больше всего способны перевязать ихъ раны... Позвольте намъ возвысить свой голосъ въ качествѣ дочерей, женъ и матерей и указать вамъ на ваши обязанности по отношенію къ несчастнымъ дѣвушкамъ изъ народа, вамъ, рабочимъ, освободившимся только вчера, ибо мы требуемъ защиты дѣла вашихъ сестеръ, еще томящихся въ рабствѣ».

Эта рѣчь была покрыта бурными аплодисментами. Сойдя съ трибуны, лекторша произвела сборъ въ пользу безработныхъ женщинъ и собрала 102 франка, получивъ кромѣ того букетъ цвѣтовъ, за которымъ бюро любезно послало.

Этотъ успѣхъ побудилъ ораторшу выступить въ Клубѣ Сюо 20 апрѣля съ новой рѣчью. На этотъ разъ она взяла темой *Моральныя страданія женщины*, что позволило ей коснуться вопроса о женскихъ требованіяхъ.

«Нѣсколько дней тому назадъ,—говорила она,—я растрогала васъ филантропическими заявленіями; въ настоящій моментъ я надѣюсь подѣйствовать на вашу логику или, по крайней мѣрѣ, пробудить вашу совѣсть... Женщина не добивается неограниченной свободы, которая ей вовсе и ненужна; чего она прежде всего требуетъ, такъ это серьезнаго воспитанія, которое сдѣлаетъ ее равной вамъ и доставитъ вамъ въ ея лицѣ просвѣщенную опору. Она хочетъ, чтобы ни одна профессія, къ которой она чувствуетъ склонность, не была для нея закрыта... Необходимо, чтобы женщина могла изучать юриспруденцію и медицину... Пригласите насъ на братскій банкетъ вашего социальнаго возрожденія... Осаннѣ, раздающейся со всѣхъ сторонъ, чтобы привѣтствовать свободу, не достаетъ одного голоса, голоса женщины! Будете ли вы всегда забывать о ней, о товарищѣ вашихъ горестей? Будетъ ли та, кто сплошь и рядомъ изъ жалости къ вамъ беретъ на себя большую часть этого горя, еще долго исключаться отъ участія въ вашихъ радостяхъ?.. Да, женщина хочетъ теперь изучать законы, и это желаніе вполне справедливо, такъ какъ законъ задѣваетъ ея интересы... Миссія женщины заключается въ прекращеніи взаимной вражды, въ объединеніи всѣхъ партій, въ при-

мирениі республиканцевъ, сентъ-симонистовъ, коммунистовъ и фаланстеріанцевъ».

Мужчины ашлодировали гражданкѣ Жаннѣ Мари, но не поддались ея убѣжденіямъ. Въ виду этого, нѣсколько сотъ женщинъ, которымъ ежедневно трубили въ уши, что возстаніе составляетъ священнѣйшую изъ обязанностей, въ концѣ концовъ сказали себѣ: «Разъ наши властелины возмутились противъ тирановъ, почему бы и намъ не поднять знамя возстанія противъ нашихъ мужей?» Однако онѣ предоставили улицу въ распоряженіе Везувіанокъ, а сами удовольствовались основаніемъ нѣсколькихъ соціально-политическихъ обществъ.

Важнѣйшее изъ нихъ называлось *Обществомъ Женскаго Голоса*. Благодаря своей газетѣ, своему клубу и своей предсѣдательницѣ, г-жѣ Нибуайе, эта группа вскорѣ сдѣлалась настоящимъ центромъ всего феминистскаго движенія.

Перечислимъ другія общества:

Комитетъ Женскихъ Правъ, собиравшійся на улицѣ Сентъ-Мэрри подъ предсѣдательствомъ г-жи Буржуа-Алликсъ;

Союзъ Женщинъ и Женская Медицинская Школа, которыми управлялъ докторъ Малатъе;

Курсъ Женскаго Соціальнаго Права;

Общество Соревнованія Женщинъ, засѣданія котораго происходили по пятницамъ на площади Карузель въ прожнемъ помѣщеніи Главнаго Штаба;

Братскій Союзъ Учителей и Учительницъ Соціалистическаго Направленія, помѣщавшійся на ули-

цѣ Бреда, 21 и состоявшій подъ предсѣдательствомъ Лефрансэ и Полины Роланъ;

Союзъ Поденщицъ, устроившійся въ домѣ 11 предмѣстья Сентъ-Онорэ заботами г-жи Шенаръ;

Клубъ-Ассоціація Бъловеекъ, открытый въ домѣ 66 на улицѣ Ришелье стараніями Дезире Ге;

Союзъ Работницъ, помѣщавшійся на улицѣ Шаброль, 10;

Добрая Помощь, помѣщавшаяся на улицѣ Риволи, 16.

Судя по сообщенію «Женскаго Голоса» (номеръ отъ 16 апрѣля), г-жа Ламартинъ съ своей стороны старалась организовать «общество, которое должно было сдѣлать благотворительность доступной всѣмъ классамъ путемъ взаимопомощи между нѣсколькими семействами».

Закончимъ этотъ длинный перечень *Клубомъ Женской Эмансипаціи*, основаннымъ на улицѣ Провансъ, 61 Жанною Деруэнъ, Дезире Ге и докторомъ Малатъе.

Эта троица убѣжденныхъ феминистовъ пыталась основать нѣсколько газетъ «для распространенія среди гражданокъ истинныхъ принциповъ соціальной демократіи».

Первая, «Женская Трибуна» доктора Малатъе, не вышла изъ стадіи проспекта; вторая, «Женская политика» Дезире Ге, успѣла выпустить два номера за три мѣсяца; послѣдняя, «Женское Мнѣніе», благодаря усиліямъ Жанны Деруэнъ, а въ особенности перу Жана Масэ, выпустила шесть номеровъ... въ теченіе года.

За исключеніемъ *Женскаго Голоса*, «сатириче-

ской и политической газеты, выражающей интересы всѣхъ женщинъ», которая выходила довольно нерегулярно отъ 20 марта по 20 іюня 1848 г., но успѣла все-таки выпустить 46 номеровъ, остальные женскія газеты существовали не дольше одного дня.

Вся коллекція «*Народнаго Ада и Рая*» госпожи Бофоръ состоитъ изъ одного номера (отъ 2 апрѣля), а «Другъ Отечества» г-жи Легранъ также увидалъ свѣтъ лишь однажды (15 апрѣля).

Г-жа Бофоръ говорила: «Постараемся переродить женщинъ, столь драгоценную часть общества, и тогда она незамѣтно переродитъ другую часть».

«Всѣ эти пылкія феминистки не сидѣли сложа руки: соединяя слово съ дѣломъ, г-жа Буржуа, преподавательница естественной исторіи, въ сопровожденіи трехъ делегатокъ комитета *Женскихъ Правъ* отправилась 22 марта въ городскую Ратушу для подачи членамъ Временнаго Правительства адреса, въ которомъ отъ имени всѣхъ совершеннолѣтнихъ французенокъ требовалось предоставленіе женщинамъ пассивнаго и активнаго избирательнаго права.

«Господа,—сказала она,—нѣкогда собрался специальный соборъ для разрѣшенія серьезнаго вопроса, есть ли у женщины душа. Утвердительный отвѣтъ прошелъ тремя голосами большинства, и въ этомъ отношеніи соборъ св. отцовъ призналъ женщину подругою и ровнею мужчины... Нынѣ мы предлагаемъ вамъ высказаться по другому вопросу, а именно, можетъ ли женщина пользоваться социальными и политическими правами

и не должна ли она быть допущена ко всѣмъ функциямъ, которыя по самой своей природѣ не составляютъ исключительнаго удѣла сильнаго пола?»

Ораторша продолжала свою рѣчь длиннѣйшею проповѣдью, напичканною цитатами изъ библіи, въ которой она сравнивала своихъ подругъ со святыми женами. «Что Богъ соединилъ,—говорила она,—человѣкъ да не разлучаетъ. Нехорошо мужчинѣ быть одному въ Собраніи»... Закончила она свою рѣчь указаніемъ на пользу предоставленія женщинамъ всѣхъ политическихъ правъ въ интересахъ безотлагательнаго установленія «новаго социальнаго брака, основаннаго на тройкой связи: матеріальной, интеллектуальной и моральной».

Арманъ Марра, не моргнувъ глазомъ, выслушалъ этотъ потокъ краснорѣчія и вѣжливо отвѣтилъ делегаткамъ, что ихъ просьба безусловно совершенно справедлива, но что, къ несчастію, Временное Превительство не можетъ взять на себя столь радикальную передѣлку избирательныхъ списковъ. «Безъ опроса Національнаго Собранія,—сказалъ онъ,—мы можемъ лишь возстановить то, что уже раньше существовало, или дать нѣкоторое распространеніе дѣйствующимъ законамъ». Онъ прибавилъ, что надѣется въ недалекомъ будущемъ на открытіе женщинамъ доступа въ новыя отрасли дѣятельности, и что «въ скоромъ времени законы, составленные въ самомъ широкомъ духѣ и въ интересахъ всѣхъ, предоставятъ имъ гражданскія права, которыя сдѣлаютъ ихъ болѣе самостоятель-

ными, а слѣдовательно, и болѣе счастливыми, и что съ своей стороны онѣ всѣми силами будутъ содѣйствовать этому».

Эта петиція не встрѣтила никакого отклика въ политической прессѣ. Тѣ газеты, которыя обратили на нее вниманіе, вышутили ее, не давъ себѣ труда даже обсудить ея содержаніе.

«...Если даже допустить,—писалъ *Бюллетень Республики* (№ 12),—что общество можетъ выиграть отъ допущенія нѣсколькихъ талантливыхъ представительницъ женскаго пола къ управленію общественными и политическими дѣлами, то масса бѣдныхъ или необразованныхъ женщинъ ничего отъ этого не выиграетъ (?). Вотъ почему личныя домогательства нѣсколькихъ гражданокъ не тронули общество. На него смогутъ подѣйствовать лишь простыя и трогательныя петиціи, которыя отъ имени всего женскаго пола потребуютъ борьбы съ недостаткомъ образованія, съ развратомъ и нищетою, которыя сильнѣе тяготѣютъ надъ женщинами, чѣмъ надъ мужчинами».

Напротивъ, нижеслѣдующій адресъ встрѣтилъ повсюду болѣе благопріятный приемъ:

«Граждане, множество женщинъ находятся въ отчаянномъ положеніи; вы не захотите оставить ихъ во власти нищеты и отчаянія. Доброправіе составляетъ силу Республикѣ, а нравы опредѣляются женщинами; пусть нація почтитъ вашими устами женскій трудъ... Онѣ заслуживаютъ доли въ томъ счастіи и въ томъ благосостояніи, которыя наши учрежденія сулятъ народу; благодаря имъ мужчина обрѣтаетъ сча-

стие въ семьѣ, онѣ внушаютъ ему принципы нравственныхъ чувствъ... Сдѣлайте такъ, чтобы слава предшествовавшихъ намъ знаменитыхъ и заслуженныхъ женщинъ возсіяла на трудящихся и скромно выполняющихъ свой долгъ женщинахъ, на матеряхъ, дочеряхъ, сестрахъ того народа, для котораго вы дѣлаете столь великія дѣла...»

Эта петиція помѣчена 3 марта, но авторъ ея намъ неизвѣстенъ.

За нѣсколько дней до выступленія *Комитета Женскихъ Правъ*, Жанна Деруэнъ и г-жа Нибуайе съ своей стороны обратились къ Временному Правительству съ петиціей, въ которой требовали «всеобщности голосованія и равенства передъ закономъ... Соціальной личностью, по ихъ утвержденію, является мужчина и женщина вмѣстѣ. Безъ участія послѣдней не можетъ быть ничего моральнаго, прочнаго, законченнаго».

О своемъ рѣшительномъ нежеланіи вмѣшиваться въ политику поспѣшила заявить такая масса женщинъ, что г-жа Нибуайе сочла благо разумнымъ, обходя молчаніемъ свое выступленіе, осудить въ своей газетѣ выступленіе г-жи Буржуа какъ «неумѣстное и преждевременное». Слѣдуетъ ли прибавлять, что между обоими комитетами существовало извѣстное соперничество?

Несмотря на это осужденіе, «Женскій Голосъ» продолжалъ время отъ времени обращаться съ суровыми упреками къ трусливымъ гражданамъ, «къ неисправимымъ женщинамъ, negliжирующимъ своими правами... Почему нѣкто-

рыя изъ нашихъ сестеръ испугались слова «эмансипація»? Сарказмамъ безсилія противопоставьте чистую жизнь». Въ другой статьѣ редакция требовала «физической свободы». «Теперь мужчина не вправѣ уже заявлять: человѣчество—это мы; мы объявляемъ себя его ровнями... Если мужчина является головою и руками человѣчества, то женщина составляетъ сердце человѣчества. А вмѣстѣ они образуютъ святую троицу: любовь, разумъ и силу».

Освобождайтесь, но прежде всего начните съ оплачиванія своихъ писемъ,—таковъ былъ ежедневный припѣвъ *Женскаго Голоса*¹⁾.

«Главная редакторша этой газеты» („*Rédacteurge en cheffe*“) г-жа Евгенія Нибуайе, въ теченіе долгаго времени выступала въ качествѣ яркой сторонницы сенъ-симонистскихъ доктринъ (въ 1831 году она была въ Парижѣ одной изъ руководительницъ секціи IV округа); затѣмъ она примкнула къ Протестантскому Обществу христіанской морали. Въ промежуткѣ она усвоила ученіе фюзіонизма и даже помѣтила нѣсколько своихъ писемъ I-мъ годомъ этой эры!

Еще въ 1834 году г-жа Нибуайе основала нѣчто вродѣ академіи подѣ названіемъ «Дамскій Атенеи» и съ огорченіемъ присутствовала при смерти отъ истощенія нѣсколькихъ газетъ, называвшихся «Женскій Совѣтникъ» (1833-34), «Мозаика» (литературная газета), «Другъ Семьи» и

1) Непереводимая игра словъ: *affranchir* значить: 1) освободить, 2) оплачивать, франкировать (письма). — Прим. перев.

«Всеобщій миръ», который безуспѣшно пытался воскреснуть подѣ названіемъ «Будущее».

Въ цѣломъ рядѣ статей она нападала на дуэль, на смертную казнь и на войну, въ виду того что «миръ представляетъ источникъ, изъ котораго вытекаютъ всѣ хорошія мысли», и усиленно занималась воспитаніемъ слѣпыхъ и реформою пенитенціарной системы. Она была даже назначена тюремной инспектриссой.

Эта убѣжденная феминистка перевела нѣсколько книгъ съ англійскаго и написала нѣсколько оригинальныхъ сочиненій, изъ которыхъ мы упомянемъ слѣдующія: *Екатерина II, Богъ въ дѣлахъ своего творенія* и *Настоящая книга женщины*.

Г-жа Нибуайе писала легко и говорила изящно. Это была милосердная женщина, которая въ другіе, не столь смутные моменты не лишена была извѣстнаго здраваго смысла; поэтому было бы до извѣстной степени несправедливо судить о ней только по тѣмъ недѣлпостямъ, которыя она позволяла высказывать въ *Женскомъ Клубѣ*, или по тѣмъ эксцентричнымъ выходкамъ, которыя она поощряла.

Основная ея ошибка заключалась въ томъ, что она не отказывалась ни отъ чьего содѣйствія и не понимала той простой мысли, что качество сторонниковъ важнѣе ихъ числа. Пока *Общество Женскаго Голоса* мирно существовало на улицѣ Тарантъ, ограничиваясь изученіемъ условій труда или организаціей благотворительныхъ обществъ, до тѣхъ поръ оно давало мало пицци критикѣ, но съ того дня, какъ оно начало эксплуатировать

поль своихъ членовъ и давать платныя предствленія, оно продало зѣвакамъ право высмѣивать его.

Конечно, парижане проявили при этомъ полное отсутствіе галантности, но слѣдуетъ признать, что въ иные вечера они вправѣ были спросить себя, не взяли ли съ нихъ по 20 су исключительно для того, чтобы посмѣяться надъ ними.

Шарль Гюго не сталъ даже дожидаться скандала и поспѣшилъ протестовать въ «Свободѣ» противъ этого клуба, «гдѣ наименѣе прекрасная часть человѣческаго рода торчитъ у дверей съ калошами и зонтиками, и гдѣ каждый вечеръ отъ семи до одиннадцати часовъ поднимается знамя возстанія противъ мужчинъ», и онъ цинически прибавлялъ: «Женщина обречена на молчаніе, повиновеніе, довѣрчивую любовь и скромную преданность».

Въ исторіи клуба г-жи Нибуайе слѣдуетъ различать два періода: спокойную эпоху (*Общество Женскаго Голоса*; мартъ-апрѣль) и героико-комическую эру (*Женскій Клубъ*; 2 мая-6 іюня).

Первое собраніе *Общества Женскаго Голоса* состоялось въ воскресенье 26 марта на улицѣ Тарантъ, 8. «На немъ присутствовали женщины изъ бывшей титулованной знати, торговли и работницы».

Кандидатки въ это общество допускались «по выслушаніи моральнаго доклада» и обязывались вносить по 50 сантимовъ въ мѣсяцъ.

Вотъ имена членовъ бюро и главныхъ членовъ общества:

Предсѣдательница: Евгенія Нибуайе;

Вице-предсѣдательницы: Габріель д'Альтенгеймъ-Сумэ и Жанна Мари.

Члены комитета: Жанна Деруанъ, старшій секретарь; Деланъ, кассирша; Амели Прай, Сюзанна Вуалькенъ, Дезире Ге, Сабатье.

Члены общества: г-жи Элиза Лемонье, Анаисъ Сегала, Марія Ноэми (г-жа Констанъ), Адель Эскиросъ (Адель Батаншонъ), Полина Роланъ, Эрмансъ Легионъ, Евгенія Фoa, Генриетта Девансъ, Анна Мари, Жозефина де Бенье, Жанна Сталенъ, Октавія де Трионъ-Монталамберъ, Лапортъ, Фоссойе, Генриетта Сэнешаль, директрисса національныхъ мастерскихъ, Андрэ де Сентъ-Жіель, Артемида Канделосъ, Юлія Эмаль, Огюстина Жену, Вуатленъ, Марино, Виллимэ, Сэнти, Ивонъ Вилларсо, Мурэ и пр.

Немногими привилегированными мужчинами, допускавшимися на засѣданія этого общества, были гг. Поланъ Нибуайе, Юніусъ Амель, Олиндъ Родригезъ, докторъ Малатье, Моисей Алканъ; бывшіе аббаты Констанъ и Шатель; поэты Эмиль Дешанъ и Лашамбоди, Жанъ Масэ и Эмиль Сувэстръ.

Приведемъ для курьеза слѣдующее *расписание*, предложенное, но отвергнутое 28 марта:

«Одинъ часъ будетъ посвящаться взаимному воспитанію и полчаса курсу френологіи г. Пиби. Затѣмъ четверть часа предоставлена будетъ сотруднику «Отечества» и четверть часа сотрудницѣ «Женскаго Голоса»; третья четверть часа бу-

детъ распредѣляться между четырьмя лекторами, назначаемыми каждый вечеръ собраніемъ».

2 апрѣля послѣ заявленія г-жи Дезире Ге, что она собирается устроить въ мѣсяцъ рядъ лекцій объ организаціи труда съ цѣлью выяснитъ работницамъ всю пользу объединенія по профессіямъ, г-жи Виллимэ и Сэнти настаивали на необходимости безотлагательнаго открытія мастерскихъ, организованныхъ такъ, чтобы быть въ состояніи обходиться безъ посредниковъ и прямо продавать свои издѣлія публикѣ.

Засимъ г-жа Фоа предложила основать національный институтъ изъ двадцати дамъ, который собирался бы въ домѣ и подъ предсѣдательствомъ г-жи Ламартинъ для обсужденія вопроса объ организаціи труда и для предохраненія молодыхъ дѣвицъ отъ опасностей, связанныхъ съ нищетою¹⁾.

Г-жа Лемонье высказалась за основаніе національныхъ мастерскихъ и прачешныхъ, а затѣмъ г-жа Дюпаръ возражала противъ открытія ресторановъ и залъ для собраній, предназначенныхъ для рабочихъ и ихъ семей. Авторъ этого предложенія, Дезире Ге, отвѣтила, что она не усматриваетъ никакого неудобства въ совмѣстномъ собраніи мужчинъ и женщинъ, и что напротивъ, «присутствіе почтенныхъ супруговъ способно смягчающимъ образомъ дѣйствовать на нравы».

¹⁾Послѣ того, какъ г-жа Жирардѣнъ окрестила новую академию сонмомъ безсмертныхъ дамъ, ни одна женщина не пожелала въ ней участвовать.

Засѣданіе закончилось обсужденіемъ вопроса о выгодахъ или опасностяхъ, которыя способно повлечь за собою повышеніе платы за стирку бѣлья. Всѣ присутствующія единогласно высказались за необходимость повысить жалкую плату прачекъ, но нѣкоторыя ораторши замѣтили, что въ такомъ случаѣ можно опасаться, какъ бы многія хозяйки не вздумали сами стирать свое бѣлье.

Вскорѣ послѣ этого г-жа Элиза Лемонье приступила къ осуществленію своей программы, и при содѣйствіи г-жъ Ивоны Вилларсо, Эмиль Сувэстръ и Жакмаръ основала «Союзъ Работницъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ союзъ открылъ на улицѣ предмѣстья Сень-Мартэнъ, 115 швейную мастерскую, ясли, дѣтскій садъ и народные курсы.

«...Мы подкрѣпимъ слабыхъ,—говорилось въ программѣ,—и утѣшимъ опечаленныхъ.

«...Всѣмъ женщинамъ мы скажемъ, что никакой прогрессъ, никакое улучшеніе немыслимы безъ порядка и спокойствія». Инициаторшамъ этой филантропической попытки удалось въ теченіе двухъ мѣсяцевъ доставлять работу болѣе чѣмъ двумъстамъ нуждающимся женщинамъ¹⁾.

Чтобы дать по возможности точное представленіе о собраніи кружка на улицѣ Тараннъ, мы лучше всего приведемъ цѣликомъ отчетъ о засѣданіи 6 апрѣля.

«Засѣданіе открывается въ два часа. Пред-

¹⁾ Democratie pacifique (6 іюля 1848).

сѣдательница, г-жа Нибуайе, сообщаетъ о назначеніи г-жи Дезире Ге, избранной работницами II округа, делегаткою въ Люксембургскую комиссію. Предсѣдательница предлагаетъ открыть рабочей домъ и контору для найма женской прислуги. Г-жа Конраръ выражаетъ опасеніе, не будетъ ли собраніе свѣдѣній о прислугѣ связано съ слишкомъ большими трудностями. Для надзора за этимъ домомъ, какъ объясняетъ предсѣдательница, будутъ назначены изъ числа членовъ общества дамы-патронессы; каждая изъ этихъ дамъ будетъ дежурить разъ въ недѣлю и будетъ слѣдить за внутреннимъ порядкомъ, а въ особенности за нравственностью допущенныхъ туда лицъ.

«Г-жа Констанъ усматриваетъ въ этой затѣвѣ большія трудности, такъ какъ финансовый кризисъ не позволяетъ рассчитывать на то, чтобы удалось собрать необходимыя для этого дѣла средства.

«Предсѣдательница высказываетъ мнѣніе, что въ данномъ случаѣ господа поймутъ необходимость придти на помощь учрежденію, цѣль котораго заключается въ спасеніи отъ нужды разряда женщинъ, заслуживающаго особаго вниманія.

«Г-жа Вилларсо указываетъ на то, что такія учрежденія, въ которыхъ заботятся объ участи безработной прислуги, уже существуютъ.

«Предсѣдательница увѣряетъ, что убѣжища, подобнаго тому, которое она предлагаетъ основать, въ настоящее время нѣтъ. Дѣло въ томъ, что по ея проекту, допущенныя въ предполагае-

мое учрежденіе лица будутъ жить артелью, такъ что расходы будутъ тѣмъ меньше, чѣмъ число артельщиковъ будетъ значительнѣе. По ея словамъ, она уже устроила нѣсколько артелей, которыя вполне удались.

«Г-жа Амелія Прай требуетъ, чтобы всѣ безработныя женщины соединялись подъ однимъ кровомъ независимо отъ своихъ профессій. Г-жа Лемонье одобряетъ эту мысль.

«Нѣсколько человекъ полагаютъ, что финансовое положеніе нашего общества не позволяетъ намъ въ настоящій моментъ открывать рабочихъ домовъ. Предложеніе ставится на голоса и отвергается.

«Г-жа Альтенгеймъ предлагаетъ основать артистическое и литературное общество съ цѣлью распространенія хорошаго вкуса и знакомства съ изящными искусствами, а также съ цѣлью оказанія помощи безработнымъ художницамъ. Это предложеніе, которое будетъ болѣе подробно развито въ слѣдующемъ засѣданіи, принято единогласно. Читается письмо, адресованное мадемуазель Рашель; собраніе одобряетъ его содержаніе. Г-жа Буржуа предлагаетъ членамъ комитета присоединиться къ петиціи, поданной ею г-ну министру народнаго просвѣщенія. Нѣкоторые члены комитета предлагаютъ поправку. Подписаніе петиціи отложено.

«Г-жа Мурэ предлагаетъ устраивать сборы въ дни нашихъ открытыхъ засѣданій для оказанія помощи безработнымъ работницамъ. Г-жа Жанна Мари полагаетъ, что при данныхъ условіяхъ важно прежде всего поддержать газету; а позже

доходы, которые удастся получить, дадутъ возможность оказать болѣе серьезную помощь нашимъ безработнымъ сестрамъ и довести до благополучнаго конца всѣ составленные нами проекты.

«Постановлено повѣсить у входныхъ дверей кружку для сбора добровольныхъ пожертвованій въ пользу работницъ.

Г-жа Жанна Мари читаетъ прокламацію, обращенную къ гражданамъ. Нѣсколько лицъ выражаютъ желаніе, чтобы г. Эрнестъ Легувэ и г-жа Жоржъ Зандъ были внесены въ списокъ кандидатовъ въ Національное Собраніе. Предсѣдательница читаетъ статью о кандидатурѣ Жоржъ Зандъ, помѣщенную ею въ сегодняшнемъ номерѣ газеты.

Г-жа Жанна Мари читаетъ статью подъ заглавіемъ «Соціалисты». Миссъ Найтъ проситъ ее упомянуть въ своей статьѣ о правѣ женщины на соціальное и политическое равенство. Г-жа Жанна Мари отвѣчаетъ, что на эту тему она написала специальную статью.

Рѣшено послать завтра депутацію къ г. Кабэ, чтобы просить его поддержки для кандидатуръ Эрнеста Легувэ и Жоржъ Зандъ.

«Засѣданіе закрыто въ 5¹/₂ часовъ».

Вотъ статья г-жи Нибуѣ, посвященная кандидатурѣ Жоржъ Зандъ.

«Мы не напрасно возвысили свой голосъ... Женщины уже составляютъ кое-что въ странѣ, гдѣ мужчины были всѣмъ. Работницы, напри- мѣръ, уже получили приглашеніе прислать своихъ делегатовъ въ Люксембургскую комиссію.

Это фактически шагъ впередъ; другіе не замедлятъ послѣдовать... Спасибо, господа, продолжайте въ такомъ же духѣ, и своею справедливостью ко всѣмъ женщинамъ вы много заслужите передъ Господомъ... Мы не можемъ остановиться на этомъ. Работницы, дѣйствующи иглою, имѣютъ своихъ апостоловъ; умственные работницы, давайте сдѣлаемъ выборъ въ свою очередь... Представитель, на которомъ сосредоточиваются наши симпатіи, это женско-мужской типъ; *мужчина* по мощи, *женщина* по волѣ божества, поэзіи.

«Мы хотимъ *омужчинить* Зандъ... Первая женщина, призванная въ Учредительное Собраніе, должна была бы быть принята мужчинами. Зандъ не похожа на нихъ, но ея геній ихъ поражаетъ, и очень возможно, что эти мечтатели воображаютъ, что оказываютъ ей честь, называя ея геніемъ мужскимъ. Она сдѣлалась мужчиною по духу, но осталась женщиною по своимъ материнскимъ чертамъ... Зандъ могуча и никого не пугаетъ; ее-то и слѣдуетъ предложить *по желанію всѣхъ женщинъ на голосованіе всѣхъ мужчинъ*. Мы убѣждены, что съ того дня, какъ защита нашихъ интересовъ перейдетъ въ ея руки, она будетъ жить въ насъ и подобно намъ. Мѣсто принципамъ, они нетлѣнны; мѣсто таланту, онъ священенъ; мѣсто генію, онъ безсмертенъ!»

Жоржъ Зандъ успѣшила протестовать противъ мысли о ея кандидатурѣ. «Я не имѣю чести знать,—писала она въ газетахъ,—ни одной изъ дамъ, входящихъ въ составъ клубовъ

и редактирующихъ газеты». Вмѣстѣ съ тѣмъ, она предупреждала публику, что не имѣеть никакого отношенія къ статьямъ, напечатаннымъ въ «Женскомъ Голосѣ» за подписью G. S.

Авторомъ этихъ писаній была Габріель д'Альтенгеймъ, урожденная Сумэ. Зандъ не доллюбиwала женскихъ кандидатуръ; еще въ 1866 году въ брошюрѣ: «Зачѣмъ нужны женщины въ Академіи?» она писала:

«Въ наши дни женщинамъ мѣсто не въ Академіи, равно какъ не въ Сенатѣ, Законодательномъ Корпусѣ или въ арміи, и всѣ согласятся съ нами, что эта среда не совсѣмъ-то подходитъ для развитія тѣхъ сторонъ прогресса, осуществленія которыхъ отъ нихъ требуютъ».

Полина Роланъ также отказалась отъ представленія своей кандидатуры, заявивъ, что у нея есть болѣе полезное дѣло, чѣмъ сочиненіе ненужныхъ законовъ.

Эрнестъ Легувэ, имя котораго оказалось въ данномъ случаѣ связаннымъ съ именемъ Жоржъ Зандъ, былъ яркимъ феминистомъ. Сынъ писателя, обязаннаго своею извѣстностью поэмѣ «О заслугѣ женщинъ», гдѣ находится знаменитый стихъ:

Пади къ ногамъ этого пола, давшаго тебѣ мать,

онъ въ теченіе всей своей жизни горячо отстаивалъ соціальныя требованія женщины. Въ политическихъ вопросахъ Легувэ былъ нѣсколько болѣе сдержанъ, а въ *четвертомъ* изданіи своей *Нравственной исторіи женщины* онъ даже заявилъ: «Женщины не созданы для роли го-

сударственныхъ дѣятелей. Всякая попытка эмансипаціи только замедлитъ, какъ мы это видѣли въ 1848 году, осуществленіе ихъ законнаго стремленія къ эмансипаціи въ семейныхъ рамкахъ».

Наоборотъ, Эмиль Дешанель уже въ 1846 году требовалъ внесенія въ избирательные списки вдовъ и совершеннолѣтнихъ дѣвицъ, уплачивающихъ двѣсти франковъ налоговъ, которые тогда требовались для права быть избирателемъ.

Чтобы угодить гражданкамъ и показать видимость заботы о нихъ, министръ народнаго просвѣщенія Ипполитъ Карно по просьбѣ Жака Рейно разрѣшилъ Легувэ прочесть въ Collège de France курсъ Нравственной исторіи женщинъ.

Легувэ выказалъ такъ же мало энтузіазма, какъ и Жоржъ Зандъ, въ дѣлѣ погони за голосами парижанъ, и сотрудницы *Женскаго Голоса* принуждены были искать новыхъ кандидатовъ. Наиболѣе экзальтированныя изъ нихъ хотѣли выставить своего присяжнаго врача, доктора Малатъе, который назвалъ корсетъ «орудіемъ лжи въ виду того, что онъ то стѣсняетъ, то скрываетъ, то подчеркиваетъ», и своего *священника*, бывшаго аббата Констанана, который, выступая съ такой рѣзкостью въ своемъ клубѣ на улицѣ Фрепионъ, читалъ своимъ поклонницамъ на улицѣ Тараннъ плаксивыя нео-христіанскіе стишки. Но въ концѣ концовъ *Женскій Клубъ* постановилъ рекомендовать своимъ согражданамъ Коссидьера, Пьера Леру, Кабэ, Эскироса, Торэ, Прудона (имя котораго мы отнюдь не ожидали встрѣтить въ этомъ списокѣ) и Олинда Родриге-

ца. бывшего банкира сенъ-симонистовъ и автора проекта Конституціи, одна статья которой гласила:

«Всякая женщина, проживающая въ Парижѣ (?) въ теченіе года, живущая на самостоятельный заработокъ или на доходъ съ движимой или недвижимой собственности, считается членомъ французскаго общества и должна быть внесена въ списки гражданъ».

Въ списокѣ г-жи Нибуайе мы не находимъ имени Эмиля Дешана, несмотря на то, что этотъ поэтъ обращался къ *Женскому Голосу* съ просьбою поддержать его кандидатуру!

Клубъ улицы Тараннъ проявлялъ лихорадочную дѣятельность; 28 апрѣля онъ обратился къ Временному Правительству со слѣдующей петиціей:

«Принимая во вниманіе, что славная революція 1848 года открываетъ эру всеобщаго братства для всѣхъ человѣческихъ существъ безъ различія пола, мы требуемъ полной эмансипаціи; въ виду того, что женщины, получившія соотвѣтствующее воспитаніе, способны исполнять всѣ общественныя функціи... мы просимъ Временное Правительство безотлагательно издать декретъ, санкціонирующій въ принципѣ полное признаніе гражданскихъ правъ женщины, и допустить совершеннолѣтнихъ вдовъ и *незамужнихъ* женщинъ къ пользованію избирательнымъ правомъ по простому предъявленію подлинныхъ документовъ, свидѣтельствующихъ ихъ совершеннолѣтіе или законную самостоятельность».

Мы уже раньше указывали на то, что во-

прось о бракѣ, а значить, и о разводѣ мало интересовалъ большую часть гражданокъ. примыкавшихъ къ *Женскому Голосу*; настоящая петиція воочію доказываетъ, съ какимъ презрѣніемъ онѣ третировали несчастныхъ, скованныхъ брачными узами. Этимъ рабынямъ мужчинъ онѣ не предоставляли даже избирательнаго права! По отношенію къ этимъ паріямъ онѣ принимали мужскую теорію, по которой замужняя женщина представляется своимъ мужемъ.

Несмотря на апостольское рвеніе своего комитета, *Женскій Клубъ* пріобрѣлъ очень мало новыхъ сторонницъ. Никто не приходилъ слушать лекцій г-жи Нибуайе, одна изъ которыхъ была на тему: «Республика безъ справедливости есть не что иное, какъ обманъ». И за отсутствіемъ средствъ пришлось съ 30 апрѣля прекратить ежедневный выпускъ *Женскаго Голоса*. Правда, Олиндъ Родригезъ подписался на четыре акціи по 50 франковъ. но не много гражданъ послѣдовало этому благородному примѣру.

Подавляющее большинство парижанокъ начинали все болѣе враждебно относиться къ словамъ «эмансипація» и «свободная женщина», ч все, что имъ пришлось увидѣть отъ баррикадъ могло лишь возбудить въ нихъ отвращеніе къ политикѣ. Хозяйственныя женщины, по словамъ *Женскаго Голоса*, во время манифестацій, отъ которыхъ зависѣло ихъ счастье, занимались такими пустяками, какъ стараніемъ раздобыть «новый рецептъ изготовленія смородиннаго варенья!»

Г Л А В А X.

1848 годъ. Женскій клубъ.

Балаганная засѣданія. — Вмѣшательство полиціи. —
Избранныя мысли женщинъ.

„Не требуйте отъ нея мыслей, женщина говоритъ такъ же хорошо, быть можетъ, даже лучше и во всякомъ случаѣ охотнѣе мужчины“. *Трудонъ.*

Въ виду преступнаго индифферентизма. проявленнаго ея сестрами въ дѣлѣ отстаиванія своихъ политическихъ правъ, г-жа Нибуайе за отсутствіемъ слушательницъ рѣшила привлечь, по крайней мѣрѣ, нѣсколько зрителей.

Она не настолько увлекалась иллюзіями, чтобы рассчитывать на поддержку враждебнаго пола, но она слишкомъ хорошо знала своихъ согражданъ и понимала, что легко найдетъ толпу зѣвакъ, охотно готовыхъ заплатить 50 сантимовъ или франкъ изъ любопытства увидать женщинъ на ораторской трибунѣ.

Оставивъ слишкомъ отдаленную улицу Тараннъ, *Женскій Клубъ* переѣхалъ въ подвальное помѣщеніе концертнаго зала на Бульварѣ Благовѣщенія, и начался героико-комическій періодъ его существованія.

13 апрѣля женщины жаловались въ своей газетѣ на то, что мужчины организуютъ противъ

ихъ требованій заговоръ молчанія; черезъ мѣсяцъ онѣ должны были находить, что журналисты занимаются ими слишкомъ много!

Засѣданіе, которое назначено было на четвергъ 11 мая и о которомъ объявлено было въ афишахъ, привлекло такую массу любопытныхъ, что съ семи часовъ вечера на бульварѣ образовался длинный хвостъ въ двѣ съ лишнимъ тысячи человекъ. Толпа вела себя шумно и, когда нѣкоторыя гражданки вздумали протестовать противъ нѣсколько своеобразнаго пониманія братства ихъ сосѣдями, произошло нѣсколько стычекъ. Въ восемь часовъ двери открылись, и во мгновеніе ока ложи и скамьи оказались набитыми публикою.

Въ глубинѣ на эстрадѣ за столомъ, уставленнымъ дюжиной стакановъ съ подсахаренной водой, помѣщалось бюро клуба. Въ центрѣ съ громадной шляпой, украшенной цвѣтами, на головѣ возсѣдала г-жа Евгенія Нибуайе въ качествѣ председательницы; справа и слѣва отъ нея сидѣли въ колпакахъ вице-председательницы; простыя секретарши, «некрасивыя и мало почтенныя», по словамъ *Иллюстраціи*, были простоволосы.

По открытіи засѣданія какой-то бородатый ораторъ хотѣлъ подняться на трибуну, но ему не удалось долго тамъ оставаться; весь залъ протестовалъ противъ присутствія этого непрощеннаго гостя и на мотивъ *Lampions* требовалъ рѣчи *Ни-буайе*.

Председательница не заставила себя долго просить и начала свою рѣчь, посвященную защи-

тѣ женской эмансипаціи. Ея «нѣжный, чистый и мелодичный» голосъ понравился публикѣ, которая внимательно слушала ее вплоть до того момента, какъ въ залъ ворвалась банда шутиговъ, выломавъ дверь, и принялась отпускатъ невѣжливыя словечки по адресу «Нини-Буайе».

Ораторша храбро выдержала натискъ. Въ концѣ концовъ порядокъ былъ восстановленъ, и она слѣдующимъ образомъ закончила свою рѣчь: «Милостивыя государыни, помогите намъ продолжить изданіе нашей газеты для того, чтобы женщины могли получить ежедневный органъ, выражающій ихъ нужды и отстаивающій ихъ права. Придите на помощь нашему Обществу артистокъ, художницъ и музыкантшъ, которыхъ февральская революція лишила всякихъ средствъ къ существованію. Помогите, наконецъ, нашему *Обществу прислуги*; объединенныя въ союзъ служанки будутъ морально вліять другъ на друга, наблюдать другъ за другомъ и находить другъ другу мѣста; такимъ образомъ онѣ сдѣлаются достойными довѣрія своихъ хозяевъ, которые должны будутъ относиться къ нимъ съ уваженіемъ и почтеніемъ, такъ какъ они поймутъ, что теперь передъ ними не рабыни, а служащія». Это столь простое и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрное средство помѣшать кухаркамъ воровать отъ закупокъ привело слушателей въ такой восторгъ, что они устроили ораторшѣ овацію.

Къ несчастію шумъ возобновился съ прежней силой, когда на трибунѣ появился аббатъ Шатель, заявившій, что онъ намѣренъ говорить въ пользу развода и противъ целибата священниковъ.

Аббатъ Шатель, «основатель французской католической церкви и первосвященитель галловъ», въ 1830 году навербовалъ довольно значительное число сторонниковъ; однако, его успѣхъ былъ недолговѣченъ, и въ 1832 году его викарій, аббатъ Озу, отлучивъ его отъ церкви, отнялъ у него послѣднихъ приверженцевъ.

Гонимый полиціею, Шатель принужденъ былъ отккрыть бакалейную торговлю: революція 1848 года позволила ему снова отккрыть часовню на улицѣ Флерюсъ, а Женскій Клубъ показался ему предѣленнымъ мѣстомъ для вербовки прихожанокъ.

Публика рѣшилась не допускать выступленія мужчинъ съ трибуны Женскаго Клуба: вслѣдствіе этого Шатель могъ добиться относительнаго молчанія только постѣ того, какъ обозвалъ партеръ вторымъ Маконскимъ соборомъ. Воспользовавшись изумленіемъ аудиторіи, которой до тѣхъ поръ приходилось слышать только о маконскомъ винѣ, бывший аббатъ воскликнулъ:

«Граждане, что же, вы по прежнему не желаете выслушивать женщину? Неужели же мы живемъ еще въ ту варварскую эпоху, въ томъ девятомъ вѣкѣ, когда соборъ безумцевъ обсуждалъ вопросъ о томъ, есть ли у женщины душа, и призналъ наличность этой души только однимъ голосомъ большинства? Неужели же мы стоимъ еще на той стадіи развитія? Или же не настала пора выслушать, наконецъ, и женщину и допустить также ее къ участию въ управленіи страной?»

Присутствующіе, не желая слушать продолженіе разсказа о пресловутомъ соборѣ, подняли крикъ: «Долой узурпатора!»

«Граждане. — воскликнулъ Шатель, — я умоляю васъ водворить тишину: вы многимъ обязаны находящимся здѣсь 1200 дамамъ. Онѣ не приняли противъ васъ никакихъ мѣръ предосторожности, онѣ довѣрились вашей порядочности».

Эти злополучныя слова вызвали такой взрывъ хохота, что г-жа Нибуайе должна была поспѣшно закрыть засѣданіе, накрывшись... своею шалью, въ то время какъ г-жа Констанъ кричала обструкціонистамъ: «Вы скоты и больше ничего».

Несмотря на то, что нѣкоторые неделикатные граждане забыли уплатить свои 25 сантимовъ при входѣ, сборъ былъ большой, и *Общество Женскаго Голоса* рѣшило продолжать свои представленія; оно только повысило входную плату до 50 сантимовъ. Владѣлецъ помѣщенія началъ удерживать въ свою пользу 50 франковъ, а потомъ к половину всего сбора; несмотря на эти обременительныя условія, доля клуба колебалась отъ 115 до 225 франковъ.

На третьемъ засѣданіи героиней вечера оказалась молодая ораторша, которая начала съ того, что робко просила у публики снисхожденія и молчанія. Но разойдясь, «она могла бы поспорить съ 900 членовъ Національнаго Собранія. Когда она рѣшительно не могла покрыть своимъ голосомъ стоявшій въ залѣ шумъ, она спокойнѣйшимъ образомъ начинала обмахиваться своимъ платочкомъ. Въ *Женскомъ Клубѣ* платокъ является единственнымъ прохладительнымъ средствомъ, допущеннымъ для ораторовъ, изъ опасенія, чтобы

все собраніе не набросилось сразу на стаканъ съ подсахаренной водой».

Сущность предложенія этой клубистки сводилось къ тому, что правительство обязано обезпечить всѣмъ женщинамъ два франка въ день. Съ того момента, какъ всѣ гражданки начнутъ получать эту небольшую ренту, онѣ перестанутъ вступать въ бракъ, и, такимъ образомъ, вопросъ о разводѣ будетъ разрѣшенъ.

Г-жа С. смѣнила на трибунѣ молодую ораторшу. «Граждане, — сказала она, — воспитаніе, получаемое нынѣ женщинами въ обществѣ, дѣлаетъ ихъ ограниченными, въ то время, какъ ученіе, клубъ и опытъ сильно ихъ развиваютъ». Это начало было встрѣчено такимъ шумомъ и гамомъ, что г-жа С. и бюро принуждены были убѣжать на улицу.

По этому поводу Шарль Гюго въ *Свободѣ* помѣстилъ новую статью противъ женскихъ клубовъ (29 мая).

«Я не былъ въ этомъ клубѣ и не намѣренъ туда ходить... До сихъ поръ мѣстами женскихъ собраній были: домъ, балъ и церковь; теперь сюда прибавилось четвертое мѣсто: клубъ. Въ домѣ женщины были чисты, на балу прекрасны, въ церкви святы; но и у очага, и на балу, и въ церкви онѣ были женщины... вмѣсто того, чтобы быть утѣшеніемъ человѣческаго рода, онѣ вопятъ противъ него... Свой голосъ, который до сихъ поръ былъ приятенъ, какъ пѣсня, нѣженъ, какъ соевѣтъ и вдохновененъ, какъ молитва, онѣ собираются превратить въ какой-то крикъ, которому не подберешь и имени... Мы увидимъ красный

колпакъ на синемъ чулкѣ... Теперь болѣе. чѣмъ когда либо. настала пора, когда женщины должны замолчать, ибо наступилъ моментъ, когда поэты собираются заговорить: поэтъ, т. е. другъ обоихъ, половъ».

Демокритъ (*Фарсъ Патриота*) говорилъ проще: «Если наши подруги вздумаютъ мѣшаться въ политику, то кто же станетъ чинить намъ платье варить супъ и мыть посуду? Если онѣ въ клубѣ еще повысятъ свое говорильное настроеніе, то какъ же мы по ихъ возвращеніи домой усидимъ въ квартирѣ?.. Что можетъ быть ужаснѣе садовой славки, мяукающей, какъ кошка!»

Эта газетная кампанія возбудила въ обществѣ крайне отрицательное отношеніе къ дѣлу г-жи Нибуайе. 15 мая чернь ворвалась въ Національное Собраніе, а въ субботу 3 іюня было также осквернено и святилище Женскаго Клуба.

Въ этотъ день одна гражданка вздумала доказывать необходимость развода, ссылаясь на свои собственный печальный примѣръ. «Должна ли я, — говорила она, — оставаться навсегда прикованной въ силу закона къ тирану, который доводитъ свой эгоизмъ и произволъ до того, что запрещаетъ мнѣ ходить въ этотъ клубъ? Но, какъ вы видите, гражданки, я наплевала на всѣ эти приказанія и явилась сюда, какъ женщина, сознающая свои права и желающая заставить ихъ уважать».

Въ этомъ мѣстѣ ея рѣчи въ залу вдругъ ворвалась толпа скандалистовъ, подкупленныхъ, какъ утверждали, собственнымъ мужемъ ораторши. Половина аудиторіи сейчасъ же начала

вопить *Des lampions!* ¹⁾, тогда какъ другая половина принялась визжать, царапаться и падать въ обморокъ. Воспользовавшись этой сумятицей, нѣсколько болвановъ пробрались до самой эстрады, овладѣли предсѣдательскимъ кресломъ и торжественно унесли его.

Максимъ Дюканъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ с 1848 годѣ» утверждаетъ, что организаторомъ этого скандала былъ какой-то бывший издатель нотъ, что одинъ изъ нападавшихъ получилъ ударъ графиномъ по головѣ, и что нѣсколько изъ должностныхъ лицъ общества были безстыдно высѣчены.

Выказавъ такой же героизмъ, какой нѣкогда при аналогичныхъ обстоятельствахъ проявилъ Буасси д'Англа, г-жа Нибуайе, стоя и держась за столъ, мужественно оставалась на своемъ посту, продолжая лихорадочно звонить въ предсѣдательскій колокольчикъ.

Одинъ изъ обструкціонистовъ пожелалъ взять слово, но тогда женщины въ свою очередь подняли такой вопль, что представитель сильнаго пола принужденъ былъ, заткнувъ уши, удрать съ трибуны.

Наконецъ, со всѣхъ сторонъ начали требовать закрытія собранія: въ ту же минуту, не взирая на протесты предсѣдательницы, городовые нетерпѣливо дожидавшіеся возможности вмѣшаться, очи-

¹⁾ *Des lampions!*—„шкалики!“ или „плошки!“. Это восклицаніе, возникшее въ 1848 г., сначала означало требованіе освѣтить улицы плошками, а затѣмъ требованіе поднять занавѣсъ, начать представленіе и пр. Соответствуетъ нашему „пора!“ въ театрахъ и т. п., „начинайте“, „оратора!“ и т. п.—Прим. перев.

стили залъ отъ ораторшъ и публики, одинаково награждая ползательниками и тѣхъ, и другихъ.

Въ довершеніе несчастья, владѣлецъ Благовѣщенскаго Базара, испугавшись грозившихъ ему убытковъ, на слѣдующій день пригласилъ клу бистокъ поискать себѣ помѣщенія въ другомъ мѣстѣ. Съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, г-жа Нибуайе не пожелала уступить скандалистамъ поле сраженія и назначила новое засѣданіе на 6 іюня.

Это собраніе состоялось въ манежѣ Фитта на улицѣ Сень-Лазаръ. Афиши гласили: «*Порядокъ дня*: дебаты о разводѣ. Цѣна за входъ: Мужчины 50 сантимовъ. Дамы 25 сантимовъ. Рабочіе, обращающіеся въ редакцію газеты, 25 сантимовъ».

Несмотря на мудрое рѣшеніе пускать мужчинъ лишь въ сопровожденіи гражданокъ, залъ наполнился массой холостяковъ и мужчинъ, разошедшихся съ своими женами; женщины, предавшія интересы своего пола, не поколебались за нѣсколько су провести всѣхъ противниковъ клуба. У входа камло продавали жетоны, на которыхъ съ одной стороны было написано: «Свобода это женщина, не оставимъ же власти въ рукахъ мужчинъ», а съ другой стояла слѣдующая фраза, произнесенная одной ораторшей въ Благовѣщенскомъ Базарѣ: «Развѣ женщина пользуется когда-либо болѣе сильнымъ вліяніемъ на мужчину, чѣмъ какъ разъ въ то время, когда она подчинена ему?»

Мы приведемъ отчетъ объ этомъ памятномъ засѣданіи по газетѣ «Памфлетъ». Это самый полный и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе безпристрастный изъ всѣхъ опубликованныхъ отчетовъ.

«Предсѣдательница по старшинству открыла засѣданіе заявленіемъ, что сейчасъ будетъ читаться протоколъ предыдущаго собранія. Но одна секретарша заявила, что такъ какъ стенографы были прогнаны скандалистами, то не было возможности составить протоколъ этого печальнаго засѣданія. Въ исторіи окажется, такимъ образомъ, пробѣлъ.

«Разочарованіе было всеобщее: за отсутствіемъ протокола, публика требуетъ *Des lampions* Тогда почтенная предсѣдательница предлагаетъ приступить къ чтенію статутовъ Общества. Это предложеніе встрѣчается аплодисментами, и всѣ присутствующіе безъ различія пола наостряютъ уши.

«*Общество Женскаго Голоса* имѣетъ цѣлью... стремиться къ завоеванію политическихъ правъ и добиться объединенія *вотума мужского* и *вотума женскаго*. (Слушатели ничего не понимаютъ, но усиленно аплодируютъ)... Членами Общества могутъ быть только женщины, но для приѣма требуется рекомендація двухъ членовъ».

«Публика начинаетъ приходить въ веселое настроеніе, и когда какой-то бѣлокурый юноша съ трехвѣтнымъ бантомъ на рукавѣ закрылъ единственное открытое окно, то со всѣхъ угловъ зала раздались протесты, и публика начала требовать воздуха, крича, что здѣсь можно задохнуться. Юноша снова открываетъ окно, но Гора рычитъ и вышибаетъ два стекла, дабы установить вентиляцію. Шумъ достигаетъ апогея; женщины не запомнятъ подобнаго гвалта. Хотятъ бюшезировать¹⁾

¹⁾ Бюше предсѣдательствовалъ въ Національномъ Собраніи, когда оно подверглось нападенію толпы 15 мая 1848 года.

предсѣдательницу. — Порядокъ дня! кричатъ со всѣхъ сторонъ. — Порядокъ дня, — отвѣчаетъ гражданка Нибуайе, — это разводъ (*анпладисменты*).

«Слово предоставляется гражданину Бегинару, который долженъ говорить за проектъ. На всѣхъ скамьяхъ воцаряется религиозное молчаніе, но, къ несчастью, оказывается, что гражданин Бегинара нѣтъ на засѣданіи.

«Въ виду его отсутствія слово предоставляется гражданину Бонелье, который долженъ говорить противъ. Всѣ взоры обращаются на гражданскаго гвардейца, возсѣдающаго на самой высокой скамьѣ Горы. Но ораторъ, несмотря на настоятельныя просьбы идолопоклоннической публики, заявляетъ, что онъ отказывается отъ слова. Всеобщее уныніе.

«Такъ какъ списокъ ораторовъ исчерпанъ, — заявляетъ предсѣдательница, — то объявляется закрытіе преній.

«Публикою овладѣваетъ гнѣвъ. Она начинаетъ на извѣстный мотивъ *l'airien* распѣвать пѣсенку: «*Мои десять су! Мои десять су!*» — кричитъ она, какъ одинъ человѣкъ. Предсѣдательница встаетъ съ негодованіемъ; она не допускаетъ мысли, чтобы въ этомъ залѣ можно было поднимать презрѣнные денежные вопросы, и заявляетъ, что отнынѣ входная плата въ *Женскій Клубъ* будетъ повышена до двухъ франковъ, и что сверхъ того ни одинъ мужчина не будетъ допускаться иначе, какъ въ сопровожденіи женщинъ признанной нравственности.

«На трибуну вскакиваетъ какой-то ораторъ и спрашиваетъ, что нужно понимать подъ *призна-*

ной моралью, и какими средствами предполагается ее установить. Гора аплодируетъ.

«Какой-то пожилой господинъ говоритъ что-то на ухо засѣдающимъ въ бюро дамамъ, послѣ чего предсѣдательница заявляетъ аудиторіи, что полицейскій комиссаръ требуетъ закрытія засѣданія на томъ основаніи, что шумъ мѣшаетъ сосѣдямъ спать. Публика поднимается съ протестами, но въ то же мгновеніе какая-то синяя глыба съ краснымъ воротникомъ стремительно сбѣгаетъ съ Горы и, вся дрожа, бросается на трибуну.

«Господинъ приставъ, — восклицаетъ онъ, — это не ваше дѣло. Подите и скажите г-ну Труве-Шавелю ¹⁾, что мы находимся здѣсь по волѣ женщинъ, и что только силою тесаковъ ²⁾ насъ заставятъ уйти отсюда. Я объявляю *Женскій Голосъ* въ непрерывности (*Крики ужаса*) и въ подтвержденіе этого я сейчасъ буду говорить о разводѣ. (*Крики: браво!*).

«Гражданки и граждане! Министръ, внося декретъ о разводѣ, прекрасно понималъ, что нельзя приступить къ обсужденію французской Конституціи до тѣхъ поръ, пока не разрѣшенъ предварительно этотъ великій соціальный вопросъ. Вопросъ о разводѣ есть органическій вопросъ. (При этихъ словахъ шумъ усиливается настолько, что ораторъ принужденъ сойти съ трибуны). Предсѣдательница накрывается своею шалью, а члены бюро надѣваютъ калоши. Засѣданіе закрывается.

¹⁾ Префектъ полиціи.

²⁾ Кривыя сабли, которыми была вооружена національная гвардія.

«Беспорядокъ полный: Равнина бѣжитъ передъ лицомъ Горы; бюро наводнено посторонними лицами. Какіе-то мужчины объявляютъ Временное Правительство и декретируютъ двухчасовой грабежъ. Вдругъ газъ гаснетъ, женщины выпускаютъ негодующіе крики, въ то время, какъ мужской хоръ съ большимъ ансамблемъ, но съ небольшимъ измѣненіемъ снова подхватываетъ свою недавнюю пѣсенку: Pas de lampions! Pas de lampions!“. 1)

«Памфлетъ» сопровождаетъ этотъ добросовѣстный отчетъ слѣдующей моралью:

«У женщинъ есть своя газета; кромѣ того, онѣ располагаютъ «Мирной Демократіей»; у нихъ есть гениальный писатель; онѣ пользуются всеобщими симпатіями — развѣ этого недостаточно? и неужели онѣ думаютъ, что какой-нибудь клубъ можетъ улучшить ихъ положеніе и увеличить ихъ вліяніе? Такимъ путемъ однѣ изъ нихъ сдѣлаются предметомъ насмѣшекъ, а другія лишатся общественнаго уваженія. Мы не знаемъ, стоятъ ли требуемая ими права тѣхъ правъ, которыя онѣ рискуютъ потерять... Если даже допустить, что вначалѣ онѣ просто заблуждались, то дальнѣйшее ихъ упорство будетъ прямо преступленіемъ. На мѣстѣ улечивающагося достоинства быстро водворяется позоръ!»

Менѣе вѣжливый «Силуэтъ» ограничился заявленіемъ, что клубныя бабы являются рѣшительно безполыми существами.

1) Т. е. „закрываете лавочку“, „не надо ораторовъ“. — Прим. перев.

Г-жа Нибуайе поняла, наконецъ, свою ошибку, и бурное засѣданіе 6 іюня было послѣдней попыткой *открытаго женскаго клуба*. Выгнанный изъ манежа Фитта, *Женскій Клубъ*, называвшійся раньше Club des Femmes принялъ названіе Club de Femmes и перенесъ свои пенаты въ пассажъ Жуффруа, въ залъ Восточныхъ Вечеровъ, который журналисты быстро окрестили Раемъ Магомета. 8 іюня въ *Женскомъ Голосѣ* появилась слѣдующая замѣтка г-жи Нибуайе:

«За послѣднюю недѣлю всѣ наши засѣданія умышленно срывались; теперь администрація не разрѣшаетъ намъ устраивать публичныхъ засѣданій, но мы ничуть объ этомъ не жалѣемъ... Если мужчины не желаютъ насъ слушать, это только доказываетъ, что они начинаютъ насъ бояться. Шуточки и сарказмы насъ не остановятъ, и преданность дѣлу поможетъ намъ преодолѣть всѣ препятствія».

На собраніе 12 іюня мужчины не были вовсе допущены, и женщины сохранили въ такомъ строгомъ секретѣ свои совѣщанія, что все происшедшее тамъ осталось для насъ полнѣйшей тайной.

Послѣднее засѣданіе Клуба состоялось, по всей вѣроятности, 16 іюня. На этотъ разъ было допущено нѣсколько гражданъ, извѣстныхъ съ хорошей стороны, для чего имъ предварительны были выданы по франку входныя карты въ домъ № 8 по переулку Тревизъ. На этомъ собраніи обсуждался вопросъ объ основаніи вспомогательнаго общества, состоящаго изъ мужчинъ и изъ женщинъ.

Впослѣдствіи г-жа Нибуайе положительно при-

знала свою ошибку въ своей книгѣ *Le vrai Livre de la femme*. «Задача, — говоритъ она, — превышала мои силы... часъ стоянія у позорнаго столба былъ бы для меня не столь мучителенъ, какъ пять минутъ этой ожесточенной борьбы. Всѣ клубистки, обѣщавшія поддержать меня, исчезли, какъ листья, гонимыя вѣтромъ, и оставили на мнѣ одной всю тяжесть отвѣтственности за нашу попытку. Наши противники при видѣ меня потирали себѣ руки и старались всѣми средствами меня запугать. Что они иногда бывали правы, это возможно. Но посмѣютъ ли они утверждать, что побѣда всегда оставалась на ихъ сторонѣ?»

За отсутствіемъ положительныхъ документовъ, чрезвычайно трудно точно опредѣлить число засѣданій *Женскаго Клуба*. Мы полагаемъ, что всего было шесть засѣданій на улицѣ Тараннъ (26 и 30 марта, 2, 6, 18 и 25 апрѣля), восемь на Бульварѣ Благовѣщенія (11, ?, 22, 25, 27 и 30 мая и 1 и 3 іюня), одно въ манежѣ Фитта (6 іюня), навѣрное два въ пассажѣ Жуффруа (12 и 16 іюня) и, можетъ быть, еще одно 14 іюня. Іюньскіе дни положили конецъ этимъ собраніямъ.

Въ провинціи броженіе среди гражданокъ было не столь сильнымъ; однако, 11 апрѣля въ Лионѣ какая-то женщина выступила въ *Лионскомъ Клубѣ* и потребовала: чтобы женщина перестала быть рабою мужчины, — чтобы она была допущена въ Палату Депутатовъ, — чтобы она могла самостоятельно управлять своимъ домомъ, — чтобы ей предоставленъ былъ совѣщательный голосъ во всѣхъ предпріятіяхъ мужа и, наконецъ, чтобы, въ случаѣ обольщенія дѣвушки, позоръ за ея грѣхъ падалъ на обольстителя.

Въ Руанѣ 25 марта женщины расклеили слѣдующій плакатъ:

«Подача женщинами, разлученными съ мужьями по постановленію суда, просьба о расторженіи брака... Женщины, еще не подавшія прошеній, приглашаются своими товарками по несчастью сдѣлать это въ возможно кратчайшій срокъ. Прошенія слѣдуетъ подавать гражданину Дешану, комиссару правительства.»

«Привѣтъ и братство. Да здравствуетъ Республика!»

Въ Буссакѣ г-жа Роланъ пожелала подать голосъ за Пьера Леру и добилась отъ председателя избирательной комиссіи занесенія въ протоколъ ея протеста противъ отказа допустить ее къ голосованію.

Болѣе практичныя хозяйки Родэза рѣшили заславить мужчинъ вываривать бѣлье въ щелокѣ. Въ другой разъ онѣ стали обсуждать вопросъ, не является ли Богъ выдумкою іезуитовъ. Послѣ дебатовъ приступлено было къ голосованію, и существованіе Бога было признано большинствомъ 12-ти голосовъ.

Въ Вильконталѣ (Жерскій деп.) женщины подняли бунтъ, чтобы протестовать противъ добавочнаго сорокапятисантимнаго обложенія; онѣ заставили прокурора Республики вылѣзть изъ кареты и въ теченіе всего дня сами поочереды катались въ ней¹⁾. Эти бравыя гражданки совершенно заморили лошадь, но зато и онѣ могли сказать про себя: «Принцессы — это мы».

¹⁾ *Politique des Femmes.*

Въ «Женскомъ Голосѣ» отъ 30 мая содержится отчетъ о банкетѣ ста пятидесяти женщинъ, устроенномъ въ Прейсакѣ (деп. Ло-и-Гаронны) по случаю разногласій, вспыхнувшихъ между гражданами и ихъ супругами. «Предсѣдательствовала на этомъ феминистскомъ банкетѣ г-жа П., ассистентками ея были шесть комиссаршъ Ни одинъ кавалеръ не былъ допущенъ. Все протекло въ величайшемъ порядкѣ. Тосты за Республику и за всеобщее Братство были покрыты апшлодисментами. Будемъ надѣяться, что мужчины восползуются этимъ мудрымъ урокомъ, который имъ преподали ихъ жены».

Временное Правительство не замедлило найти клубы стѣснительными; 19 апрѣля оно выпустило прокламацію, въ которой просило ихъ нѣсколько обуздать свой патріотическій пылъ.

«Клубы составляютъ потребность для Республики и право для гражданъ... Но для того, чтобы революція не была остановлена въ своемъ славномъ шествіи, остережемся отъ всего, что можетъ поддерживать въ общественномъ мнѣніи серьезную тревогу... Клубы, члены которыхъ совѣщаются съ оружіемъ въ рукахъ, способны скомпрометивать самое свободу и вызвать борьбу страстей».

Кровавые іюньскіе дни, тщательно подготовленные революціонными клубами, заставили Національное Собраніе принять противъ нихъ строгія мѣры.

На засѣданіи 22 іюля пасторъ Кокрель представилъ докладъ о внесенномъ правительствомъ законопроектѣ, ограничивавшемъ право собраний.

«Когда свобода собраний, — сказалъ ораторъ, —

дѣлается орудіемъ для социальныхъ заблуждений момента, она становится самой грозной опасностью, какую только видѣли народы... Люди сходятся лишь подъ вліяніемъ общаго мнѣнія, и это мнѣніе, справедливо ли оно или ложно, становясь коллективнымъ, можетъ сдѣлаться или, по крайней мѣрѣ, можетъ счесть себя непреодолимымъ. Оно выдаетъ себя за подлинное общественное мнѣніе, позволяетъ себѣ говорить отъ имени народа, а затѣмъ переходитъ къ дѣйствіямъ».

26 іюля Собраніе приступило къ разсмотрѣнію законопроекта и постановило, чтобы клубы до своего открытія обязаны были дѣлать предварительное заявленіе, чтобы ихъ засѣданія были публичными и кончались въ часъ, предписанный полицейскимъ комиссаромъ. Сверхъ того, всякія сношенія между отдѣльными клубами запрещались, а суду предоставлялось право закрывать ихъ.

Статья 3 гласила: «Женщины и несовершеннолѣтніе не могутъ быть членами клуба, а также присутствовать на его засѣданіяхъ».

Флоконтъ оспаривалъ этотъ пунктъ. «Присутствіе женщинъ, — говорилъ онъ, — составляетъ гарантію порядка, умѣренности и благопристойности... къ нимъ не должно относиться, какъ къ несовершеннолѣтнимъ. — *Голосъ*: — Однако, онѣ не очень-то любятъ, чтобы къ нимъ относились, какъ къ совершеннолѣтнимъ!»

Несмотря на вмѣшательство Лева, замѣтившаго, что для послѣдовательности слѣдовало бы также воспретить женщинамъ посѣщать засѣданія Національнаго Собранія, статья 3 была принята поднятіемъ рукъ.

Женскій Клубъ, умершій уже до того, былъ окончательно похороненъ. Немедленно была составлена для него слѣдующая эпитафія съ примѣсью плохого каламбура: «Плата за входъ въ Клубъ гражданокъ составляла прежде одинъ франкъ, теперь она составляетъ десять су¹⁾; это нужно хорошенько запомнить».

Въ угѣшеніе Ламартинъ способствовалъ назначенію сына г-жи Нибуайе консуломъ на Сандвичевы острова.

Само собою разумѣется, что этотъ законъ вызвалъ негодующіе протесты всѣхъ женщинъ, стремившихся къ эмансипаціи, и къ этимъ протестамъ присоединились также нѣкоторые мужчины.

Консидеранъ писалъ: «Не будучи партизаномъ женскихъ клубовъ, я все же полагаю, что женщинамъ должна быть предоставлена возможность присутствовать на засѣданіяхъ. Если бы женщина была приобщена къ демократіи, то идейныя революціи не совершались бы при помощи ружейныхъ выстрѣловъ». Вѣрный ученію Фурье, который заявлялъ, что прогрессъ человѣческаго рода прямо пропорціоналенъ свободѣ женщины, Консидеранъ неоднократно выступалъ въ своей газетѣ въ защиту женскихъ правъ.

Анна Найтъ, девизъ которой гласилъ «Богъ и Право» и которая 2 апрѣля горячо привѣствовала пастора Кокреля за его рѣчь въ пользу эмансипаціи женщинъ, никакъ не могла примириться съ измѣной своего единовѣрца.

¹⁾ Dix-sous (десять су) и dissous (закрыть) звучитъ одинаково; въ этомъ и заключается каламбуръ.—Прим. перев.

«Правда ли, что ты въ Національномъ Собраніи протестовалъ противъ права женщинъ не только основывать свои клубы, но даже присутствовать на засѣданіяхъ мужскихъ клубовъ?... Если бы въ совѣтахъ женщина сидѣла рядомъ съ мужчиною, ужасная бойня послѣднихъ дней не имѣла бы мѣста. Съ присущими имъ проницательностью и чувствомъ справедливости женщины рѣшительно высказались бы противъ тѣхъ мѣръ, которыя, какъ онѣ это предвидѣли съ самаго начала, неизбежно должны были повлечь за собою эти ужасныя послѣдствія... Одѣтый въ броню праведниковъ, подобно христіанскому воину, защищаетъ права человѣчества безъ различія пола. Чего не хватаетъ повсюду, такъ это той симпатіи ко всѣмъ людямъ, которая составляетъ отличительное свойство женщинъ».

Жанна Деруэнъ также напала на Кокреля: «Вы сказали: женщинѣ приличествуетъ только частная жизнь; она не создана для общественной жизни. — Но, вѣдь, Иисусъ въ отвѣтъ Марѣ, упрекавшей свою сестру въ томъ, что та ей не помогаетъ, сказалъ: *Марія избрала благую часть*. А Марія слушала слово Истины. Итакъ, приглашая женщину слушать слово Истины, онъ освобождалъ ее отъ трудовъ рабыни, для того, чтобы возвести ее въ чинъ апостольскій... Присутствіе женщинъ на собраніяхъ способно лишь повлечь за собою соблюденіе приличій, а ихъ примирительное вмѣшательство можетъ лишь успокоить возбужденныя умы... Если вамъ ужъ непременно хочется уничтожить что-нибудь, то уничтожьте балы... Дѣла не пойдутъ хуже, если женщина съ

своей стороны внесеть въ государственную администрацію духъ порядка и экономіи, свойственный домохозяйкѣ, которая не допускаетъ расточительности и бережно обращается со своими средствами... Царство свободы страшно лишь угнетателямъ. Налагать печать молчанія на уста своего противника значитъ признать свою неспособность убѣдить его»¹⁾).

Что же касается г-жи Эрикуръ, то она меланхолически констатировала: «Подобно Великой Революціи. 1848 годъ нуждался въ женщинахъ, но затѣмъ, когда ихъ роль была кончена. передъ ними захлопнули двери собранія, гдѣ онѣ расширяли свое сердце, дабы вмѣстить въ него великіе національные интересы».

Заключительное слово высказано было «Женской Политикой» (августъ 1848 года):

«Теперь, когда это имъ запрещено, всѣ женщины начнутъ заниматься политикой».

Закончимъ эту главу нѣсколькими избранными мыслями главныхъ феминистокъ Революціи 1848 года.

«Женщина отнюдь не должна эмансипироваться путемъ превращенія въ мужчину, она должна эмансипировать мужчину, превращая его въ женщину» (*Женскій Голосъ*).

«Мы рабыни, а свобода — женщина» (*Силуэтъ* 5 августа).

«Женщина была создана, какъ ваша подруга, а не какъ ваша раба... Творецъ не перестанетъ взирать на васъ съ гнѣвомъ до тѣхъ поръ, пока

вы будете насъ презирать... Пора уже перестать уподоблять насъ скотинѣ, которой дается только пріютъ на ночь, безъ права осѣдлости» (Марія Л., *Общее Право*).

«Женщина — это преступленіе мужчины» (Жанна Деруэнъ, *Женскій Альманахъ*).

«Въ любви собственность представляетъ, насиліе» (Генриетта Девансъ).

«До тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ эта великая несправедливость по отношенію къ женщинамъ, не прекратятся нищета и возстанія» (Анна Найтъ).

«Любовь, регулируемая мужчинами, представляетъ наиболѣе несправедливый видъ собственности» (*Отвѣтъ Прюдому*).

«Я, женщина, должна указывать препятствія, а ты долженъ ихъ устранять; ты обладаешь знаніемъ, я чувствомъ. Вдвоемъ мы составляемъ цѣльное существо. Почему же ты одинъ создалъ законъ?» (Артемиды Канделосъ, *Женщина послѣднему владыкѣ*, — т. е. мужчинѣ).

«Въ устройствѣ моральной категоріи распределеніе установлено такъ, что каждый деспотъ имѣетъ свою жертву: общество имѣетъ мужчину, мужчина женщину, женщина ребенка, ребенокъ собаку и прислугу» (Клара Б., *О деспотизмъ женщины*).

«Такъ какъ бракъ представляетъ союзъ, то каждый изъ супруговъ долженъ поочередно заниматься домашними работами. — Всякая иностранка, которая усыновитъ старца, будетъ признана гражданкой» (*Политическая конституція Везувіанокъ*).

Госпожа Бюз д'Алари предложила учредить

¹⁾ Lettre d'une femme au pasteur Coquerel.

женскіе суды для разслѣдованія вражды между соперницами, несправедливостей, причиненныхъ родственниками родственницамъ, дурного обращенія съ дѣтьми и оскорбленія мужчинами женскихъ чувствъ.

«Необходимо, чтобы апостольская монополія изъ однополой сдѣлалась двуполой» (Анна Найтъ).

Брошюра «Реформа брака безъ введенія развода» требовала, чтобы до заключенія брака имѣлъ мѣсто «годичный искусь, констатированный свидѣтелями, для взаимнаго ознакомленія будущихъ супруговъ». Если бы въ теченіе этого испытательнаго періода паче чаянія родился ребенокъ, то онъ дѣлался бы *питомцемъ Республики*.

Этихъ выдержекъ достаточно для того, чтобы дать понятіе о міросозерцаніи и настроеніи большинства активныхъ гражданокъ изъ *Женскаго Клуба*; однако, не всѣ изъ нихъ раздѣляли столь передовые взгляды, а были и такія, которыя не боялись навлечь на себя насмѣшки желаніемъ прежде всего остаться женщиною въ старомъ смыслѣ этого слова. Въ *Женскомъ Голосѣ* встрѣчаются странныя вещи и даже довольно здравыя мысли!

«Женщина сдѣлается сильной и заставитъ себя слушать съ помощью моральнаго превосходства... Передъ тѣмъ, какъ заговорить во всеуслышаніе, женщинамъ слѣдуетъ еще кое-чему поучиться... Не будемъ компрометировать нашего дѣла излишнимъ нетерпѣніемъ. Начнемъ съ организаціи труда, чтобы доказать, что мы умѣемъ мыслить...

«Не слѣдуетъ давать пищу насмѣшкамъ соперниковъ, которые не всегда дружественно на-

строены. Если бы женскія мысли были даже божественными, онѣ потеряли бы всякій смыслъ, какъ только мы вздумали бы проповѣдывать ихъ въ сапогахъ со шпорами... Все хорошо на своемъ мѣстѣ; мужчины диктуютъ законъ въ Собраніи, женщины диктуютъ въ своихъ домахъ законы нравственности и любви. Они гордятся своей диктаторской властью, мы гордимся ихъ любовью къ намъ. Мы ихъ вдохновляемъ, они пишутъ...

«Пусть женскій голосъ зазвучитъ нѣжно, къ нему станутъ прислушиваться. Не слѣдуетъ подражать мужчинамъ въ рѣзкости¹⁾).

«Успѣхи цивилизаціи, благотворное вліяніе воспитанія составляютъ несчастіе для женщинъ, такъ какъ онѣ при господствующемъ въ настоящее время порядкѣ не могутъ занимать того положенія, которое соотвѣтствовало бы ихъ серьезному воспитанію и способностямъ... Мужчины вторгаются въ область чисто женскихъ отраслей дѣятельности. Они шьютъ сорочки, причесываютъ женщинъ и серьезнѣйшимъ образомъ занимаются самыми пустячными модными бездѣлушками»²⁾.

Кто хочетъ выработать справедливое отношеніе къ феминистскому движенію той эпохи, тотъ не долженъ смѣшивать гражданокъ, которыя много говорили для того, чтобы ничего не сказать, съ тѣми немногими сердечными женщинами, которыя мало говорили, но всѣ свои силы посвятили на

¹⁾ Jeanne—Marie et Hermance Lesguillon (*Voix des Femmes*, 24, 26, 29 апрѣля).

²⁾ Sophie Saint Amand, *De l'Avenir des femmes dans la République*.

основаніе благотворительныхъ и общественныхъ учреждений.

Первыя добивались только избирательнаго права и для полученія его готовы были отказать въ немъ замужнимъ женщинамъ, уже представленнымъ своими мужьями, и крестьянкамъ, «подозрѣваемымъ въ клерикализмъ».

Другія же стремились главнымъ образомъ къ улучшенію положенія своихъ нуждающихся сестеръ и требовали лучшей организаціи труда, отмены сбивающихъ цѣну тюремныхъ работъ, надзора надъ кормилицами, бесплатнаго присканія мѣстъ для безработныхъ и развитія женскаго образованія.

Женскій клубъ сильно повредилъ дѣлу феминизма. Это съ огорченіемъ констатировали Жоржъ Зандъ и Даниель Стернъ (Госпожа д'Агу).

«Слѣдуетъ признаться, — говоритъ вторая. — что эти попытки не были ни зрѣло обдуманы, ни очень умно проводимы женщинами, талантъ которыхъ не совсѣмъ соотвѣтствовалъ ихъ усердію... Ихъ клубъ сдѣлался предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ. На банкетахъ онѣ произносили тосты, мистическій и смутный смыслъ которыхъ не могъ никого ни убѣдить, ни просвѣтить»¹⁾.

«Отъ женщинъ не зависитъ измѣнять законы. но отъ нихъ могло бы зависѣть наглядно доказать гсѣмъ необходимость этого измѣненія».

«Онѣ презрѣли присущій имъ геніи и растратили его въ чисто внѣшнихъ усиліяхъ, шумный и трескучій характеръ которыхъ скомпрометиро-

вать ихъ дѣло, преждевременно выставивъ его на издѣвательство мужской мудрости. Мнимо свободныя женщины, желавшія силою взять недостаточные еще опредѣленные права, коихъ онѣ добивались съ большей надменностью, чѣмъ обдуманностью. дискредитировали даже въ женской средѣ идеи, сами по себѣ справедливыя, но представленныя въ слишкомъ смѣшномъ нарядѣ. Своимъ языкомъ и поведеніемъ онѣ способны были оправдать невѣжество и легкомысліе. которое, по меньшей мѣрѣ, прикрывалось извѣстнымъ изяществомъ... Опасаясь очутиться въ смѣшномъ положеніи, женщины почти всѣ оставили свое собственное дѣло, и настоящія препятствія къ ихъ освобожденію заключаются скорѣе въ ихъ ложномъ понятіи о своихъ обязанностяхъ, чѣмъ въ суровости салического закона»¹⁾.

Если бы женщины, — заявляетъ Жоржъ Зандъ, — стояли на правильномъ пути и обладали твердыми идеями, то у нихъ конечно было бы больше основаній жаловаться на извѣстные законы и на варварство извѣстныхъ предразсудковъ. Но пусть онѣ возвысятъ свою душу и разовьютъ свой умъ, прежде чѣмъ надѣяться на возможность разорвать желѣзное кольцо обычая. Тщетно онѣ станутъ собираться по клубамъ, тщетно онѣ станутъ пускаться въ полемическіе походы, если самый способъ ихъ выражать свое недовольство показываетъ, что онѣ неспособны хорошо устроить свои дѣла и управлять своими поступками».

Теофилъ Готье выказалъ больше снисходитель-

1) Histoire de la Révolution de 1848.

1) Daniel Stern, Lettres republicaines.

ности къ прекрасному полу. «Что за важность, въ концѣ-концовъ, если женщина испачкаетъ нѣсколько листовъ бумаги? Развѣ ужъ такъ необходимо, чтобы мужчина сохранилъ монополію писать глупости? Мы съ своей стороны относимся съ такой же симпатіей къ пишущей женщинѣ, къ синему чулку, какъ и къ женщинѣ, которая играетъ на піанино и по цѣлымъ днямъ изучаетъ болѣе или менѣе невозможныя варіаціи Герца».

ГЛАВА XI.

Отъ іюля 1848 года до октября 1870 года.

Соціалистическіе банкеты.

Кандидатура Жанны Деруэнъ на законодательныхъ выборахъ.

Феминистки и лекторши конца Имперіи.

„Во Франціи, за исключеніемъ синихъ чулковъ, всѣ женщины остроумны“.

Госпожа Жирардэнъ.

Бурныя засѣданія *Женскаго Клуба* убили газету г-жи Нибуайе, а іюньскіе дни, послѣ которыхъ возстановленъ былъ залогъ для періодическихъ изданій, не позволили г-жѣ Д. Ге выпустить больше двухъ номеровъ «Женской Политики».

Клубъ или, скорѣе, «Общество Женской Эмансипаціи» также исчезло во время этихъ бурныхъ событій, но эта говорильня синихъ чулковъ отличалась большой живучестью, и ей удалось возродиться подъ именемъ «Женскаго Общества Взаимнаго Воспитанія».

«Цѣлью его, — говорится въ одномъ проспектѣ, — является способствовать собраніямъ женщинъ, во-первыхъ, для основанія промышленныхъ

обществъ, во-вторыхъ, для выясненія имъ средствъ къ сплоченію въ интересахъ исполненія своихъ обязанностей и достиженія своихъ правъ и наконецъ, въ третьихъ, для организаціи образовательныхъ центровъ».

Госпожи Дезире Ге, Нибуайе, Эскиросъ, Анаисъ Сегала и Амабль Тастю соперничали между собою въ краснорѣчїи, но увы! никто не приходилъ ихъ слушать.

Жаннѣ Деруэнъ удалось привлечь лишь небольшое число слушательницъ на свои курсы всеобщей исторїи и соціального права. Не дѣлалъ большихъ сборовъ и г. Дешессо, читавшій о біологическомъ сходствѣ. А между тѣмъ взносъ требовался ничтожный, всего 50 сантимовъ въ мѣсяць. «Мужчина, — заявляла программа курса соціального права, — умѣетъ устанавливать порядокъ только съ помощью деспотизма. женщина же умѣетъ лишь организовывать силою своей материнской любви: совмѣстными усилїями оба они сумѣютъ примирить порядокъ и свободу».

Этотъ феминистскій кружокъ началъ выпускать газету «Женское Мнѣніе», энергично требовавшую «отмѣны всѣхъ привиллегій, связанныхъ съ расою, происхожденіемъ, состояніемъ и поломъ»; этотъ листокъ просуществовалъ цѣлый годъ (августъ 1848 — августъ 1849). но онъ выходилъ крайне нерегулярно, и вся его коллекція состоитъ всего изъ шести номеровъ и одного проспекта. Изданіе приостановилось послѣ того, какъ ему предъявлено было требованіе внести съ конца 1849 года 5000 франковъ залога.

«Женское Мнѣніе, — говорила главная редак-

торша Жанна Деруэнъ, — это сужденіе, которое одна половина человѣческаго рода вправѣ произносить о законахъ, навязанныхъ другой половиной.

«Женщины понимаютъ, что въ настоящее время онѣ не только вправѣ, но даже обязаны принимать участіе во всѣхъ проявленїяхъ общественной жизни... Настало время, когда должно исполниться обѣтованіе Господа, что женщинѣ суждено восторжествовать надъ духомъ зла. Это значитъ, что она побѣдитъ эгоизмъ силою своей любви и своего самоотреченія... Всѣми силами души своей мы призываемъ наступленіе Царства Божїя на землѣ... Мы будемъ слѣдовать политикѣ мира, труда и примиренія».

Къ счастью для читателей этой газеты. Жанъ Массе время отъ времени помѣщалъ въ ней довольно хорошія статьи. «Я требую, — говорилъ онъ, — права принять на себя свою часть насмѣшекъ, приходящихся, какъ видно по праву, на долю всѣхъ попытокъ, направленныхъ къ эмансипаціи той тиранически угнетенной рабы, которая называется женщиною... той вѣчной несовершеннолѣтней, которая водить на помочахъ своего опекуна!»

Чтобы дополнить списокъ тогдашнихъ женскихъ организацій, необходимо упомянуть еще о *Союзѣ бллошвеекъ*, основанномъ въ октябрѣ 1848 г. *Обществомъ Женской Эмансипаціи*, и *Братскомъ предпрїятїи дамъ*, бюро котораго находилось на Новой Капуцинской улицѣ, 19.

Анекдотическая исторїя феминизма во время послѣднихъ конвульсій Республики 1848 года

обнимаетъ лишь кампанію социалистическихъ банкетовъ и кандидатуру Жанны Деруэнъ на выборахъ въ парламентъ.

Первый *Преобразовательный банкетъ демократическихъ и социалистическихъ женщинъ* состоялся 25 ноября 1848 г. въ ресторанѣ Дюнуайе у Мэнской заставы. Три председателя, Леру, Бернаръ и Барбесъ, и три председательницы, гражданки Менъе де Лонгвиль, Деланъ и д'Экспилли, председательствовали на этой трапезѣ и слѣдили за аппетитомъ 1200 человѣкъ, «не мужчинъ, не женщинъ, а все социалистовъ». Демократы моложе 10 лѣтъ угощались бесплатно, а ихъ родители уплачивали одинъ франкъ съ четвертакомъ.

Г-жа д'Экспилли провозгласила тостъ за всѣхъ тѣхъ, чьи труды направлены ко благу человечества (Леру, Прудонъ, Луи Бланъ); Дезире Ге за союзъ мужчины и женщины; г-жа Франсе за общественное счастье, невозможное безъ женскаго счастья; Жанна Деруэнъ за Олинда Родригеа и за г. Легувэ; г-жа Констанъ за социальную гармонию; Генриетта (*художница*) за народный суверенитетъ; г-жа Фоссуайе за недовѣріе.

Послѣдняя ораторша предостерегала своихъ сестеръ противъ излишняго оптимизма и утверждала, что, переваривъ банкетную телятину и салатъ, мужчины снова обрѣтутъ весь свой эгоизмъ.

Второй банкетъ состоялся на Рождествѣ въ залѣ Валентино. «Настала пора — заявила газета *Республика*, — чтобы этотъ праздникъ Рождества, установленный въ честь перва-

го социалиста, въ честь человѣка, пришедшаго въ міръ проповѣдывать отмѣну всѣхъ привиллегій и всѣхъ формъ рабства, настала пора, чтобы этотъ праздникъ, вотъ уже двѣ тысячи лѣтъ ограниченный узкимъ кругомъ образованнаго общества, объединилъ въ святомъ общеніи всѣхъ тѣхъ, кто, подобно Божественному Учителю, въ награду за свою горячую любовь къ человечеству, пожинаютъ презрѣніе, насмѣшки и оскорбленія. Приходите, братья, и вы, еще колеблющіяся женщины, приходите укрѣпить свои сердца на этой братской вечерѣ любви».

На этомъ банкетѣ, на которомъ присутствовало свыше 800 человѣкъ, председательствовали Пьеръ Леру и Феликсъ Пиа. Если участники банкета пообѣдали неважно, зато зрители, допущенные за 25 сантимовъ въ залъ, гдѣ они могли слушать рѣчи, навѣрное получили за свои деньги удовольствіе въ полной мѣрѣ.

Хотя женщинъ было очень мало, онѣ, однако, воспользовались удобнымъ случаемъ для того, чтобы за десертомъ пошумѣть основательно. Изъ мужчинъ говорило только четыре человѣка, но отъ женщинъ выступило цѣлыхъ десять: Деруэнъ произнесла тостъ за пришествіе Бога на землю; г-жа Симонъ за всеобщее братство; Аделаида Конделосъ за свободу; г-жа Гранэ произнесла тостъ за Рождество Христово, а затѣмъ произнесла славословіе Пресвятой Дѣвѣ, Сень-Симону, Фурье, всѣмъ народамъ и пр.; г-жа Монъ произнесла тостъ за женщинъ; г-жа Мари за Христа живого; Адель Эскиросъ за всеобщую сво-

боду и двѣ неизвѣстныя женщины за Фурье и за вѣнскихъ мучениковъ.

Мужчины оказались менѣе говорливыми: Пьеръ Леру ограничился нѣсколькими словами; Жанъ Массе предложилъ остроумный тостъ за неравенство, Эрвэ за Сень-Жюста и Робеспьера и, наконецъ, гражданинъ Бернаръ за Марію, «первую пропагандистку социализма».

Этотъ потокъ женскаго краснорѣчія настолько раздосадовалъ ораторовъ-мужчинъ, что къ великому негодованію гражданокъ, ихъ совершенно забыли пригласить на официальный банкетъ, устроенный 25 февраля 1849 г. по случаю годовщины Революціи. Чтобы протестовать противъ такой несправедливости, Полина Роланъ на женской трапезѣ провозгласила тостъ за справедливость, ибо, — заявила она, — «я говорю то, что сказалъ Сіей-есъ старой Горѣ: Они хотятъ быть свободны и не хотятъ быть справедливы».

Черезъ нѣсколько дней Жанна Деруэнъ выступила съ рѣчью на банкетѣ социалистическихъ священниковъ: «Я, — сказала она, — явилась въ вашу среду потому, что женщина также является духовнымъ лицомъ и должна получить мѣсто въ Храмѣ, равно какъ и въ Государствѣ и въ Семьѣ». Затѣмъ она предложила организовать *Братскій и солидарный союзъ*, объединяющій всѣ рабочія ассоціаціи.

4 марта выступило еще нѣсколько ораторицъ на освященіи Зала Братства:

«До тѣхъ поръ, пока догматъ свободы останется пустымъ звукомъ, — заявила г-жа Бразье, — эгоизмъ будетъ эксплуатировать міръ... Вы добь-

тесь братства не иначе, какъ съ помощью всеобщей любви, распространяющейся на оба пола въ различные ихъ возрасты. Братья, мы свѣтъ будущаго, гармоническій авангардъ. Въ тотъ день, когда вы обратитесь къ намъ съ призывомъ, мы отвѣтимъ: мы здѣсь».

Затѣмъ встала Марія Дюкло и, обращаясь къ представителямъ Горы, сказала имъ: «Вы составляете основу Республики, доколѣ на вершинѣ ея будетъ стоять кивотъ завѣта, т. е. социализмъ. На ней, на этомъ новомъ Сіонѣ, воздвигнется градъ будущаго, гдѣ нашъ святой девизъ «Братство» будетъ уже не только начертанъ на нашихъ памятникахъ, но и запечатлѣнъ въ нашихъ сердцахъ».

Третья трапеза демократическо-социалистическихъ женщинъ (Démoc-socs), какъ говорили тогда) должна была состояться на второй день Пасхи, въ понедѣльникъ, 9 апрѣля; но въ послѣдній моментъ банкетъ пришлось перенести на два часа ранѣе назначеннаго времени, и когда участники его явились, бюро вставало уже изъ-за стола, чтобы уступить мѣсто какой-то свадьбѣ. Это было, какъ кажется, послѣднее торжество въ такомъ родѣ.

Въ апрѣлѣ 1849 г. Жанна Деруэнъ рѣшила выставить свою кандидатуру въ Національное Собраніе, и вскорѣ стѣны Парижа покрылись слѣдующими афишами:

«Граждане,

«Я выставляю свою кандидатуру изъ преданности великому принципу гражданскаго и политическаго равенства обоихъ половъ... Законодательное собраніе, составленное исключительно изъ

мужчинъ, столь же некомпетентно издавать законы, управляющіе обществомъ, состоящимъ изъ мужчинъ и женщинъ, какъ некомпетентно было бы собраніе привилегированныхъ обсуждать интересы рабочихъ или собраніе капиталистовъ защищать честь страны».

Клервиль успѣшилъ сочинить обзоръніе, гдѣ выводилась кандидатка, расиѣвавшая:

Подобно вамъ, способнымъ говорить два часа подрядъ

По вопросамъ, въ которыхъ вы не смыслите ни аза,
Я также буду говорить глупости,

Но я буду говорить ихъ гораздо дольше!

Редакторша *Женскаго Миньія* относилась серьезно къ своей кандидатурѣ и выступала съ рѣчами въ цѣломъ рядѣ публичныхъ собраній. Рассказываютъ даже, что она переодѣвалась въ мужской костюмъ, чтобы попробовать добиться своего внесенія въ избирательные списки.

10 апрѣля въ залѣ Редута на улицѣ Гренель-Сентъ-Оноре, ей, несмотря на шумъ, удалось развить съ трибуны «свою столь радикально-революціонную и социальную программу». Часть гражданъ апплодировала ей, но собраніе приняло простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ.

На слѣдующій день Жанна Деруэнъ явилась въ гимнастическій залъ Триа на аллеѣ Вдовъ (авеню Монтень) и потребовала слова «именемъ Бога и челоуѣчества». 19-го она выступила въ залѣ Братства, а 20-го имѣла извѣстный успѣхъ въ залѣ Акацій. 21-го Деруэнъ снова произнесла рѣчь въ залѣ Мартель: «Жизнь, — говорила она, — триедина и распадается на личную жизнь, семейную жизнь и общественную жизнь. Отка-

зывать женщинъ въ правѣ на общественную жизнь, значитъ, совершать преступленіе противъ челоуѣчества!»

По поводу этой кандидатуры газета Прудона *Народъ* заявила: «Мы съ такимъ же трудомъ можемъ представить себѣ женщину въ роли законодателя, какъ мужчину въ роли мамки».

Голосоваль ли кто-нибудь за предшественницу мадемуазель Лалозъ? Не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, по отношенію къ ней не проявили достаточно галантности и не сообщили ей, хотя бы оффиціозно, числа поданныхъ за нее голосовъ. Но, отвѣчая ея желаніямъ, Пьеръ Леру нѣсколько мѣсяцевъ спустя потребовалъ съ трибуны Национальнаго Собранія внесенія гражданокъ въ избирательные списки. Увы! это предложеніе не удостоилось чести быть принятымъ но вниманіе.

Жанна Деруэнъ, родившаяся въ Парижѣ 31 декабря 1805 г., сначала подъ вліяніемъ Олинды Родригеца примкнула къ доктринамъ сентъ-симонистовъ, а затѣмъ къ ученію Кабе; позже она, хотя и будучи деисткой, вступила въ гражданскій бракъ съ Дерошемъ, чтобы наглядно показать женщинамъ тѣ выгоды, какія сулитъ имъ «бракъ, соединенный съ полнѣйшей непорочностью». Къ сожалѣнію, отъ этого платоническаго союза родилось трое дѣтей. Въ послѣдніе годы царствованія Луи-Филиппа ей, хотя и съ большимъ трудомъ, удалось добиться разрѣшенія на открытіе народной школы.

Немедленно послѣ провала своей кандидатуры Жанна Деруэнъ выступила съ предложеніемъ ор-

ганизовать обширный товарищеский союзъ всѣхъ рабочихъ.

Послѣ цѣлаго ряда измѣненій, ея проектъ былъ одобренъ 104 ассоціаціями, и 22 ноября 1849 г. съ соблюденіемъ всѣхъ требованій закона образовался Союзъ Ассоціацій. Цѣль этой коммунистической организаціи заключалась въ освобожденіи рабочихъ отъ хозяйской эксплуатаціи, въ установленіи равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ, въ распредѣленіи труда между всѣми членами общества соотвѣтственно потребностямъ каждаго и въ замѣнѣ денегъ мѣновыми бонами.

Особый центральный комитетъ долженъ былъ каждые три мѣсяца опредѣлять число рабочихъ, необходимыхъ въ каждой профессіи, и, въ случаѣ надобности, распредѣлять ихъ по другимъ цехамъ для избѣжанія перепроизводства и безработицы ¹⁾.

Этотъ своеобразный фаланстеръ успѣлъ было сгруппировать извѣстное число сторонниковъ, какъ вдругъ 29 мая 1850 г. на улицу Мишель-ле-Контъ, 37 явился полицейскій комиссаръ въ сопровожденіи 80 городовыхъ и арестовалъ всѣхъ лицъ, присутствовавшихъ на засѣданіи комитета Союза. Полиція не нашла ничего предосудительнаго на квартирѣ Жанны Деруэнъ, но кое у кого изъ вожаковъ она открыла оружіе и даже тайную мастерскую для изготовленія пороха.

Противъ шести женщинъ и одиннадцати мужчинъ судебное преслѣдованіе было прекращено, а

¹⁾ Ranvier, Jeanne Deroin (Revue de la Révolution de 1848, t. IV et V). Henriette Wild, Jeanne Deroin.

черезъ шесть мѣсяцевъ обвинительная камера постановила предать суду присяжныхъ Жанну Деруэнъ, Полину Роланъ и Жанну Нико, завѣдующую дѣлами въ Союзѣ прачекъ, вмѣстѣ съ 27 подсудимыми мужчинами. Обвинительный актъ утверждалъ, что «дѣйствительная цѣль собранія была политической, а фиктивный союзный договоръ былъ придуманъ лишь для обхода закона и сокрытія политическихъ цѣлей общества».

На судѣ социалистическая партія заставила Жанну Деруэнъ предоставить мужчинамъ славу основанія Союза; рабочимъ было неприятно выступать въ роли людей, которыми руководила женщина! Для спасенія мужской чести Билло и Дельбрукъ согласились получить по нѣсколько лишнихъ лѣтъ тюремнаго заключенія.

Благодаря смѣлости своихъ отвѣтовъ и, безъ сомнѣнія, своему полу и благожелательному отношенію председателя, Деруэнъ, Нико и Полина Роланъ были приговорены къ низшей степени наказанія, хотя и самой по себѣ довольно суровой, а именно къ шести мѣсяцамъ тюрьмы и 300 франкамъ штрафа.

Сотрудникъ *Судебной Газеты* изображаетъ Жанну Деруэнъ женщиной низкаго роста, худощавой и очень блѣдной. «На головѣ у нея была шляпка изъ чернаго крепа, украшенная ярко розовыми лентами. Она отвѣчала съ величайшимъ спокойствіемъ и обнаружила большую эрудицію въ социалистическихъ вопросахъ».

Въ апрѣлѣ Жанна Деруэнъ изъ тюрьмы протестовала противъ предложенія депутата Шапо, сводившагося къ ограниченію права петицій для

мужчинъ и къ полной отмѣнѣ его въ политической области для женщинъ. «Всѣ члены французскаго общества, — говорила она, — имѣютъ одинаковое право на свободы, обезпеченныя конституціею для всѣхъ. Изъ этого правила изъемяются лишь умалишенные, лишенные правъ по суду и несовершеннолѣтніе. Въ Конституціи нѣтъ ни одного постановленія, которое относило бы женщинъ къ лицамъ неправопоспособнымъ».

Лоранъ де л'Ардешъ прочиталъ эту петицію съ трибуны, а Шельхеръ поддержалъ ее, но Катень-Бошаръ высказался противъ нея и безъ труда добился ея отклоненія.

Пылкая феминистка была выпущена на свободу 3 іюля 1851 г. Черезъ нѣсколько дней она обратилась съ письмомъ въ редакцію «Страны», которая, сообщивъ объ ея освобожденіи, прибавила, «что ея политическія увлеченія поколебались подъ вліяніемъ послѣднихъ событій».

«... Черезъ два дня послѣ моего выхода на волю я въ редакціи газеты *Республика* подготовила протестъ женщинъ противъ всеобщаго избирательнаго права... Болѣе, чѣмъ когда-либо, я всей душой и всѣми силами призываю торжество соціального дѣла, свободы, справедливости и истины» ¹⁾.

«Гражданку Жанну Деруэнъ (по мужу Дерошъ), — говорилъ Люка въ 1851 г., — когда она не сидитъ въ тюрьмѣ Сентъ-Лазаръ, можно видѣть ежедневно отъ 5 до 7 въ Братскомъ Союзѣ полыхъ на улицѣ Руль-Сентъ-Оноре. Она не краси-

ва, уже не молода... иногда ее сопровождаетъ мужъ, имени котораго она не носитъ, и который благоговѣетъ передъ каждымъ ея словомъ. Она одновременно занимается профессіями журналистки, бѣлошвейки и учительницы... На демократическо-соціалистическихъ банкетахъ она произносила безпорядочныя рѣчи. Она даже выставила свою кандидатуру въ Національное Собраніе, но всегда получала одинъ только голосъ, а именно, голосъ своего несчастнаго мужа. Въ концѣ-концовъ, она въ послѣднее время была приговорена къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тѣрмы за то, что на улицѣ Мишель-ле-Контъ конспирировала съ нѣсколькими прачками и однимъ архитекторомъ».

Въ 1851 г. Жанна Деруэнъ выпустила двѣ брошюры «О безбрачїи» и «Организація кредита» и издала «Женскій альманахъ на 1852 годъ».

Женскій Альманахъ называлъ женщину «преступленіемъ мужчины» и требовалъ реформы женскаго костюма. Не довольствуясь отстаиваніемъ женскихъ требованій, онъ, кромѣ того, заявлялъ себя защитникомъ права животныхъ.

Послѣ государственнаго переворота Жанна Деруэнъ съ такой энергіей занялась оказаніемъ помощи пострадавшимъ дѣятелямъ и ихъ семьямъ, что въ августѣ 1852 г. наканунѣ грозившаго ей ареста она принуждена была уѣхать въ Англию, откуда переселилась на островъ Джерсей. Здѣсь она издала *Женскій Альманахъ* на 1853 и 1854 гг.: первый изъ нихъ, составленный на французскомъ и на англійскомъ языкахъ, излагалъ соціальное евангеліе женщины и проповѣдывалъ союзы, основанные на чистой любви. Затѣмъ Жанна Де-

¹⁾ Bibliothèque Le Pelletier de Saint—Fargeau.

руэнъ поселилась въ Англии. У насъ имѣется одно ея письмо, отправленное изъ Лондона и помѣченное 11 мая 1854 г.; въ этомъ письмѣ она, въ качествѣ секретаря *Братскаго Общества*, требуетъ передачи ей знамени бывшаго Соціального Общества.

Въ 1861 г. она основала въ Лондонѣ школу для обученія эмигрантскихъ дѣтей, но, такъ какъ родители ихъ систематически отказывались вносить установленную плату, она принуждена была отказаться отъ этого предпріятія.

Продолжительное пребываніе въ Англии (она прожила тамъ около 40 лѣтъ) придало англійскій колоритъ ея идеямъ, и она послѣдовательно дѣлалась апостоломъ трезвости, которую она, впрочемъ, не смѣшивала съ полнымъ отказомъ отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, блумеризма и вегетаріанства.

Жанна Деруэнъ скончалась въ Лондонѣ въ 1894 г., такъ и не пожелавъ вернуться во Францію, гдѣ она, несомнѣнно, боялась натолкнуться лишь на забвеніе и неблагодарность. Къ концу своей жизни она требовала избирательнаго права исключительно для достиженія «соціального права» и по прежнему считала эмансипацію женщинъ тѣсно связанной съ проблемою освобожденія рабочихъ.

Въ конечномъ итогѣ, если не считать удовольствія посѣщенія Французскаго Коллежа, гдѣ г. Легувэ восхвалялъ ихъ заслуги, единственное *приобрѣтеніе* женщинъ отъ февральской революціи заключалось въ допущеніи ихъ на хоры Биржи. Впрочемъ, это право онѣ захватили явоч-

нымъ порядкомъ; когда же биржевые маклера протестовали противъ появленія женщинъ, Косидьеръ иронически отвѣтилъ, что не располагаетъ достаточными полицейскими силами для воспрепятствованія женщинамъ врываться въ зданіе Биржи.

Послѣ бѣгства этого революціоннаго префекта полиціи биржевые маклера снова начали жаловаться на то, что биржевые зайцы женскаго пола поднимаютъ такой гвалтъ, что рѣшительно ничего нельзя слышать; тѣмъ не менѣе прошло еще четыре мѣсяца безъ всякихъ измѣненій, но въ декабрѣ 1848 г. биржевые маклера въ концѣ концовъ добились своего, и несчастныя спекулянтки были изгнаны изъ храма золотого тельца.

Въ этотъ день всѣ женщины, имѣвшія отношенія къ биржѣ, принялись играть на пониженіе республиканскихъ фондовъ.

Судьба основоположницъ феминистскаго движенія 1848 г. была неодинакова.

Госпожа Буржуа-Алликсъ умерла въ 1851 г.

Адель Эскиросъ написала «Старый синій чулокъ»; во время осады Парижа мы еще встрѣтимъ ее въ компаніи Луизы Мишель.

Полина Роланъ послѣ государственнаго переворота была сослана въ Алжиръ. Освобожденная въ 1852 г., несмотря на гордый отказъ подписать прошеніе о помилованіи, она по возвращеніи во Францію скончалась въ Лионѣ 29 декабря. Эта дѣйствительно убѣжденная женщина обладала замѣчательнымъ даромъ слова. Послѣдовательница Пьера Леру, она сотрудничала въ

«Соціальному Журналъ». въ «Независимомъ журналѣ» и въ «Національномъ Мнѣніи». Самымъ замѣчательнымъ ея произведеніемъ была «Исторія Англіи»...

Это былъ апостолъ,
Котораго Богъ, на этой землѣ, гдѣ мы всё томимся,
Сдѣлалъ женой и матерью, дабы онъ былъ нѣжнѣе.

Викторъ Гюго.

Евгенія Фоа ослѣпла и умерла въ 1853 г. Эрмансъ Легионъ не прекратила своей дѣятельности; она продолжала писать и между прочимъ въ 1859 г. издала книгу «Женщина черезъ 100 лѣтъ».

Госпожа Констанъ занялась художественной критикой и, овдовѣвъ въ 1873 г., вскорѣ послѣ этого вторично вышла замужъ за одного изъ министровъ Третьей Республики.

Госпожа Элиза Лемонье, которая не послѣдовала за Женскимъ Клубомъ на бульваръ, посвятила свои силы основанію «Общества Женскаго профессиональнаго образованія».

Госпожа Нибуайе, образумившись послѣ закрытія Женскаго Клуба, снова занялась литературой. Въ 1862 г. она издала «Настоящую книгу женщины», а въ 1865 г. издавала «Газету для всѣхъ женщинъ», гдѣ продолжала заниматься Макопскимъ соборомъ, который она относала даже къ XVIII вѣку, и гдѣ она осуждала «кричащіе кринолины и шляпы не больше воробьиного носа». Госпожа Нибуайе, какъ видно, не часто ходила въ театр!

Около того же времени она при содѣйствіи господъ Эскиросъ, Жюль Симонъ, Алларъ и

Сувэстръ основала *Новое общество покровительства женщинамъ*.

Нѣсколько позже, въ 1869 г., г-жа Нибуайе начала издавать «Женскую Газету» въ общемъ умѣреннаго характера, несмотря на то, что въ редакцію ея входило нѣсколько женщинъ, которыя вскорѣ должны были сдѣлаться главными Этеріями Коммуны, Статьи Павлы (или Поль) Менкъ, Андре Лео, Маріи Дересмъ и Клемансъ Ройе встрѣчаются тамъ бокъ-о-бокъ съ сочиненіями Эмиля Сувэстръ и г-жи Лемонье.

Правда, въ то время г-жа Андре Лео писала: «Важно не поразить общественное мнѣніе, а убѣдить его», и ограничивалась требованіемъ открытія школъ для молодыхъ дѣвицъ, «гдѣ катехизисъ былъ бы замѣненъ моралью справедливости, основанной на новомъ строѣ».

Однако 5 мая г-жа Нибуайе осудила духъ лекцій Павлы Менкъ и закончила свою статью словами: «Въ какомъ мірѣ живетъ она?» Это не помѣшало Клемансъ Ройе черезъ 15 дней объявить читательницамъ *Женской Газеты*, что отнынѣ она отказывается отъ литературы, которая не можетъ дать ей званія гражданки!

Послѣ войны г-жа Нибуайе занималась организаціей кооперативовъ и издала нѣсколько книжекъ для юношества. Она скончалась въ 1883 г. восьмидесяти трехъ лѣтъ отъ роду.

Къ концу Имперіи наиболѣе ярыя феминистки организовали настоящую кампанію рефератовъ.

Г-жа Марія Дересмъ чаще всего выступала въ Капуцинскомъ залѣ, гдѣ ея несомнѣнный ораторскій талантъ вызывалъ аплодисменты даже

такихъ людей, которые отнюдь не раздѣляли ея крайнихъ взглядовъ. Вдобавокъ, ея краснорѣчіе всегда отличалось чисто академической правильностью. Однимъ изъ первыхъ ея выступленийъ была рѣзкая отвѣдь Барбе д'Оревилли, который между прочими любезностями по адресу прекраснаго пола заявилъ: «Что касается женскаго вопроса, то не забудемъ, что жемчужины находятся въ устрицахъ... Привязать къ себѣ женщинъ можно такъ же, какъ прибавляютъ обои, т.-е. съ помощью гвоздей и молотка»¹⁾.

Въ 1882 г. массонская ложа мѣстечка Пекъ избрала ее предсѣдательницей, но это новшество не понравилось Великому Востоку, который немедленно наложилъ *эпитимію* на слишкомъ галантныхъ франкъ-масоновъ.

Марія Дересмъ всегда отказывалась отъ выставленія своей кандидатуры; она довольствовалась своимъ положеніемъ вліятельной избирательницы Понтуазскаго округа, гдѣ благодаря своему краснорѣчію, вліянію и состоянію она всегда проводила желательныхъ ей кандидатовъ. Въ теченіе двадцати пяти лѣтъ она оставалась признаннымъ главою антиклерикальной феминистской партіи.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется нѣсколько ея писемъ, помѣченныхъ іюлемъ и августомъ 1881 г.; въ этихъ письмахъ она неодобрительно отзывается о бурныхъ манифестаціяхъ *Общества Женскихъ Правъ* и высказывается противъ организаціи *Женской Академіи*, «которая была бы ни-

чѣмъ инымъ, какъ гнѣздомъ рутины и мелочныхъ предразсудковъ».

Наоборотъ, г-жа Павла Менкъ выступала съ рѣчами въ предмѣстьяхъ и гналась за ораторскими эффектами. Какъ мы видѣли, она пугала даже сотрудницъ *Женской Газеты*.

«Нечего,—говорила она,—держаться за принципъ 1789 года; возвращаться къ нимъ значило бы дѣлать шагъ назадъ (31 января 1868 г.). Мы не признаемъ всемогущества Божія, потому что мы не хотимъ ни Бога, ни какой-либо другой силы (12 ноября)» и пр.¹⁾.

Прибавимъ, что 28 ноября того же года Павла Менкъ страннымъ образомъ предсказала возстаніе Коммуны. Ранѣе она основала *Братское Общество Работницы* и выпустила нѣсколько номеровъ газеты «Пауки и Мухи».

Изъ женщинъ-ораторовъ этой эпохи назовемъ еще г-жу Олимпію Одуаръ, автора множества сочиненій и основательницу «Мотылька» и «Космополитическаго Обозрѣнія». Ей не удалось превратить этотъ органъ въ политическую газету, такъ какъ администрація въ отвѣтъ на ея ходатайство указала, что разрѣшеніе можетъ быть выдано только французу.

Прочитанная ею 28 февраля 1870 г. лекція о «Женщинѣ въ бракѣ, въ разлученіи отъ супруга и въ разводѣ» была напечатана. Прерванная полицейскимъ комиссаромъ за слова, что «разводъ обезпечиваетъ семейную нравственность», она привела весь залъ въ веселое настроеніе

¹⁾ Fragments sur les Femmes.

¹⁾ A. Vitu, les Réunions à Paris en 1869.

своимъ отвѣтомъ, что эта фраза заимствована изъ «Наполеоновскихъ идей», написанныхъ Луи-Бонапартомъ во время его содержанія въ Гамской крѣпости.

Въ 1866 г. Поль Тузри, сотрудникъ «Парижанки», выпустилъ книгу «Женщина въ XIX вѣкѣ», написанную въ яро-феминистскомъ духѣ. Въ этой книгѣ онъ утверждалъ, что женщины должны быть допущены въ Законодательный Корпусъ, такъ какъ во Франціи имѣются *четыре* женщины, достойныя депутатскаго званія.

Что касается г-жи Фанни Марешаль, то она довольствовалась тѣмъ, что занималась «физическимъ перерожденіемъ мужчины».

Въ 1869 г. возникло также *Общество борьбы за право женщинъ*, организованное г-жами Демаръ, Андре Лео, Ноэми Реклю, Маріей Дересмъ, Луизой Мишель, Жюль Симонъ, Каролиной де Барро и пр., и основана была газета «Право Женщинъ» Леона Рише, которая впослѣдствіи превратилась въ «Будущее Женщинъ».

ЭПИЛОГЪ.

„Вопросъ о женской эмансипаціи нельзя разрѣшить разговорами за стаканомъ чая“.

Лили Браунъ.

«Ранѣе появленія слѣдующаго поколѣнія, — заявилъ Стюартъ Милль, — принадлежность къ извѣстному полу, равно какъ и нѣтъ кожи не будутъ признаваться достаточными мотивами для лишения человѣческаго существа справедливыхъ прерогативъ гражданина».

Великій англійскій апостоль феминизма ошибся, быть можетъ, на какіе-нибудь двадцать лѣтъ. такъ какъ въ нѣкоторыхъ счастливыхъ странахъ, какъ, напримѣръ, Финляндія, Норвегія, Австралія, Новая Зеландія и нѣкоторые штаты Сѣверной Америки, женщины пользуются почти всѣми политическими правами.

Въ Даніи и въ Англии онѣ пользуются избирательнымъ правомъ на муниципальныхъ выборахъ, и суффражистки рассчитываютъ, что въ скоромъ времени онѣ войдутъ въ Палату Общинъ, уже не въ видѣ манифестантокъ и не рискуя многими недѣлями тюремнаго заключенія.

Въ нашей передовой странѣ французженки, увы! до сихъ подъ успѣли лишь добиться небольшой чести участія въ избраніи членовъ коммер-

ческаго суда и совѣтовъ приюдомовъ¹⁾. Зато наши суды не такъ строги, какъ лондонскіе: г-жи Гурбертина Оклеръ и Пеллетье за штрафъ (и то условный) въ 16 франковъ могли доставить себѣ 3 мая 1908 года удовольствіе опрокинуть урну IV округа и выбить нѣсколько стеколъ въ избирательныхъ секціяхъ. Объясняется ли эта мягкость великодушіемъ судей или просто тѣмъ обстоятельствомъ, что къ суффражисткамъ во Франціи относятся не такъ серьезно, какъ по ту сторону Ламанша?

Чтобы нацѣплить шарфъ чиновника, наши злосчастныя соотечественницы должны уѣхать на острова Таити, а если онѣ желаютъ просто принимать участіе въ выборахъ, то... въ Россію! «1 апрѣля 1881 г., — рассказываетъ виконтъ Воюэ (Spectacles contemporains), — французскія актрисы въ С.-Петербургѣ приняли участіе въ избраніи выборнаго совѣта изъ 25 членовъ при градоначальникѣ». Прибавимъ, что околодочные надзиратели отбирали голоса на дому.

Такимъ образомъ, Третья Республика оказалась не болѣе галантной по отношенію къ прекрасному полу, чѣмъ ея двѣ предшественницы²⁾. Прав-

¹⁾ Недавній циркуляръ министра финансовъ даже отнялъ у нашихъ злосчастныхъ соотечественницъ право ввозить на глазахъ благодушныхъ таможенныхъ чиновниковъ нѣсколько папирозъ, которыя каждый избиратель вправе привозить изъ за границы!

²⁾ На официальномъ женскомъ конгрессѣ въ 1889 г., про исходившемъ подъ предѣлательствомъ Жюля Симона, бюро отказалось поставить на голосованіе слѣдующую резолюцію г-жи Ферреръ: „Всѣ граждане и гражданки равны предъ закономъ“.

да, она дала ему разводъ, котораго онъ добивался, но дала, очевидно, лишь потому, что этотъ законъ такъ же интересовалъ обманутыхъ мужей, какъ и подвергающихся побоямъ женъ.

Такъ какъ Гриви установилъ принципъ, что не должно гильотинировать женщинъ ¹⁾, то его министры и ихъ безчисленные преемники несомнѣнно рѣшили, что въ такомъ случаѣ нѣтъ также никакого резона предоставлять имъ право всходить на трибуну.

Однако, подражая примѣру Временнаго Правительства 1848 г., которое для успокоенія гражданокъ разрѣшило имъ доступъ на биржу, какое-то министерство на зарѣ XX вѣка предоставило имъ право заниматься биржевыми спекуляціями. Таково драгоцѣннѣйшее социальное завоеваніе женщины за послѣдніе годы. Братскія общества (игорныя) размножились, какъ грибы послѣ дождя, соблюдая лишь для проформы кое-какія приличія, а женскіе клубы теперь изгоняются лишь домовладѣльцами!

Въ 1880 г. Общество Женскихъ Правъ основало въ галлерей Бержеръ, 8, «Кружокъ Женскаго Избирательнаго Права», а въ 1896 г. г-жа де Марси организовала на улицѣ Дюперре *Клубъ Леди*, первый кружокъ, изъ котораго мужчины были изгнаны.

Въ самое послѣднее время въ Парижѣ открылись два женскихъ литературно-художественныхъ кружка, но *Lyceum* и *Cercle international de la Française* не относятся къ категоріи политическихъ клубовъ.

¹⁾ 23 жерминаля III года Вильтаръ предложилъ Конвенту отмѣнить смертную казнь для женщинъ.

Овладеетъ ли милитаризмъ прекраснымъ поломъ? Въ настоящее время никто уже не говоритъ ни объ амазонкахъ, ни о карабинеркахъ; одна только мадемуазель докторъ Пелетье мечтаетъ въ скоромъ времени забрить лобъ всѣмъ французженкамъ.

«Воинское ученіе послужило бы превосходной школой для развитія женщины и для приданія ей мужественныхъ чертъ. Ничто не мѣшаетъ сестрѣ идти въ солдаты, подобно брату и приобрѣсти въ солидарности казармы чувство дисциплинированныхъ и могучихъ построений и тотъ мощный инстинктъ борьбы, котораго ей такъ недостаетъ.

«Армія послужитъ для женщины превосходной школой энергіи, въ которой онѣ такъ нуждаются... Въ рядахъ арміи онѣ привыкнутъ къ физическимъ упражненіямъ, а, слѣдовательно, и выиграютъ со стороны мышечной силы. Онѣ приобрѣтутъ тамъ духъ дисциплины, привычку подчинять свою личность чему-то болѣе великому, чѣмъ онѣ сами... Наконецъ, онѣ научатся тамъ владѣть оружіемъ, искусство, которымъ онѣ смогутъ въ одинъ прекрасный день воспользоваться для защиты правъ своего пола или для содѣйствія освобожденію угнетенныхъ классовъ» ¹⁾.

Вормъ и Белли должны перевернуться въ гробу!

На одной изъ парижскихъ площадей стоитъ статуя Маріи Дересмъ, когда же будетъ поставленъ памятникъ Теруанъ де Мерикуръ?

К о н е ц ь .

¹⁾ *La femme en lutte pour ses droits* и *l'Éclair* отъ 31 октября 1908 г.